

Бельские просторы

Учредитель
Правительство
Республики
Башкортостан

Соучредитель
Союз писателей
Республики
Башкортостан

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с декабря 1998

В номере

№ 10 (119) Октябрь, 2008 г.

ПРОЗА

Тамерлан Тадтаев. КОЛОРАДО. <i>Рассказы</i>	9
Петр Храмов. ИНОК. <i>Роман-воспоминание. Окончание</i>	24
Рим Ахмедов. СТАРАЯ ЛИПА. <i>Рассказ</i>	60
Александр Карасев. НА ВЫЕЗДЕ. <i>Из цикла «Чеченские рассказы»</i>	70
Тансулпан Гарипова. БУРЕНУШКА. <i>Роман</i>	80

ПОЭЗИЯ

Алексей Кривошеев. ЗДРАВСТВУЙ, СВОБОДНОЕ ПОЗДНО!	3
Римма Романова. Я ЛЕТАЮ	19
Борис Лукин. ПО-ЗА КРАЙ ДУШИ...	53
Нина Зимина. БАБЬЕ ЛЕТО	64
Мария Леонтьева. НАШ ГОРОД ЖИВ	76

ДНЕВНИК

Валентин Александров. НЕПАРАДНЫЕ ПОРТРЕТЫ. <i>Записки спичрайтера</i>	129
---	-----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Александр Чикижев. КРИТИКА И КРИТЕРИИ. <i>В продолжение дискуссии</i>	139
---	-----

КУЛЬТУРА

ЭПОХА САН САНЫЧА. <i>О кинотеатре «Родина» и его первом директоре</i>	144
Александр Гарбуз. НАЙТИ СЕБЯ. <i>Памяти художника Владимира Кузнецова</i>	154

КРАЕВЕДЕНИЕ

Владимир Худяков. НА ВОЛНЕ ПАМЯТИ. <i>Речникам Башкирии посвящается</i>	156
---	-----

ГОД СЕМЬИ

Марсель Кутлугаллямов. КОГДА МАЛОМУ ХУДО, ТЯЖКО И БОЛЬШОМУ	169
--	-----

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Илюс Мухаметов. НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЛКОВОДЕЦ. <i>Исторический очерк</i>	175
---	-----

КРУГ ЧТЕНИЯ

Ольга Морозова. КРУГ ЧТЕНИЯ	187
---------------------------------------	-----

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

Владимир Глинский. ОКАЯННЫЕ ДНИ, КОТОРЫХ НЕ БЫЛО. <i>Октябрь 93-го: 15 лет</i>	189
--	-----

ДЕТЕКТИВ. ФАНТАСТИКА. ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Анвар Еникеев. ВЕКОВАЯ ДУЭЛЬ С КРИМИНАЛОМ. <i>Документальный детектив</i>	196
---	-----

ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА

НА КОНКУРС	202
----------------------	-----

НАШ ДАЙДЖЕСТ

Литература. Культура. Имена.	204
Праздничные и памятные даты Республики Башкортостан на 2008 год	207

Главный редактор
Горюхин Ю. А.

Редакционная коллегия:

Баимов Р. Н., Бикбаев Р. Т., Игнатенко С. В., Карпухин И. Е., Паль Р. В., Сулейманов А. М., Фенин А. Л., Филиппов А. П., Фролов И. А., Хрулев В. И., Чарковский В. В., Чураева С. Р., Шафиков Г. Г., Якупова М. М.

Редакция

Приемная

Иванова Н. Н. (347) 277-79-76 (факс)

Главный бухгалтер

Давлетшина М. А. (347) 277-79-76

Заместители главного редактора

Чарковский В. В. (347) 223-64-01

Чураева С. Р. (347) 223-64-01

Ответственный секретарь

Фролов И. А. (347) 223-91-69

Отдел поэзии

Грахов Н. Л. (347) 223-91-69

Отдел прозы

Фаттахутдинова М. С. (347) 223-91-69

Отдел публицистики

Чечуха А. Л. (347) 292-77-61

Семенюк Т. В. (347) 292-77-61

Технический редактор

Иргалина Р. С. (347) 223-91-69

Корректоры

Казимова Т. А.

Симонов А. А.

Выпускающий редактор

Чечуха А. Л.

Подписной индекс 50751.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации № 792, выданное

Министерством печати и массовой информации РБ 26 декабря 1998 года.

Подписано в печать 7.10.08 г.

Формат бумаги 70x100/16. Бумага офсетная.

Гарнитуры «FreeSet», «Петербург».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,9.

Уч.-изд. л. 19,51. Тираж 2650 экз.

Заказ № 2.0208.08 Цена договорная.

Адрес редакции:

450001, РБ, г. Уфа, пр. Октября, 2

E-mail: bp2002@inbox.ru

<http://www.hrono.ru/proekty/belsk/>

Отпечатано с готовых файлов на ГУП РБ «Уфимский полиграфкомбинат».

450001, РБ, г. Уфа, пр. Октября, 2

Телефон (347) 223-97-00

*Рукописи не рецензируются
и не возвращаются, принимаются
только в напечатанном виде.*

Электронная версия ускорит обработку рукописи.

*Мнение редакции не всегда
совпадает с точкой зрения
того или иного автора.*

При перепечатывании материалов

ссылка на «Бельские просторы» обязательна.

Здравствуй, свободное поздно!

АНГЕЛ ПРОЛЕТЕЛ

С полки чашки достала, чай заварила.
Ветер в комнате тень качал
голой кроны в окне в ноябре унылом,
и дымился разлитый чай.

Был ли кто еще, ты не замечала,
я же знал: ближний бор шумит...
Стало ангельской памятью – все б листала:
чашки, кухонька, женский быт.

Не жена, не невеста – ты затерялась,
в летнем платье сквозь лес ушла.
И, метя по следам, метель убивалась,
но искать тебя не увела.

В твоей комнате пусто. По-зимнему мама
за окно обронила взгляд.
Оплывает плафон, тает ванная с паром.
Во дворе замело листопад.

Не останется льда на твоём подоконнике,
ты вернешься, но дом не найдешь.
Ты махни мне из ночи прозрачной ладонью,
на которую месяц похож.

РАЗРЫВ

*...Ночь без той, зовут кого
Светлым именем Ленора...
Э. А. По*

1

Когда минус-любовь поднимает вечерний прилив
и, по кромке его бороздя, доживаешь мотив, –
то ли стужа ползет в рукавах, то ли пристальный снег
расселен в фонарях, припечатан, как беглый ночлег.

Под нотации дошлой мазурки – влюбленные па.
Танцевальная тень примеряет того, кто упал.
На просторах страны законверчен оплаченный плач,
почерк голых ветвей, на который все зренье потрать.

В его лунных чернилах векуют, кричат поезда.
Легче явь перевозмочь, чем унять эти сны у листа.
Мне такие приветы, ни бреды твои мне не брать.
Чем щедрее судьба, тем навряд ли отвертишься, брат.

Но дозорным зрачком вдруг увижу за зыбким окном
напряженье ресниц и бровей, не разглаженных сном:
не позвать не смогу, не назвать – изолгавшихся губ
мне нельзя ни разжать, ни приблизить к любимому лбу.

2

Восходит луна моих одиночеств
в покинутое тобой небо куба –
жилища. Планидой бессонной ночи
изрыто сердце мое, подруга.

Синие ветры, разлуки клювы,
растаскивают твой анфас и профиль.
Ты утекаешь кровавой клюквой,
угасаешь лиловой кровью.

А на задворках нашей юдоли
мертвой травы выцветают клочья.
Но каменею шершавой солью
в тропиках ночи.

Утром задремлет оконце,
тонкое, что твои ключицы;
сон мой взойдет – синее солнце –
в сердце, проколотое спицей.

3

Мы одни. Дождь на дворе.
На окне – на светлом – кувшин.
На окне – на темном – кувшин.
Дни короткие в октябре.

Двое суток дождь на дворе.
Мы одни...
Я приуменьшил –

жизнь роскошнее виршей:
я один на мутной заре.

СКВОЗЬ НОЧЬ

Гнутые тени деревьев,
снега волнистое ложе,
зыбь фонарей над прохожим,
туч под луною кочевье.

Пышные фары ограде
щуплые ребра считают,
к небу мой пар поднимает
душу, и звезды – в засаде.

«Астры» осыпалась пачка,
как обветшала осень.
Сладко мне, как после плача,
будто любимую бросил.

Выи фонарные гнутся –
чувства мои с ними розны.
Ночь хороша, не вернуться.
Здравствуй, свободное поздно.

1

ИСПОЛНЕНИЕ ПУСТОТЫ

И. Фролову

Замеряй пустоту (кто точен, тот вежлив с ней),
проницай, испещряй, как ученик тетрадь.
Лицееечку жизнь в изначальном уме пригрей,
чтоб дурную кровь, вечно живую кровь перенимать.

И когда, протиснув зрачок сквозь колоду стекол
четырёхзначных, изогнутых горизонталью дней –
как внезапно скользнувший за последний предмет бинокль, –
растеряется луч восприимчивой жажды твоей, –

вот тогда умре, как раз пустоту запой
(остальное пусть ведаёт смолкнувший хор цикад),
забирая лишь то, что проносят всегда с собой
сквозь таможни оставшихся далеко позади утрат.

2

ПОЧТА ПУСТОТЫ

В полудреме, услужливой в дождь,
протрави то, что хочешь в начале,
чтоб минувшего терпкая ложь
утолила пустые печали.

Ни к кому, ни за чем, ни про что –
кроме зыбкого снега ночного –
(отсыревшее ли пальто
поташу по причине почтовой?).

Кроме грузных, отчетливых, чьи
препираются крылья в метели
(это время не любят грачи,
а вот эти опять уцелели).

Кроме призрачных, чьи семена,
неприкаянных, оглашенных,
как Онаньевы письма,
не нашли адресат совершенно.

Свою речь растирая в пургу,
замолкая, как трезвый извозчик,
до слепых довести не могу
голос, вложенный в почерк.

3

ВРЕМЯ ПУСТОТЫ

Снова дымится метель по пролетам и улицам,
воздуха сдобный пирог набухает, сутулится.
В нем, тугоплавком, любая начинка – бесчинная,
долька ли птичья, иная ль былинка кручинная.

Это метель, решето прохудившихся часиков:
было, и есть, и пребудет – все вместе качается.
Шапку поглубже надвину, с летучими валами
лодку походки направлю по времени славному.

Вон – в альма-матера улии – пчелки ученые
кружат над буквами (кухоньки здесь прокопченные).
А в душевой от предплечий полощутся крылья:
пчелки пушистые чистятся здесь в изобилии.

Рядом горюют смычки и тромбоны простужены,
зной и мороз балерин, их раздутые кружева.

Это безмолвный полет, это спящей красавицы
греза течет и за шторой в метели теряется.

Годики-ходики! Как только музыка к полночи,
с площади – праздник, хлопушки и хохот, и хочется
дворик сыскать, где с дружками бессмысленный школьник
вечности сделал глоток и обжегся не больно.

Где поцелуев осыпался цвет в сумасшествии...
Нет! Это рядом еще, да и то – по прошествии
талого вечера (с пункта ведь переговорного
там оказались мы с кралей, и все будто здорово).

Это метели мгновенья дрожат по поджилочкам,
и переулки ночные зовут – молчаливым, им
нужно сказать по сместь и до лунного обморока
в сон погрузиться и в снег, и поплыть будто облако.

НА РОДИНУ

Вот и я говорю о повышенной старости вскорости:
содержание осени в воздухе, свежие горести;
в лимбах улиц – фигуры любимых просвечены наискось,
различимы в прозрачное, самозабвенно отчаясь.

Говорю, как на грех, – разрежение крови и совести:
солончак да песчаник, а говор зачем-то из области,
из провинции дальней, где лица лучатся морщинисто,
обернешься и смотрят – глазами бездонными, нищими, –

и молчат! Лишь малина сквозит из ограды покошенной:
то ли дышит минувшее голосом рыбьим, закушенным,
то ли я по дорогам страны все несу невозможное,
по казенной, по частной – бог весть, но на дружеской с Пушкиным.

* * *

НАСТУПЛЕНИЕ ОСЕНИ

Прибирает река форму грязи,
восполняя ущерб берегам,
но – качаем причалом – не вязнет,
только вторит дремотно волнам

пароход; птицы ниже и злее
в ожиданье голодных времен;
лишь Психея тоскует нежнее
перед окнами в этот сезон.

В это утро туманной разлуки,
с наступленьем осенней поры,
хлорофилл распадается в звуке,
в пустоцвете невзрачной зари.

Вот и сердце в унылой истоме
пробавляется видом небес:
каждой тучей, как буквою в томе
из невнятных, тревожных словес.

И дыхание тонко и жадно
потянулось к намокшим лесам.
Как хорош корм дубов! Как изрядно
укрепляет он мышцы ветрам!

Как сосна вперемежку с березой,
изощряя, целят интеллект,
чтоб – образчиком зеркалу – воздух
свил в прилежном уме человек.

Так обследуй молитвенно холод,
наслаждайся промозглой страной,
исходи до беспмятства город,
свежий сумрак серебряный свой.

Колорадо

Рассказы

ДВОЮРОДНЫЙ БРАТ

...А вечером снег повалил большими хлопьями. Он ложился на крыши опустевших домов и на черные, мертвые коробки сожженных; на замерзший асфальт, местами красный от крови; на баррикаду и мрачных ее защитников, пропитанных дымом костров, вокруг которых они стояли. Снег шел и по ту сторону баррикады, ложась на фальшивые погоны мнимых милиционеров; на их бронетранспортеры; на «Икарусы», в которых они приехали.

Завороженно смотрел я на догорающий костер. Языки огня бились в агонии, становясь все меньше и меньше, пока, задымив, не погасли совсем. Внезапно подул сильный ветер и осыпал меня искрами. Я отбежал в сторону, чтобы стряхнуть их со своей дымящейся одежды. Меня обожгло; как будто пламя переметнулось в меня. Куртка стала мокрой и липкой. «Неужели это кровь?» – подумал я, леденя от ужаса. Но тут же отогнал от себя нелепую мысль и даже попробовал улыбнуться...

...На вершинах деревянных столбов горели электрические лампочки в круглых шляпках и освещали вечернюю улицу. Я бежал по ней вместе с остальной ребятней за желтым «Икарусом». Я хотел ухватиться за него сзади и прокатиться на стертых подошвах своих кирзовых сапог по утрамбованному шинами снегу. Поскользнувшись, я упал и, откатившись к тротуару, затаился в глубоком снегу подобно индейцу. Я радовался, что бледнолицые дьяволы, спешившие с большими набитыми сумками в свои дома, не видели и не замечали меня.

Автобус и гнавшаяся за ним кричащая детвора вскоре исчезли за поворотом. Но я ничуть не огорчился. За что-нибудь я все же зацеплюсь. Вон, буксуя, тащится красная «шестерка». Она везет за собой орущую толпу мальчишек. То, что надо. Водитель «Жигулей», открыв дверцу машины, высунулся из салона. Угрозы и мат сердитого шофера больше веселили, нежели пугали детвору.

– Отцепитесь! Отцепитесь, я вам говорю! – надрывал он свой голос. Но прилипапы пацаны только смеялись над ним. – Хорошо же, я покажу вам, вашу мать! – пригрозил водителю.

– Лучше за дорогой смотри, а то в аварию попадешь! – кричали в ответ дерзкие мальчишки.

Тамерлан Тадтаев родился 5 июля 1966 года в городе Цхинвале, в семье рабочего. Учился в цхинвальской средней школе. В 1981 году перебрался вместе с семьей в город Душанбе. В 1983 году поступил в художественное училище. В 1986 году вернулся в Цхинвал. Служил в рядах Вооруженных Сил СССР. Участник грузино-осетинской войны. Несколько раз был ранен в боях. Награжден медалью «Защитник Отечества». Принимал участие в организации таможенной службы республики. Также был участником сопротивления против грузинских агрессоров 8–10 августа 2008 г. Публиковался в журналах «Дарьял», «Вайнах», на интернет-сайтах. Участник форума молодых кавказских писателей в Нальчике в 2008 году.

Владелец «шестерки» в бешенстве хлопнул дверцей и нажал на газ. В хвосте автомобиля это вызвало всеобщий восторг. Я подбежал к машине. В нос ударил запах паленой резины, валивший от визжащих шин. Кто-то протянул мне руку в мокрой кожаной перчатке, за которую я схватился. Это была рука коротышки Хряка.

– Цепляйся за мою куртку! – крикнул он. – Только не порви. Мне ее недавно отец из Москвы привез.

– Я держусь уже, не ори, – сказал я, обрадовавшись встрече. – Классные у тебя перчатки. У кого стянул?

– Девчонка одна дала потаскать! – орал неугомонный Хряк. – С паршивой овцы хоть шерсти клок! Слушай, а ты знаешь водилу?

– Кто же не знает этого садиста, мать его! Он в охотничьем магазине продавцом работает. Однажды он отлупил меня за пару крючков...

А я ведь тогда задницей чувствовал, что неспроста эта гадина выползла из магазина, оставив меня там одного. Как глупая рыба, клюнул на приманку: схватил с прилавка крючки и только хотел дать деру – продавец тут как тут оказался. Поймал за руку на месте преступления. Он бил меня руками и ногами, как будто дрался со своим ровесником. Спасибо охотникам, которые зашли туда по своим делам. Они-то и не дали убить меня.

– У тебя нет ничего такого острого? Я бы покорябал краску на его новенькой тачке.

– Да он просто сумасшедший! – воскликнул Хряк и поправил свою пушистую шапку-ушанку, которая то и дело сползала ему на глаза. – Но дочка его, Хатуна, – красавица. Она там внутри сидит и знает, что я здесь. Вчера мы с ней в кино пошли на какой-то заумный фильм. Зал был совершенно пустой. Даже старый очкастый билетер не стал смотреть такую муть. Для кого такие фильмы снимают, непонятно. Ни одного выстрела за две серии, ни одной драки. Зато я понял одно: на такие фильмы, где одни разговоры, надо ходить с девушкой и целовать ее. Знаешь, Хатуна классно целуется, и я обещал на ней жениться после школы, то есть после армии. Если, конечно, она дождетса моего возвращения.

– Врешь ты все, – сказал я. – Никого ты не целовал; и замуж за тебя она не пойдет. Тобой родители своих маленьких детей пугают, вот что!

– Да пошел ты, – весело сказал Хряк. – Ты мне просто завидуешь.

И он был прав. Я действительно ему завидовал. В него влюблялись девчонки не только из нашего седьмого «б» класса, но и красавицы из параллельного «а». Однажды Хряк похвастал мне, что у него свидание с Ирой. «У нас с ней настоящая любовь», – прибавил он, вздыхая.

Ира была старшеклассница, и я считал ее самой красивой девушкой в нашей школе. Я не поверил Хряку и тайком увязался за ним. То, что я увидел, привело меня в изумление. Ира в зеленой куртке и короткой черной юбке сидела на лавочке у озера в парке. Ее длинные каштановые волосы, обычно заплетенные в косы, теперь были распущены и красиво спадали ей на плечи. Когда она увидела моего недоношенного друга, ее милое лицо стало пунцовым, и она улыбнулась ему своими пухленькими губками. Хряк подсел к ней и начал о чем-то просить. Я наблюдал за ними из-за дерева с почтительного расстояния и слов не слышал. Но о чем мог просить мой озабоченный друг в наступивших сумерках, в парке, где, кроме них, не было ни души? Нетрудно было догадаться. Ай да Хряк! Молодчина. Кажется, он уломал ее, потому что они встали и, взявшись за руки, медленно побрели в глубь парка. Правда, отследить их незамеченным дальше у меня не было никакой возможности.

«Девочки от него без ума, – думал я в досаде. – А от меня шарахаются как от чумного». Тьфу, твою мать. Плевок попал в придурковатую харю Гурама, с которым мне завтра предстояло драться. Давно я точил на него зубы. Подумаешь, что он старше и сильнее. Этот краснорожий мудака вздумал ухаживать за моей старшей сестрой, которая училась в самой элитной школе Цхинвала. Масла в огонь подлили слухи, будто Гурам мял мою сестру в лесу Чито. Для меня это было страшным оскорблением. Сдохнуть мне, если он не пожалеет, что родился на свет. У меня и кастет имелся, если что. А мать его шлюха, это все знают...

Краснорожий держался за бампер с краю и посмотрел в мою сторону. Я спрятал улыбку в горло своего шерстяного свитера. Кажется, он понял, кто в него плюнул, но стерпел. Сделал вид, что смахивает снежинки со своего перекошенного бешенством лица. Ничего. Завтра ты будешь вытирать со своей разбитой морды кровь.

...Еще бы он не стерпел: ведь я был с Хряком, а его боялись даже старшеклассники; и не только они. Малый рост моего друга нередко обманывал любителей подебосирить. Но после драки с ним они неделями не выходили на улицу из-за выбитых зубов и синяков.

Меня Хряк терпел, несмотря на мой жуткий характер. Может быть, потому, что я был такого же невысокого роста и казался ему беззащитным и уязвимым? А я не раз пользовался его покровительством и затевал ссору с ребятами намного сильнее и старше меня. Хряк появлялся в самом разгаре драки и на вопрос наблюдателей, по какому праву он вмешивается в честный поединок, говорил: «Он мой двоюродный брат!» – хотя мы были с ним всего лишь однофамильцы – и начинал крушить всех подряд.

После нескольких таких стычек меня боялись не меньше самого Хряка. У него были не совсем обычные ребра, они как будто срослись, – такие люди, как известно, необыкновенно сильны. По крайней мере, так говорили взрослые, с восхищением взиравшие на фигуру Хряка летом на берегу Лиахвы. Хряк не любил, когда на него глазели, и бросался в воду не раздумывая. Однажды Хряк нырнул и пробыл на дне Лиахвы так долго, что загоравшие на каменистом берегу «серьезные» парни засуетились, гадая, в каком месте всплывет труп моего «двоюродного брата». При мысли о том, что Хряка, раздутого водой, с неузнаваемым лицом, понесут в гробу на Згудерское кладбище, у меня сдавило в груди. «Хряк, братишка, не оставляй меня одного, – шептал я, вытирая слезы. – Ну где же ты?» Я заплакал громко, навзрыд.

– Кто он тебе? – спросил меня какой-то волосатый дядька.

– Брат мой... двоюродный...

Когда он наконец вынырнул и с улыбкой подплыл к берегу, я бросился на него с кулаками.

– Не делай так больше, слышишь?! Не делай! – кричал я в испуге. – Это совсем не смешно! Тенгиз утонул так же! Или ты забыл?!

Хряк схватил меня за руки и крепко держал, пока я бился в истерике. Он ничего не понимал и растерянно оглядывался по сторонам.

– Мы все думали, что ты утонул, – сказал один из «серьезных» с татуировками на теле. – Малый волновался за тебя...

...Машину уже заносило то вправо, то влево. Некоторые, срываясь, падали, но, поднявшись, догоняли нас и снова цеплялись. Мы медленно скользили вверх по Исаака, и люди, попадавшиеся навстречу, были веселы и беспечны. Среди них были и пьяные; на них не обращали внимания. Все радовались снегу, выпавшему как раз под новогодние праздники.

– Может, отцепимся? – сказал Хряк. – У меня ноги промокли.

– Ты как хочешь, – ответил я, – а мне еще рано домой.

– У отца сейчас запой, – грустно сказал Хряк. – Как с Москвы приехал, так и запил. Достанется мне от него, когда заявлюсь домой в таком виде.

Я злорадно усмехнулся про себя, представив, как пьяный Мухар будет пороть ремнем голозадого Хряка, имя которого заставляло задумываться даже взрослых.

– А у нас уже елка есть, – сказал я. – Дома сейчас хвоей пахнет. Обожаю Новый год и все, что с ним связано. И фильм будут показывать новогодний... как его... ну, про баню и пьяниц. Мы этот фильм у вас смотрели в прошлом году. Тогда у нас еще не было своего телека. А, вспомнил: «Ирония чьей-то судьбы».

– Да отстань ты, не помню, – сказал Хряк и тоже плюнул в Гурама.

Тот отцепился от греха подальше. Мой «двоюродный брат» проводил его недобрый взглядом и крикнул:

– Я еще доберусь до тебя, твою мать!

– Сомма дахишан кубо счатта канн! (Закажи себе гроб назавтра!) – крикнул я оплеванному. – Ай да хойы такка!.. (Я твою сестру!..)

Женщина, везшая на санках зеленую елку, остановилась и посмотрела в нашу сторону.

– У нас тоже есть елка, – вздохнул Хряк. – Но она искусственная, из пластмассы. Отец говорит, что деревья тоже живые. Они просто говорить не могут.

Слова Хряка задели меня.

– Выходит, у нас дома труп дерева?! – сказал я ему гневно.

– Выходит, что так, – сказал Хряк, ослабившись.

Мы немножко помолчали. Я думал о козе, привязанной к живому дереву у нас в саду. Родитель мой после небольшого совещания с матерью притащил ее за веревку со скотного базара в прошлое воскресенье. Он собирался прирезать ее на Новый год. Животные, наверно, понимают язык деревьев. Старая яблоня, которую отец собирался срубить, наверняка нашептала козе о том, что ее ожидает, потому что, когда я подходил к ней, чтоб потаскать ее за рожки, она больно бодалась. Я жалел животное, несмотря на его вражду ко мне. Но жаркое из козьего мяса я просто обожал.

– А давай не пойдем завтра в школу, – оборвал мои мысли Хряк. – Все равно скоро каникулы. К тому же Новый год на носу. Лучше пойдем в кино. В «Фиди-уаге» фильм про индейцев. У меня и деньги есть. Целый червонец.

– И пива напьемся, – сказала я радостно. – У меня тоже есть деньги. Покутим, как в прошлый раз

– Вот-вот, – сказал Хряк, – устроим настоящий праздник и подеремся как следует. Я хочу кое с кем поквитаться.

– Это с кем же? Кого ты собрался изуродовать?

– Да соперник у меня объявился. Цветы Хатуне дарит; стихи ей посвящает. Но завтра я с этим Пушкиным такое сделаю, что при одном ее имени он будет блевать.

Хряк аж подобрел в предвкушении завтрашней разборки.

– Так уж и быть, – сказал он. – В кармане у меня мандарины. Можешь взять себе пару штук, если хочешь, но конфеты не трогай. Я их одной девчонке обещал. Может, она даст мне под новогодние праздники. Ребята говорили, что она безотказная. Но в такую чушь я не верю, и скажу тебе почему. Когда говорят, мол, такая-то чуть ли не сама бросается на парней, больше всех и ломается.

– А кто она? – спросил я. – Может, я ее тоже знаю.

– Ее Мадиной зовут, – сказал Хряк. – Она, кажется, в шестой школе учится, из старшекласниц. Знаешь, какая у нее грудь?

Я отрицательно покачал головой.

– Как у твоей матери, – засмеялся Хряк.

– А я заменял твоего папашу в постели, пока он прохлаждался в Москве, – сказал я. – Твоей мамочке это очень понравилось; она хочет, чтоб я стал твоим вторым папой. Я буду тебе примерным отчимом.

– Папуля, – сказал Хряк, паясничая, – разреши мне ночью переспать с твоей мамочкой!

Я обшарил карманы Хряка и выгреб оттуда полную горсть шоколадных конфет. Мандарины я не тронул. Были бы апельсины – другое дело, а такого пахнущего добра с оранжевой кожурой у нас дома хоть давься. Я переложил сладости в пестрых обертках в карман своего коричневого пальто.

Радостные крики и смех чуть не оглушили меня. Оказалось, что рот мой был раскрыт, и я визжал от восторга вместе с Хряком громче всех. Машина между тем повернула на улицу Сталина. На повороте нас ждало новое пополнение из беспризорных. Они тоже уцепились за нас. Это было уже слишком. «Шестерка» остановилась. Из нее выскочил разъяренный водитель с ружьем.

– Ткуени деда уатире! (Вашу мать!) – закричал он, прицеливаясь в нас.

– Арра мама! Рашеуби! (Нет, папа! Что ты делаешь!) – повисла на отце Хатуна.

Мы упорхнули, как стая воробьев, и рассыпались кто куда. Я бежал за смеющимся Хряком.

– Говорил тебе, что у него не все дома! – кричал Хряк на ходу. – А она молодец! Я люблю тебя, Хатуна!

В ту же секунду я услышал выстрелы и почувствовал страшную боль в спине...

...Детское лицо Хряка вдруг обросло щетиной; как и лица детей, ставших в одно мгновение взрослыми. Они смотрели на меня сверху вниз. У многих за спиной торчали стволы ружей и карабинов. Я продолжал слышать отдельные выстрелы и ничего не понимал.

– Держись, – сказал Хряк, капая на меня слезами. – Ребята побежали за машиной, чтоб отвезти тебя в больницу. Ты не пугай себя, и все будет хорошо.

Среди обступившей меня толпы я увидел Джубу. Он был в своем неизменном плаще и казался озабоченным.

«Слушай, – обратился он ко мне. – Ты случайно не помнишь место, где меня подстрелили?»

– Нет, – сказал я, – не помню.

Джуба, кажется, обиделся и повернулся ко мне изрешеченной спиной. Не знал, что покойники так обидчивы. Боль, нестерпимая жгучая боль возвращала мне память.

– Погоди, – сказал я, – кажется, я вспомнил, где. Это там, за баррикадой...

«Пойдем туда со мной, – обрадовался Джуба, – я потерял там свои часы; поищем их вместе».

– Ты с кем это разговариваешь? – услышал я голос Хряка.

– С Джубой, – ответил я. – Он хочет, чтоб я показал ему одно место; для него это очень важно. Ты подожди меня здесь...

– Не уходи! – крикнул Хряк. – Прошу тебя, останься! Ты же не бросишь меня здесь одного! Ну где же эта гребаная машина?!

Голос моего друга, он сам и все, что было вокруг меня, начало таять, как снежинки над костром, трещащим чуть поодаль. Мой бывший тренер ждал меня, и мне было неловко перед ним. К тому же это было минутным делом.

– Сейчас я вернусь, Хряк, – сказал я, не видя ничего, кроме одинокой фигуры Джубы, маячившей на фоне белоснежного савана зимы. – Хряк, братишка, ты не беспокойся за меня. Я пробегусь туда и обратно, согреюсь. А то мне что-то холодно...

КОЛОРАДО

В тот морозный вечер я стоял на перекрестке улиц Исаака и Сталина и смотрел, как наши, припав к амбразурам баррикады, лупили по грузинам из ружей и карабинов времен Бега Кошты. Оккупанты, в свою очередь, мочили наших из автоматов и пулеметов и пуль на это дело не жалели. Грохот от стрельбы был знатный, аж в ушах звенело, а толку никакого. Я мыслил так потому, что из наших никто не пал, следовательно, потери у грузин были не больше наших. Это бескровное шоу с элементами пиротехники продолжалось довольно долго, но закончилось внезапно с появлением Колорадо. Он довольно грубо оттолкнул меня, так как я стоял у него на пути, и прошествовал к баррикаде, к одному из шоуменов. У последнего был до того свирепый вид, что ужас охватывал всякого, на ком останавливался его взгляд. Но тут случилось нечто невероятное, не укладывающееся в моей, признаться, не очень смекалистой голове. Увидев Колорадо, обладатель свирепого вида как-то сник и стал до того жалок, что мне захотелось ободрить его мужественными словами, но я пожалел о своем намерении, ибо тот, отбросив свою винтовку, начал пятиться назад, шепча молитвы, но было уже поздно. Колорадо мгновенно очутился возле него и прикладом своего автомата ударил по лицу. Свирепый шоумен немедленно рухнул на гололед, и Колорадо ногами начал месить из неудавшегося предателя тесто для пирогов. С нашей стороны стрельба прекратилась, все бросились смотреть на захватывающую дух драму с главным героем, который настиг проворовавшего ублюдка и воздал ему по заслугам. Какая-то женщина бросила к ногам Колорадо свою грязную косынку, и тот, повинувшись древнему обычаю предков, отпрянул от своей жертвы.

Поправляя кепку-бейсболку на своей остроухой голове, Колорадо двинулся прямо на меня, и я порядком струхнул, хотя не чувствовал за собой никакой вины; гроза прошла мимо, и я облегченно вздохнул, но преждевременно, как оказалось. Колорадо вернулся и сказал мне короткое, но жесткое: «Пошли». Я был в диком недоумении, потому что не был знаком с ним, но, тем не менее, пошел за человеком, о котором ходили такие слухи, что кровь стыла в жилах. Внезапно он остановился и, обернувшись ко мне, хриплым голосом спросил: «У тебя есть оружие?» Я ответил, что есть, и, вытащив спрятанный под телогрейкой обрез дувстволки, показал его диво-воину. Увидев мой пугач, Колорадо усмехнулся и предложил мне: «Если хочешь увидеть грузин на самом деле, то пошли со мной». Я не хотел, но согласился. Он перелез через забор в сад заброшенного дома. Я последовал его примеру и, увязая по колено в лежалом снегу, двинулся вперед за своим новым товарищем. Я, конечно же, был рад тому, что Колорадо взял именно меня на дело, и даже гордился оказанной мне честью. Но меня тошнило от страха при мысли о том, что нас ждало там, впереди, куда мы так стремительно продвигались.

Насколько я понял, мы пробирались в тыл грузинам и, чтоб не засветиться, шли огородами. То и дело нам попадались пустые, брошенные своими хозяевами дома, которых еще не успела коснуться рука мародера. Меня невольно тянуло к этим жилищам одобычаться, и только присутствие Колорадо останавливало меня

от этого веселого предприятия. Но тут перед моим взором предстал великолепный особняк подпольного миллионера Боле, дочка которого отвергла моего друга Хряка и вышла замуж за какого-то недоумка-грузина. Брак по расчету, оба из богатых семей. А кто такой Хряк? Отброс общества, вот кто. Его отец спился и в последнее время опохмелялся тройным одеколоном – самая низшая стадия алкоголизма в нашем городе. Ну так погодите же, думал я в благородном негодовании, я вынесу все ценное, что найду там, и подожгу ваш дом, вот Хряк обрадуется. Забыв про все на свете, я ринулся к дому, полному сокровищ. Выстрел и свистнувшая над головой пуля заставили меня замереть на месте. Рот открылся сам собой, и я прикрыл его обеими руками, чтоб удержать готовое выпрыгнуть бешено бьющееся сердце.

– Что ты творишь, мать твою? – услышал я хриплый голос Колорадо. – Сейчас не время заниматься подобными делами, нельзя просто так грабить людей.

– Он же первый негодяй и приспешник оккупантов, – возмущенно воскликнул я, прикрывая свою алчность и месть громкими словами.

Но Колорадо был искушен в подобных вещах.

– Ты ошибаешься, – спокойно сказал он. – Вот этот автомат, – он поднял наверх руку с оружием и потряс им, – купил он, и еще много чего. Доить надо тех, кто не хочет помогать и не воюет, ты понял?

Разговор был окончен, и мы пошли дальше.

Отягощенный автоматом и боеприпасами, Колорадо неумолимо шагал вперед, оставляя в снегу глубокие следы, по которым робко и с опаской ступал я. Мне хотелось крикнуть ему: эй, остановись! Куда ты идешь и ради кого рискуешь? О тебе уже и так идет недобрая слава мародера и убийцы. Люди ненавидят тебя за твою храбрость и дерзость. Они готовы предать тебя смерти вместе с твоими братьями только потому, что вы можете и делаете то, на что не способны они, трусливые твари. Но я промолчал, скорей всего он не понял бы меня или, того хуже, подумал бы, что взял с собой в попутчики труса. И хотя на самом деле я отчаянно трусил, мне не хотелось, чтоб об этом узнал Колорадо.

Свет от многочисленных костров, лай собак, редкие автоматные очереди и гул, издаваемый армией грузин, были нам наградой за наш неожиданный и, как мне показалось, легкомысленный марш-бросок. Я уже был ни жив ни мертв от страха и усталости, когда мы остановились перед большим блочным домом, окна и двери которого выходили в сад. Колорадо осторожно прошел к деревянной, пахнущей олифой двери и попытался ее открыть, но дверь не поддавалась. Он вернулся и сказал:

– За домом грузины, я обойду дом вот так (он показал как), а ты пойдешь вон к тому забору (он показал к какому, я не видел, но понял) и метнешь вот эту штуку через забор.

Он сунул в мою онемевшую руку лимонку.

– Они близко, ты не промахнешься. Да, сделаешь это, как начнется стрельба, не раньше. – Усмехнулся и добавил: – Потом можешь делать ноги или подождать моего возвращения. В любом случае, выбор за тобой.

Колорадо ушел, а я остался один на один со своим страхом, набросившимся на меня с новой силой. Но страх не помешал мне отойти от дома в глубь зимнего сада, выбрать там дерево с толстым стволом и спрятаться за ним.

Я смотрел на темно-синий бархат неба и думал. Говорят, что вокруг некоторых звезд вертятся такие же планеты, как наша Земля. А на некоторых из планет существует жизнь. Так неужели и там гуманоиды или негуманоиды истребляют друг друга из-за клочка планеты, на котором вполне мирно можно жить всем?

Хотя можно себе представить, как оборонялись бы марсиане, если, допустим, к ним вторглись бы с какой-то другой планеты, например... Космические мои размышления прервались стрельбой и криками за домом. Не долго думая, я побежал к дощатому забору, скрывавшему меня от переодетых в милицейскую форму грузин, и, вырвав зубами кольцо гранаты, метнул ее за гнилую ограду. Прогремевший взрыв придал мне храбрости. Мать мою и всех родичей в придачу! Какое-то непонятное веселье овладело мной, засохший язык выталкивал из моего нутра не совсем разумные слова. Волна отчаянной отваги сменялась мутной волной тошнотворного страха. Все происходящее было безумием, в которое я впился с удивительной быстротой и точностью. Я обнаружил в себе такую кровожадность и жажду убивать, что испугался самого себя. «Вот теперь мы посмотрим!» – визжал я, с удивлением слушая свой собственный голос откуда-то со стороны. Но осторожность храбрости не помеха, и я снова спрятался за деревом.

А потом случилось вот что. В доме послышался шум, кто-то страшно кричал, а окна изнутри осветились пламенем. Наверно, Колорадо ранили, подумал я, холодея от ужаса, но это был не он. Деревянная дверь, не выдержав чудовищных ударов ломившегося наружу, сломалась, и в сад выбежал охваченный пламенем громадного роста милиционер. Он упал спиной на снег и начал извиваться подобно огненной саламандре. Вслед за ним из дома выбежали еще двое в нелепых шинелях. У одного в руке было ведро. Другой держал в руках одеяло. Им удалось потушить огонь, охвативший их товарища. Я же, прицелившись в них из своего куцега ружья, заскрипел зубами: даже с такого близкого расстояния мне ни за что не убить спасателей, слишком короткие стволы, мои пули не причинили бы им вреда, но выстрелами я бы выдал себя. Эти свиньи не посмотрели бы на мой нежный возраст. Шлепнули б на месте. В этом я мог не сомневаться. Оставалось только ждать случая, чтоб угостить этих двоих свинцом. Я сидел в своем укрытии тихо как мышь, слушая, а порой выглядывая из-за ствола дерева, не приближаются ли враги.

Один из милиционеров проверил пульс на шее лежащего великана.

– Пульс у него есть, – сказал он.

– А как это случилось? – спросил другой.

Проверивший пульс дрожащим голосом начал рассказывать:

– Мы грелись у костра, вдруг вижу, какой-то парень в кепке целится в нас из автомата. А потом он начал стрелять. Мать моя, я был в Афгане, но даже там такого не видел. Кругом все попадали: кто с раной в боку, кто с дыркой в голове. Гиви тоже ранило, и он упал прямо в костер, а потом взрыв и паника. Кричали, что осетины зашли нам в тыл и режут всех своими ужасными кинжалами. Я упал и, кажется, вырубился, а когда очухался, увидел, что Гиви выбрался из костра и, пылая как факел, бросился в этот дом. Остальное ты видел сам.

– Да, видел, – услышал я голос другого милиционера, – не приведи господь еще раз увидеть такое. Может, заберем его отсюда?

Они взяли под мышки «вспыльчивого» уаига и потащили его дымившуюся тушу волоком к злосчастному дому. Из черного проема выломанной двери полыхнуло огнем короткой очереди. Один из тащивших упал лицом вперед и тут же стих, другой присел на снег и все пытался подняться. Из дома вышел Колорадо и великодушно протянул ствол автомата раненому. Тот ухватился за него как утопающий за соломинку и с проклятиями поднялся на слабеющие ноги. Выстрелом в лицо Колорадо заставил грубияна замолчать.

При свете луны Колорадо показался мне фантастическим существом, пришедшим к нам с одной из тех далеких звезд, не ведающим ни страха, ни жалости.

Он, наверно, забыл про меня, и если увидит, то пришьет непременно, подумал я, в страхе прижимаясь к корявому стволу дерева и оттуда наблюдая за ним. Задумчиво смотрел Колорадо, или тот, кто им был, на своих поверженных врагов, как вдруг дымившийся великан зашевелился и пополз к дому, откуда он выпал подобно болиду. Колорадо, казалось, был удивлен такой живучестью и ногой перевернул ползущего.

– Не убивай меня, – взмолился милиционер, – я такой же осетин, как и ты.

Эти жалобные слова, произнесенные на ломаном осетинском, привели «инопланетянина» в неземную ярость.

– Уж лучше бы ты промолчал, – крикнул Колорадо. – Ты зачем сюда пришел? Чтоб убивать своих братьев? Так получай за это!

Прикладом автомата Колорадо принялся бить лежащего, и вскоре голова великана превратилась в не очень круглую кровавую массу.

Из проклятого дома вышел еще один в длинной шинели, вооруженный автоматом. Увлеченный расправой, Колорадо не заметил целившегося в него врага, обошедшего казнь бочком. Милиционер вел себя довольно странно: он не стрелял, хотя пытался. Заело, обрадовался я. Тот, не видя меня, приблизился к дереву, за которым я прятался, и, прислонившись к нему спиной, дрожащими руками начал разбирать свое забарахлившее оружие. Еще недавно я бы не смог выстрелить в живого человека. Но увиденное и пережитое мной за последние два часа, а может, и того меньше, сделало меня совершенно другим. Из ничем не примечательного цхинвальца, заикленного на своих проблемах, я превратился в жаждущего крови ублюдка. Я приставил обрез к затылку грузина. От неожиданности он выронил свой автомат из непослушных рук и что-то пробормотал, я не слышал и выстрелил. Полголовы как не бывало.

Милиционер лежал спиной к звездному небу и дрыгал конечностями, пытаясь отвоевать у смерти несколько секунд уходящей от него жизни. Я посмотрел на его погоны и перекрестился: это был оборотень! На правом плече его блестели мелкие лейтенантские звездочки, но левое плечо с тремя большими звездами показывало, что убитый был настоящий полковник. Какую шутку отколол перед смертью этот клоун, подумал я. Остатки страха я выблевал на снег, а полый шинели убитого вытер свое забрызганное кровью лицо.

Батоно полковник, или кто ты там, зачем ты пришел сюда? Кто призвал тебя на войну? Ты послушался диссидента, недавно выпущенного из сумасшедшего дома, и пришел убивать нас? Разве ты не знал простую истину: кто придет с мечом, от меча и погибнет? Ты поздно раскинул мозгами в чужом саду незнакомого тебе народа. Как дохлого бездомного пса, заруют тебя и тут же забудут твою безымянную могилу. И долго еще родные будут ждать твоего возвращения, если ты, конечно, человек, а не оборотень.

Я смело вышел из укрытия и перешагнул через труп. Чувствуя себя свободным и способным на все, я подошел к Колорадо. Комками снега тот счищал запекающуюся кровь с приклада своего автомата. Увидев меня, он сказал:

– У меня кончились патроны, но я знал, что ты где-то рядом.

И тогда я спросил его:

– За что ты хотел убить ту гориллу там, на баррикаде?

Колорадо, казалось, пропустил мой вопрос мимо своих необычных ушей. В саду засвистело, но это были не соловьи. С деревьев посыпались скошенные пулями ветки. Мне не терпелось убраться отсюда подобру-поздорову.

– Дня три назад, – спокойно начал Колорадо, – я взял этого козла на дело. Его вид обманул меня. Я думал, в таком могучем человеке не должно быть места для

страха. – Он усмехнулся. – Грузины нас обнаружили слишком рано. Пришлось отстреливаться. Я хотел убедиться, что с типом все в порядке, и, оглянувшись назад, поискал его взглядом, но того и след простыл. Мне удалось выбраться. В ту ночь я не нашел его. Он же зашел к Боле и потребовал от моего имени денег. Боле, конечно, не поверил, и эта мразь прострелила ему ногу. Затем он связал раненого и изнасиловал его беременную дочь.

Я прикусил губу, чтоб не улыбнуться. Все-таки есть на свете справедливость. Хряк, твою мать, с тебя причитается. Я вспомнил заплаканное лицо друга во время той богатой свадьбы, что Боле сыграл для своей единственной дочери.

Пули визжали не умолкая.

– Пристрелялись, суки, – сказал с усмешкой Колорадо.

Но я уже не боялся и даже хотел, чтобы одна из них попала в меня. Слегка, конечно. Чтоб похвастаться полученной раной в настоящем бою той, которую любил...

– Возьми свой трофей, – услышал я голос Колорадо. – Больше нам здесь делать нечего...

Я летаю

ПОД ЭТИМ НЕБОМ

Под этим небом голубым,
на эту землю золотую
приходим и живем вслепую,
не зная, кто мы, для чего?
...В окне роддома мать с ребенком.
Мы видим светлое чело.
Он — там, в свечении, внутри,
еще на грани, на пороге.
А снизу люди, фонари,
деревья на краю дороги...
И, умирая, мы не знаем,
кто там, за гранью, за чертой
стоит и машет нам рукой...

* * *

Без паники, без ропота, без стука
ходить по кругу,
сдержанно вздыхать.
Какая это тягостная мука —
кого-то неприехавшего ждать!
Кого-то, кто в делах своих, как в тучах,
все ловит промелькнувшую звезду,
в конспектах зарывается дремучих,
учебники листает на ходу
и где-нибудь
на мокрых тротуарах
случайной доверяется строке.
И я в его невыполненных планах,
наверно, где-то
в дальнем уголке.
Ну что ж,
я и сама в последних сроках
в глухой карман затискаваю грусть.
И лишь на миг в залитых солнцем окнах
в свою печаль, как в штору, завернусь.

ТУРИСТАМ ТРЕТЬЕГО ВАГОНА

Остановка по имени «Память».
Запах сена. Дощатый забор.
На платформе убогие, пьяные,
а вдали — очертания гор.

Сколько раз выходили на станции,
две минутки стоял «паровоз».
С рюкзаком, нет —
с крылами в пространстве я
и счезала по кромочкам звезд.

Так леталось, так радостно пелось
под гитару в лесах, на горах.
И земля под ногами вертелась,
и блестела звезда в волосах.

...Как в воде, развиваясь, икринки
постигают свои рубежи,
на неведомых этих тропинках
постигали мы, юные, жизнь.

Прикасались к понятиям старым,
искушаясь отравой вина,
и смотрели на первые раны,
примеряя их, как ордена.

* * *

Через сумрак брошенный взгляд —
от глаз к глазам перекинутый мостик.
По нему, оглядываясь назад,
бегут наши души — две ломкие молнии.

И ни слова, ни звука — молчи:
мне так страшно спугнуть видение.
Может, это мираж в ночи,
этот омут в глазах — наваждение?

Этот замок, он только во мне?
И рассыплется он на части...

Кузнецы куют на Луне,
столько лет куют на Луне
золотые ключики счастья...

ПОСЛЕДНЕЕ

Когда чернила плавилась в слезах,
тогда «пишу» звучало как «дышу».
Моя любовь останется в стихах,
стихах, которых больше не пишу.

А это — как последнее «прости»
тому, чему сказала «отрекаюсь».
Я выбрала. И в выборе не каюсь:
лишь этим я могла себя спасти.

Спасти для жизни, где лишь он и я.
Очаг. И дети чмокают во сне.
Луна стоит в распахнутом окне.
И в этом — высший смысл бытия.

Но пусть не закрывается окно,
чтоб слышать, как клокочет и струится,
как плачется кому-то и не спится.
И хочется того, что не дано.

И у свечного хлопоча огарка,
узнаю я, как некий Дон Кихот
чужое сердце, вспыхнувшее жарко,
сожжет дотла, а тело — сбережет,
в своей душе не отыскав ответа.
И оба одиноко канут где-то...

Об этом я узнаю из стихов,
которые уже не прочитаю,
ведь я их постепенно забываю,
а написать их — сил недостает...
Жизнь продолжается.
И что-то настает.

КОГДА

Как хорошо, когда сквозь дымку
плывут глухие голоса
и, демонстрируя улыбку,
решают: против или за?
За — теплых рук прикосновение,
коленипреклоненный жест,
за — потерпевший возражение
и захлебнувшийся протест.
И лишь одно имеет силу,
все остальное — суета.
Когда в желанную трясиину
ниспровергает высота.

И если жалость, то не злоба,
когда уже не до игры,
когда пожалованы оба
и оба равны и добры.
И, как в чистилище, в горенье
уничтожается сомненье,
и страх, и злоба, и вражда.
И остается лишь сближенье
на миг, а значит — навсегда.
Ведь даже если все мгновенно,
мгновенно, радужно и пенно,
жар-птица — розовая быль.
До безрассудства и безверья
болят обугленные перья,
болят загубленные перья
в руках охотницы-судьбы.
И я иду по кромке света
ту птицу пенную спасать.
И мне не хочется из этой
для новой жизни воскресать.

ЛЕТАЮ

К свежесорванной грозди жасмина
наклоняюсь, холодной и влажной.
Я люблю и, наверно, любима,
остальное не важно, не важно.

Лишь мгновенье
и — канем, мы — канем.
Станут руки и волосы камнем,
станет теплое тело травую,
это теплое тело — травую.

Но пока мы еще бесконечны,
обнимаю тебя, обнимаю.
И на Млечном Пути, и на Млечном
я увижу тебя и узнаю.

В этом мареве белом жасмина
я свечусь. Может быть — на погибель?
Я себя ощутила богиней,
а тебя — дорогим господином.

Господином своим и ребенком —
для меня это стало едино
в этом мареве белом жасмина,
в этом времени гулком и звонком.
В ритме сердца секунды клокочут.

Река времени камушки точит.
Сколько нам еще быть, мой любимый?
Сколько б ни было, лишь бы любимой.

А потом? Ничего я не знаю.
Я летаю, летаю. Летаю.

ФРАГМЕНТЫ

Все так торопится начаться и быть.
Как этот снег и тьма. И потому неотвратно.
И вот уже непоправимо идет последняя зима.

Цепочка тонкая плетется, и хрупкий, вянувший снежок
в сугробы скоро разовьется — все будет в срок.

Не долго и не быстротечно — все будет в срок.
И только души бесконечны, как поток.

Но как бы время ни старалось все разложить,
в моей душе еще осталось, на что прожить.

Мы все стремимся к завершенью, чтоб с плеч долой.
Природа сводится к движенью — через покой.

Конец. Пропахший потом, хлебом, теплом простым.
Смиреньем или несмиреньем — но не спасти.

Он пред тобою отрешенный еще не весь:
— Кто ты? Кто ты?
— Незавершенный.
А я — как есть...

Но пусть еще цепочке виться, снегам валить.
Хочу, хочу остановиться, не уходить.

Как это мудро и нелепо, одна нам честь:
остаться в копиях и слепках того, что есть.

И раз уж смертны даже травы и облака,
что гениальнее улыбки издалека?

Глядеть с улыбкою всеведной, как через снег
идет по улице весенней сам — человек.

Инок

Роман-воспоминание

(Окончание. Начало в N 9)

11

И увидел я странный сон. Теснота, молчаливость и опасливость были главными его составляющими. В нем был и товарищ Сталин — в мундире домашней вязки, но со всеми регалиями, он не без труда протискивался из одной очень маленькой прихожей в другую, не менее крохотную. Девочка Ира в зимней шубке пугливо прикрыла дверь в маленькую паутинистую комнатушку, похожую на черствую корочку хлеба. Мелькнула и Нагима Асхатовна — с мучительной гримасой она высвобождалась из очень тесного чулана — была она почти неодетая, простоволосая, со шрамом возле левого соска. Много лет спустя, увидев этот шрам воочию, я никак не мог объяснить странного сего обстоятельства. Все люди, начиная от вождя и кончая маленькой девчонкой, мучились от страшной тесноты, казалось, сжавшегося пространства и опасались переступить через полоски золы, кои возникали при любом открывавшемся просторе. Все происходило в абсолютной тишине, хотя открывались рты, и мимика с жестами соответствовала разговорам, то рассудительным, то пылким. Пахло печеной картошкой. Наконец товарищ Сталин вышел в просторный, как вздох, коридор и пошел прямо, не замечая черты золы поперек красной ковровой дорожки. Я смотрел в одинокую его спину и маялся лютой жалостью: он шел и шел к роковой черте — старенький, одинокий и родной. Я смотрел на фатальный, казалось, его путь и мучился небывалым ощущением: «Прощай, отец». Странно, знакомый голос — и я проснулся от звука своего имени. Отец приглашал меня к трапезе. Сквозь ресницы я увидел, как он выгребает прутиком из костра печеные картошки и выкладывает их на газету, рядом с беленькими скромными яичками и нескромными ярко-красными помидорами. Дабы повеселить батюшку и развеять тяжкие впечатления странного сна, я, не открывая глаз и стараясь ударять себя пятками по заду, полпелся освежаться к черненькому озерцу, которое хитренько мерцало сквозь свои камыши и мои ресницы. Умывшись, я задумался: идти ногами было скучно, ходить на руках я еще не умел, и я решил добираться до еды на манер разведчика. Когда я приполз, отец расколол первое яичко о мою челочку, и обед начался. Недалеко проходили несколько женщин с мотыгами. Одна из них, самая молодая, подбежала к одинокому этюдику — посмотреть. Непрерывно шевеля головой, она всматривалась в этюд, потом быстро на нас глянула, покраснелась и убежала догонять подруг. Они ушли переговариваясь и скрылись за деревьями, для нас, очевидно, навсегда. «Будет дождь», — сказал я неожиданно. «Почему ты так думаешь?» — спросил отец скучно-взрослым, польстившим мне тоном. Я отвечал с уверенностью, что перед дождем звуки не такие как обычно — другие звуки. Отец на секунду перестал жевать яичко — «Хм!» — и скоился в сторону угасающих женских звуков с остановившимся взглядом слухового внимания. Несколько раз я хотел начать разговор о странном своем сне, но что-то меня останавливало. Я чувствовал, что рассказывать надо только со всеми нюансами, но нищета сло-

варного запаса в который уж раз повергла меня в печаль переполненного, но немого сердца. Дабы утешить себя и повеселить батюшку, я решил исполнить комический танец. Но отец вовсе не обрадовался, а стал порицать меня за «дикость», сурово осведомляясь о причинах моей склонности к «паясничанью». Я отвечал в том смысле, что люблю видеть счастливые лица. Отец весьма карикатурно изобразил на лице своем свет радости, и я, непонятый, полез на дерево обозревать окрестности, подернутые на горизонте хмарью далекого дождя. Освоившись меж ветвей, я заметил, что далекий дождь кажется угнетенным из-за великого множества облаков, громоздившихся над ним и словно бы над половиной неба. Облака были особые — розоватые, вертикальные, желающие, казалось, освободиться от своей формы и напоминающие собой незаконченные скульптуры Микельанджело, которые я видел в отцовской монографии. Облака были нежные, цвета почти телесного, и касались они друг друга с такой ласковостью, что мне очень захотелось увидеть улетающих сквозь них ангелов. Странно и многообещающе было видеть неподвижный простор земли и изменчивые просторы неба сквозь близкий и четкий ажур листьев. Состояние поглощенности гармонией всего сущего было до такой степени естественным, что, гася разрозненные земные ощущения, светлело в душе чувством совершенно неземным и всеобъемлющим. Погружаясь в завораживающий покой созерцания, я чувствовал, как дыхание мое, шелковья приоткрытые губы, становилось все тише и тише, а глаза недвижимее и недвижимее, — и я растворялся в Боге. Отдаленным — где-то на горизонте — краешком души я чувствовал, что никто, ничто и никогда не сможет лишить меня этого слияния со всем сущим. «Это только мое», — чудилось мне, и хочешь не хочешь, а мирилась душа с благостной суровостью этого одиночества. Вдруг что-то случилось — моргнул, наверное, — и только что игривое и простодушное взаимокасание облаков, внезапно подернувшись тенью, поспешно преобразалось в нечто изворотливо-зловещее и, померкнув светом и цветом, напомнило мне мой загадочный молчаливый сон. Вспоминать его было тягостно, и я обрадовался ветерку, встрепенувшему листву и давшему другое направление моим воспоминаниям.

В памяти моей всплыл зимний пожар на нашей лесопилке. Подожженная, как полагали соседи, проворовавшимся начальством, лесопилка воспламенилась бурным зимним вечером. В нашем дворе было оранжево-светло и трескотно-звучно. Елена Григорьевна стояла у крыльца с иконкою, пытаясь спасти наш дом от искр многочисленных и губительных. Сильный ветер то утихал, то опять искрился с подвыванием. Было интересно, красиво, но не страшно. Появился Расих — большоголовый, с невероятно большими (как у коровы) голубыми глазами навкате сосед-милиционер. Он приказал Елене Григорьевне убираться домой — «иди отсюда со своими культами». И даже толкнул ее. Крестная вздрагивала, склоняя перепуганное остановившееся лицо, перетаптывалась, но не уходила.

Есть такие русские женщины: твердость их — не от мира сего. Возмущенный неповиновением Расих плюнул в икону, потом еще и еще, но в уже укрывающие ее руки. Я закрыл глаза. Ветер утих — стал слышнее треск огня. Когда я открыл взор, на крыльцо в накинутой на плечи шинели вышел отец — покурить. Посмотрев на домогательства Расиха, отец, не повышая голоса, прогнал его — тот ушел, очевидно вспомнив, что «ипташ художник» складывает пополам пяточок без особого напряжения. Елена Григорьевна не плакала, но слезы текли у нее сами собой, голова ее безостановочно двигалась, и неловко пыталась она вытереть иконку рукавом нищенского своего пальтишка. Художнически прищурясь, смотрел отец на неровное пламя и снегопад присмиривших искр. Коротко глянув на кре-

стную, он сказал: «Не унижайся, Лена, иди домой — ветер утих». Ветер действительно утих и только вверху косматил низкие красноватые облака, похожие на стихотворение «Бородино», которое мне недавно читала бабушка — волнуясь, хмурая брови и блистая полудетским своим взором.

По своему малодушию, я еще не умел всматриваться в печаль жизни: от всех этих непонятностей — снов и пожаров — как-то смеркалось в душе, и, дабы отринуть их от себя, я решил закончить все-таки свой комический танец. Спустившись с дерева, я обошел озерцо и на скрытом камышом противоположном его берегу так отвел свою душу, что даже запыхался. Свалившись в траву и отмечая мельком, как мятежная часть неба надвигается на безмятежную, я немного полаял, подражая Лобику, затем с Лобикиной же пронциательностью я посмотрел меж камышинок на отца, со счастливой растерянностью удачи заканчивающего эту, и, радуясь за него, твякнул с негармонической громкостью. «Ты чего там?» — спросил отец без всякого выражения. Распираемый беспечалием, я даже подвыл от необъяснимой радости, которая порою на меня накатывала. «Ясно, — сказал отец. — Собирайся, а то действительно дождь что-то там вроде ку-ме-ка-ет», — закончил он почти нараспев и почти про себя. Когда мы немного отошли от укромного озерца, над которым склонились милосердные деревья, я обернулся и, прощаясь, помахал рукою хорошему местечку, словно предчувствуя, что никогда его не увижу. Лет через двадцать я пришел на это самое место с одной подругой. Вместо озерца была неглубокая, грязная мусорная яма, вместо дерев — гнилые пеньки. О бесовское, о проклятое окаянство российского всеразрушения. Вечное, увы, окаянство.

Мы шли с отцом по полю, поглядывая на далекий наш город, лежащий на плавных своих холмах. Отсюда, издавека, он походил на гроздь увядшей, упавшей в пыль сирени и казался не столько красивым, сколь единственным и родным. Отец был явно доволен сегодняшним днем: рассеянно и весело он со мной разговаривал и оглядывался окрест испытующим, еще не отошедшим от работы взглядом. Но постепенно он успокоился и стал внимательно расспрашивать меня о моих воззрениях на школу, в которую я должен был пойти, увы, уже через две недели. Памятуя свой несчастный детсадовский опыт, я отвечал уклончиво. С теплой и дружеской убежденностью в голосе отец стал негромко объяснять мне преимущества просвещения перед мраком невежества. Среди перечисленных им грандиозностей, кои предстояло мне постигнуть в школе, мельком упомянут был и земной шар. Споткнулась душа: земной шар? Встревожившись, я попросил объяснений. Выяснилось: земля, по которой мы шли и на которой мы все жили, была шаром, вроде мяча, и вертелась вокруг себя и вокруг Солнца. Несколько шагов прошел я в растрепанных чувствах, а потом перешел на левую от отца сторону, дабы посмотреть, не смеется ли он другой половиной своего лица. Не смеялся — дело оказалось нешуточным, и я озаботился: неясная — без начала и конца — земная твердь была изначально привычною, а вот вертлявость ее показалась мне ненадежною. Я угнетенно задумался. «А товарищ Сталин это знает?» — спросил я, изобразив указательным пальцем вращение. «Знает, — отвечал отец, — но это не по его части». «Неважно, — радостно думалось мне, — по его, не по его части, главное — знает, а если знает, то его великая душа что-нибудь придумает, если ненадежный земной шар окажется в опасности». Странно, но много лет спустя мне припомнилось детское ощущение, когда умерла моя мать, и молчаливо недоуменные судороги души вроде бы слегка утихли, когда я позволил себе допустить, что душа ее не просто жива, а какими-то немислимими для меня путями все обо мне знает — знает и за меня молится. Пусть я ее никогда не увижу, но то, что она обо

мне знает, делало жизнь не безнадежною, и стоило жить, чтобы продлить наджизненное материнское заступничество.

Когда мы шли на этюды, порою я оборачивался назад и поэтому знал, что, подойдя к мосту через Белую, я увижу милый свой тополь, который издаലെка покажется еще роднее. Так и случилось: у самого моста я разглядел свой тополь, и он, казалось, глянул на меня с молчаливым укором покинутого друга. Этот взгляд кольнул меня в сердце, и я решил свести к шутке это недоразумение: взяв руку под козырек своего картузика, вытаращив глаза, я бравым солдатским шагом ступил на звучные доски моста. «Ты будешь клоуном», — сказал отец без особой, в общем-то, скорби. «Нет, — сказал я с важностью, — я буду протодиаконом». Сдержанный обычно отец захохотал так, что горделивый пароходик, шедший справа от моста, перестал хлопать колесами и закричал жалобно. «Не просто, а прото, — смахивал слезы отец. — Протодиакон, чудо ты уфимское». В бабушкином словаре я вычитал множество диковинных профессий и, если взрослые начинали приставать ко мне с вопросами о будущем моем поприще, объявлял вопрошающим, что желаю быть «камергером», «архивариусом», «фельдмаршалом» или «демагогом». Когда о последнем поприще я объявил отцову другу и сотруднику Николаю Андреевичу, он спокойно согласился: «Беспроегрышный вариант». И без улыбки добавил: «А по национальности ты будешь матросом». Я засмеялся — он был хороший и легкий человек, и вспоминать о нем было легко и весело. Конечно же, мне не зря вспомнился Николай Андреевич, ибо, когда мы взобрались по набережному косоугору, он, легок на помине, спустился от морга в сторону нашего дома. Мы его окликнули. Дядя Коля пожал нам руки и, выразительно посмотрев на отца, кивнул в сторону нашего магазинчика: «Возьмем?» Немного они посомневались, в карманы слезили, на небо поглядели — вот-вот дождь, — и, наконец, мы пошли в сторону уникального нашего магазинчика.

Магазинчик стоял на самом краю глубокого оврага, на дне которого протекала речка Сутолока, почти целиком состоящая из ягод шиповника — отходов какой-то фабрики. Осыпаясь краями, овраг постепенно расширялся, и в результате почти треть лавочки повисла над бездною. По наблюдениям народа, опасное это обстоятельство чрезвычайно упростило проблему естественных отправлений малочисленного и бесстрашного персонала рискованного заведения. Роковой чертой негодии и сиделицу ютил inferнальную: легендарно грудастая и естественно-румяная Серафима глаза имела ласковые, немного сонные и весьма мудрые. У нее намечался второй подбородочек, и, когда ее обижали, он становился отчетливой — и только: Симочка никогда и ни с кем не ссорилась. Странно: у нее были тоненькие запястья — примета души впечатлительной и тонкой. Согласно народной молве, на одной груди Серафимы был выколот портрет Рашида Бейбутова, на другой — Ивана Мичурина. Скептические умы утверждали, что эти портреты — просто изображения ее бывших мужей, конечно же, ничего общего не имевших ни с бакинским соловьем, ни с козловским победителем природы. Войдя в магазинчик, мы были приятно удивлены: светилась спокойной и молчаливой доброжелательностью не отвлекаясь от светлых своих дум Серафима; сиял ослепительной белизною тугой ее халат, и кружевная коронка шапочки мерцала почти августейшим светом. Симочка стояла за прилавком, но грудь ее, казалось, была мерно дышащим облаком, воспарявшим над старенькими весами со смотрящими друг на дружку утинными мордочками. Голова «хозяйшки» словно показывалась на беспешных волнах полусонно-ласкового удовлетворения. Готовясь нас выслушать, она повернула к нам самое чуткое к звукам место белой и нежной своей шейки. Художники мои сняли кепки и заговорили голосами неестествен-

ними — низкими, бархатистыми, внушительными. Когда, рассовав в полевую, кирзовую, еще фронттовую, сумку свои покупки, мы собрались уходить, вспомнил я и о своих интересах: сняв сандалик, я достал из-под его стельки двадцать копеек и купил двух петушков на лучинке — себе и бабушке. Серафима Акимовна дала мне шесть копеек сдачи и спросила тихонечко: «А маме что ж?» Я смутился, покраснел и попросил у отца копейку. Видит бог, я не забыл про маму, нет: просто она была брезглива и уверяла, что несчастных петушков сосут все кому не лень — начиная от фабричных и кончая экспедитором Гансом Мидхатовичем. Выйдя в предложевую пыльную метель, Николай Андреевич, сдвинув на глаза кепочку, сказал: «Вот, Леша, такая сдоба и в такой ненадежной халупе сохнет — того и гляди в овраг свалится». — «В России всегда так, — отвечал отец с усмешкою, — все лучшее или на волоске висит, или по канату шастает». Дядя Коля отреагировал только через несколько шагов, когда мы уже мимо морга спешили: «Верно, Леш, верно: вон грузин-то... Говорят, Жукова после Одессы в Свердловск сослал — чем-то там командовать». Через пару шагов он сказал с расстановкой: «Жу-ко-ва». Я съезился. Я даже не удивился, что товарища Сталина называли просто грузином, меня поразило другое: едва я начал себя осознавать, черное круглое радио ежедневно — и в жару, и в мороз, и в затяжные дожди — называло имя Жукова, неизменно сопрягая его с самыми славными делами отечества. Я вспомнил, как прошлым летом, слушая по радио репортаж о Параде Победы, я пытался срисовать с газеты прекрасные, мужественные и благородные черты великого русского маршала. И вот — ссылка: обидно, грустно и совсем непонятно. Приостановившись, отец надменно прищурился на пыль, выплюнул папироску и раздавил ее ногою как гадину. Ничего не сказал. Он сказал позже, когда друзья сели за стол и, с молчаливым одобрением оглядев мамину закуску, разлили по посудинкам рыженькую Симочкину «перцуху». Отец поднял свой стаканчик и, оглянувшись в окно на припустивший дождик, сказал тоном, удивившим меня своей неопределенностью: «Ну что ж, Николай, давай выпьем за здоровье Георгия Константиновича — трудно ему сейчас», — и, покачав головой, посмотрел на пестренький половичок. Николай Андреевич, уже переживший обиду за полководца, тем не менее все вспомнил, встрепенулся и, торопливо заморгав, чокнулся с батюшкой с несколько виноватым видом. Выпили. Шумно вздохнули и потянулись к «хлебушку». Понюхав корочку, Николай Андреевич рассказал, как его «шандарахнуло» под Сталинградом и, когда слабенькая медсестра вела его в медсанбат, случился на их пути сам Жуков. Увидев, что от потери крови парень вот-вот потеряет сознание, Жуков перехватил взглядом слабеющие его глаза, и мелькнувшее в его твердом взоре выражение родственности, удивив своей неожиданностью, удержало паренька в сознании и вроде бы укрепило слабеющие его силы. С почти домашним выражением Жуков сказал ему попросту и негромко: «Держись, лейтенант, крепись, парень, — я еще на твоей свадьбе погуляю». И усмехнулся утвердительно. А дождь за открытым окном грохотал с такой силою, что капельки его, насмерть расшибаясь о крыши, низенько дымились над ними, придавая ливню характер воинской ярости. Я содрогнулся от дождевого холодка и замечательного с Николаем Андреевичем происшествия: в рассказах о войне меня больше всего волновали не случаи героической доблести, а трогательные примеры человеческого братства. Этот рассказ Николая Андреевича припомнился мне много позднее, когда я увидел по телевизору кинокадры, показавшие не привычный образ властного и грозного полководца, а мудрого, усталого и очень сложного человека. В перерыве заседания маршал, очевидно не сознавая, что его снимают, сидел возле стола задумавшись. Не поднимая вверх головы, чуть приподнял

взгляд, и глаза его меня поразили: мягкая всепонятливость взора словно бы темнела оттенком беззащитного стоицизма и непоколебимой честности — честности почти обидчивой. Выражение это производило впечатление незабываемое — человеку словно бы взгрустнулось от извечной и печальной новизны бытия: каждое поколение, увы, все начинает сызнова. Я постеснялся, помялся и спросил: «Дядя Коля (бабушка дала мне щелбан за «дядю»), Николай Андреевич, а когда вы женитесь, когда у вас свадьба будет?» Он, все поняв, рассмеялся: «Жукова увидеть хочешь?» И, подумав, добавил: «Когда ты будешь служить в армии, может, все переменится — возможно, и увидишь». И друзья заговорили о политике.

Бабушка попросила меня «покинуть заседание», дав мне в утешение бутерброд с двумя шпротинками. Я прошел через длинный и темный наш коридор и вышел к парадному, высокому и белокаменному крыльцу — резной балкон второго этажа служил ему навесом. Я сел на корточки возле спящего кренделем Лобика и стал смотреть на Белую — серые ее воды немилосердно сек дождь. Лобик проснулся и зашевелил хвостиком — поглаживая его, я задумался о сложностях сегодняшнего дня: колдовство девочки Иры с ее полосками золы, странно перешедшими в мой тесный и молчаливый сон, ненадежность земли, так невероятно оказавшейся шаром, обиды, нанесенные герою ребяческого моего воображения. Я думал, думал, натываясь на непонятности, и, решив помолиться за них всех перед сном, перешел к ясному и понятному — тихонечко запел: «После тревог спит городок, я услышал мелодию вальса и сюда заглянул на часок». Когда я дошел до «и лежит у меня на ладони незнакомая ваша рука», кто-то шевельнулся сзади. Я обернулся: на меня смотрела Нагима, сжав губы и помогающе приподняв детски-подвижные свои брови. Я не смутился, а обрадовался: «Исамысыз». Нагима, неясно бормотнув (она неважно говорила по-русски), что уж здоровались сегодня, легким движением прислонила мою голову к большому своему животу и погладила мои вихры с необычайной ласковостью. Много лет прошло с тех пор — почти вся жизнь, а у меня по сей день радостно сжимается сердце от нежного ее прикосновения.

12

Впервые провожая меня в школу, бабушка несколько удивила меня борением противоречивых чувств: последние наставления делала она тоном назидательным и строгим, но сквозь слезы растроганности. Вздохнув, я взял букет и ушел в школу невеселыми ногами, готовясь душой к событиям неприятным и противным семейному нашему обыкновению. Лобик провожал меня до моста через Сутолоку. «Иди домой, — сказал я ему. — Бабушка дома — иди, мой хороший». Через несколько шагов я обернулся: он стоял сирота сиротою, до того домашний, покинутый и родной, что я, дабы обрести мужество и не обжигаться взглядом о его фигурку, стал кидать в речку камешки. Он понял, что я успокоился, и побежал домой с неторопливой деликатностью. Проходя мимо церкви, я мысленно перекрестился и подумал с внезапным восхищением, что в случае непогоды я смогу заходить в нее безнаказанно, вроде бы укрываясь от дождя или свирепой метели. Эта хитрость подняла мое настроение, и, припомнив за дорогу другие случаи своей «изобретательности» и «находчивости», я вступил на школьный двор без особого волнения.

Множество мальчиков и девочек теснились группами на громадном школьном дворе, но я тотчас же отыскал маму в окружении девочек старших, «ее» клас-

сов. Я подошел к их группе и стал ждать, когда на меня обратят внимание. Раздавались разнообразные возгласы, я сейчас же перестал в них вслушиваться, фальшь их меня поразила. Наконец мама, обнимаясь с только что подошедшей на цыпочках девушкой, меня заметила: «А, пришел...» И все нескромно на меня уставились. Я вспомнил, как бабушка наставляла Николая Андреевича, что на женщин нужно смотреть «равнодушным оком Байрона», и посмотрел на старшекласниц, как мне показалось, соответственно. Напрягшись лицом, мама ко мне склонилась и показала, к какой группе подойти; сказала, как зовут учительницу, и велела только ей отдать цветы. «Ну иди», — сказала она тоном, приглашающим к отваге и мужеству.

Я подошел к молчаливо оглядливой стайке мальчиков с такими же, как у меня, крохотными челочками, над которыми возвышалась с охапкой цветов пожилая, худощавая и озабоченная учительница. Над головою ее круглилось облачко — сероватое в центре и ослепительное по краям. Я опустил голову: Анна Дмитриевна показалась мне надменной, и у нее было так много цветов, что я, сообразуясь со справедливостью, решил свой букет отдать кому-нибудь более неимущему. Господь тут же предоставил мне такую возможность: невдалеке потерянно бродила, глядя в землю, маленькая девочка, держа в руке несколько обтрепанных стебельков. Поколебавшись, я к ней подошел и попросту спросил: «Что это у тебя букет драный какой?» Посмотрев на меня исподлобья и сообразив, что я не ехидничаю, девочка подняла голову и сказала просто и почти без горечи: «А я вон от той собаки отбивалась», — и показала рукой, о нет — ручкой в беленькой манжетке на пегую дворняжку, сидевшую возле турника.

Я отдал девочке свои цветы. Сначала она не хотела их брать, отнекивалась, но, видя тихую мою настойчивость, взяла, отвернувшись с горделивой благодарностью. Помолчали. Девочка спросила, как меня зовут. Я сказал. «А меня — Маша. Я из первого “Г” класса», — добавила она с некоторой чопорностью. В те времена я считал чопорность проявлением тайного юмора и собирался уже хитренько ухмыльнуться, но тут девочку позвали из ее группы: «Миринова, Миринова-а». Маша попятилась, неопределенно покачивая головою, потом быстренько повернулась и убежала, очевидно довольная. Боже мой, если б я знал в то время «Капитанскую дочку», если бы знал, свои цветы я бы отдал маленькой и круглолицей девочке с совершенно особенным чувством, да и вообще бы жизнь моя могла повернуться впоследствии совершенно иначе — «если бы знать, если бы знать». Ведь прозреваем мы не вдруг и прозреваем, бывает, не своими глазами и даже не глазами Пушкина, а тем по крохам собранным опытом пушкинской (а значит, и нашей) души, на осмысление коего уходит порою вся наша, такая коротенькая, жизнь...

Повеселевши от встречи с хорошим человеком (по желтеньким ее глазам я догадался, что Маша — очень хороший человек), я пошел было подсвистнуть пегую собачку, но тут меня самого подсвистнули мальчики из первого нашего «А» класса — построение, видите ли. Я встал в строй. Первый раз в жизни. Стоя в этом строю, я впервые испытал странное и неудобное чувство подневольной приравненности ко всем, и показалось мне это чувство необыкновенно печальным — печальным, как горестная неотвратимость: наступающий вечер, стареющая бабушка, спешащая на работу мама или обреченные поздней весной дымчатые островочки снега. Я не то чтобы знал, я чувствовал, что я не такой как все, и то, что строй всей своей сутью опровергал это мое убеждение, наполнял мою душу чувством молчаливо-каменистого — пожизненного, как оказалось — сопротивления. Но думать обо всем этом было как-то неприятно, и я, в поисках душевного равно-

весия, стал внимательнее рассматривать всегда утешающие меня деревья. Их было немного, и стояли они как-то особенно — казалось, отшатнувшись от громадного бело-кремового здания школы, они, по-доброму склонясь, приникли к деревянному одноэтажному домику — как оказалось, директорскому. Деревья вроде бы не совсем проснулись — не шевелились, хотя каждый их позлащенный солнцем листочек простодушно выглядывал из синеватых околоствольных сумерек. Этим трем пожилым липам я собрался дружески улыбнуться, но тут вспомнился мне мой родной тополь, и я стал думать о нем, о бабушке, которая взглядывала на него порою с какой-то неясной надеждою, о Лобике, только раз взглянувшем на моего друга, да и то по случаю огромной стаи птиц. Вот, думалось мне, там, дома, есть настоящая, не искаженная никакими строями, толкучкой и выкриками, естественная человеческая жизнь.

Внезапно меня вывел из оцепенения появившийся меж ребячьих батальончиков малого роста человек в сталинском кителе, в галифе и сапогах — вид у него был почти воинский. В центре большой его головы редкие волосы стояли пирамидкою, над ушами они топорщились параллельно земле, на бровях же стремились друг к другу, — грозный был человек: и нос крючком, и глаза от восторга светлые. Голос его был даже не очень громким, но был преисполнен необычайной страстной и таинственной угрозы: «Все на мытынг — все»... «Н-на мытынг — все», — стонал и скрежетал он, не без грации прохаживаясь меж нами, то опуская, то высоко поднимая голову, и светлый его взор расширялся в непонятном и почти иступленном самозабвении. Когда он оказался подальше, один из мальчиков тихонько спросил: «Это кто?» — «Да директор это, Борис Осипыч», — прошепел кто-то в ответ голосом подавленным и безнадежным. Я встал на цыпочки, дабы посмотреть, как реагирует девочка Маша на дикое, как мне показалось, поведение главного нашего наставника. А никак не реагировала — стояла себе и все.

Как выяснилось позднее, Борис Иосифович был неплохим и даже справедливым человеком, но советская идея о запугивании всех и вся стала второй его натурою, не лишив, однако ж, первую простодушно-вульгарного артистизма. В молодости, по рассказам учителей, восторженный Борис Иосифович пытался одновременно подражать Ленину и Сталину, но так как характеры вождей были весьма различными, то поведение молодого коммуниста стало вызывать недоумение его коллег — отчасти комическое, отчасти опасливое. Тогда юный директор решил подражать товарищу Сталину в домашней обстановке, товарищу Ленину — в мыслях, чувствах и делах общественных, а товарищу Вагапову — при исполнении служебных обязанностей. Товарищ Вагапов был секретарем Башкирского обкома, и посему незлобный сердцем Борис Иосифович был вынужден на «трудовой вахте» корчить из себя василиска. В тех же случаях, когда диалектика обстоятельств понуждала его к радости и он чувствовал необоримую потребность улыбнуться, то для исполнения улыбки он уходил за угол здания или в кусты.

Однажды в зарослях акации я и застал его за этим занятием: он стоял в тени ветвей, и на мужественном лице его остановилась бессмысленная и жуткая улыбка грудного младенца. Я испугался и поздоровался. Он доблестно крикнул мне в ответ и тотчас же, восстановив на лице своем ястребиное, грозное служебное выражение, пошел «солнцу и ветру навстречу» — волосы его стояли дыбом.

Под тревожный рокот барабанов повели нас на «мытынг». Наглые и крикливые вожатые построили правильные и отдельные отряды наших человек и бантиков возле очень красивой и, видимо, новой трибуны. Трибуна, конечно же, не совсем просохла, и взбирающийся на нее стремительный директор испачкал руку ярко-красной краской. Пачкать платок он не решился и во все время митинга руку

свою держал неестественно. Неестественно держали себя и учителя на трибуне — не желая испачкаться краской, они, однако, желали сохранить пристойный вид официальной значительности. Один директор, казалось, не замечал молчаливотайного противоборства торжественности и опасливости: держа красную руку столбиком и вроде бы голосуя за безоглядную храбрость, он громогласно призывал всех нас «под немеркнущим знаменем Ленина-Сталина, — и еще что-то там такое, — грызть гранит наук».

Я привстал на цыпочки: девочка Маша при этих его словах приоткрыла рот и постукала зубками. В конце концов директор натужно и радостно закричал, что всем нам выпало счастье жить в самое удивительное время и в самой удивительной стране. Мы дружно захопалали в ладоши, равно радуясь окончанию не такого уж страшного митинга и последнему директорскому умозаключению — для России, увы, почти всегда справедливому. Потом нас повели по этажам к местам постоянной нашей «дислокации», как сказал директор, очевидно вообразив себя в сей момент маршалом Ворошиловым. Классы были чистыми, нарядными и замечательно пахли олифой.

Я выбрал себе место у окна, на самой последней парте. Из бабушкиных прочеств я уже знал, что мое место общественность назовет «камчаткою». Так и случилось. Я не вдруг привык к ощущению, что это только мое место и что я хозяин этого черно-желтого, блестящего и, как выяснилось уже дома, не совсем просохшего сооружения. Учительница начала знакомиться с классом. Я любовался на портрет товарища Сталина в очень красивой багетовой рамочке и смутно чувствовал некую странность в перечне наших фамилий. Эта же необычность померещилась мне и утром, когда я впервые подошел к нашей «А» группе. Думал я, думал об этой необычности и, наконец, догадался: в классе были только русские. В нашем большом и дружном дворе я был единственным русским мальчиком. Башкирские имена и лица были для меня привычно милыми, и их отсутствие в нашем классе повеяло на меня вроде бы сожалением. Потом, прохаживаясь по рядам, учительница стала говорить слова скучные и назидательные, и видно было, что думает она совсем о другом — о чем-то своем и, очевидно, невеселом. Мне стало ее жалко: когда она поворачивалась возле моей парты, я заметил, что ее «парадная» желтенькая кофточка под сереньким пиджаком заштопана, а лицо худое, утомленное, темное возле глаз, — казалось, она недоедала. Морщинистые свои руки она держала как-то неуверенно, словно желала их соединить, но не решалась. Руки были натруженные, рабочие, с выпуклыми венами. Маленькие совсем руки. Я вздохнул: не буду ее расстраивать.

Прихмурившись от жалости, я стал смотреть в окно. Хорошо было в сумеречном классе — тихо, спокойно, и учительница что-то там журчала, но за окном было лучше. Там была жизнь, хотя видно из окна было просторное, полусельское, освещенное солнцем Сергиевское наше кладбище. Оно все заросло деревьями разного роста, разной породы и разного, как мне казалось, поведения. Одни под ветерком трепетали скромненько и боязливо, другие возмущенно покачивались, а некоторые сильно и горестно склонялись, будто над свежей могилой. Уже и желтизна светилась на них местами, и когда благородное ее золото касалось наивной лазури небес, у меня в душе, казалось, вздрагивал колокольчик, и сжимались от восхищения кулаки, и поджимались на ногах пальцы. Мне смутно припомнилось, что это сочетание голубого и золотистого было как-то связано с церковью. Поглядывая на зелено-золотистое колыхание под нежно-голубой неподвижностью, я стал прилежно вспоминать церковное убранство. Внезапно меня толкнули с передней парты. Я встал. Учительница спросила меня, где я нахожусь.

«На кладбище», — обернулся лукаво догадливый сосед, и все захихикали. Учительница позволила себе улыбнуться и попросила меня вернуться, добавив: «Пока это возможно».

Я сел, пораженный ее мудростью. «А что, — подумалось мне с печалью, — отнесут когда-нибудь туда, и все — буду лежать там вечно, как бабушкина мама». Летом бабушка брала меня с собою на кладбище. Мы посидели там в тишине, отмахиваясь от комаров, бабушка плакала. Мне показалось странным, что можно убиваться о человеке, которого я никогда не видел. Поплакав, мы съели по яичку, а полкусочка хлеба бабушка покрошила на могилке — «птичкам». Потом бабушка постояла на коленях, прижавшись головою к деревянному синенькому кресту, но уже без слез, сильно и недвижно задумавшись. Было удивительно тихо. Мы дотронулись до невысокой травы на невысоком холмике, перекрестились и ушли. Я — навсегда; забыл. Не ищу себе оправданий — их нет, я просто хочу понять, с кого началось забвение — с бабушки, мамы или с меня. По дороге бабушка показала мне школу, в которой я сейчас сидел, и, отходя от кладбищенских печалей, сказала, что скоро я в этой школе буду «скрипеть пером» на манер гоголевского чиновника. И, усмехнувшись и склонив голову к плечу, показала, как я буду «скрипеть». Я усмехнулся, сидючи за своей партою, — воспоминания всегда приятно меня волновали, и я постоянно дивился тому, что только в воспоминаниях все события обретают свою истинную и сокровенную суть. Много лет спустя, улыбочиво наклонив голову и быстро помаргивая, с этим согласилась и Маша.

Во время большой перемены я нарочно замешкался со своими сандаликами, чтобы не бежать вместе со всеми играть во дворе, — мне хотелось остаться в пустом классе: я любил наблюдать за жильем, когда оно остается в одиночестве. Я присел у окна и опять, но уже свежим глазом, взглянул на кладбище, которое, казалось, приблизилось — несколько крайних берез его были, как нищенки, совсем дырявые. Я оглянулся на пустой класс: так же, как в пустом нашем доме, ощущалась настороженность ожидания и какое-то сиротское упрямство покинутых людьми вещей. От сходства с домом класс стал ближе, спокойнее и понятнее. Как-то особо дополняли тишину далекие детские возгласы. Очнувшись, я вышел в коридор и почувствовал, что, кроме массы света и тишины, в пустом коридоре неслышно присутствует и тот будущий шум, который возникнет в нем, когда прозвенит «на урок» школьный колокольчик. Свету было так много, что цветы на подоконниках казались совсем черными. Я их понюхал и по сереньким в белых крапинках ступеням спустился на второй этаж. По его коридору шли две молодые учительницы: согнувшись и соединяя головами, они с преступным любопытством смотрели в классный журнал, переговариваясь ужасливым шепотом. Я поздоровался. Они мне не ответили. Невежливость обижала меня почему-то больше, чем других людей, и, подумав, я обернулся и плюнул в сторону уже ушедших учительниц.

Я вышел во двор. Первоклашки «подпирали» стенку, а ребята постарше играли «в жоску». Жоска — кусочек козьей шкурки с кусочком же расплющенного свинца, который нужно было подкидывать внутренней стороной стопы как можно дольше. И прошлым, и нынешним летом я практиковался в этом искусстве, но тренировки пришлось прекратить из-за веселых, но упорных помех со стороны Лобика: он перехватывал в воздухе кусок погибшей козы и утаскивал его за сарай — закапывать. Попросив разрешения, я стал в маленькую очередь желающих показать свое искусство. На лавры я не надеялся, ибо считать умел только до трех, в честности людской уже сомневался, да и сам процесс был для меня гораздо важнее его результатов. Вероятно, после десяти успешных моих подбрасываний раз-

дался уважительно-раздраженный возглас: «Во дает, молекула». Я еще несколько раз подбросил жоску и, соскучившись однообразием, да и подустав от напряжения, «засандалил» шкурку на высоту, не предусмотренную обычаем. Все удивились и тотчас стали играть не на счет, а на высоту.

Тут увидел я девочек из «Г» класса, носившихся в догонялки, — Маши среди них не было. Я огляделся не без печали — Маша стояла в сторонке, чуть косолапенько, и, держа у подбородка левую руку ковшиком, ела бублик. Я к ней не торопясь подошел и дружелюбно помолчал в знак приветствия. «Хочешь сушку?» — спросила Маша таким тоном, что отказать было просто неприлично. Мне очень хотелось сушки, но пришлось отказаться: подаренные утром цветы делали простой и товарищеский Машин жест неблагородным обменом материальными услугами. А слово «благородно» бабушка заставила меня выучить и осмыслить гораздо раньше других нужных для жизни слов. Да и мне самому очень нравилось (бабушка говорила: «Кровь») поступать не по «советской», «рабоче-крестьянской» выгоде, а повинуюсь древнему ритуалу благородной независимости дворян от вещей суетных, случайных и презираемых. «“Ты мне — я тебе” — философия подонков и лакеев, — наставляла меня бабушка и под стон маминого ужаса добавляла: — Она-то и погубит дурачков-большевиков». Вспоминая, я улыбнулся бабушкиной храбрости. Маша тоже вроде собиралась улыбнуться, но как-то странно: правое ее плечико словно вжималось в себя от страха. Я обернулся налево: в нашу сторону бежала пегая собачка. «Не бойся, — сказал я Маше, — не махай руками, не кричи и стань за мою спину». Маша повиновалась с тронувшей меня кротостью и стала за мной ровненько, очевидно боясь со смешными своими страхами.

Я вспоминаю сейчас маленькую ее фигурку, и у меня теплеет на душе и плывет взор: так начинается человек — в борьбе со своими предрассудками, страхами, неверием. Я медленно присел на корточки и, заглянув под собачье брюшко, начал голосом спокойным и ласковым: «У-у-у, какой ты красивый-красивый, да еще с пятнышками». Не изменяя тона, я говорил уже Маше: «Смотри на хвост, если махается, значит, мы веселье и дружить хотим и девочку Машу кусать не бу-у-у-дем». Через минуту пес уже лежал на спине, прижмурившись, а я чесал ему горлышко, наблюдая, как Машина ручка робко тянется к его брюшку — погладить. Я удивился: у девочек были совсем другие руки, чем у мальчиков. Крохотная, тоненько-пухленькая Машина ручка произвела на меня мимолетное, но очень сильное впечатление.

Внезапно на школьное крыльцо выскочил мальчик в пионерском галстуке и с колокольчиком в руке. Чрезвычайно высоко и нелепо задрал вверх одну ногу, он стал отчаянно звонить, установив на лице недвижимое выражение грозного ужаса. Я посмотрел на Машу, не обращая внимания на веселого пионера, она явно нехотя пятилась от еще лежащего пса, косящего на нас взглядом лукавым и довольным.

По дороге Маша рассказала мне, что раньше, «в детстве», она боялась собак — когда-то ее укусили — «вот даже след остался», и, подтянув рукав с беленькой манжеткой, показала светлый шрам на чуть загорелой руке. И я вновь был удивлен необыкновенностью детски-девической ручки. Поражала не только красота, это само собою, — мне смутно чудилось, что Машина ручка не похожа ни на что, даже самое прекрасное на свете. И действительно, почти все, что волнует взор и сердце, имеет на земле аналоги: детские глаза можно сравнить с глазами щенков, медвежат или оленят, их можно сравнить даже со «звездочками», ежами, торопясь с ласкою, прибегать к выражениям сильным, поспешным и, следовательно, неточ-

ным. Все можно сравнить со всем. Все, но не детскую ручку, она никогда и ни с чем не сравнима — это действительно рука Бога. Я так сильно задумался, переживая новое открытие, что не вдруг заметил некую паузу перед тем, как нам нужно было расходиться по разным коридорам — школа имела мужское и женское отделения, как баня. «Пока», — очевидно, не в первый раз повторила Маша с кроткой и несколько назидательной настойчивостью. Я козырнул ей с идиотски серьезным прилежанием. Маша опустила не темные, но и не светлые свои ресницы: «Не паясничай», — и впервые назвала меня по имени.

Первое время, пока мы на уроках занимались с букварем, слушали речи о величии социалистической родины и писали палочки, учеба казалась мне делом простым, ясным и даже интересным. Но когда наступило время арифметики, я совершенно пал духом: абстрактное мышление было (да и осталось) для меня загадкой. «Два яблока плюс два яблока — сколько будет всего?» Я крепко задумывался: ну вот каких яблока — красных, зеленых или (я мысленно восхищался) нежно-розовых, узенькими вертикальными черточками постепенно переходящих в бледный такой восковой цвет. С хвостиками эти яблоки, и есть ли на хвостике такой ржаво-зеленый, свернувшийся листочек? А может, это маленькие, желтенькие, почти прозрачные яблочки, называемые в наших краях ранетками? «Сколько? — спрашивала непонятливая учительница. — Сколько будет всего яблок?» Я решил: «А какого цвета?» Увидев, что я не кривляюсь, а по простоте души своей считаю арифметику лишь частью громадного мира, учительница попросила меня остаться с нею после уроков. Очень внимательно слушая оживленные дебаты между Анной Дмитриевной и другими, смысленными не в пример мне мальчиками, я стал смутно подозревать, что арифметика — это что-то самостоятельное, к чему подход нужен особый. Там надо как-то по-особому думать, а думать я умел только сопоставляя то, что видели глаза, слышали уши, или о чем неуверенно догадывалась неопытная и почти все преувеличивающая душа.

Оставшись наедине, Анна Дмитриевна спросила меня, играю ли я в футбол. Да. А в волейбол? Да. Вот ты же не играешь в футбол по правилам волейбола. Нет, очень обрадовался я, вроде бы прозревая: я понимаю, что у арифметики свои правила. «Ну слава богу», — сказала она и стала просто, интересно и понятно говорить о мире, в котором нет ничего — ни-че-го — приблизительного и неясного; мире, где существуют не вещи, а их символы («Знаешь, что такое символ?») и своя собственная абсолютная красота — красота логики и здравого смысла. Учительница достала коробочку очень красивых кругленьких палочек, стала складывать их разными кучками, прибавлять, отнимать, и видно было, что она сама увлеклась ясностью и точностью своих доказательств. Я обрадовался, что у Анны Дмитриевны исчезло выражение посторонней озабоченности чем-то, и видно было, что, увлекаясь красотой арифметики, она очень хочет мне помочь. Я смотрел на нее с благодарностью, постепенно понимая правила ее любви.

Ободренный ее вниманием и уважением ко мне, я решил задать ей вопрос, для меня совершенно естественный, но для нее, очевидно, очень уж сложный. Я спросил: «А бывает так, что считать вообще нельзя?» Анна Дмитриевна села удобнее, глянула с явным интересом и попросила мой вопрос пояснить примерами... «Из жизни», — добавила она. Впервые в жизни я говорил очень долго, минуты три, ошибаясь, поправляясь, и в конце концов необычайно воодушевился. Меня очень внимательно слушали. С необычайным усилием раскрепостясь и страстно желая быть понятным, я решил сказать то, что на самом деле думаю. Помогал я себе и жестами, и мимикой, очевидно забавною, — иногда Анна Дмитриевна явно удерживала улыбку. Я сказал, что когда дома стоит на столе беленькая

тарелочка с яблоками, я их не считаю, я даже не знаю, много их или мало, я вижу только одно, одно-единственное яблоко, — честное слово, — торопливо добавляя, — только одно-единственное яблоко, самое красивое, самое смешное или самое жалкое. Одно какое-то, а на другие и не смотрю даже. На этом месте глаза Анны Дмитриевны вспыхнули, она стала сводить кончики пальцев и, завороченно полуулыбаясь, повторяла: «Ну, ну». И еще я сказал, что когда я остаюсь дома один и наблюдаю за покинутым людьми, одиноким жильем, я считаю, что дома никого нет, а себя никак не считаю. Учительница улыбнулась почти испуганно: «Ну, а кто же наблюдает за “пустой” (она выделила тоном это слово) квартирой?» А вот это я знал твердо: «Душа». «Ну а душа-то чья?» — расширила она добрые свои глаза. Я удивился странной ее непонятливости: «А ничья, душа вообще ничья, как воздух, она же Божья». «Божья», — повторил я еще раз, чувствуя в себе тихий озноб восторга почти болезненного. Учительница встала, непонятно на меня поглядела, постояла немного и села, вроде бы успокоившись. Стиснув лежащие на столе ладонки, она сказала с необыкновенной мягкостью: «Я тебя поняла — ты думаешь, что весь мир — живой, как один организм. Но это не так, в нем есть и неживые вещи — камни, кирпичи, песок, доски. А вот из этих неживых материалов можно построить дом для живых людей, а чтобы строить — надо знать. Считать надо». Я кивал, совершенно с нею согласный, ибо чувствовал, что она очень хорошо поняла правила моей любви, а значит и меня самого. Анна Дмитриевна встала и подошла к окну, видимо, взволнованная. Мне неудобно было сидеть одному за партой, и я подошел к ней. Мы постояли у окна и посмотрели, как падают листья и в школьном саду, и там, на кладбище. Учительница тихо сказала: «Вот листья падают, желтые, отжившие листья, и кто их считал когда-то живыми, кто о них думал... — и закончила совсем уж печальным голосом, — во всю-то жизнь, во всю-то жизнь...» Мне показалось, что к ней вернулась обычная ее озабоченность, и, попрощавшись, я решил уходить. Она удержала меня, ласково надо мной наклонившись: «А ты очень интересный мальчик, прямо-таки иннок». — «Иннок — это священник?» — спросил я. «Нет, — отвечала она, — не обязательно. Иннок — это просто другой, иной человек — и-ной», — сказала она с улыбкой.

Ах, Анна Дмитриевна, Вас давно нет на свете — Царствие Вам Небесное. Спасибо Вам за все, за все — я навсегда запомнил Ваши добрые глаза, Ваше справедливое сердце, усталые Ваши руки. Маленькие совсем руки.

Приятно взволнованный важным разговором, я шел сквозь листопад, который то ли притворялся равнодушным, то ли действительно не боялся смерти. Я все ворочал в себе разговор с учительницей, и сейчас, на просторе, одна ее фраза показала мне странной и тревожной — о мертвых вещах. Я задумался: камни, кирпичи, листья... Конечно же, я не знал тогда Ахматовой — «У Бога мертвых нет», но листопад то плавным и мудрым, то стремительным и отчаянным своим бесстрашием словно бы говорил то же самое. Вдруг кто-то хлопнул меня по шее. Мгновенно, как волчонок, обернувшись всем телом, я увидел супостата — небольшого и испуганного. Скорее для приличия стукнув его своей полевой сумкой, я заметил, что мальчик смущен таким поворотом дела. Убедившись, что я именно тот, кто ему был нужен, он сказал, что мне письмо от «Миронихи», и посмотрел окрест с суровой политичностью. Споткнулась моя душа: «Что с ней — три дня в школе нету?» — «Хворая, — отвечал угрюменький посол, — в больницу хотят покласть». Впервые в жизни я вскрыл конверт — на голубой промокашке были нетвердые печатные буквы. Вначале не без торжественности я назван был не уменьшительным, а полным своим именем. Далее следовало: «Я болею. Пожалуйста! Достань мне сценка. Прошу очень. Отдай Эммануилу. Он мне даст. Не

хворай Мария». «Эммануил — ты, что ли? — Он кивнул. — Не русский, что ли?» — «Русский, — хрипло сказал мальчик с безнадежной серьезностью и добавил: — Ответ пиши». Я задумался. Писать я умел тоже только печатными буквами, да и то не все слова, а большей частью те, что встречались на вывесках, лозунгах и в заголовках газет, — бывало, я их срисовывал, практикуясь в русской грамоте. «Ты в каком классе?» — спросил я мальчика. «В третьем». — «Тогда помогай мне писать — я еще в первом».

Мы сели на тесаные бревна — коричневая внутри и серая снаружи кора их валялась рядом. Кленовые листья, опавшие на нее, казались похожими на те награды, что видел я в газетах на дивно изукрашенных грудях легендарных сталинских маршалов. Мне вспомнились милые мне фамилии и лица — Рокоссовский, Жуков, Василевский, Конев; я опечалился, вспомнив незабвенное лицо Ивана Даниловича Черняховского. Я вздохнул: он погиб, не дожив и до сорока лет, и просто не успел удостоиться звания Маршала Советского Союза и третьей Золотой Звезды. Исправляя несправедливость, я нарисовал его «портрет» с теми знаками отличия и почета, кои считал по праву ему принадлежащими. Эммануил подтолкнул меня: «Ты чего, не переживай, пиши». Я пристроил на коленях полевую свою сумку и стал писать первое в своей жизни письмо. Оно оказалось и последним по простоте и силе чувств. Это неудивительно: настоящая жизнь кончается гораздо раньше, чем полагаем мы, опьяненные ее суетой и дикой ее прелестью. Писал я на ярко-розовой промокашке, в наших кругах они ценились за «цвет», и я полагал, что Маша останется довольна. Мальчик со странным именем и к Маше имел отношение не совсем обыкновенное — он оказался ее племянником. Облизывая химический карандаш, я смутно чувствовал особую выразительность житейских странностей, улыбнулся даже: «Тетя Маша — под стол пешком ходит». Но тем не менее крупные печатные буквы я выводил с особым прилежанием: радовать опечаленных было моей потребностью, присущей, как мне тогда казалось, вообще всем людям, как грусть, гнев, веселье.

Старшинствующий над тетушкой племянник хрипловато-испуганным шепотом подавал мне грамматические свои советы. Так, он сказал, что после каждой фразы нужно ставить знак восклицательный или же вопросительный, точки — мало. С сомнением я вертел дырочку в подвернувшемся кленовом листе, потом посмотрел в эту дырочку на племянника и спросил: «А почему в газетах так не делают?» — «Газеты — говно, — заторопился советник и замедлился, — а вот в личном письме это делают для душевности». Я написал: «Товарисч! Мария? Друк! Неблей? Сченков рожают весной! Только? Порядок такой! У соббак? Не хворай! Я грусчю? Малину с чаим! Пей! Пока? Друк!» Подписавшись, я «для душевности» пририсовал кленовый лист, звездочку Героя Советского Союза и пегую собачку Матроса. Эммануил все одобрил. «Хорошо, — сказал он с убеждением, — грамотно и душевно, и Матроса правильно нарисовал, собака — знак верности». Я внушительно молчал, втайне гордясь своей интуицией: «снайпер, не знающий промаха», — так говорила о ней бабушка. Мы пожали друг другу руки и разошлись со значительным видом людей, удрученных недетскими заботами. А моя забота действительно была серьезной: Машина болезнь, вероятно, взволновала меня гораздо глубже, чем я полагал, — маленькая моя приятельница все время возникала в моем воображении вместе с чувствами тревоги и жалости. Почему-то мне вспомнилось, что Маша — человек тихий: она никогда не хохотала и даже не смеялась громко.

Однажды, будучи дежурным по этажу, я увидел ее в девчачьей очереди к бачке с водой. Все девочки смеялись, хихикали, щебетали, некоторые корчили ро-

жицы, кого-то передразнивая, бантики их волновались, как цветы под ветром. Один синенький Машин бантик медленно поворачивался в сторону очередной вспышки веселья. Маша стояла простенько, по своему обыкновению, и смотрела сочувственно на чужую, казалось, радость. Я взгрустнул: несмотря на шуточки и веселье, шустрые девочки продвигались в очереди, а внимающая всем Маша все как-то оказывалась в самом конце ее. И засмеяться она вроде бы пыталась, но не смела. Вспылив, я пошел было разгонять наглых девчонок, но, еще не дойдя до них, малодушно решил не связываться — нас и так уже поддразнивали: «вон твоя старуха», «вон твой старикашечка». Позже я узнал ее обычаи: когда она, неожиданно и резко крутанув своей стриженной «под горшок» голову, быстро краснея и медленно улыбаясь, ее опускала, это означало, что Маше очень смешно и весело, что у нее светло на душе и легко на сердце. Когда мы с нею уже оканчивали школу, я как-то попросту спросил у нее: «Капитанская дочка, а почему ты никогда не смеешься?» Моему вопросительному взгляду Маша доверила свой желтый и недолгий взор взволнованного приличия, выпустила из рук косу, переступила скромненько с ноги на ногу и еле слышно вздохнула, решив, видимо, отвечать не словами, а самим фактом своего естественного, не яркого, но ослепительного присутствия на этой неяркой и простой земле.

А за громадными школьными окнами, словно впервые в жизни, нерешительно шел снег. Я помолчал, поглядывая то на робость снегопада, то на девичью ее застенчивость, и дружелюбно сказал: «Это не ответ». Маша подняла не темные, но и не светлые свои ресницы и расширила пространство взором такой ясности, доброты и чуть укоряющей родственности, что я понял: ответ.

Я шел сквозь разнообразный листопад, который, казалось, стал гуще возле церковного садика и чем-то напоминал птиц. Я дернулся было зайти в церковь и помолиться за здоровье хворой девочки, но через несколько шагов меня остановил стыд. Я смутился: мысль о том, что я должен молиться при людях и при всех осенять себя крестным знамением, показалась мне чрезвычайно стеснительной и в конце концов совершенно невозможной. Так было всегда, душа сама собою неколебимо восставала против всяческой публичности — я изначально верил только в одинокие подвиги жалости и сострадания. Как обычно, я доверился внутреннему своему голосу: «Помолюсь вечером, один, глядя на свой тополь, — он сам теряет листочки и должен меня понять». В смятении чувств я и не заметил, как усталая от переживаний душа чуть не подменила Бога похudevшим и родным моим тополем.

Решившись, я с облегчением пошел дальше, в тепло дома, поглядывая на слоистое, вроде узоров расколотого полешка, небо с желтовато-угасающим горизонтом, в который, казалось, стремились безмолвные птицы листопада. Возле надежного нашего магазинчика стояли бабушка и Серафима Акимовна — они беседовали с обычным для них дружелюбием. Симочка очень нравилась бабушке, она напоминала ей донских казачек: «Любой есаул или сотник всю бы лозу в округе вырубил, горячася из-за вулканической такой лапушки». И, пряча иронию, добавляла назидательно: «Вот почему на Дону и леса-то нет». Серафима Акимовна была в черном мохнатеньком пальто, и несколько опавших смугло-румяных листьев лежали на ее груди как прекрасное, но лишнее украшение. Я поздоровался, они ответили и сказали мне вслед что-то добро-шутливое. Этот серенький день уже с утра походил на вечер, а после обеда и после исполненных мною уроков он стал совсем угасать, вроде бы бронзовея.

Я сел на скамейку возле бабушкиного окошка и, минуя взором крепкий забор осеннего сада, стал смотреть на свой тополь. Медленно и редко теряя свои

листья, он, казалось, не очень печалился, своим недвижным спокойствием являя суровую ясность стоицизма и покорности. Покорности особой: он словно бы говорил с несколько растерянным (от падавших листочков) видом, что мы — и люди и деревья — одна семья, и судьба у нас, как видите, общая. Вид привычной и домашней его родственности естественно ввел меня в состояние молитвы. Положив локти на колени и прикрыв руками рот, я стал просить Бога о «здравии» болящей девочки Марии. Почему-то я решил обосновать свою просьбу перечислением Машиных достоинств: маленькая и тихая, добрая и простая. «Она не такая как все — она хорошая», — мысленно настаивал я, поскольку наивно полагал в те времена, что Бог стоит только за людей правильных и хороших. В простоте своей я думал, что Божья защита — это что-то вроде награды за хорошее земное поведение. Странно, но даже краешком сознания, даже дальним уголком души я так и не смог тогда догадаться, что Господь ведет всех. Было прохладно и тихо, и надежда вроде бы рождалась, и тишина становилась словно живой и осмысленной. Но я уже не замечал ни неба, ни тополя, ни тишины, я видел Машу: круглое личико, тоненькую шейку, одушевленные ее ручки, клетчатое, смешное ее пальтишко, ее всегда естественную простоту достоинства. Радость не радость, а теснилось в душе что-то такое первобытное, чему невольно я улыбнулся.

13

В самом начале зимы учительница дала нам понять, что вскоре вместо карандашей мы будем писать чернилами. Меня удивило, что это обычное, по-моему, событие вызвало среди первоклассников такое необычайное душевное смятение: в горячее обсуждение чернильной темы усмешливо включились даже вечно скупающие лодыри. Один молчаливый второгодник, с угрюмым цинизмом просвещая нас касательно чернильных и перьевых тайн, зловеще ободрял наиболее впечатлительных: «Насобачитесь». Учитывая судьбу «ветерана», особо впечатлительные воспринимали его слова как двусмысленные, обмениваясь взглядами молчаливыми и фатальными.

Знаменательный день наступил как всегда неожиданно. Он был морозный и очень солнечный. К подобным дням я всегда относился без особой симпатии: уж очень они нервные — даже синие тени сугробов мешали рассматривать их ослепительно розовый свет. Необычайная эта яркость казалась мне хрупкой, и при постоянном напоминающем поскрипывании валенок даже тишина не казалась тишиной — все чудилось, что вот-вот прозвучит нечто внезапное и неприятное: или вскрикнет ругательство поскользнувшийся человек, или треснет, как выстрел, ломаясь на плюшевых чых-то плечах, гнучее коромысло. Эта несимпатичность морозной солнечности превратилась в холодное ее неприятие, после того как недавно, в течение нескольких вечеров, бабушка прочитала мне вслух жизнеописание Пушкина.

Оказалось, что сто десять лет назад под Петербургом, на Черной речке, меж черных деревьев, Пушкин был убит «после полудня» в морозный и солнечный день. Круглой пулей. В солнечный и морозный день раздался все-таки страшный звук, очевидно не ведавший в те времена разницы между прошлым и будущим.

Прежде чем окунуть темно-желтое перо в фиолетовую чернильницу, я обернулся в окно и глянул на снежное, розово-синее кладбище. Свет его был так силен, что сумеречный класс был, казалось, подсвечен необычным сиянием далекого и непривычного праздника. Да и все мы выглядели не так, как всегда, новое

дело увлекло всех: никто не шушукался и не баловался, все прилежно скрипели перьями, склоняясь над новенькими прописями. Тишина, казалось, тоже была подсвечена, но не цветом и светом, а духом благообразной и добровольной серьезности.

Я тоже старался с воодушевлением почти творческим: сочетание светло-желтой бумаги с ярко-фиолетовыми буквами показалось мне необычайно красивым. Анна Дмитриевна с нерешительными своими руками и тихой улыбкой умиротворения ходила по рядам и, судя по лицу, думала про нас: «Милые мои, писатели мои маленькие». Я тоже ей улыбнулся. Она ласково прикрыла глаза: пиши, мол, не отвлекайся. Выводя на ровненьких буквах характерные, но не наглые завитушки, я чуть не клал голову на парту, и это, на первый взгляд переусердие, подарило мне дивное зрелище. Уже высохшие, чуть выпуклые буквы, если смотреть снизу и сбоку, отливали на свету то зеленовато-старой, то веселой и молодой бронзой. «Как игрушки елочные», — двинулась фантазировать душа, но тотчас же споткнулась, словно ее окликнули. Равнодушно закончил я прискучившую страницу и попросился выйти из класса. Нет, я не хотел ни в туалет, ни к водяному бачку: просто душа забеспокоилась, будто бы ее зовут. Учительница меня отпустила, попросив заодно увлажнить высохшую тряпку. Конечно же, в нашем туалете кран не работал, и я пошел на первый этаж. Понюхал тряпку — она пахла сухим мелом.

Когда я спускался по нижнему маршу лестницы, входная дверь в школьный тамбур открылась, впуская кого-то маленького — через стекло даже не было видно шапки. И вторая дверь открылась, и вместе с холодным и зримым воздухом в коридор вошла маленькая фигурка, отжмуриваясь от уличной ослепительности. Я не видел ее больше месяца, я не знал ее зимнего наряда, но я тотчас же узнал Машу. Меняя удивление на приветливость, Маша медленно опускала голову. Немного запутавшись в словах «привет» и «пока», мы поздоровались не без смущения.

Маша раздевалась на вешалке у тети Маргубы с неспешной, аккуратной и уютной последовательностью, приговаривая о том, что в школу она пришла за расписанием, болела воспалением легких, а книга, которую я передал ей через Емельяна (не Эммануила все-таки), ей очень понравилась: «Можно, я ее задержу, еще охота прочитать про Каштанку, ладно?» Я согласно закивал, радуясь, что Маша — человек деликатный: разговаривая со мной, она не забывала порою обращаться к недвижной Маргубе Галеевне. Но я очень хорошо (и не без гордости) заметил разницу в ее обращениях: мне она говорила с рассеянной естественностью дружбы, тете же — повинуюсь долгу вежливости и учтивости. Я побаивался, что эту разницу уловит пожилая и ласковая «техничка», у нее были такие добрые и сострадательные глаза, что, когда она смотрела на людей, казалось, что вот-вот они наполнятся слезами нежности и растроганности. Но нет: склонив голову к плечу, Маргуба Галеевна именно так и смотрела на девочку, даже своею осанкой давая понять, что все идет с человеческой правильностью.

Маленькая моя приятельница начала мне рассказывать, как познакомилась в больнице с одной девочкой, у которой была дома «говорящая птица». Внезапно Маша испуганно остановилась: «Тебя заругают, иди скорее тряпку мочи», — и прогнала меня молниеносно-вороватым и доверительно-дружеским движением маленькой своей ладошки. Когда я уже с мокрой тряпкой шел восвояси, Маша, с перекрещенным серой шалькой туловищем, в толстеньких синих штанах «с начесом» и в беленьких шерстяных носочках, стояла на стуле и списывала с холщового стенда расписание. Ее серенькие валеночки не валялись, а ровненько стояли возле стула с видом уюта, скромности и приличия. Я козырнул ей, она торопливо помахала мне рукой и не без ужаса показала на потолок карандашиком.

Укоризны учительницы за долгое «хождение» я, согласно обычаю, должен был выслушать с видом независимой и несколько торжественной печали. Так я и сделал. Все остались довольны. Высохшие мои прописи все так же были красивы, но за время отлучки, казалось, обрели вид простой и смиренный. Впоследствии к этому пришлось долго привыкать: творческий восторг оказался делом ненадежным и лишенным критической трезвости.

Вместо последнего урока у нас была «политинформация». «Вы уже знаете, дети, — начала Анна Дмитриевна, — что под мудрым руководством...» Я стал смотреть в окно. Все было привычно, но вовсе не скучно: высоченные дымы из труб подпирали голубое небо, бело-синие толстенные крыши искрились на местах загибов, женщина в телогрейке шла с водою по узенькой тропочке с почти смешной осторожностью, а на зеленом школьном заборе сидела серо-черная птица, носатая и недовольная. Вдруг в голубой тени школьного здания появилась серо-красная толсто вязаная шапочка и голубоватая шубка из лохматенького сукна. Я улыбнулся — это Маша шла домой, рядом с ней семенил Матрос, доброжелательно принимая к сведению серо-красную ее рукавичку, которую она то так, то эдак ему показывала. Я стал внимательнее: вот сейчас они выйдут из тени, войдут в яркий свет снега, и что-то случится. Случилось — все стало ярко, четко, тень и свет, взбодрилось какой-то веселой и беспощадной правдивостью. Дойдя до калитки, Мария немного поиграла с Матросом, а потом он побежал в котельную, а она смотрела ему вслед, маленькая, голубая и радующаяся себе самой.

Очевидно, почуввав невнимание, учительница повысила голос и твердыми словами стала осуждать коварный план Маршалла. Выяснилось: американцы хотят закабалить измученную войной Европу. Все слушали Анну Дмитриевну с несколько ошалелой рассеянностью. Я немного подумал о судьбе Европы, а потом стал думать о судьбе дедушки. Из разговоров старших я знал, что уже в этом году, «если ничего не случится», дедушка должен вернуться домой после десятилетнего заключения. Деда я никогда не видел, но видел две его фотографии. На одной он был снят вместе с бабушкой еще до революции. Бабушка мне понравилась — молодая, с высокой прической, она сидела в переливчато-кружевном платье на резном стуле и, склонив голову набочок, словно бы вручала свою судьбу в руки ростовского фотографа. Этот вид доброжелательной доверчивости она пронесла через всю жизнь, но сильно заблуждался тот, кто принимал этот вид за простоватость и слабость, — человека самостоятельней и тверже моей бабушки я вообще не встречал. А вот дедушка на коричневатой той карточке имел вид совсем другой: во фраке и белом галстуке, он стоял очень «представительно», и одна его бровь была приподнята не без высокомерия. Это мне не понравилось. Другая карточка меня тронула: татарское лицо его было усталым, а глаза печальными и понимающими. Я вздохнул: «Все будет хорошо — ведь я же молюсь за него каждый вечер».

Дома, вечером, сделав уроки, я собрался было погулять. Судя по цвету тополя, закат был какой-то странный, и я хотел посмотреть на его особенности. Но не успел я снять с печки свои валенки, как был остановлен маминым вопросом: «Кажется, Маша Миронова поправилась — вроде в школе она сегодня мелькнула?» Я удивился: «А ты ее знаешь?» — «Еще бы, — улыбнулась мама, — я ее знаю столько, сколько тебя». И продолжала уже отцу: «Такая прелесть девочка у Сонечки Одинцовой, помнишь ее, она еще за Мишу Миронова замуж вышла — его ты знал?» — «А, — отвечал отец, — знал, конечно, они с Пузиковым дружили, скромный такой парень, вроде с исторического». — «Вот-вот, — продолжала мама, возбуждаясь воспоминаниями, — а с Сонечкой мы вместе учились, и в родилке

вместе лежали, и ее Машенька часов на десять старше нашего — в один день родилась — она часов в пять утра, а он в два дня». Я смотрел во все глаза и слушал во все уши. «А потом мы с ней, — говорила мама, — уже в войну вместе в библиотечном техникуме работали». Отец положил подбородок в руку и спросил: «А Михаил что сейчас делает?» Мама померкла: «Убили Мишу в сорок втором. Не пришла Соня как-то в техникум, они тогда близко жили, я к ней забежала узнать, а у нее дверь настежь, а сама она на кровати сидит, молчит и вроде бы не в себе. Я ей и говорю, что это у тебя двери-то отперты? А она мне — боюсь, Галь, двери закрыть, Мишу убили. И похоронку показала на подушке. Я села куда-то, что делать, не знаю, что говорить, не знаю, и Машенька, надо же, болеет. Я подошла к постельке, а она красная вся, и волосики влажные, и кулачки возле ушей лежат. Не спит, глазки открыты, смотрит. Я говорю Сонечке: «Софья, крепись, у тебя дочь». Она в пол смотрит, потом вдруг: «Да не у меня, а у нас с Мишенькой». И как зарыдает так, знаешь, в голос, вроде как с кашлем. Я дверь пошла запирать, и сама плачу. Она два дня в техникум не ходила, отпросилась у Рахмея Савхутдиныча, тот — «конечно, конечно», — два дня все стирала с утра до ночи, стирала. А у Маши не корь оказалась, а так, просто съела что-нибудь — дети ведь от голода все в рот тянули».

Отец все выслушал молча, посидел, сказал «да» и в коридор вышел — покурить. А я вышел во двор. Взволнованный маминым рассказом, я не вдруг заметил, что закат, в общем-то, обычный, только не яркий, как перед будущим снегопадом. Около ворот за забором стояла Нагима Асхатовна. Непривычно было видеть ее: она не развешивала белье, не выколачивала пестренки половички, а просто стояла и смотрела на закат. Смотрела как-то двойственно: вроде печально вслед улетевшему счастью, и с надеждой на новое. Я знал, что ей тяжело: осенью у нее родилась девочка, но мертвая. Услышав об этом, я мигом налился самыми суровыми чувствами: «Подлая Ирка, доколдовалась все-таки». Колдунье я ничего не сказал, но перестал с ней разговаривать, тем более что в школе при всех в коридоре она обозвала Машу «косолопой дурочкой». Я осторожно поздоровался с Нагимой Асхатовной, она рассеянно мне ответила и переменяла позу на не такую уж грустную. Подумав, я сказал, что ночью, наверное, пойдет снег. Она выпрямилась со вздохом и с облегчением вступила в беседу, но безмолвную: сомневаясь, чуть склонила к плечу прекрасную свою голову, а потом глянула на меня с чуть жалкой улыбкой тайной благодарности за бессловесное мое сочувствие. Я угадал перемену в ее настроении и, осмелев, показал рукою на простор заснеженной реки: «А вот куда идет тот человек — сюда или туда?» Нагима удивила меня своей смысленностью — она сняла белую рукавичку, приложила мизинец к столбу ворот и, поглядев через него на далекую фигурку, кивнула без улыбки, но с юмором: «Сюда идет — в гости». И улыбнулась. Я тоже. Помолчали. Человек действительно шел в Уфу. Вероятно, озябнув, она притопнула беленькими низко загнутыми валенками, нагнула голову и быстро пошла домой.

Я еще постоял, посмотрел, как быстро темнеет вечер, и вдруг с необыкновенной ясностью представил почему-то, как Машины кулачки лежали возле влажных ее висков далеким летом сорок второго года. Я зашел во двор, отыскал подходящий сугроб, лег на него спиной, сжал кулаки, пристроил их около висков и стал смотреть в небо. Небо было меркнувшее и безоблачное — нет: около островерхой башенки нашего дома стеснялось что-то серенькое. И, приглядевшись, я увидел, что все небеса подернуты еле видимыми полосами и пятнами, то недалекой, то очень близкой дымчатости. Темнота небес вроде бы сгущалась, но звезды еще не появились, а мне захотелось посмотреть на них повнимательнее. Во-пер-

вых, бабушка мне рассказала, что дедушка любил рассматривать звездное небо и знал его, и еще мне хотелось сравнить с нынешними летние свои впечатления от звезд, когда я долго лежал на крыше сарая после ужасного скандала на берегу Белой, возле лесопилкиных бревен.

Дело было так.

Летом на берегу поставили зеленый станок с зубчатыми колесами, чтобы без помощи лошадей вытаскивать из воды мокрые бревна плотов, бесконечных, ровных и печальных. Почти целый день двое пареньков, то надевая, то снимая резиновые перчатки, пытались подсоединить его к чему-то им до конца не ясному. Но что-то у ребят не получалось, все боялись — замкнет, и станок оставался безжизненным, пока не примчался парторг в пылящем своем мотоцикле. Не сводя тяжелого взгляда со смиренной машины, парторг сказал текст, в коем среди слов матерных и понятных мелькнули и слова загадочные, особенно последнее — «фаза». Это слово он сказал по слогам, как страшное, но все объясняющее ругательство. Пареньки слушали его, потупясь от тайно-радостного прозрения, кепка одного была козырьком назад, кепка другого была козырьком к небу. Взявшись за этот козырек, парторг двинул его вниз, к носу, как бы включая рубильник, и мотор оживился, поначалу бормотливо-тихонечко. Паренек в «обратной» кепке высоко поднял согнутую ногу, радостно зажмурил один глаз и пукнул в совершеннейшем восхищении. Но звук естества был заглушен голосом технического прогресса — мотор работал уже оборотисто. И дело пошло — заскрипела лебедка и связку из пяти бревен потащила медленно, но неуклонно. Парторгу этого показалось мало. «Товаищи, это ж не лошади — жалеть нечего, езейвы беспесьдельнейшие», — картавил он, шинкуя воздух ладошкой. «Как же, жалел ты лошадей», — подумал я с внезапной непривычной и обжигающей ненавистью. Бывшие кнутобойцы, а ныне такелажники морщились и покуривали вроде бы с сомнением, но парторг сломил все-таки их косность, воспламенив их умы и сердца словом своим пролетарским, страстью своей партийной. С безразличной покорностью подцепили они к лебедке связку бревен из пятнадцати. Невероятно медленно, под вскрики редкие и безнадежные бревна двинулись вроде бы вверх. Парторг, перепрыгивая через дрожащие тросы, радовался как дитя: «А вы по стайнке хотели, товаищи маловеры». Трос лопнул и хватил его по сраму. По-женски закричав, парторг согнулся в три погибели, зажимая рукой зашибленное место. Я стоял близко от него и близко увидел его глаза — глаза внезапно обгадившегося человека. Я вспомнил беспомощно замиравшие глаза избиваемых лошадей и, переступив через кудрявый трос, подошел еще ближе и плюнул ему в лицо. Поросячий его визг я уже не слышал — оглохнув и ослепнув от чудовищно сладкой ярости, я бросился кусать, рвать, царапать ненавистную и подлую тварь. Я бессвязно орал, как мне сказали, ужасные матерные ругательства. Пожилой башкир (тот самый, что вместе с бабушкой поднимал упавшую лошадь) оторвал меня от изумленно обмякшего парторга, зажал мои руки железными своими подмышками и, похлопывая меня по спине, говорил по-башкирски что-то успокоительное. Отворачивая от него лицо, я хрипел в ненавистную сторону угрозы чудовищные и смешные. В припадке благородного безумия я и не заметил, как подошла Нагима Асхатовна. Она что-то сказала по-башкирски доброму такелажнику, и тот выпустил меня из рук. Она подошла ко мне, сняла со своего плеча цветастый платок и почему-то накинула его мне на плечи, то ли желая меня вязать, то ли укутывать, то ли просто в знак своего покровительства и утешения. Приняв ее за мою маму, парторг стал кричать на нее, обвиняя нас в сумасшествии. Я поднял голову и не вдруг узнал смиренную Нагиму Асхатовну: медленная и великолепная мощь ее взгляда заставила

споткнуться базарное красноречие ушибленного парторга. В равнодушном ее взгляде не было каких-то сильных чувств, нет — этот человек просто отвергался, недостойный даже гнева, отвергался как пустяк, как подвернувшийся камешек или послышавшийся случайный звук. «Айда», — тихонько сказала мне Нагима Асхатовна, взяла меня за руку, и мы пошли в свой двор. По дороге она успокоилась и, сняв перед воротами платок с моих плеч, дружески улыбнулась: «Смелый ты». И добавила, сделав «свирепые» глаза: «У-р-р-р-тигер», — и хмыкнула совершенно по-девчоночьи. Я прижался щекой к шершавой ее руке, она потрепала меня по челочке и села на завалинку к своим учебникам.

И вот, лежа на сугробе в ожидании зимних звезд, я вспомнил те летние небеса, в кои смотрел я после постыдного скандала у ворот лесопилки. Тогда на небо выпало так много звезд, что они показались мне толпой глазастеньких существ, любопытных до неприличия. Грызя сушку, я сердился — «ну что уставились» — и тарачился на них, расширяя глаза и вроде бы передразнивая. Еще горше речного скандала было то, что родители меня не поняли — ругали все, даже смиренная Елена Григорьевна, и бабушка тоже: подняв вверх могучий и красивый палец, она сказала, что при отчаянных таких страстях я кончу свою жизнь на виселице. Нет, подумал я с тоскливой безнадежностью, это все не друзья, то ли дело Лобик, мордочка которого задремывала у меня на груди, — это вот друг. Если по двору кто-нибудь проходил или что-то шуршало, Лобик, не открывая глаз, урчал тихо, но бдительно. Такая преданность своему долгу веселила мое сердце гораздо больше, чем жалкие человеческие рассуждения, и переносила меня в тот мир, где друзья, молчаливо сочувствуя рядом, клубясь, морося, шелестя, журча, стучая зубками и любознательно вытягивая шею, проявляя себя только видом и взглядом, никогда не осудят и никогда не предадут тебя. Лет через семнадцать, выслушав эти неизменные мои умозаключения, Маша, не осуждая, вздохнула: «Да, но все это как-то деспотично, что ли?» — «Мари, — сказал я строго, — рассуждающие и взвешивающие тебя друзья — не друзья». Машка начала хулиганить: «У товарища Сталина, сэр, вы были бы правой рукой», — почти пропела она на колыбельный мотив. «Михална, — сказал я назидательно, — товарищ Сталин был гораздо сложнее, чем представлялось это колхозным добродетелям блаженного Никиты». Маша сменила тон: «Да. Но этот юридический реабилитировал и твоего, и моего дедушку». Я вздохнул, поглядел на не темную, но и не светлую ее гривку (да — волос долог) и сказал уже вслух с раздражением: «Пойми же, Маша, Сталин был точно по размеру нашего народа. Его любили и любят под стать его подлости, его холопству, его зависти и чудовищной его жестокости, по точным размерам примитивнейшей его справедливости». Невидящим взглядом Маша посмотрела окрест и спросила меня простенько: «А народ всегда был таким?» Я задумался. И тогда, и сейчас.

Внезапно женский голос окликнул меня по имени, я обернулся — смутная тень Нагимы Асхатовны спросила с высокого белокаменного крыльца: «Ты чего — снег, а валяешься?» — «Думаю», — отвечал я не без раздражения. Она сказала что-то о простуде и ушла. Я опять лег — ага, две звездочки поморгали прямо передо мною. Только две. И мне показалось, что громадное, дымчатое и бездонное это небо — не веселое и не грустное, не доброе и не злое, а просто — зрячее.

У Маши не ладилось с чистописанием: палочки букв выходили ровными, а вот всякие завитушки — кривенькими. Маленькая моя приятельница, по своему

обыкновенно, молча переживала свои горести, и о них я узнал от ее бабушки, пришедшей на встревоженное, как всегда, родительское собрание. Она пожаловалась моей маме на затруднения своей внучки и, поскольку и я тут случился, добавила, что, по словам Анны Дмитриевны, на мои прописи «любо-дорого посмотреть». Догадавшись, я спохватился: ждаль, когда тебя попросят о помощи, я считал неблагородным делом и тотчас же, под одобрительным маминым взглядом, предложил Елизавете Федоровне репетиторские свои услуги. Когда я рассказал Маше об этом разговоре, она, не помянув чистописания, обрадовалась: «Конечно, приходи и увидишь вот Сампо-лопаренок». Очевидно, не находя слушателей, Маша частенько рассказывала мне случаи из этой поразившей ее книги. Моя бабушка читала мне как-то «Сампо-лопаренок», но я скрыл это от Маши, дабы не лишить ее радости рассказчика, а меня — слушателя. Рассказывала она с необычайной живостью: о северном сиянии, о собачьих упряжках, о дошках с капором (капор объяснялся и ручками), и даже, растопырив пальцы над челкою, она показывала оленя, пытаюсь изобразить гордый олений взор. Попытка, по моему, не очень удалась — взор получился просто внимательным, но я все-таки кивал со всепонимающим тихим удовольствием. От хорошего настроения меня так и подмывало подшутить над Машей и попросить, чтоб она показала северное сияние, но, поглядев на простодушную ее старательность и беззащитную доверчивость, я догадался, что делать этого не стоит.

Тут к Маше подошли две ее подружки: недвижно-красивая Жанна Кляп и невыдержанная Валька Сабелькина. Они стали шушукаться про день Восьмое марта, а я стал думать, как избавить Машу от страха (как я был убежден) перед коварством никому не нужной каллиграфии. Я и вечером думал об этом и даже с отцом решил посоветоваться. Отец, подумав, нарисовал на полях газеты латинскую букву S. Ловко так нарисовал, красивая получилась буквочка — в центре такая толстенькая, а к кончикам плавно истончавшаяся до волоска. «Вот, — сказал он, — пусть девочка рисует эту букву в различных положениях: она основа всех плавностей». Мысленно восхитившись простотою приема, я сказал: «Молодец, додумался все-таки». Отец непонятно, молча и долго смотрел на меня, а вероятную его мысль высказала бабушка: «Вот оно, советское воспитание». — «Не советское воспитание, — сказала мама, очищая огурчик от соленых листиков, — просто нахал он».

День, назначенный для «обмена опытом», выдался замечательным: оттепель была, а накануне выпало множество пушистого снега, и шапки его на заборах, трубах и крышах были с черными внизу окаемками. Серенькое небо и белый чистый снег с горностаевыми кое-где чернушками подталин делали этот день неярко светлым, серьезно ясным и чуть тревожно озабоченным, как сам белый свет.

Мы занимались за столом, накрытым старенькой клеенкой, и я, отходя от гостевой застенчивости, уже поучал Машу: «Перо нажимай только в середине, а хвостики делай легонько». Маша ерошила волосы на затылке и шептала: «Дура я». В перерыве она дала мне «Сампо-лопаренок» и, мелькая синенькими тряпочными пятючками на беленьких шерстяных носочках, быстро ушла на кухню помогать бабушке — что-то они там стряпали.

Освоившись, я осмелел и решил посмотреть украшения стен. Они были почти знакомые: «Три богатыря», «Охотники на привале». Несколько фотографий. Две из них были больше других: мама и папа, догадался я. Софья Николаевна была с таким же, как у моей мамы, крендельком волос над бровью, а вот Михаил Павлович был совсем молоденьким, в гимнастерке с отложным воротничком, в пилотке. Он, чуть наклонив голову, смотрел на меня из вечности. Вероятно, с

последней своей фотографии. Смотрел простенько, как Маша, вроде перед улыбкой и словно бы вежливо пережидая хлопоты фотографа. Я глядел на милое его лицо и пытался представить его гибель там, на войне. Ничего, конечно, у меня не получилось, и я счел почему-то нужным скопировать выражение его лица. Я взглянул в висевшее рядом зеркало: серенький свитер с пуговицами на плече был знаком, знакома была и обязательная для всех челочка, а вот взгляд, любопытный и встревоженный, опять показался мне ничего общего со мной не имеющим. Я попытался взглянуть в зеркало «простенько», но ничего у меня не вышло, и я обернулся на беззвучный зов — Маша вертела возле уха уже обмакнутым в чернила перышком. Опять занимались, и снова с увлечением, переходящим в недоразумения, — нет, мы не ссорились, просто в нужных местах я смотрел на Машу со взыскующей суровостью, а она отворачивалась к окну с видом душевного опустошения. Но потихонечку дело двигалось, и под конец я сказал: «Устала ты, Михална, но успех есть, — и, подумав, добавил: — по-моему».

«А сейчас чай будем пить», — сказала ее бабушка, Елизавета Федоровна, и Маша стала приносить с кухни всякие посудинки, что-то шепотом про себя приговаривая. И чай появился, и повидло в крошечных тарелочках, которые Маша, очевидно ошибаясь, называла «розетками», и появилась даже большая тарелка с пирожками, что взволновало меня в высшей степени. И вот, когда все устроились за столом, Маша ушла в кухоньку, ойкнула там и вскоре вернулась с застенчивой важностью и не без торжественности. Обеими руками она держала тарелочку с одним-единственным пирожком. Немного не дойдя до стола, она остановилась и сказала, оглянувшись на бабушку: «Вот это я сама испекла и лепила, — и тихо добавила: — это тебе, — и чуть погромче: — горячий». А сзади нее, за окном, две высокие снежные шапки на заборе, казалось, склонились друг к другу и к каждому ее плечу. Множество раз вспоминал я впоследствии эту картину, и постепенно, сквозь этот уже сон бытия, стали просвечивать реалии рублевской «Троицы».

«Кушай», — сказала Маша и поставила тарелочку возле моей кружки. Я не знал, как себя вести, от смущения встал и сказал «спасибо» не к месту отважным голосом. Пили чай. Я не знал, как поступить со «своим» пирожком, но безошибочный внутренний голос подвигнул меня к решению самому естественному: я разрезал пирожок и подвинул тарелочку Маше — «вместе». Она глянула на меня вроде бы с облегчением, а на бабушку вопросительно, но уклонилась: «Нет, это тебе». — «Вместе», — сказал я с необыкновенной твердостью, которая порой на меня накатывала. Маша неопределенно пошевелила головой и, несмело протянув к тарелочке необыкновенную свою ручку, покорно взяла свою долю. «Спасибо», — сказала она машинально. Я сделал жест, значения которого никто не понял, но улыбнулись все. Много позже Мария острила, что «в сем жесте широта российской души трогательно боролась с тайными угрызениями жадности».

Когда я собрался домой, Маша меня остановила: «Подожди, вот сейчас придут Жанна с Валеи, мы тебе подушечку одну покажем секретную». На мое удивление Маша даже шею выгнула укоризненно: «Ну как же, к Восьмому марта учительнице вышиваем». Очевидно, признав меня за некоего эксперта по вопросам эстетики, Маша потребовала моего мнения, когда подушечка только разворачивалась пришедшими подругами. Когда подушечка появилась на свет, я захохотал так, что Елизавета Федоровна выглянула из кухоньки, а только что пришедшая Софья Николаевна, не снимая пальто, подошла к нам. Я так смеялся, что Софья Николаевна сказала своей маме: «Какой у Гали веселый мальчик, просто колокольчик». — «Колокольчик», — сказала Сабелькина с изрядной долей сарказма:

она, очевидно, была автором удивительного изображения. Валентина обижалась напрасно: я веселился от потрясающей выразительности ее произведения. На подушечке был вышит цыпленок — с чудовищно пресыщенным видом он стоял, отставив одну ногу, в позе почти монархической. Я по сей день удивляюсь, как удалось авторам маленькому этому лимончику придать такую бездну презрительной верблюжьей гордости.

Отсмеивался я, а Маша тем временем за меня конфузилась — не знала, куда деть ручки: и у горлышка их теребила, и за спину прятала, и уверяла всех: «Это шутит он, смеется он». Елизавета Федоровна сделала мне наставление — в том смысле, что нельзя смеяться над чужим горем. Перед самым уходом я еще раз посмотрел на фотографию Машиного отца, и еще раз мелькнуло во мне: как он погиб — на бегу, в полете, в Т-34 или разя врагов из замечательной, как говорил отец, пушки-сорокапятки? Я помялся у двери и спросил у Софьи Николаевны, кем был Михаил Павлович — летчиком, танкистом или артиллеристом. Машина мама внимательно в меня всмотрелась, а ответила Маша: «Солдат стрелкового полка, стрелок». Я попрощался и, надев шапку, вышел во двор. «Стрелок», — что-то смутно начало мне вспоминаться, и уже на белой и строго светлой улице я вспомнил недавний урок пения.

Обычно я помалкивал на этих уроках во время разучивания патриотических песен и съеживался на последней своей парте с видом сочувствующего наблюдателя. Патриотическими в те времена считались советские песни — песни беспечные, но угрожающие. Но вот однажды — за окном была суетная метель, снежинки летели, сами не зная куда, то вверх, то вниз, — Анна Дмитриевна предложила желающим исполнить любимую свою песню. Я долго мялся застенчивостью, но все же, пересилив себя, решил показать обществу одну замечательную песню, которую, бывало, даже ожидал по радио. Я поднял руку, получил разрешение, встал и запел: «Меж высоких хлебов затерялося небогатое наше село, горе горькое по свету шлялося и на нас невзначай набрело». Никто не засмеялся — мальчики слушали серьезно и вроде бы с уважением к тихой моей истовости, которую, очевидно, все почувствовали. Я спел всю песню и даже тот куплет, который Русланова не пела по радио, но о коем поведала мне бабушка. «И пришлось нам нежданно-негаданно хоронить молодого стрелка, без церковного пенья, без лада-на, без того, чем могила крепка». Закончив, я не сразу сел, а, подавляя в себе необычайное поэтическое воодушевление, стоял, стараясь изо всех сил, чтобы слезы оставались на своем месте — в глазах, которыми я смутно видел рассеянные снежинки. Анна Дмитриевна все поняла, по-своему обрадовалась и объяснила всем нам, что я спел песню о тяжелой крестьянской доле во времена царей и помещиков.

И вот сейчас, вспомнив бабушкин куплет, я шел домой, и как раз возле церкви в душе моей судьбы двух русских стрелков как-то странно соединились под мелодию печальную и родную. Много позже, когда Маша была уже, вероятно, старше своего отца, я рассказал ей этот случай со всеми его подробностями. Она вздрогнула плечами, как от внезапного озноба, и быстро глянула на меня с несколько виноватым видом всепонимающей немоты. Тогда — промолчала, а позже сказала: «Знаешь, вчера у меня от твоего рассказа просто мороз прошел по коже — словно я с отцом встретилась». И вздохнула. И в горизонт прищурилась — сконфузилась. Я положил руку на зеленое мелковельветовое ее плечико: «А ты и встретилась». Она метнулась ко мне взглядом, словно с мольбой о помощи. Я несколько удивился ее недоумению: «Это же просто, дружок: бессмертие души (Бог) и искусство (песня) — они же друг в друге находятся, ну как вода и кувшин».

Печальный и просторный мотив еще звучал во мне, когда возле церкви распахнулся горизонт — тот самый родной и привычный горизонт, в который улета-ли звонкие птицы, молчаливый листопад и отзвучавшие в душе песни. Проходя мимо повисшего над Сутолокой серенького нашего магазинчика, я вспомнил, что мне надо купить хлеба. Не для дома, теперь в нашем доме всегда был хлеб, а просто, уразумев уроки недавней войны, я стал готовиться к следующему нашествию: тайно ото всех сушил сухари, желая обезопасить Лобика от превратностей человеческого безумия. Купив полбуханочки, я упрятал ее в полевую сумку и разговори-лся с Серафимой Акимовной: ее сын Степан учился вместе со мною, и мно-гие мои беспокойства совпадали с интересами материнского ее беспокойства. Беспокойства рассудительного и тихо-приветливого. Дружелюбное журчание наших, отчасти ритуальных, фраз о трудностях просвещения было прервано по-явлением матроса Альберта, который чуть ли не всю зиму находился в постоян-ной разлуке с трезвостью. Сейчас, очевидно, он встретился с похмельем настоль-ко чудовищным, что, учуяв запах его, кот, дремавший на верхних пустых ящиках, спустился ниже и, вытянув шею в сторону несчастного матроса, посмотрел ему в лицо с грозно восторженной пронизательностью. Темный и опухший Альберт отсчитал нетвердой рукой заранее осмысленную сумму и, слабея прямо на гла-зах, сказал почти шепотом: «Опухмели, Симошкя». Серафима Акимовна молча-ливо, торопливо и доброжелательно нарезала ему колбасы с хлебом, раздвоила соленый огурчик, уложила все это на тарелочку и уж потом только, вздохнув (но без осуждения), налила понурому страдальцу чуть больше полстакана: «Поправ-ляйся, Альберт Аглямович». Матрос опустился на перевернутый ящик и, очевид-но, редко ободряемый деятельным добром, посмотрел на Серафиму Акимовну с несколько театральной меланхолией. Явно не надеясь на согласие, он товарищес-ким тоном предложил выпить и мне (Серафима Акимовна закрыла глаза и от-вернула в сторону румяное свое лицо), — от изумления я даже не ответил, но предложенный бутерброд взял, ибо отказываться было бы невежливо, тем более что колбаса, твердая, темно-коричневая, с беленькими пятнышками сала, остро и приятно пахла не только сама собою, но и уважением к человеческой личности. Возвращаясь к жизни, Альберт сильным, но неясным слогом обрисовал положе-ние дел в мире, стране и на нашей Набережной улице. Не знаю отчего, но в убогом нашем магазинчике установилась атмосфера дружелюбной чуткости, и мы с Се-рафимой Акимовной сочувственно внимали матросу, словно повинуюсь тайным и мощным законом тихого человеческого братства.

Свое повествование Альберт вел с неторопливой значительностью и ничем — ни лицом, ни голосом — не выделил сообщение о том, что наш милиционер Расих застрелился вчера вечером «прямо в кабинет свой начальник». Ласковая пово-лока одобрителного внимания сменилась в Симочкиных глазах простодушно-горестным недоумением: «Зачем?» — и она спустила с колен кота, которого гла-дила с величайшим и медленным изяществом. «Зачем?» — повторила она и огля-нулась на меня как на ближайшего соседа покойного. Я только таращился. «За-чем? — сказал Альберт. — Ёхто знает: начальник его ругал, он начальник ругал». И окрепшей рукою он быстро и вроде бы между прочим протянул стакан для повторного наполнения — такие дела, мол, чего уж там... Серафима Акимовна почти прикрыла глаза — «все-все» — и мизинчик ее оттопырился с неким подо-бием строгости. По опыту своему и своих товарищей Альберт, в общем-то, знал, что больше она не нальет: характер у доброй женщины отличался необычайной твердостью. Очевидно, это редкое сочетание твердости и доброты позволяло ей, одинокой вдове, жить средь людей скромно, улыбочиво и чисто. Альберт вздох-

нул, попрощался с вежливой безысходностью и вслед за мною вышел на белый свет. Свет снегов был мягок и успокоителен, но надо мною словно повисло темное облачко: Расих застрелился — умер — не живет. Я дернулся обратно в магазин и торопливо выпалил Серафиме Акимовне: «До свидания». Она расцвела: «До свидания, хлопчик, до свидания». Не осталось и следа от недавней ее горести, и весь улыбчивый облик ее тихо излучал простодушную готовность к новым радостям жизни, радостям тоже неминуемым. Выйдя на простор, я оглянулся налево — церковь наша стояла среди белой тихости, голубая, стройненькая и радостная. Недаром, наверное, проходя мимо нее, я вспомнил: «...как у нас, голова бесшабашная, застрелился чужой человек».

Я мысленно перекрестился и пошел домой, успокаиваясь в предощущении, что смерть — дело житейское, неслучайное и вроде бы даже нужное. И припомнилось мне, что еще позавчера покойный (я помотал головой от непонятности) подарил мне конфискованный у хулиганов «драндулет» — изогнутую в нескольких местах железную трубу, на которой можно было кататься с горы и, самое соблазнительное, цепляться за машины. Но Расих, совестливо глядя мне в глаза, взял с меня слово, что я буду кататься «только с гора». «Машина будешь цепляться — отберу и прорубь утоплю», — сказал он, явно волнуясь вероятным трагизмом будущего возмездия. «Я дал слово», — ответил я не без высокомерия и отставил ногу, как тот цыпленок, изображенный обидчивой Машенькиной подружкой. «Ярар», — сказал Расих с облегчением и, шмыгнув носом, вдохновенно посмотрел на солнце — большое, малиновое, закатное. Вероятно, последний раз в жизни.

И вспомнилось мне, как летними вечерами, сидя на завалинке, я рассказывал ему сказки Пушкина. Упрямо наклонив большую голову, он внимательно слушал, и в его громадных, навывкате, голубых глазах явно боролись два желания — желание постичь пушкинскую живость и горячее нетерпение поскорее высказать свое к ней отношение. Последнее часто брало верх, и он прерывал рассказ разнообразнейшими восклицаниями, порою не совсем, как мне казалось, уместными. Но все же он слушал, и меня трогало, что в диковато-неподвижной восхищенности его глаз проглядывало что-то совсем ребяческое. От воспоминаний я почти потерял ориентацию и с минуту, пожалуй, стоял перед нашим удивительным, нашим добрым, нашим розовым домом, не вдруг его узнавая — немисливо грозная тайна смерти словно добавила к живой его красе черты молчаливо-недоброго истуканства. Перед «черным» входом стояло несколько соседей с криво надетыми шапками. Как запах почуял я тревогу и медленно подошел к ним. Девочка Ира объяснила мне, что недавно домой привезли тело Расиха, но жена его, разгневанная предательским самоубийством мужа, страшно кричала, неприлично ругалась и труп в комнату не взяла. Не понимая, я смотрел в почти веселые глаза «колдуньи»: «Ну, и где же он?» — «А в коридоре лежит, на полу, пойдем посмотрим». В полутемном нашем коридоре покойный действительно лежал возле стены, прямо на полу: в белом полушубке с ремнями, без шапки — голова его была прикрыта синенькой сумочкой-авоськой. Ноги в серых валенках с черными калошами лежали пятками врозь и чуть касаясь носками — косолапенько. «Как Маша», — охолонулась душа быстрым ужасом. Кто-то что-то говорил тихим, но страшным голосом. Чуть скрипнула, открывшись и не прикрывшись, чья-то дверь, и в коридоре стало светлее. «Это Нагима», — шевельнулась душа неуместной и словно бы диковатой радостью. Это действительно была она — в фартучке, руки ее выше кистей были в муке, голова чуть покачивалась, а из воротника вишневого кофточки белела шея — беззащитная, слабая и до странности нежная. Немисливо

прекрасное лицо ее казалось спокойным, но по едва заметному движению полудетских ее бровей и сомкнутых простодушных губ можно было подумать, что она про себя, без голоса, поет эхоподобную башкирскую песню — песню просторную и печальную. Что-то тихонечко спросила, наклонившись к кому-то с горестной учтивостью, медленно уводя взор, выслушала ответ. Постояла молча и вдруг заметила меня. Мы встретились взглядами. Я удивился — глаза ее смотрели прямо на меня с непривычной строгостью, а голова медленно и отрицательно покачивалась с очень серьезным и очень глубоким выражением. Тайный смысл этого явно не случайного и вроде что-то запрещающего взгляда долго оставался для меня загадкой.

Много лет спустя с томной и несколько смущенной грацией, меня доверчиво-бесстыдную позу на отдохновенную расслабленность, Нагима тоже, казалось мне, пела про себя что-то просторно-тихое. «Что ты поешь?» — спросил я ее. Она открыла еще не видящие свои глаза, но тут же прикрыла их локотком: «Песенку». Я вспомнил волнения того далекого зимнего дня и спросил, почему она, глядя мне в глаза, так значительно и серьезно отрицательно качала головой. Нагима удивленно обрадовалась: «А ты помнишь?» Отулыбавшись, она с простой и товарищеской сердечностью объяснила мне, что, заметив сходство «ярого» моего характера с нравом «пылкого» Расиха, она «попросила» меня не делать того, чего сделал он. «Запретила», — приподняла она брови и провела в воздухе пальчиком с уже холемым ноготком. «Я боялась», — закончила она с туманной и ласковой усмешкой.

Я постоял немного в приличной печали людского равнодушия и, побоявшись топтать ногами, стряхнул снег с валенок рукавичкою и пошел домой обдумывать случай странный и горестный.

Бабушка открыла мне дверь с молчаливо-взволнованной торжественностью. В сенях стояли серые валенки с черными калошами. Я понимал, конечно, что они не имеют ничего общего с лежащим в коридоре мертвецом, но все же смотрел на них с некоторой оторопью и легким оттенком полубезумного ощущения «умер — ожил». Я вздохнул и стал медленно «рассупониваться». «Копуша какой, — сказала бабушка, — прямо тихожуй, и все думает он что-то, думает. Дедушка вон вернулся, а внучок все канителится». Дрогнув сердцем и заморгав от новости, я взглянул направо, в сторону кухоньки. Там из-за развешанного белья было видно очень чистую руку с кусочком хлеба возле зеленой миски с картошкой, серые стеганные штаны и ноги в серых шерстяных носочках. Ступни имели не вольнохозяйяйский, а робко-гостевой вид. Бабушка привела меня на кухню, отодвинула простыню и, положив мне на плечи могучие свои ладони, представила меня дедушке. На меня смотрели родные глаза. Освоившись, я заметил, что глаза были мамины, вроде бы преодолевающие природную свою застенчивость. Бабушка с видом то горделивым, то назидательным, изредка и легонечко касаясь меня рукою, поведала дедушке о «подвигах» моей души и «безобразиях» моего характера. Закончила она похвальным словом тому, что она назвала «негасимым светом дворянской породы».

Дедушка недвижно смотрел в окно. Татарское лицо его было бледным, со странными шрамами на щеках и возле глаз. Порою дедушка сильно кашлял и сплевывал мокроту в особую баночку. Опасаясь судорог ребяческой души, меня, конечно, не сразу посвятили в суть шрамов, надсадного кашля и почти всегда неподвижного дедушкиного взора. Но со временем я узнал, что туберкулез, от которого дедушка вскоре и умер, он получил в лагере. Мало того, когда он им уже заболел, один майор госбезопасности плясал в сапогах на его большой груди, при-

говаривая: «Чтоб ты не харкал, дворянское падло, я те легкие отобью». «Отобью, отобью, отобью», — приплясывал и припевал он, восторгаясь гневом своим пролетарским, страстью своей партийною. А примерно за год до освобождения некий совершенно хмельной «врач» из лазарета, гневаясь на подозрительное развитие легочного процесса и молчаливую и всепонятливую усмешку пациента, избил дедушку куском колючей проволоки — бил по лицу. Не поднимая взора, дедушка рассказывал отцу (я затаился на печке) тихим и упавшим голосом: «Он в глаза мне старался попасть, кричал что-то про яичницу-глазунью». Глаза у дедушки были желтыми. Господи, как у Маши. Содрогнувшись, я помолился за желтенькие глаза и дедушки, и маленького моего товарища. Воображая в детстве эту «яичницу-глазунью» и эти «отобью, отобью, отобью...», я инстинктивно сгибался в три погибели, прикрывая локтем глаза, а ладонь сонную артерию. Это — пожизненно: я и сейчас боюсь коммунистов.

И всю мою жизнь со мной недвижный дедушкин взор — нет, это была даже не тоска и не только безнадежность, а покорно тлело в его глазах какое-то особое знание жизни и совершенное ее непонимание. От дедушки очень хорошо пахло — телесной чистотой, солдатской махорочкой и свежестью довоенного образца гимнастерки. Впервые за десять лет он ел не казенную еду, да и не «ел», а вкушал пищу с какой-то удивительно уютной опрятностью. После обеда мы вышли во двор, дедушка — покурить, а я «за компанию» и повинуюсь неожиданному желанию понять что-то неясно сложное касательно «драндулета» и принять решение насчет дальнейшей его судьбы. В рассеянности посмотрел Федор Алексеевич в ту часть коридора, где лежал мертвец, и, догадавшись о ненормальности ситуации, неторопливо подошел поближе.

Спрятав кисет, он снял шапку и, не меняя выражения лица, постоял над тем, что осталось от пылких человеческих страстей, таких нелепых раньше, а теперь таких беззащитно-жалких. Потом мы пошли к реке, я сбегал в сарайчик, взял «драндулет» и тихонечко катил на нем рядом с дедушкой. По дороге я рассказал ему кое-что о Расихе и добровольной его смерти. «Не умел любить», — сказал дедушка словно бы между прочим, и спокойствие тона придало неотразимую убедительность негромким его словам. Мы остановились на том самом месте, где давным-давно стоял я, провожая глазами милого мне пленного немца.

Я задумался: множество неясных ощущений и образов возникало и менялось в моей душе наподобие речной ряби во дни изменчивые и ветреные. Внезапно я заметил, что, замороженно созерцая белый внешний и смутный внутренний мир, я настойчиво соразмеряю расстояние от нас до большой полыньи, в которую впадала темно-красная, пахнущая шиповником вода Сутолоки. Машинально учитывалась и крутизна горы. «Доедет», — решил кто-то внутри меня, но явно помимо моего сознания. Я отошел назад и, разбежавшись что есть силы, оттолкнул от себя «драндулет», и он полетел вниз по накатанному лыжниками склону. Перед самой полыньей он остановился в рыхлом снегу. Не без досады я сбегал вниз и, опасливо ступая, dokonчил начатое дело — утопил «драндулет». Когда я взобрался наверх, дедушка, не меняя выражения лица, спросил: «Зачем?» — «Не знаю», — отвечал я с явным смущением и тайной облегченностью души.

Не знаю я этого и сейчас — много раз в жизни я совершал поступки, глубочайшая внутренняя убежденность в правоте коих явно противоречила внешней их бессмысленности.

Дедушка с явным, но робким удовольствием рассматривал просторную нашу окраину. Большеглазая боязливость тихого его восхищения была так трогательна, что мне захотелось сказать дедушке что-нибудь ободряющее и нежное. «А я

часто за вас молился», — сказал я, подумав. По сей день помню, как прозвучали мои слова в тишине — белой и, казалось, куда-то уплывающей. Дедушка удивился: «Ты веришь в Бога?» Я догадался, что с дедушкой хитрить не следует, и отвечал с простотою и легкостью, меня самого удивившими: «Да, конечно». Впервые я увидел дедушкино лицо изменившимся — оно стало несколько сконфуженным. Совсем простым. Хорошим. Дедушка положил мне на плечо легонькую свою руку. И стояли мы над родной, невидимой сейчас рекою — дед и внук, старый и малый, родные, но еще не близкие, как начало и конец простой русской притчи.

С необычайной, но тихой силой я чувствовал, что мы находимся с дедушкой в одном состоянии и созерцаем в нашей общей сейчас душе явление невидимого, но сущего.

Того, кто теплится в нас правдой, любовью и совестью.

Того, кто ведет нас по этой неяркой и простой земле.

По-за край души...

* * *

Упала сгнившая скворечня...
Н. Дмитриев

У соседа упала скворечня,
потому что соседушки нет.
Пусть ничто в этом мире не вечно,
мы столярим с сынишкой чуть свет.

Ничего, что всю заднюю стенку
выел ветер и дождь исколол;
мы готовим другую на смену,
забиваем гвоздочки с углов.

Да, у нас и своя есть скворечня,
но весною гостей нам не счесть.
Пусть с рассвета до зорьки вечерней
соревнуются – кто побойчей.

Подлиннее мы жердь выбрали,
чтобы рыжий наш кот не достал.
Чуть не всею семьей водружали
это знамя крыла и хвоста.

Знамо дело, есть чем мне заняться,
но душа б беспокойна была...
Пишет сын свои детские святцы,
жизнь и смерть их не выжгут дотла.

У ОКНА

По утрам белым-бело.
Молоком вскипает

ЛУКИН Борис Иванович – поэт, переводчик, член СП России. Родился в 1964 году в Нижнем Новгороде. Окончил Литературный институт им. Горького (семинар поэзии Евгения Михайловича Винокурова). Работает в «Литературной газете». Борис Лукин – автор книг стихов «Понятие о прямом пути» (1993), «Междуречье» (2007), «Долгота времени» (2008) и многочисленных публикаций в российской и зарубежной периодике. Живет в Подмосковье.

луговина за окном –
тает, тает, тает...

Мир, разбуженной рекой,
бродит берегами.
Близко – стало далеко.
Узнаю местами...

Скворчик выбрал свой шесток,
прогоняя лихо.
Позовет к окну сынок,
спросит очень тихо:

– Папа, черные барашки
топчут белые луга.
Папа, а на небе страшно?
– Где, сынок, твоя рука?

...Речка воду наперед
черпает в глуши.
Так и я который год
по-за край души.

* * *

Снег пошел. Да это небо
тянется к земле.
Чтобы нам, кому там не быть,
жить не по себе.

Чтобы тело прозябало
не с того, что стынь.
Потому что оторваться
трудно от земли.

РЕКВИЕМ

В. Н. Крутину

Нашим старым отцам
было в радость, что мы молодые.
Что ровесников наших отцы
им годятся в сыны.
Каждый год нашей жизни
для них как листы наградные –
за отвагу,
за храбрость,
за веру в бессмертье страны!

Это мы – за Россию...
Они – за сестрицу и брата,
за родительский дом,
за святой в три захода погост;
и, дойдя до бессмертья,
вернуться сумели обратно –
на родимую землю
так сладко ступить
с облаков.

Возвращались любимые!
А теперь все уходят, уходят...
Да и век опрокинулся следом за горизонт.
Наше время пришло!
Значит,
Богу
так было угодно,
нам остаться
один на один
в этом мире
со злом.

* * *

Что-то часто стал сниться друзьям.
О врагах и не знаю, что думать.
Омск, Орел, Нижний, Тула, Рязань –
с грустью вас покидаю под утро.

Как же нас разбросали за жизнь
километры и годы дорог.
Я сквозь сон слышу: «Друг, задержись!
Мы как в юности встретим восход».

Вот бы ночь напролет прогулять
по-над Волгой, но звезд бакена
в путь зовут без ветрил и руля...
На дорожку мы выпьем вина.

Побываю в сибирской тайге –
городской, неуклюжий, чужой, –
сохраняет душа в тайнике:
тянут плечи рюкзак и ружье.

Там, где я порыбачить успел,
еще помнят меня у костра.
Я чешуйку легонько поддел
на запястье, проснувшись с утра.

Ой, как коротки ночи мои,
все прожить не хватает минут.
Снится жизнь... Теплит память огни.
И сегодня я вряд ли усну...

Что-то часто стал сниться друзьям.
О врагах и не знаю, что думать.
Омск, Орел, Нижний, Тула, Рязань –
с грустью вас покидаю под утро.

БАНЬКА

Русский любит пар духмяный.
Ну, а с милочкой – вдвойне.
Сам – как яблочко румяный,
а она-то, снится ль мне?
Тело пышет, глаз не знаешь
и на чем остановить.
Вспоминается о рае,
только скажешь о любви.
Не за эти ли проделки
потеряли предки рай?
Веничек пробежкой мелкой
поднимает кровь с нутра.
И пошла с двух рук работа,
не глядят глаза от пота:
а, наверно, хороша!
Где тут тело, где душа?

БАБЬЕ ЛЕТО

Дыхнул октябрь теплом последним
в дверь, отворенную тобой:
так озорно вбежит наследник –
он весь огонь и непокой.

На все небесные угоды,
на всю земную благодать
последний летний жар исходит,
как угли яблоки в садах.

Летит искрою лист; и тают
узоры рощи кружевной.
И что-то зреет там, за далью,
как летом – в глубине земной.

И то, что зреет, – будоражит,
не менее чем твой приход.

Ты принимаешь взгляд мой жадный.
Я понимаю этот вздох.

ПТИЦЫ НЕБЕСНЫЕ

Теперь она часто смеялась,
казалось бы по пустякам.
Мне нравилось, что не стеснялась
морщинок, бегущих к вискам.

«Да ну их...» – махнула рукою,
как будто крылом над водой:
и боль устремила к покою,
и счастьем звался тот покой.

Любимый домой возвратился,
бег жизни зажав в кулаке...
Опять за оконцем синица,
и по небу клин журавлей.

* * *

Собирают детишки ботву, –
для незнающих – это работа,
а они только этого ждут;
поскорей бы сухая погода.

Дождались... Вот бегут кто быстрее –
в вечном споре, ну кто же кого...
То мальчишка – несется как ветер,
то девчонка – летит стрекозой.

За охапкой охалка – все выше.
И костер нам пора разжигать.
А они словно это не слышат,
им – не кончилась лишь бы игра.

Уж за спички, и тут вперехватки.
Но пошел долгожданный дымок.
На пеньках ждут огня первой схватки.
Занялось!.. И щемящий восторг.

...Вот зачем заготовили палки,
чтоб ловчее искру ворошить.
...Но пора за картошку в считалки,
кому выпадет в жар положить.

И опять шебуршат костровище,
умножая на небе звезду.
Знать, там тоже картошечку ищут
и все просят: «Еще бы одну».

ОСЕННИЕ СНЫ

По Оби до Иртыша
греб кораблик не спеша,
ну, а мы на нем.
Справа, слева все леса –
черно-бурая лиса
занялась огнем.

А в России – тишь; сентябрь
снаряжает свой корабль
нашему вослед.
За Уральский за хребет
от российских зол и бед,
от плохих вестей.

Дай Бог вывести ковчег
в жизнь от адовых печей
Родины моей
по листве как по воде, –
все скрывается в огне,
если тьма милей.

Где-то там была Москва –
легковесна на слова
и дела свои.
Нет ни Волги, ни Оки.
Помнишь – город у реки,
церковь на крови.

Не успели отмолить
даже краешка земли.
Нас спасли зачем?
Ты смотри не вдаль, а ввысь...
Ты молись, сынок, молись,
нам не до речей.

Творческий путь писателя Рима Ахмедова

Юность начиналась с поэзии. Еще в восьмом классе выступил с циклом стихотворений по Башкирскому радио. В десятом классе напечатал стихи в газете «Ленинец», затем в альманахе «Литературная Башкирия». В 1953 г. успешно выдержал творческий конкурс в Литературный институт, где высокую оценку его стихам дал К. Симонов. В институте начал писать рассказы и окончательно перешел на прозу. Получив блестящее образование, после института почти пять лет проработал на Центральном телевидении, где ему тоже было обеспечено прекрасное будущее — по его сценариям регулярно ставились постановочные передачи, в том числе многосерийные. Но тоска по родному городу никогда не покидала его, что отразилось в стихотворении об Уфе: «Разве можно забыть тот город, где родился, и вырос, и о жизни подумал всерьез?!» Не забыл. Любовь к отчужденному дому оказалась сильней любых соблазнов. К началу 1963 года он окончательно и навсегда вернулся в Уфу. Здесь продолжилась его (не всегда гладкая, но постепенно крепнущая) творческая жизнь. Его талант был оценен и на Башкирском телевидении, в журналах и газетах. В 1974 г. вышла книга рассказов «Цветы из-под снега», сразу завоевав и читателя, и критиков. Они, критики, пожалуй, расскажут о писателе более беспристрастно.

На первую книгу откликнулся большой рецензией Б. Павлов, отметив, что «в рассказах Рима Ахмедова мы часто встречаемся с людьми труда, светлыми душами, утверждающими высокие нравственные идеалы. Люди эти рисуются автором или нежными, как бы акварельными красками, или ярко выпукло. Рима Ахмедова, пишущего на русском языке, трудно упрекнуть в незнании языка, неумении использовать его образность и краски...» («Ленинец», 1974) Книги рассказов и повестей стали появляться одна за другой с небольшими перерывами, не залеживаясь в магазинах, тепло встречаемые критикой. И все отмечали языковое богатство и образность: «Открытость, доверчивость, честность, простота и правда подкупают читателя, с которым автор ведет задушевную беседу» (В. Чемляков, «Уфимские нивы»). В одном из интервью автор книг сказал: «В Москве, возможно, я бы прославил только свое имя, а здесь, на родине, меня и так знают, и мне хотелось бы, чтобы люди как можно больше узнали бы о неповторимой красоте Башкирии». И это воплощено в книгах «Слово о реках, озерах и травах», «Голубые пятнышки», «Кладезь». Особую известность принесла писателю книга «Одолен-травя». «Сегодня Рим Ахмедов — редкий представитель особого литературного жанра, писатель-травник. Его книги о лечебных свойствах трав широко известны, выдержали множество переизданий, на него ссылаются в своих монографиях маститые фитотерапевты, ему заказывают статьи солидные научные журналы. А своим особым отношением к природе, к каждой былинке, которая — Ахмедов знает точно — куда более живая, чем принято пока считать, напоминает своего земляка Сергея Тимофеевича Аксакова» (Г. Агишева, «Вечерняя Уфа»).

«На титульном листе новой книги можно было бы поставить: роман. Писатель говорит не только о травах — он рисует характеры, которые достаточно четко проступают в отношении больных к недугу. Он показывает человеческие отношения, как они проявляются в ситуации подчас безнадежной болезни, — отметил после выхода «Одолень-травы» литературный критик А. Касымов. — Главное — из книги предстает перед нами образ писателя-гуманиста. Для этого травника, кажется, нет болезни, которую было бы нельзя вылечить, нет ситуации, когда было бы нельзя хоть попытаться помочь страждущему. (Я знаю двух людей, которых в буквальном смысле вернул к жизни Рим Бидалович Ахмедов. Они говорили про него с любовью, с великим почтением). Тут приходит на ум Альберт Швейцер — великий доктор из Ламбарене, оставивший музыку, философию, теологию ради того, чтобы помогать больным и невежественным, чтобы нести им здоровье и свет. Он учил благоговению перед жизнью. И вот ценность книги Рима Ахмедова “Одолень-травы” не только и не столько в конкретных рецептах — писатель учит нас любить жизнь. И учит неназойливо, исподволь. Учит видеть единство человека и природы, той самой природы, из которой мы вышли и которая так много знает о нас. Надо только прислушаться к ней. И талант писателя Рима Ахмедова в том, что он умеет прислушиваться и знает, как применить услышанное». («Вечерняя Уфа», № 143).

Творчество Рима Ахмедова только этим не ограничивается. Он провел сотни творческих встреч с читателями. До 2001 года семь лет руководил литературным объединением «Исток» при заводе им. Кирова, причем не по чьему-то указанию «сверху», а по просьбе самих рабочих. Трое из этого литобъединения стали членами Союза писателей России.

Возраст — не помеха для любого писателя. Недавно вышла в свет новая книга Рима Ахмедова «Растения — твои друзья и недруги» (Китан, 2007 г.) В плане издательства на 2008 г. стоит юбилейная книга повестей и рассказов «Мое разноцветье». Писатель продолжает работу над повестью-хроникой «Промельки», отдельные главы из нее публиковались в журнале «Бельские просторы». Задумана и частично осуществлена в рукописи книга «Братья месяцы у моего костра».

В одном из интервью писателю задали вопрос: мы бездумно уничтожаем родную природу, не ценим, а порой просто забываем свою историю, разрушаем культуру, волна насилия захлестнула жизнь россиян, — неужели это победит добро? Рим Ахмедов ответил: «Вспомните нашу многовековую историю, не так-то много в ней светлых пятен, но, как бы много зла ни выпадало на долю России, светлое и возвышенное духовное начало всегда оставалось ее путеводной звездой. Во все времена были и есть светлые умы, представляющие собой совесть нации. Именно они не дают возможности восторжествовать злу. Это относится не только к текущей политике, но и ко всей жизни, в том числе и отношению к природе».

Рим Ахмедов

СТАРАЯ ЛИПА

В старинном уральском городе на тихой тенистой улице стоит в глубине векового сада высокий каменный особняк. Со стороны дороги сад огорожен ли-

той чугунной решеткой работы неизвестного, должно быть, талантливого мастера, который сумел вложить душу в причудливые переплетения линий.

Белый особняк с колоннами и лепными украшениями некогда принадлежал важному губернскому чиновнику. Ныне в нем разместился научный институт. А сад открыт для всех. Днем здесь сидят на скамейках, качая малышей, мамы и бабушки. Вечерами забредают влюбленные.

Дом и люди живут своей жизнью. У сада тоже заботы свои. Пожилые деревья прячутся в глубине, поближе к зданию, а молодые, еще ничего не выдавшие в жизни дерева выглядывают на улицу, беспечно просовывают сквозь решетку неокрепшие ветки. Конечно, это необдуманно и неосторожно, ибо их и стригут по весне, и прохожие обламывают, но, видимо, на то и дана молодость, чтобы все испытать и изведать и чтобы в старости было о чем вспомнить.

С наступлением весны не только молодые, но и старые деревья начинают ощущать, как их тела наливаются непонятной, беспокойной, тревожащей силой, от которой хочется сорваться с места. И нет никакого сладу с этой силой, от нее и больно, и хорошо. Изнывают в истоме корни, напрягаются ветви, лопается кора, а почки сладостно и колко распирают набухшую соками плоть.

Первым попавшимся теплом обычно обманываются молодые. Они нетерпеливо высовывают зеленые язычки, как бы пробуя на вкус остроту весеннего воздуха. Старые деревья не спешат. Только переждав суровые отжимки, они выбрасывают листву.

Самое почтенное дерево в саду — старая липа. Она росла на этом месте еще в те времена, когда города и в помине не было. В густом лесу, где липа была всего лишь юным прутиком, прятался от набегов последнего сибирского хана бедный люд. Потом лес вырубил и возвели город. Много деревьев тогда полегло. Со стоном валились березы и сосны, молча падали дубы. Липа выжила каким-то чудом. По всей вероятности, потому, что на нее вешали свои котомки строители богатого особняка.

Жизнь в городе оказалась беспокойной. На теле липы немало рубцов от былых пожаров. Однажды на ее ветвях взбунтовавшиеся мужики повесили хозяина особняка. Потом вешали на ней мужиков. Возле липы расстреливали и людей с красными звездами на шлемах. Пули проходили сквозь их тела, впивались в ее тело. Досталось ей и от пушек. Большое дупло — память о горячем осколке снаряда. Покой пришел каких-то полвека назад, когда на особняке вывесили красный флаг. Теперь бы жить и жить, но силы уходят, и каждое новое годовое кольцо обручем стискивает грудь.

Нынешняя зима выдалась суровой и долгой. Казалось, больше никогда не будет весны. Деревья перестали верить в нее и стояли, горестно воздев к небу обмороженные сучья. Но весна пришла внезапная и жаркая, растопила снега так быстро, что заспанная трава оказалась застигнутой врасплох: ей ведь первой поднимать голову!

И все пошло своим чередом. Как всегда, поспешила опередить других ревнивая бузина. Потом торопливо начали соскакивать душистые клейкие колпачки с тополя. И если б не шелест проезжающих мимо автомашин, не людские голоса и обычный дневной шум улицы, то, прислушавшись, можно было бы услышать необычные звуки: ликующий барабанный треск лопающихся на деревьях почек.

Сад зазеленел белотелой, еще не успевшей загореть под солнцем листвой. Вот и неженка-акация выставила напоказ мелкие кудряшки, будто только сняла бигуди. Одна старая липа высилась сухая, черная, безучастная ко всему. Ее вид придавал саду оттенок скорби и печали, навевал грустные мысли о бренности бытия.

В саду всего с десятков скамеек, а под липой ставили сразу две или три. Говорили на этих скамейках обо всем. Можно было узнать о жизни в других городах, о ценах на рынке, о новом космическом корабле, о мужьях, о докторе, творящем чудеса. И вот скамейки пустовали. Липа не давала тени. Приходили, правда, две старушки. Занятые вязаньем, они грелись на весеннем солнышке, но разговаривали редко, чаще вздыхали.

Началось с того, что одну из скамеек перенесли к соседнему тополи, другую вообще уволокли в конец сада. Липа осталась одинокой. На всех деревьях птицы вили гнезда, распевали песни, но ни одна из пичуг не присела отдохнуть на ее голые ветви. А какое же ты дерево, если нет на тебе ни одного птичьего гнезда?

Как-то вечером появились в саду трое мужчин в брезентовых фартуках. Они остановились около липы. Один похлопал по могучему стволу, восхищенно произнес:

— Кубов шестнадцать потянет.

— Как пилить станем? Куда валить? — забеспокоился другой.

— По частям разделаем, — спокойно сказал третий.

Люди в фартуках помолчали. Покурили. Опять обошли липу со всех сторон.

— Может, на той неделе начнем? — предложил первый.

— Откладывать нельзя, — отозвался второй. — Случись буря — выворотит. Дом повредит, а там приборы всякие.

— Нехай завтра и приступим, — сказал третий.

Они снова похлопали липу и ушли, окончательно решив ее судьбу.

Деревья в саду, как по уговору, притихли. Умолкли и птицы. Старую липу окружила тишина, торжественная и печальная. Лишь молодая осинка, единственная в саду, не в силах была удержаться, горько шелестела и шелестела. Немощная, слепая, оглохшая липа едва шевелила верхними веточками, точно прощалась.

Кому-то и могло показаться так. На самом же деле собиралась гроза, и все живое в природе ожидало ее приближения с покорностью и страхом.

Небо еще с полудня начало сгущаться, набухая влагой. Оно помутилось, налилось лиловой синью, потяжелело. Светившее снизу солнце предупреждающе очертило багряной медью края растущей грозовой тучи. Люди показывали на тучу пальцами, закрывали окна и форточки, снимали с веревок белье. Попрятались кошки и собаки. Исчезли птицы. А что оставалось делать деревьям? Только замереть и ждать.

Гроза собиралась долго. Вначале она попыхивала слабыми молниями, запрятанными в самую глубину тучи, ворчала не страшно, будто хотела внушить, что она никому не хочет причинить зла и не надо ее бояться. А сама открыто набиралась сил.

Туча все ниже нависала над городом, клубилась от нетерпения, нагнетала под собой пустоту. И когда мир вокруг окончательно оцепенел, в эту пустоту ринулся ураганный ветер. Он промчался, хмельной от удали, сшибаясь с домами, ударяя в окна, прижимая деревья к земле. Его порывы были настолько сильны, что не выстоял хрупкий тополь, тот самый, под которым поставили скамейку. Треснул ствол, и крупная ветвь рухнула вниз, терзая листья. Старой липе было легче, чем остальным деревьям: ветер проскакивал между голых ветвей.

Вихрь промчался, оставив за собой гнетущую тишину ожидания. И вот, словно пробуя на звук, в этой тишине прозвучали редкие пока, но крупные, полновесные капли. А еще немного погодя, с ослепительной вспышкой молнии, хлынул ливень. Можно было подумать, что туча без остатка впитала в себя небо и вместе с ним обрушилась на землю, на дома, на деревья.

И опять старой липе было легче — без листьев... Но еще легче ей было бы, если б листья все-таки были... Пускай хлестал бы по ним ливень, рвал ветер, обжигали молнии. Что это за жизнь — без листьев и без грозы? Ее черное тело тянулось из мрака навстречу вспышкам молний, будто молило: ну, ударь, ударь же!

Уже не упомнить, сколько весен она распускалась и цвела, сколько пережила бурь. Но что из того, что за плечами века? Жить-то хочется сегодня. Жизнь тем и сладка, что приходится страдать от морозов, изнывать от жары, бояться гроз и радоваться солнцу. Неужели никогда не доведется ощутить на себе приятную тяжесть листвы, испытать в цветах блаженное щекотанье пчелиных лапок? Гром грохотал беспрерывно. Молнии загорались одна от другой. Качались и скрипели обезумевшие деревья. А старая липа жадно впитывала иссохшейся корой грозовую влагу. Шевельнулись в земле ее корни. Непослушные, полуистлевшие, они рвались от усилий, но по уцелевшим, пульсируя, как кровь, поднимался из темных недр к стволу живительный сок. От него покалывало в онемевшем теле.

Гроза отшумела и ушла. Светло и тихо плакал сад, потирая ушибы и ссадины. Скатываясь с листьев, звучно падали вниз остатки дождя. Земля была устлана сорванными бурей ветками и листьями, но живой листве было не до них. Умытая, свежая, выстоявшая, она тянулась к лучам восходящего солнца.

Изумительно синий день поднялся над землей, отряхивая приставшие клочья тумана. Играло солнце. Дрожал и переливался воздух, чистый и упругий, ощутимый, как плоть. Неслышен был ветер, застыл невидимкой. Иногда лишь чувствовалось, что он здесь, рядом, но молчит. Дым из далекой заводской трубы поднимался в растерянности: куда податься? Так он и рос свечой, слегка наклоняясь то в одну, то в другую сторону, пока не исчезал, растворяясь в вышине.

Когда с пилой и топорами пришли люди в брезентовых фартуках, липа стояла, отяжелевшая от почек.

— Глянь-ка, ожила старуха! — изумленно воскликнул первый.

— Все равно кончать надо, — буркнул второй. — Не нынче, так на будущий год придется.

— Нехай себе живет, — решил третий, потрогав мелкие, с краснинкой почки, из которых высовывались туго спеленутые свертки остреньких листиков. Его обветренное, задубевшее, будто древесная кора, лицо просветлело. Он устремил взгляд вверх, туда, где в ветвях, надрываясь и захлебываясь от избытка чувств, самозабвенно пела свой птичий гимн жизни какая-то серая, с малиновой грудкой птаха.

Бабье лето

* * *

Бабье лето. Бабье лето.
Токи радостного света
Из небесного окна.
Даль сентябрьская видна.
В красной радости рябина.
В золотистой паутине
Вязнет свежий ветерок.
Мне не надо ягод впрок
В пудре сахарной, в глазури.
Когда солнышко сощурит
Очи ясные свои,
Гроздь багряную сорви,
Поднеси мне на ладони,
Как царице, что на троне
Ждет внимания царя,
Может, зря.
Намекни, что бабье лето —
Это рама для портрета
Со счастливым блеском глаз,
Любящих не напоказ.
Если я в глазах твоих,
Если ты в глазах моих,
Значит — счастье на двоих,
Токи радостного света
Увенчают бабье лето.

* * *

Бывает, — хоть это нелепо, —
Сгораю на диком костре
И вновь возрождаюсь из пепла
В своем золотом октябре.

И ты, мой ревнивый мучитель,
Возводишь до неба огонь.
Пора бы уже научиться
Рассудок свой слышать: не тронь!

Не тронь эти угли, что тлеют,
Не дуй, где пожары цвели...
На огненной той карусели
Высот мы достичь не смогли.

А небо по-прежнему чисто
В холодном раскладе времен.
Мне грезится тихая пристань
И душу врачующий сон.

Давай вскипятим старый чайник
На газовом бледном огне.
Пусть ветер осенний качает
Остывшую ветку в окне.

ВЕСНА КРУГЛЫЙ ГОД

Второпях остывает короткое лето.
Жухнут сочные травы, пустеют поля.
Осень. Осень опять.
Только я не об этом,
А о том, как спокойна, прекрасна земля
Даже в грустную пору недолгих прощаний
С тихой благостью солнца, грибного дождя.
Замолчала кукушка, уже отвещала нам
Сроки жизни.
Чего еще ждать?
Мы идем по жнивью всех надежд и мечтаний.
Урожай — наша радость, наше счастье, любовь.
Пляшет ветер судьбы свой затейливый танец,
А ему, как известно, подвластен любой.
Так и кружимся мы.
Только я не об этом.
Что положено в жизни, от нас не уйдет.
И не важно: зима за окном или лето,
Если любишь,
То в сердце весна круглый год.

* * *

Вечер к ночи клонится.
Нет в замках секрета.
Будь моей бессонницей,
Будь моим рассветом.
Будь моим забвением
И моей усладой.
Сброшу с плеч сомнения,
Обольюсь прохладой,

Закачаюсь — улечу
На твоих ладонях.
Ты — молчишь. И я — молчу.
Ночь поет и стонет.

* * *

Сентябрь мой желтый,
Сентябрь-разлучник,
Блесни улыбкой
Из мрачной тучи, —
Пусть безнадежность
Утратит силу,
Заголубеют
Глаза России,
Воспрянет духом
Познавший горе,
Найдет путь верный
Завязший в споре,
Любовь проснется,
Ростки распустит
Сквозь дождь осенний
И навесь грусти.
Сентябрь — разлучник
С зеленым летом,
Настрой веселый
Оставь поэтам —
Пусть сеют слово
По доброй пашне.
Пустое сердце —
Как лист опавший.
Но даже в прахе
Сокрыты дрожжи.
Весна таится
Под белой кожей
Снегов сыпучих,
Морозов синих,
Весна надежды,
Весна России.

ПРАЗДНИК

Звонок. Распахиваю дверь:
Цветы — багряный праздник
Среди обид, среди потерь,
Среди других okazji.

Твоя улыбка — мой восторг,
А в целом — наша радость.
Убогий угол, как чертог,
В нем святость и парадность.

Я тихо, искренне молюсь
Земному совершенству
И даже смерти не боюсь —
Приму ее блаженство.

Ну а пока... пока я тут,
Пока грозитя осень,
Вновь гладиолусы цветут,
И ты мне их приносишь!

ХЛЕБОСОЛЬСТВО

Деревянные ложки в узорах
Да миски из глины,
Хлеб, душистый, ржаной,
На расшитом лежит рушнике.
Пескариный навар,
По традиции кухни старинной,
Жарко дышит уже
На середине стола в чугушке.
Разносолы с укропом,
С чесночной приправой,
По-русски
Подперченное щедро,
Рябит пескарей серебро.
У хозяйки хлопочущей
Быстрые, ловкие руки,
От радушных движений
Как будто исходит добро.
Побасенкой да шуткой
Завязана крепко беседа.
Весельнь за столом,
В пору песне по кругу расти.
Что ж такого?
Сосед угощает на славу соседа.
Так в России велось,
И ведется,
И будет вестись,
Как бы жизнь ни крутила,
Что б с нами в дальнейшем ни случилось...
И сама я не раз
За таким вот столом угощалась.

* * *

Из темной ночи белых птиц зову.
Крошу на чистый лист слова — приманку.
Себе я утешительно солгу,
А этим птицам — душу наизнанку.

Себя я оправдаю и прощу
За дерзкий шаг по скользкому настилу.
А этих птиц признаньем угощу,
Что на пустое часто трачу силы.

Что очень часто путаю ключи,
Чтоб отомкнуть замок в мир обретений.
И кружат надо мной тогда в ночи
Не птицы белокрылые, а тени.

Чем накормить их? В сердце пустота,
А в строчках боль, отчаянье и ропот
На тяжесть Богом данного креста.
На то, что каменисты к небу тропы.

Я расчищаю путь себе, любя,
Быть может, не того, кто может сбыться.
Немилостива Госпожа Судьба,
В неволе у нее томятся птицы.

Те, с белыми крылами. И мой зов
Теряется в ночных переплетеньях,
И наказаньем кажется любовь,
А муки слова — от нее спасеньем.

На черном фоне, — то мой путь земной, —
Рисую яркой краской небылицы,
И тут взлетают, кружат надо мной,
Пророчат свет таинственные птицы.

* * *

Отсмеялось бабье лето
На серебряном мосту,
Золоченая карета
Вдаль уносит маяту.

Отсмеялось, как отпелось
На простуженных ветрах,
И рябиновая спелость
Пообмякла на губах.

Очи смеживает сонно
День — повеса из повес,
Но еще целует солнце
Синеву крутых небес.

Ну, а ты проходишь мимо
Утихающего дня.
Я с тобой прощаюсь, милый,
Ты ищи весной меня.

На выезде

Из цикла «Чеченские рассказы»

ЛИХОЛАТ

1

– Заберешь раненого, и там... действуй по обстановке, – запинаясь Лихолат в рацию без зашифрованных слов. – Понял?!

– Понял, – ответил Борисенко.

Борисенко вслушивался в выстрелы и взрывы, лез в землянку, сильно сгибая длинную спину, и, ссутулившись, выходил наружу. Потом он надел бронезилят, напихал броню бойцами, пулеметами, гранатометами. Последним втиснулся Климыч со снайперской винтовкой на плече – здоровенный контрактник, похожий на байкера.

Климыч носил черную косынку, перчатки с обрезанными пальцами, небрежно морщился от солнца, но был сосредоточен: он ехал на войну, он знал, как выглядит человек, который *реально* едет на войну.

Ехать было километров восемь. Борисенко сначала прикрикнул на бойцов, чтобы не высовывались, а потом приказал закрыть люки.

За поворотом «чехи» добивали из зеленки колонну. От грузовых машин тянулись темные дымы, тыкаясь в сторону Борисенко, как большие змеи. Бойцы, укрывшись в кювете, из-за покинутых машин вели суматошный огонь по зеленым выступам гор. В ярком и тягучем воздухе стояла трескотня, хлопали подствольники, что-то рвалось, разламывалось и кричало. Крытый брезентом «ЗИЛ» пытался объехать осевший впереди «Урал», сунулся на встречную полосу и получил пулю. Борисенко казалось, что он смотрит замедленный фильм; опомнившись, он приказал выжать полный, проскочил разбитую колонну, едва не задев «ЗИЛ».

Борисенко знал, что на развилке стоят омовцы. На прошлой неделе он проезжал этот блокпост.

2

На развилке стояли пэпээсники. Они заменили на блокпосту других пэпээсников, а раньше когда-то здесь действительно стояли омовцы.

Майор милиции Блинов, как только началась пальба за зеленкой, а попросту – за лесом, скрывающим участок дороги за поворотом, вышел на связь. Он предлагал разведку отделением (то есть десятью бойцами, которых сам и надеялся возглавить). Предлагал вызвать вертолеты – которые и должен был вызвать, но в случае нападения на его блокпост. Или вызвать артиллерию – какую-то артиллерию, может «Град», – она где-то стояла и могла работать в его интересах. Но получил приказ: «Полная боеготовность. Ждать указаний».

Блинов был молод и моложав по-мальчишески. Романтика в нем, особенно в военной ее части, еще не до конца уступила место цинизму. Имея связи и быстро проходя служебные ступени, Блинов еще всерьез относился к некоторым вещам. Нельзя сказать, что он верил в то, например, что милиция предназначена для правопорядка, но все же во что-то хорошее он верил. Главное, что в душе Блинов был больше военным, чем ментом.

Поднимая пыль, бронетранспортер несся на блокпост так, что милиционеры в бронезилетах и сферах, выставив вооружение из-за бетонных плит, могли подумать, что «чехи» захватили этот бэтээр в колонне, и теперь – это теракт. Больше всех так мог подумать Блинов. Но он подумал просто: «Бэтээр с боем прорвался из засады».

«Омоновцы» забросали Борисенко вопросами, но Борисенко ничего им не мог пояснить внятно.

– Отдохни, капитан. Водки хочешь? – спросил его Блинов уважительно.

– Да... нет... давай, – промямлил Борисенко, садясь на патронный ящик в «курилке».

Борисенко вообще не пил водку (если сравнить Борисенко с Блиновым – они были одного возраста, – то Борисенко как раз в душе был больше ментом, чем военным); но сейчас Борисенко выпил полный пластиковый стаканчик водки, не опьянел. Он вряд ли заметил, что выпил водку. Для пэпээсников он был вырвавшимся из «ада» офицером. Борисенко прочел это в их глазах и уже тогда выработал свою линию поведения. «Главное – не оправдываться, – думал Борисенко. – Они сами все там мудаки, по-любому».

Трескотня стала слабеть, дав несколько всплесков, запоздалый выстрел, другой выстрел, хлопок подствольника и разрыв после него.

Блинов провожал бронетранспортер Борисенко завистливым взглядом, наивно проклиная свою ментовскую судьбу.

3

Бойцы вылезли из кювета, ошалело отряхивали линялую форму, курили. Слышны были уже их гомон и смех. Лихолат бил носком ботинка по заднему колесу «Урала», как вылетевший из седла кавалерист бьет лошадь, не желающую вставать. Потом Лихолат – без кепки, с растрепанными волосами – стал искать офицеров, налетать на солдат, гнал их к разбитым машинам и за носилками.

Застигнутый в колонне старший лейтенант Ильюшин повез раненых в полк на уцелевшем «ЗИЛе». Борисенко подъехал, когда из кабин и бортов вытаскивали и соскребали трупы. Багровый Лихолат тяжелым движением грузноватого человека шел на Борисенко, как в драку. Но Борисенко, опережая комбата, впал в истерику:

– По обстановке! А ты видел обстановку? – он едва не хватал Лихолата за грудки.

– Сука! Я тебе покажу обстановку! Ты... – Лихолат плюнул в горячую пыль и пошел прочь.

Он плюнул от бессилия. И, в сущности, ему было плевать на Борисенко. Он видел разгром на дороге, но знал где-то внутри, что разгром – вовсе не разгром. Он не знал пока еще – что *это*. Он внимательно всматривался в пробоины в кабинках машин, будто силился что-то понять.

Лихолат не мог ничего понять, но он не первый день служил в армии и ему помогал опыт. Опыт говорил Лихолату, что Борисенко («какое бы ни было это

чмо») не нужен в рапорте. «Огнем батальона... действуя слаженно... противник рассеян... – вот что такое рапорт! А Борисенко в бою не было, оставался на месте, для обороны, сука!»

До сумерек разгребались на дороге. Машины нужно было волоочь в полк. Волоочь было, как водится, нечем. Но, как водится, справились. Заодно организовали оборону, пополнили боекомплект. Распоряжался Борисенко; он был распорядительным командиром на хорошем счету и даже готовился поступить в академию. «Снова вывернулся», – подумал Лихолат о Борисенко. И еще подумал с тоской: «Главное – прикрыть задницу».

4

– Какие, на хер, слаженные действия! – орал Виноградов. – Просрал колонну!

Перед командиром полка лежали цифры потерь. Эти цифры не спасали слаженность действий, огонь батальона и рассеянный противник – которого никто не сосчитал!

Нужны были бронесилы полка. Нужен был огонь вышестоящего начальника. «Чехов» – человек сорок. А главное – нужен был героизм. Виноградов так и сказал – «Героизм». А потом сказал Лихолату: «Перепиши!»

Виноградов тоже не первый день служил в армии. Но он, в отличие от Лихолата, умел не только «прикрыть задницу», но и рисковать. Еще он имел немножко воображения. Это был молодой и перспективный полковник. До того молодой, что почти ровесник Лихолата – капитана. Виноградов смотрел на Лихолата из-за стола снизу вверх, но свысока, как на подчиненного и неудачника.

Во втором рапорте Лихолата героизм был значительно усилен. Теперь присутствовал Борисенко. Лихолат включил его отчасти из иронии, в отместку Виноградову, который высоко взлетел с героизмом и высоко взлетал по службе. Выходило, что командир четвертой мотострелковой роты капитан Борисенко прикрыл колонну пулеметным огнем и остановил «омоновцев», собиравшихся обстрелять подходившие бронесилы полка по ошибке. Вместе с «омоновцами» Борисенко с брони громил «чехов» и корректировал огонь.

5

Чеченская ночь густо поглотила палатку командира полка. Врытые вокруг палатки БМП можно было разглядеть, если упереться в них лбом. Еще хорошо было видно БМП, когда в черном небе спускались на невидимых парашютах осветительные мины. Бойцы перекрикивались на постах, изредка постреливали парами одиночных выстрелов и ходили друг к другу в гости за затяжкой сигареты. В палатке Лихолат едва держался от усталости. Виноградов взял у него испитый лист бумаги и вычеркнул ошибку «омоновцев»: «Тебя контузило, что ли, Лихолат?»

Потом Виноградов прошагал от стола палатку по диагонали, бросая скачущую тень и щелкая пальцами (как щелкают, призывая официанта). Сел за стол и вычеркнул совсем «омоновцев», частично заменив их подразделением седьмой роты (действительно выдвинувшимся к месту боя, но не успевшим из-за отсутствия соляры). Борисенко Виноградов не вычеркнул (он знал о его поездке к «омонов-

цам» все). Героический Борисенко четко вписывался в нужную Виноградову и обретающую очертания реальность.

Еще дважды Лихолат переписывал рапорт. Он запарился до того, что чуть не снял с себя китель в палатке командира полка, но вовремя спохватился. В конце концов, Виноградов выгнал Лихолата и занялся с помощью начальника штаба составлением собственного рапорта. (Начальник штаба Голубев тоже все время присутствовал в тускло освещенной палатке вместе с майором Чахальянц, отвечавшим за тыл; но оба молчали в тени.)

Лихолат выскочил наружу и, налетев на БМП, выматерился накопившимися за день словами. В его (впрочем, негромкой) речи попадались и не матерные слова: «...сука... понаставил бэх у палатки, а колонны без прикрытия ездят... крыса... ногу сломишь...» Когда Лихолат закончил материться, выстрелил миномет и в небе повисла осветительная мина.

НА ВЫЕЗДЕ

Кудинов впервые видел в Чечне такую великолепную баню. Собственность ремонтной роты 451-го Лабинского полка. Обыкновенный металлический каркас из подручного материала, обтянутый плащ-палатками. Вода нагревается на железной печке. Но самое главное – в топку по медицинской капельнице поступает сольерка из канистры. И от этого изобретения очень ярко горят сырые дрова. Можно сколько хочешь плескаться на печку воду. Огонь не гаснет от брызг, и идет пар.

В Шали капитан Кудинов с майором Мухиным каждый вечер мылись в бане. Они приехали из Дышне-Ведено за топливом для своего полка.

– Уф! Ну, умельцы, ты смотри... Что значит сварка своя!..

– Харрашо...

Офицеры от души обливали друг друга почти кипятком, кряхтели и урчали от удовольствия.

После бани Мухин шел в общество управленцев, а Кудинов садился за стол под деревьями пить водку с водителями-контрактниками. Это были станичные мужики, ездившие в Чечню на заработки.

Потом приходил Михалыч, старшина ремроты. Он весь день беспощадно боролся с бойцами, орал, матерился и сейчас заставляет себя уговаривать, прежде чем возьмет первую кружку с водкой. Но все знают, что это добродушный, хороший человек, а строгий вид у него от работы.

Днем в ремроту волокут разбитую технику, без траков, с пробоинами. Но когда темнеет, силуэты покалеченных бронемашин превращаются в тени причудливой формы. Все пространство вокруг заполняет стрекот сверчков, а люди за столом становятся самыми родными. Поздно ночью размякший Кудинов входил в палатку ремроты, валился на кровать с чистыми простынями.

В пятницу 23 июня 2000 года в три часа дня колонну бензовозов на Дышне-Ведено ждут прапорщик Гузик, женщина-финансист Сазонтова и лейтенант Нечаев. Они долго стоят в тени деревьев возле дороги или садятся в траву – но сидеть им тоже надоело. Бензовозы уже залиты солярой, но ожидают какой-то приказ. Мухин не вытерпел и ушел ругаться.

Кудинов слушает музыку в кабине бортовой машины с тентом. «КАМАЗ» почти уперся бампером в дерево у палатки, чтобы лучше укрыться в тени. От него далеко раздается гнусавый голос: «...Водку я налил в стакан и спроси-ил, и стакан

граненый мне отвеча-ал. Сколько жил и сколько в жизни ты своей потерял. Этого никогда я не знал...» Мухин, пройдя через поле по упругой от солнца траве, открыл дверцу кабины.

- Че сидишь? Скоро поедем.
- Ты куда? – Кудинов приподнялся и сделал тише музыку.
- К Мазурину, дотемна не доедем...
- Обратнo пойдешь, загляни.

Шали – предгорье. Далеко на горизонте видны горы. Вечером они наливаются мягким фиолетовым светом, а сейчас только серые и хмурые. Четыре часа. Машины по-прежнему стоят на солнцепеке. На поле с желтоватой травой ложится горячий воздух. Кудинов идет к колонне. С другого края, клокоча винтами, поднимаются сразу два вертолета МИ-8. Тин-угун – отдаст в груди. Это батарея гаубиц посылает снаряды в хмурые горы, которые уже и не горы вовсе, а квадраты на листе бумаги.

- Кудинов вылез, – маленький Гузик наморщил лицо и сплюнул.

Сазонтова обернулась:

- Господи, какой же он жалкий. С такими кривыми ногами. Сколько ему лет?
- У него сегодня день рождения, – невпопад сказал Нечаев.

Сазонтова посмотрела на лейтенанта и снисходительно улыбнулась.

Подойдя к однополчанам, Кудинов стал слушать Сазонтову, с удовольствием забирающую все мужское внимание. Она рассказывала смешную историю, происшедшую в ППД с женой командира третьего батальона.

- Не будет сегодня колонны, – щурясь от солнца, сказал Гузик.
- Не спеши, а то успеешь, – сказал Кудинов, ни к кому не обращаясь.

Но в шестнадцать сорок колонна вытягивает залитые солярой «ЗИЛы»-бензовозы и выкрашенный под жабу бортовой «Урал». Саперы Гузика оседлали снарядные ящики с минами в кузове «Урала». Хотя и были места в кабинах, Кудинов и Нечаев, помявшись, тоже забрались в кузов.

Колонна поднимает желтую глинистую пыль. «Урал» тарыхтит бортами, в кузове все подпрыгивают на ящиках с минами. Кудинов сидит по левому борту, спиной к кабине. Он поставил ногу на ящик, завел левую руку в ремень автомата.

Напротив него, свесившись над бортом, сидит контрактник-сапер. Это забавный контрактник. Его голова повязана черной косынкой, а трофейную (с чеченским флагом) разгрузку он надел на голое тело, загорелое и накачанное. Кудинова привлек скорпион на его плече. Видно, что татуировка сделана в хорошем салоне.

Об этом контрактнике Кудинов слышал, что весной, когда полковые минометчики неправильно взяли прицел и обстреляли полк, его посекло осколками.

Нечаев всматривается в то нависающую над головой, то убегающую от дороги зеленку. Он был в Ханкале на курсах авианаводчиков и поэтому едет без автомата. Бойцы негромко разговаривают. Веселый сапер из команды Гузика рассказывает сержанту с автомобильными эмблемами историю о том, как «сочинец» сбежал из поезда в берцах пойманного его старшего лейтенанта. Сапер косится на офицеров, тактично проговаривает «старший лейтенант» вместо «старлей», хотя Нечаев вряд ли решился бы на замечания чужому бойцу, а Кудинов все равно не слушает.

Остальные саперы знают эту историю, но не могут не смеяться. Так живо им представляется старлей, вернувшийся в полк в растоптанных кирзачах.

В кабине идущего следом бензовоза Кудинов видит Сазонтову. Она что-то оживленно говорит Мухину. Лицо Мухина, наоборот, сосредоточенно застыло.

Кудинов отвернулся и стал рассматривать начавшие появляться в листе крыши домов. Места вокруг были живописные.

Садовых деревьев и выглядывающих из-за них крыш становится больше. Машины несутся по улице Сержень-Юрта. По обеим сторонам стоят нетронутые войной добротные (часто двухэтажные) кирпичные дома. Колонна обгоняет идущих по обочине молодых чеченцев в черных брюках и ярких просторных рубашках. Они поворачивают головы и смотрят на русских наглыми глазами, их губы презрительно сплевывают. Дальше, на другой стороне улицы, девушки в длинных узких платьях отворачиваются.

Бензовозы копят выхлопами, поворачивают и выезжают из поселка. Солнце клонится к вершине горы, и на потные, с пыльными подтеками лица вэвэшников веет дыханием прозрачной реки. Она бежит слева. Появляется и исчезает за деревьями или горными выступами, будто прячется. Кудинов видит закопченные останки фермы и большие воронки у дороги.

Не доезжая до Биноя и бывшего пионерского лагеря, головной «ЗИЛ», обогнав несколько неподвижных бээмдэшек, остановился.

Десантники-бойцы смотрят на подъехавших вэвэшников, озираясь на зеленку справа. Туда же направлены пушками башни БМД и чуть заметно шевелятся. Один из десантников говорит: «Туда нельзя, там стреляют». Мухин вылез из кабины и пошел искать офицеров. Сазонтова сидит в машине.

Бойцы в кузове передают друг другу фляжку с водой. Кудинов из кармана самодельной разгрузки вытащил сигарету, нашел зажигалку. Солнце вот-вот начнет заползать за вершущку горы. Надо было ехать. Кудинов еще не успел выкурить сигарету, когда вернулся Мухин. Грузный майор запрыгнул в кабину, и колонна тронулась. Быстро набирая скорость, «ЗИЛы» обгоняют растянувшиеся бээмдэшки. У одной бээмдэшки на плащ-палатке лежат трое раненых (или убитых). Возле них суетятся.

Десантники взглядом провожают безбашенных вэвэшников на бензовозах. Но не ночевать же было тем на дороге.

Отъехав метров пятьсот, на повороте увидели еще одну бээмдэшку. Она выехала на обочину и была развернута наискосок.

– Боевое охранение пропустили, – сказал Нечаев.

– Что они, дураки, что ли? – Гузик со злостью плюнул за борт.

Бойцы уцепились в борта, чтоб не вылететь из кузова от тряски. Солнце закатывалось за покрытую лесом гору, похожую на большой зуб. Поднимая клубы серо-желтой пыли, машины неслись по дороге...

Наш город жив

* * *

Город последние роли раздал,
Имя смешалось с запахом дыма.
Кто-то опять любить опоздал.
Неутомимо
Время в вагонах везут поезда.

Время в вагонах – в бутылке бес,
Шпалы считая, проносится вечность.
Кажется, в сердце опять перевес.
Ах, как беспечно
Город поверил в возможность чудес.

Город поверил в возможность зимы,
Имя смешалось с запахом снега.
Кто-то опять опоздал, а мы –
В омут с разбега.

А на улыбках остался дым.
Город в окне показался седым...

* * *

Ну, здравствуй!
Завтра рождество сплетется
Из белоснежных сказок об иконах.
Грустится в городе,
Запутавшемся в кронах?
А впрочем,
Одиночество отпразднуй.
И в этом бело-белом завтра
Здравствуй!
Я верю:
Рифмы оживают в сновиденьях
И обретают запахи напрасных,
Еще нам не известных
Слов. И тени
Их, кажется,
Живут в стихотвореньях.

Но, впрочем,
В силу слов и сказок праздно
Я верю.
Что ж, здравствуй...
Наш город жив –
Как вечный символ лета.
Наш город – нимб,
И это не кощунство.
Свои глаза закрыв,
Представь – почувствуй:
Над нами, как над ним,
Не властна Лета.
А впрочем, в царстве царствий странствуй.
Сегодня и навечно – просто здравствуй...

* * *

Дождь на ладонях отбивает пульс.
А сердце – скорый поезд. Слезы улиц
Я собираю в песню.
Где-то – вздох – как всхлип огромный неба.
И правда подоконная нелепо
Разлилась...
 Не-бес-ней
Небес бывает сон.
И вера в небыль...

* * *

Знаешь, есть такие окна,
Из которых видно горы.
На карнизах дремлет солнце
И смеется по утрам.
Знаешь, есть такие крыши:
Держат сомкнутое небо,
Блещут раскаленной жостью,
В гонг играют под дождем...
Знаешь, есть дома такие:
Больше маленькой планеты...

* * *

Город зим и лет растрепанных,
Город пятниц нерастреченных,
Город плачей и оплаченных
Слез,
Ты рисуешь мне на облаке

Предпоследний отблеск осени:
Мы с тобой в прощальном окрике –
Врозь.
Тротуары перегружены
Тяжестью сердец и выдохов,
Холод – без ходов и выходов:
Дрожь.
В доме осени простуженной –
Танец листьев между лужами,
Каплями свивает кружево
Дождь.

* * *

Новая осень просилась в тетрадь,
В воздухе пахло корицей и кофе.
Прядь развивалась и падала прядь,
Память опять не делилась на строфы.

Все становилось туманом и сном,
Я научилась читать по ладоням,
Я научилась виной, как вином,
Грусть заливать. Безо всяких ироний.

Плата апрелю – несбывшийся сон,
Ломаный грош да неверие в небыль.
Вот и последний аккорд унесен,
Как никогда не звучавший под небом...

* * *

Остановилась у витрины.
И, как умела, отразилась
В цветном стекле.
Октябрь падал. Наполовину
Испита осень. И избита
Листва вчерашними дождями.

* * *

Здесь вечные зимы сменяются вечными зимами.
Банальна о солнце мечта в сером стынущем городе.
Да, в сущности, все неспроста, но не будем о холоде –
Причины и следствия коего кажутся мнимыми.
Да, в сущности, все – пустота, но не будем о сущностях:
Забыты слова, затерялись в развалинах памяти.

Здесь нет ничего – даже если всмотреться и вслушаться.
А если захочется падать – немедленно падайте.

* * *

Память не выманить – нет тебе имени.
Нет тебе времени, коли не вспять.
Хочется выменять звездочки инея
На дождевую звенящую прядь.
Только и было – сердце под пальцами,
Память прощается, выпустив пясть.
Хочется прошлое мерить вальсами.
Оттанцевать. Оступиться. И пасть.

* * *

Многоточия звезд рассыпаются по небу.
Гаснут свечи. А город прекрасен ночью.
Ты рисуешь обугленным сердцем и необут,
Я – горячей душой поджигаю строчки.
Здравствуй, ночь...
Тишина и разбитые сумерки,
Я люблю эти сны у распахнутых окон.
Тени – сдуты, неправды – умерли,
Ты стоишь и стоишь у продрогших полотен.
Здравствуй, ночь...
Как всегда – одинокая.
И – счастливая.
И влюблена безмерно.
Здравствуй, ночь...
Я все правды комкаю:
Буду вечной тебе и верной.
Здравствуй, ночь...
Мой огромный колокол...

Буренушка

Роман

(Продолжение. Начало в N 6, 7, 8)

* * *

Окрыленная весточкой, доставленной Газимой, Мадина, закончив дойку, принялась смывать теплой водой налипшую на коров грязь. Когда очередь дошла до Буренушки, та попыталась лизнуть ее лицо. Уворачиваясь от нее, Мадина увидела подошедшего к ней учетчика.

— Сегодня, Мадина, ты надоила больше всех, — просипел он. — Коли дело пойдет так и дальше, шелкнешь Галиму по носу, отберешь ее славу.

— Я, агай, к славе не рвусь.

— Бэй, разве тебе не хочется походить в героинях?

— У каждого человека свои наклонности, мне и так хорошо.

— А может стать и лучше.

— Видишь ли, агай, героинь начальство хвалит, а народ не любит. Ну, как в школе сверстники не любят отличников. Ничего хорошего в этом нет.

— Интересная у тебя... философия.

— Уж какая есть...

Ихсанбай похромал к выходу из коровника. Пробовал он подступиться к Мадине и так и этак, но перекинуть мостик к ее сердцу не удавалось. «Ничего, — пробормотал он, — не бывает, говорят, речки без брода, батыра без слабинки».

А Мадина обмывала, оглаживала любимицу.

— Во-от... красавицей теперь ты стала... У меня сегодня праздник, весточку издалека получила. Ай, Буренушка, если бы ты умела разговаривать, поделилась бы я с тобой своей радостью...

Когда понадобилась вагонетка, чтобы убраться навоз, Мадина побежала к Галиме и обнаружила ее лежащей без сознания.

Животноводы, завершив утренние дела, уже разошлись по домам, последним ковылял в сторону аула учетчик. Но лошади, закрепленные за фермой, и упряжь были на месте. Мадина сама запрягла лошадь, перетащила Галиму в сани и повезла ее к ней домой.

В доме было холодно, на нарах, съезжившись, сидела кудрявая девочка. Но первым делом надо было помочь ее матери.

— Галима, подружка, что с тобой? Очнись!

Галима открыла глаза.

— Сама... разве не видишь?

— На вилы, что ли, напоролась?

— Какие вилы?..

— Ты же вся в крови!

— Затопи печь, нагрей воды!

— Ах, Галима!

— Умру, наверно... Меня никто не видел? Смеяться будут... разговоры пойдут...

— Над чем смеяться-то?

— В самом деле не понимаешь? Ты же ребенка родила...

— Так ты... родила? А где ребенок?

— Просто кровотечение у меня... сильное... — Галима смежила веки.

Маленькая Самира, видя, что с матерью что-то неладно, захныкала.

— Неужели дочка останется сиротой, а, Мадина? — проговорила Галима, не открывая глаз. — Ты помнишь, как мы плясали, когда еще девчонками были? Сапожек у нас не было, так, чтобы сильнее стучать по полу, макали валенки в воду, замораживали и плясали... Голова кружится... а мы пляшем...

Мадина испугалась: бредит, что ли? Что делать? Как ей помочь?

Каждой деревенской женщине известна целительная сила хотя бы двух-трех трав. Душицы, зверобоя... Мадине прошлым летом, когда у нее горлом шла кровь, посоветовали пить отвар крапивы. Это ей помогло, и сейчас у нее в избе висели на стене несколько засушенных пучков этого жгучего растения.

— Галима, полежи чуток спокойно, я сейчас вернусь, — сказала она и, воспользовавшись стоявшей у ворот запряженной лошадью, быстро съездила домой. Затем развела огонь в очаге, вскипятила воду, приготовила отвар крапивы, наполнила им Галиму. Вдобавок почти силком влила ей в рот несколько ложек раствора в воде сахара, чтобы побыстрее восстановить ее силы.

Спустя некоторое время лицо Галимы порозовело.

— Коров моих...

— Я позабочусь о них. Ты отлежись.

— Эх, подружка! Достаток, говорят, мирит, нужда ссорит. Что мы с тобой не могли поделить?

— А разве мы когда-нибудь ссорились?

— Вообще-то нет, не ссорились.

— Раз так, лежи спокойно. Дочку твою я накормила, сама скоро поправишься.

— Если обо мне спросят, скажи — сердце прихватило.

— Ладно.

— Теперь на первое место выйдешь ты, Мадина.

— Аллах мой! Нашла из-за чего волноваться! Благодарю небеса за то, что жива осталась.

— Тебе легко так говорить. Ты выйдешь на сцену, споешь — и все смотрят на тебя восхищенно. А у меня, кроме звания «передовая доярка», ничего нет.

— Дочка у тебя есть, Галима.

— Ах, Мадина, тебе трудно понять меня. Этот ребенок все время напоминает мне о моем позоре.

— Ребенок ни в чем не виноват.

— Нет, не поймешь ты меня!

Закусив губу, Галима отвернулась к стене.

* * *

Газима оказалась для Мадины настоящим кладом. Сходила в Тубинск, продала там что у нее было и, вернувшись, сразу занялась необычным, весьма выгодным ремеслом. Купив в Тиряклах шерсть, принялась вязать обувь вроде детских сандаликов, в подошвы для прочности вплетала козий волос, на заплатки нашивала вырезанную из голенищ бросовых сапог кожу — отменная получилась обувь, легкая и теплая. Вскоре у нее уже отбою от заказчиц не было. А как она

пряла! Тянула ровную тонкую нить, будто паук паутину, затем вязала кофты, которые тоже шли нарасхват. Изба Мадины превратилась в мастерскую. Тут же крутилась Магинур, ей Газима поручала самую простую работу. Была она не только мастерицей на все руки, но и рачительной хозяйкой. Магинур, кроме коровы, держала и коз. Газима сделала ей замечание:

— Козлят надо подпускать к матерям лишь до поры, когда у них рожки обозначатся. Зачем зря молоко тратить?

Из всего умела она извлекать выгоду. Пустила козье молоко на изготовление кумыса, потчевала Мадину:

— Пей, дочка, пей, у тебя работа тяжелая. Раз повредила легкие, беречься должна. Кумыс для легких полезен.

Мадина почувствовала прилив сил. Нашлись желающие попить козий кумыс и в ауле. Приносили в обмен на целебный напиток муку, мясо, зерно. И изделия свои Газима обменивала на продукты.

— В ауле только последний лодырь впроголодь живет, — говорила она. — Я свою швейную машинку «Зингер» не продала, вот привезу ее, и еще лучше проживем. Даута нашего к возвращению отца откормим, чтобы стал упитанным, как барсучонок.

Мадина, раз сняли с нее домашние хлопоты, свободное от работы на ферме время посвящала занятиям с организованным ею хором. Теперь она мечтала научить хор четырехголосному пению в сопровождении оркестра народных инструментов. Обошла в ауле всех, кто владел тем или иным музыкальным инструментом. Ложилась спать и вставала с мыслью об исполнении этой мечты.

А сегодня она занесла из сеней в избу горшки из-под засохших цветов, принялась пересыпать в них набранную загодя землю.

— Никак цветы собираешься посадить? — спросила Газима, оторвавшись от своей работы.

— Нет. Я завернула кедровые орешки во влажную тряпицу, положила в теплое место, и вот из них проклюнулись семь росточков. Посажу их в горшки.

— Гляди-ка ты! Давай помогу, у меня рука легкая. Бисмиллах-ир-рахман-иррахим! Подрастут в избе — на улицу пересадим.

— А в нашем краю они вырастут?

— Почему бы не вырасти? Просто раньше никому не приходило в голову привезти сюда семена. В тайге, бабай мой говорил, они очень большие, высокие. Тамашние жители из орешков масло выжимают, кто такого масла попьет, тот сто лет живет.

Закопали орешки в землю, поставили горшки на подоконники, и в избе воцарилась на некоторое время тишина. Женщины задумались, каждая разматывала свой клубок мыслей.

«Совсем ведь еще молодая, — думала Газима о Мадине. — Если не вернется Абдельхат, пройдет ее жизнь в тоске. Сейчас-то при такой красоте могла бы встретить приличного мужчину, готового стать Дауту отцом, да ведь ждет своего Абдельхата и будет ждать... А я-то сама разве не ждала, хоть и сватались ко мне не раз?..»

«Эх, услышали бы меня на небесах, и свершилось чудо: открылась бы вдруг дверь и вошел Абдельхат! — думала Мадина. — Если даже измученный, больной — уж я ли не найду слова, чтобы исцелить его душевные раны, и средства от телесных болей. Лишь бы вернулся и сказал: “Я люблю тебя, Мадина!”»

Закапывая орешки в землю, она мысленно наказала им: «Зовите моего любимого, и пусть ветры донесут до него вместе с вашим зовом мою мечту, мою надежду!» И взмолилась: «Господи, об одном только тебя прошу: не лишай меня любви!»

Первой отрешилась от своих раздумий Газима.

— Какой сегодня день недели? — спросила она.

— Пятница.

— Благой день выбрала ты для благого дела.

— Я, инэй, намеревалась еще съездить сегодня в Таулы, навестить отца. На ферме меня подменят.

— Атак, раз надо, съезди! За Даута не беспокойся, есть кому за ним присмотреть.

Через часок, взяв сменную одежду для отца и узелок с гостинцами, Мадина вышла на большак, ведущий в райцентр.

* * *

Еще не схлынули заботы, связанные с зимовкой скота, — наступила пора подготовки к весеннему севу. Камалетдинов выезжал и в МТС, и в колхозы, чтобы проследить, как идет ремонт тракторов и посевной техники. Остро стоял вопрос об обеспечении колхозов семенами. Будь в сутках тридцать часов — и то их Аюпу Газизовичу не хватало бы. Насколько тяжело было поднимать на ноги обессиленные в годы войны хозяйства, знает лишь тот, кто на своих плечах нес груз ответственности за это.

Обветшали школы, клубы, библиотеки. Обветшали аулы, вот-вот развалятся, держатся на подпорках избы не вернувшихся с войны хозяев. Больно смотреть в глаза вдов, надеявшихся, что с окончанием войны все наладится.

Таулы открыты ветрам со всех четырех сторон света. В свое время построенный неподалеку медеплавильный завод сжег, сожрал окрестные леса, оголив склоны гор. Задумал Камалетдинов озеленить крутосклоны, прошлой осенью начали сажать молодые деревца на террасах, надо бы, когда сойдет снег, продолжить эту работу, но она требует дополнительных средств, а где их взять?..

Человек, увлекшись, забывается в работе, но не одной лишь работой живет. Не дает Камалетдинову покоя последний разговор со знахаркой. В тихие ночные часы не раз вспомнился и разговор с Мирхайдаровым у него дома после колхозного собрания в Тиряклах.

— С кем в ауле враждовал Хашим? — спросил Аюп Газизович.

— Ты это в связи с той анонимкой спрашиваешь?

— Она ведь послужила поводом для его ареста. Кто мог написать донос?

— Не знаю. В каждую душу ведь не заглянешь. Если верить молве, Гульбану родила близнецов от Ихсанбая Муратова. Допустим, Хашим ненавидел Ихсанбая и мог даже поджечь его дом. Но убить детей... Не-ет, Хашим не был способен на это. Все видели, что он любил мальчишек, и они висли на нем. Следствие не учитывает еще один факт: той же ночью, когда случился пожар, исчезла и сестра Хашима Зарифа. Куда она делась? Куда делись Ихсанбай и его мать, старуха Фаузия? Их костей на пожарище не обнаружили. Прямо-таки клубок загадок получается...

— Кем приходится этой старухе Мадина?

— Никем не приходится. Просто по соседству жили.

— Мать Мадины, значит, погибла, нарвавшись на волков?

— Так считают в ауле. После того, как Ихсанбай с Ишмаматом при поддержке уполномоченного из райцентра отобрали у Гульбану корову, пошла она с жалобой в Таулы и пропала.

— Где сейчас Ишмамат?

— На ферму учетчиком я его поставил. Дурачок Шангарей — его сын.
— Как же размотать этот загадочный клубок, а, Азат Аглиевич?
— Если б я знал... Кстати, я не упомянул в числе пропавших еще одного человека.

— Кого?
— Жену Ихсанбая Сабилю.
— Племянницу нашего главврача Лукмана Талиповича? Она сейчас в психушке, Азат Аглиевич.

— Вот как? Может, и туда ниточка от этой истории тянется?
— Возможно. Мне стало известно кое-что, о чем вы здесь не знаете. Старуха, которую считали сгоревшей, жива.

— Фаузия?
— Ее настоящее имя — Барсынбика. А имя бывшего вашего кузнеца на самом деле не Сibaгат, а Дингезхан Бураншин. Они во времена Гражданской войны сменили имена и фамилию.

— Бураншин... Жил в наших краях тархан* с такой фамилией. Должно быть, Дингезхан — из его потомства.

— Не знаю, чей он потомок, но подонок был первейший! Это он зарезал моих родителей...

— Да-а-а... Волки нередко рядятся в овечьи шкуры. У меня тут возникло одно предположение. Какое — пока не скажу. Нужны доказательства. Когда добуду их, следователи ахнут.

— Дай-то Бог! А я чувствую, что старуха Барсынбика как-то связана с Мадиной, но что их связывает — выяснить еще не смог.

Такой вот разговор состоялся между ними. Рано утром Камалетдинов уехал, так и не сумев поговорить с Мадиной. Теперь ему предстояло снова встретиться со старухой-знахаркой. Что еще откроется при разговоре с ней?

* * *

Минувшей ночью Хашиму приснилась Мадина. Дочь, стоя перед зеркалом, расчесывала волосы. «Пап, может, мне заплести их в одну косу?» — спросила она. «Нет, заплети в две, это тебе больше идет», — посоветовал Хашим и правильно сделал, во всяком случае, так ему представляется. Женская коса, по мнению толкователей снов, — символ дороги, поэтому Хашим истолковал свой сон в том смысле, что Мадина, если бы заплела волосы в одну косу, собралась бы навестить его. Пусть уж лучше не ездит, не оставляет ребенка без материнского присмотра. Он, конечно, очень соскучился по дочке и внуку. Даут, наверно, уже может сидеть, а то и ходить. Застрял тут Хашим, слишком долго тянется следствие. Впал было в полное отчаяние, но сейчас немного успокоился — сменился у него следователь.

— Моя фамилия — Адельгужина, звать Шакирой Хисамовной, — представилась ему женщина лет за сорок. — Дальше следствие по вашему делу поведу я. С протоколами допросов я, разумеется, ознакомилась, хочу прояснить некоторые моменты...

— Пожалуйста.

* Тарханы — феодальное сословие, наделенное наследственным правом на владение крупными земельными угодьями.

Женщина пригладила заметно тронутые сединой волосы.

— Интересно... Мы с вами, оказывается, служили в одной дивизии.

— Да что вы?! — Хашим обрадовался, словно встретил давнего друга.

— Но пусть это пока останется между нами.

— Хорошо.

— Перейдем к делу. Родители Сабилы Муратовой живы?

— Нет. Умерли во время войны.

— Что можете сказать о характере Сабилы, ее взаимоотношениях с окружающими?

— Она редко появлялась на людях, ни с кем не общалась.

— Разве можно жить так в ауле?

— Выходит, можно. Муж обеспечивал ее всем, что нужно, хозяйство вела свекровь. Она, Фаузия, и верховодила в семье. Сильный был характер у старухи, могла, как говорится, льва оседлать.

— Вы знаете что-нибудь о родственниках Сабилы?

— В Таулах живет ее двоюродный дядя. Главврач районной больницы. Были разговоры, что он избавил Ихсанбая от службы в армии.

— Что вы не поделили с Ихсанбаем?

— Мы... в юности влюбились в одну девушку.

— В Гульбану Насибуллину, ставшую вашей женой?

— Да. Но тогда она была еще Худайгуловой.

— А близнецы... они...

— Они мои дети. И дочь, и они!

— Насибуллин, вы не во всем были искренни, этим запутали следствие.

— Значит, вы знаете правду, а я — нет? Зачем же допрашиваете меня?

— Я хочу помочь вам.

— Поможете, если найдете Сабилу и Ихсанбая с Фаузией. Впрочем, я не уверен, что они прояснят обстоятельства гибели моих мальчиков.

— Фуражка одного из них и сандалик были найдены в избе Фаузии...

— Это так, но будь виновна она — не оставила бы эти вещи на виду, могла ведь уничтожить улики, а не уничтожила.

— Как Фаузия Муратова относилась к вашей семье?

— К Гульбану — очень хорошо. Судя по рассказам моей дочки Мадины, во время войны помогла им выжить. Уже при мне, когда искали пропавших мальчиков, Мадина угодила в болотную яму и едва не погибла. Спасла ее, подняв крик, Фаузия...

— На сегодня, Насибуллин, довольно, отдохайте. Встретимся, когда я добуду дополнительные сведения.

— Спасибо, Шакира Хисамовна, вы согрели мою душу!

В камеру Хашим вернулся несколько прибодренным, прилег на койку — в КПЗ это дозволялось — и стал перебирать в памяти подробности допроса, смахивавшего на товарищескую беседу. Да-да, старуха Фаузия любила и Гульбану, и Мадину, с ним, Хашимом, тоже установила хорошие отношения, признав его хорошим человеком. Не забывается разговор с ней у болота как раз перед происшествием с Мадиной. Если старуха жива, то наверняка, узнав, что он попал в беду, постаралась бы ради Мадины помочь ему. Но что-то, возможно, мешает ей протянуть руку помощи...

Хашим лежал, погрузившись в размышления, когда открылась дверь камеры и дежурный милиционер скомандовал:

— Насибуллин, на выход! К тебе приехала дочь, вам разрешено свидание.

* * *

После свидания с отцом Мадина решила заодно повидаться со следователем. Отец сообщил ей, что следствие ведет теперь женщина — Адельгужина Шакира Хисамовна.

Женщина эта, примерно одних с ее отцом лет, встретила Мадину доброжелательным взглядом.

— Проходите, садитесь. Рассказывайте, что вас привело ко мне.

— Я, Шакира-апай, дочь Хашима Насибуллина. Мое имя — Мадина.

— А-а, Мадина! Вот ты какая!

— Какая?

Адельгужина улыбнулась.

— Чересчур красивая, что ли, не вписываешься в нашу обыденную обстановку.

— И ваше лицо не совсем подходит для вашей суровой профессии, — ответила Мадина, расхрабрившись.

— А для какой профессии, по-твоему, оно подошло бы лучше?

— Учительницы... или врача...

— Отлично! Можешь, оказывается, по лицу человека определять его натуру. Я на войне была медсестрой, а до войны успела немного поработать учительницей...

То, что Шакира Хисамовна уже в самом начале разговора перешла с «вы» на «ты», позволило Мадине облегченно вздохнуть и держаться раскованно.

— А теперь вам больше нравится эта работа? — спросила она.

Адельгужина помолчала, обратив взгляд куда-то вдаль, за окно.

— Уместный вопрос... Видишь ли, во-первых, война научила меня ответственно относиться к любой работе — от этого зависели человеческие жизни. Во-вторых, там, на войне, в порожденном самими людьми аду, я поняла, что бывают душевные раны, не менее мучительные, чем телесные. Исцелить от этих невидимых ран скальпель и шприц не могут — их надо по возможности предотвращать. Поэтому я решила стать юристом...

— Шакира-апай, не в обиду мужчинам будь сказано, женщины, по-моему, во всяком деле терпеливей, внимательней, чем они, не пренебрегут незначительными на первый взгляд фактами...

— Ну-ну, не надо мне льстить! Я и так стараюсь помочь твоему отцу. Я собиралась встретиться с тобой, хорошо, что сама приехала. Теперь мы познакомились и тебе придется ответить на несколько вопросов.

— Я готова.

— Вопрос не из простых. Меня интересуют отношения Ихсанбая Муратова с твоей покойной матерью. В твоей воле — отвечать на этот вопрос или не отвечать. Но повторяю: я стараюсь помочь твоему отцу, считаю, что он не виновен...

— Спасибо, Шакира Хисамовна. В том, что папа не виновен в гибели моих братишек, до сих пор были уверены только я и Фауззия-инэй. Теперь ее нет... Что касается моей мамы и Ихсанбай-агая... Меня собирались отправить в ФЗО, мама успела его отменить это решение. Я стояла в списке первой...

Адельгужина достала из папки листок бумаги, положила перед Мадинай:

— Вот этот список. Составлен Ихсанбаем Муратовым.

— Ах!

— Что случилось?

— Буква «н»...

— А что с ней?

— У нас на ферме учетчик ежедневно вывешивает табель с показателями по надоям. В моей фамилии заглавную букву пишет с точно такими же завитками...

— А кто работает учетчиком?

— Ишмухамет-агай Бактымбаев.

Адельгужина достала из папки еще один листок, вырванный из ученической тетради, спросила, указав на заглавную букву «н», обведенную красным карандашом.

— Вот так же пишет?

— Да.

— Выходит, и список отобранных для отправки в ФЗО подростков, и донос на Хашима Насибуллина, и заявление Ишмухамета Бактымбаева в военкомат, и табели на вашей ферме написаны одной рукой?

— Но...

— Не спеши. Добавим к этому, что факт смерти Ихсанбая Муратова не доказан, и вновь обратимся к его отношениям с твоей матерью.

На этот раз Мадина густо покраснела. Вспомнились ей невидящий взгляд матери, обращенный в сторону дома Муратовых, ее подушка, по утрам мокрая от слез, родимые пятна на лицах близняшек, такие же, как у Ихсанбая, страх, накапывавший на мать, когда приходило письмо с фронта от отца... Вывод из всего этого напрашивался однозначный. Но разве вправе дочь думать плохо о маме?

— Я больше... ничего... — Мадина подняла на следователя полные слез глаза. — Мама была... очень хороший человек.

— Успокойся. Мы же должны установить истину в интересах твоего отца. Он и твоя мама жили дружно?

— Н-нет.

— Как ты думаешь, почему?

— Может быть, мама любила одного, а вышла замуж за другого.

— Человек, которого она любила, — Ихсанбай Муратов?

— Не знаю. Может быть...

— Она была такая же красивая, как ты?

— Я — что?! У мамы глаза были как море... нет, как небо. Молодая, полная сил...

— И такая... смерть. — Адельгужина закурила сигарету. — Извини...

— Фаузия-инэй однажды сказала: «Я сумела защитить ее от людского суда, а от Божьего — оказалось не в моих силах».

— Почему она так сказала?

— Не знаю... — Мадина прикусила язык, подумав, что сболтнула лишнее.

— Как относились друг к другу Фаузия и ее невестка Сабиля, жена Ихсанбая?

— Они жили замкнуто, не выносили, как говорится, сор из избы, все же думаю, что не очень ладили между собой.

— А почему так думаешь?

— Фаузия-инэй подкармливала нас тайком от невестки.

— Мадина, вы для Фаузии вроде бы чужие люди, не были связаны с ней родством. Почему она, несмотря на то, что невестка препятствовала ей, помогала вам?

— Не знаю. Соседка рассказывала мне, что Фаузия-инэй взяла на себя все хлопоты по похоронам, когда умерла моя бабушка Шахарбану и мама оказалась в отчаянном положении.

— Представь себе, Мадина, я бабушку твою помню. Шахарбану Худайгулова — моя двоюродная тетя. Она родилась и выросла в Сабаклах, я — оттуда же.

- Поистине мир тесен!
- Да уж, только гора с горой не сходится...

* * *

Посветлевшую, заметно оживившуюся Мадину Адельгужина проводила долгим взглядом, постояла у окна. Чем-то эта молодая женщина напоминала ее, Шакиру, в молодости, когда она, повязав на голову красную косынку, летала птицей, воодушевленная общей мечтой: «Мы наш, мы новый мир построим!». Разница лишь в том, что не было тогда в ее глазах печали, подобной той, что затаилась в глазах Мадины.

Шакира пошла защищать от врагов новый мир, о котором она и ее сверстники и сверстницы мечтали, и кровь свою, как многие, ради него пролила. Почему же следовавшее за ними поколение не стало счастливее, чем они? Знает Шакира в общих чертах историю злосключений Мадины, не знала только, что она такая красавица. Жизнь всегда кипит и пенится вокруг красивых женщин, как вокруг хороших коней на ярмарке, самые опасные страсти взвихриваются возле них. Хотя мать Мадины растерзали волки, есть основание предполагать, что первопричиной этой трагедии была ее красота. Она, Шакира, неспроста интересовалась взаимоотношениями Гульбану и Ихсанбая. Одно дело, если Гульбану любила его смолоду, другое — если Ихсанбай домогался ее, для достижения своей цели лишил семью коровы, грозил отправить Мадину в ФЗО.

Разговор с Мадиной прояснил некоторые темные места в этом запутанном деле, вызвав, правда, новые вопросы. Если сейчас на тиряклинской ферме работает человек, чьей рукой написаны сельсоветский список и донос на Хашима Насибуллина, то почему он вылез из щели, в которой до сих пор таился? Что побудило его вернуться в Тиряклы под чужим именем, подвергая опасности свою драгоценную жизнь? Ею он несомненно дорожит, сумел даже отвертеться от призыва на войну...

Мадина так же, как ее отец, заволновалась, когда приблизились к тайне рождения близнецов. Это понятно: память о матери для нее свята, старается оберечь светлый образ от худого слова. Она не только красива, но и умна, и в то же время чувствительна, легкоранима. Наверно, Гульбану была такой же. Вот ради кого пожертвовала своей молодостью тетя Шахарбану!

История двоюродной сестры отца, ушедшей из аула с ребенком на руках неведомо куда, волновала Шакиру с отроческих лет. В какой-то мере и раздумья о судьбе Шахарбану подтолкнули ее к нынешней профессии.

Вернувшись за свой стол, Адельгужина вновь задумчиво перелистала дело Хашима Насибуллина. В уме у нее мыслей и версий теснилось гораздо больше, чем было зафиксировано на бумаге. Уже не раз мысленно протягивала она ниточку от пропавшей Фаузии Муратовой к дому старухи Муглифы, в котором, по слухам, поселилась другая, невесть откуда взявшаяся знахарка. Она появилась в райцентре примерно в те же дни, когда произошел пожар в Тиряклах.

Среднюю школу Шакира окончила в Таулах, еще тогда, до войны, была слышана о знахарке Муглифе и сама убедилась в том, что она умелая целительница. Однажды на лыжных соревнованиях Шакира упала, скатываясь с горки, и вывихнула плечевой сустав. Подружка привела ее к Муглифе, до ее дома было ближе, чем до больницы. Старуха вправила сустав, потратив на это всего лишь

несколько минут. Осенью 45-го года Шакира уже сама обратилась к ней из-за долго не заживавшей фронтальной раны в ногу. Муглифа выглядела сильно одряхлевшей, тем не менее способностей своих не утратила. В силу ее нашептываний Шакира не очень-то верила, однако отвары трав, которые она дала, действовали благотворно, рана затянулась и до последнего времени особо не беспокоила. Только вот сейчас вдруг опять открылась, стала мокнуть. Это, собственно, и навело Шакиру на мысль о другой знахарке, поселившейся в доме Муглифы. Если верить слухам, будто бы сам Камалетдинов лечит у нее дочку. Почему бы и ей, Шакире, не сходить к ней? И рану, может быть, подлечит, и версию свою проверит.

Приняв решение, Шакира убрала папку в сейф, оделась и вышла на улицу. В воздухе роились снежинки, похоже, назревал весенний буран — акман-тукман. Ничего, он не так уж страшен. Слегка прихрамывая, Шакира пошла в сторону Кривой улицы, именуемой из-за ее окраинной обособленности также Кривым аулом.

* * *

Дом снаружи вроде нисколько не изменился, разве лишь из-за снега, налипшего на крыше и меж бревен сруба, казался более приземистым, чем на самом деле. Когда Шакира взошла на крыльцо, в сенях залаяла собака, затем послышался старушечий голос:

— Цыц! Иди сюда, на!..

Звякнул откинутый крючок, дверь открылась.

— Заходи, она не кусается... Буран, видно, разыграется, собаку из сеней не выгнать...

В доме было тепло, пахло смородиновыми листьями, травами. Шакире сразу стало жарко. Сняла шубку, повесила на гвоздь, присела, не ожидая приглашения, на нары.

— Инэй, ты меня знаешь?

— Вроде видела... У меня много народу побывало, как всех упомнишь?

— Меня Шакирой звать. Прежняя хозяйка этого дома еще до войны мне вывихнутый сустав вправила, потом помогла заживить рану. Я на фронте была, там осколком мины ранило в ногу.

— Нет лекарств только от душевных мук, для всего остального можно найти. С какой нуждой сейчас пришла?

— Да все та же рана... Сколько лет не беспокоила — и вдруг открылась, стала мокнуть.

— Давай посмотрю...

Шакира спустила чулок, размотала бинт. Знахарка, сотворив краткую молитву, подула на рану, поводила над ней раскрытой ладонью и кинула грязный бинт в очаг.

— Инэй!..

— Надобности в нем нет. Рана подсохла. Только помажь вот зеленкой, и больше она не будет мокнуть.

Шакира сделала то, что было велено, и, вымыв руки, вернулась на свое место. Старуха собралась вскипятить самовар.

— Муглифа-инэй, жившая здесь прежде... Где она? — спросила Шакира.

— Истек отпущенный ей на земле срок.

— А ты давно пришла сюда из Тирыклов?

Старуха, видимо не ожидавшая такого вопроса, отставила самовар, села напротив Шакиры.

— Раз знаешь, что я пришла из Тирыклов, зачем о времени спрашиваешь?

— Я не совсем была уверена в своей догадке, хотела убедиться, что не ошиблась. — Шакира решила, что называется, ковать железо, пока горячо, пока старуха не пришла в себя. — Сегодня у меня побывала Мадина...

— Мадина?

— Она, бедная, об арестованном отце хлопочет.

— Мадина... — Лицо старухи выразило беспокойство. — Как она, сильно сда-
ла?

— Она не из слабых. Но трудно ей. Жаль, в такое время нет у нее никого, кто протянул бы руку помощи.

Старуха ничего не сказала в ответ. Помолчав некоторое время, Шакира спросила:

— Где твой сын, Ихсанбай?

— Не знаю.

— А невестка, Сабиля?

— Она... Зачем она-то тебе понадобилась?

— Для того, чтобы распутать этот клубок. Чтобы понять, почему ты молчишь, затаившись здесь. Ждешь, когда Мадину окончательно погубят?

— Погубят? Типун тебе на язык!

— Если я не права, объясни, что заставило тебя жить затаившись. Раскрой свою тайну!

— Всему свой срок.

— Какой срок? Когда он наступит? Когда стараниями Ихсанбая число жертв будет доведено до пяти-шести?

— Тяжелые слова говоришь, дочка.

— А то, что натворил твой сын, легче?

— Сказано в старых книгах: каждому возрастет по его делам. В каком положении я оказалась — в двух словах не объяснить. Кое-что о себе я рассказала Камалетдинову, ждала для продолжения разговора его — пришла ты. Догадываюсь, где ты работаешь, и рада встрече с тобой. Что касается Ихсанбая... Если у тебя есть время, выслушай притчу. Один шакал, рыская ночью в ауле, угодил в бочку с белой краской. Сородичи, увидев его, поразились: совершенно белый, не похож на остальных. И, приняв его за священное существо, спустившееся с небес, стали поклоняться ему. Он и сам поверил в свою избранность, позволял себе то, что другим не позволено. Но однажды в полнолуние стая завывала, глядя на ночное светило, и «священное существо» невольно выдало свою шакалью натуру, завыв как все...

— Как я поняла твое иносказание, шакал остается шакалом в любом обличье, и ты ждала полнолуния, когда Ихсанбай выкажет себя и все разъяснится без твоего участия?

— Я выносила его под сердцем, не мне его судить, но чему быть, того не миновать.

— Если бы Мадина была твоей внучкой, ты ждала бы столько времени этого «полнолуния»?

— С чего пришла тебе в голову такая мысль о Мадине?

— Я — племянница Шахарбану Худайгуловой.

— Ты... племянница Шахарбану?!

* * *

На пути в Таулы Мадине крупно повезло: возвращался туда грузовик райпотребсоюза, развозивший товары по сельским лавкам, и она доехала до райцентра в кабине, быстро и комфортно. Поэтому и в обратный путь вышла в надежде на какой-нибудь попутный транспорт. В самом деле догнал ее трактор с санным прицепом. Шел он в Тубинск, расположенный в стороне от дороги на Тиряклы, но оттуда до дому было намного ближе, чем от Таулов, и Мадина облегченно вздохнула, забравшись в кабину трактора.

Когда-то она с матерью ездила в Тюбу — так поселок называется по-башкирски — на базар, помнила женщину, у которой останавливались. Переночевав у нее, поднялась чуть свет, отправилась дальше пешком. Слегка буранило. На дороге не было машинных следов, шла по едва заметному санному следу, вспоминая вчерашние встречи с отцом и следователем. Отец немного похудел, на смуглом лице, которого давно не касались ни солнечные лучи, ни ветер, проступила желтизна, но глаза поблескивали как прежде, не угасла в них надежда. Каждый раз, когда видит отца, Мадина словно открывает его для себя заново. Как жизнь изменила человека, некогда не интересовавшегося ничем другим, кроме как возможностью выпить-погулять! Мама, будь она жива, после войны, наверно, снова влюбилась бы в него...

Мадина почувствовала, что ветер усиливается. Хозяйка, у которой переночевала, сказала ей: «Северный ветер опасен, может разыгаться не на шутку. Хоть акман-тукман — весенний буран, в открытом поле тоже страшен. Может, не надо тебе спешить, дочка?» Не послушалась Мадина. Скорей, скорей домой, там ее сыночек ждет!.. А сейчас, оглянувшись, увидела, что идет, будто лиса, заматающая свои следы хвостом. Холодный ветер пробивал ее шубку. Она ускорила шаги и вскоре вспотела. Вокруг ничего не было видно, все скрылось за белой завесой бурана.

По примерному расчету Мадина должна была уже дойти до начала Глубокого лога. Но, шагая наугад по глубокому снегу, она ощутила под ногами что-то пружинистое и догадалась: основание не выбранного до конца скирда. Значит, оказалась в поле, сбилась с дороги. Теперь, если не остановится, может уйти еще дальше от нее. Сердце у нее оборвалось: заблудилась! «Сыночек! Даут!..» Решила устроить себе укрытие, пока не лишилась сил. Принялась раскапывать занесенную снегом солому.

* * *

Кукбуре следила за тем, как луна постепенно полнеет, округляется. Холодная и невозмутимая, она как будто не замечала игривого перемигивания окружающих ее бесчисленных звезд. Не было ей дела и до Кукбуре, в которой по мере приближения полнолуния нарастало мучительное томление. Когда Кукбуре вернулась к прежнему хозяину, тот, не считаясь с яростной, познавшей свободу натурой волчицы, посадил ее, как обыкновенную шавку, на цепь, а луне хоть бы что. Кукбуре нет-нет да взывала, обратив морду к залитому до краев желтизной диску в небе. Ни звука в ответ. Доведенная до отчаяния этим равнодушием и безысходностью, Кукбуре готова была лопнуть со злости, но тут весьма кстати испортилась погода. Небу и земле, видно, наскучило жить по отдельности, и они слились воедино, породив буран. В вое ветра Кукбуре послышался призыв сильного

и прекрасного, как Бывалый, зверя, — призыв к свободе и продолжению рода. О, если бы можно было перегрызть цепь! Кукбуре была уже не в состоянии выдержать неволю, рванулась что есть мочи раз, другой, третий... Либо она выдернет гвозди, которыми цепь прикреплена к тяжелому бревну, либо, исчерпав все силы, умрет от тоски...

* * *

Мирхайдаров проснулся, но встал не сразу, лежал в постели, прислушиваясь к доносящимся с кухни звукам. Там Сарбиназ готовила завтрак. Вскочил внезапно, когда жена начала расставлять на столе посуду. Сарбиназ глянула на него усмешливо.

— Я молчу, думаю, сколько еще проваляешься...

— Как же, поваляешься! Вспомнил, что Мадина вчера ушла в Таулы, а на дворе вон что творится.

— Полагаешь, задержалась там из-за бурана?

— Кабы задержалась! Будто не знаешь, что не усидит на месте.

— Не дитя ведь малое...

— А сама ты какая была в ее годы?

— Ладно, умойся и садись завтракать.

— Некогда! Пойду позвоню в Таулы, пока буран не нарушил связь. Если вчера ушла оттуда домой, пожалуй, придется отправить людей на поиск.

— В такую-то непогоду!

— Есть трактор, лошади. Дорога ведь одна.

Последние слова Мирхайдаров проговорил, на ходу просовывая руки в рукава полушубка. Через несколько секунд, громко хлопнув дверью сеней, нырнул в снежный вихрь.

* * *

Услышав в телефонной трубке голос Мирхайдарова, Камалетдинов не удержался, кольнул председателя:

— Что, Азат Аглиевич, опять без сена сидите?

— Да нет! Сена достаточно. Как только трактора вернулись с лесозаготовок, все свезли к ферме. На этот раз другое беспокоит: как бы доярка наша в беду не попала.

— Доярка? В беду?

— Да. Вчера Мадина ушла в Таулы повидаться с отцом. Я только что заглянул к ней домой — не вернулась. Может, буран в пути ее застал.

— Так, так... — У Камалетдинова сердце подскочило к горлу. — Я... ее не видел. Ко мне не заходила. Дело Хашима ведет сейчас новый следователь, Адельгужина. Возможно, Мадина с ней повидалась. Вы там время не теряйте, начните поиск. По стороне дороги повнимательней смотрите. А я здесь... — На этом связь оборвалась.

* * *

Камалетдинов почувствовал себя беспомощным, словно самого буран накрыл в чистом поле. За окнами — белая муть, ничего не разглядеть. В такую погоду искать

путника на дороге — почти то же, что искать иголку в стогу сена. Но иного выхода нет. Буран может затянуться надолго, ждать, пока он утихнет, нельзя, надо начать поиск немедленно. В райпотребсоюзе есть вездеход. Можно отправиться на нем, взяв с собой нескольких лыжников из общества охотников...

Прежде всего Камалетдинов связался со следовательшей, которой передали дело Хашима. С другого конца телефонной линии послышался женский голос:

— Да, это я, Адельгужина.

— Дочь Насибуллина, Мадина, не заходила к вам?

— Заходила.

— Когда?

— Вчера.

— Не сказала, куда пойдет от вас?

— Она, Аюп Газизович, кажется, сразу направилась на дорогу в Тиряклы. Я еще подумала: «Шубка у нее не очень теплая, хоть бы попутный транспорт ей попался».

Значит, Мадина отправилась домой. В Тиряклы машины ходят редко, да и то лишь в начале дня. Но Мадина могла поехать в Тюбу и переночевать там. Да-да, между Таулами и Тубинском непрерывно снует транспорт рудника...

Через час Камалетдинов, сопровождаемый парнями из общества охотников, был уже в пути. Проезжая через Кривую улицу, он вспомнил о старухе-знахарке и решил заглянуть к ней на минутку: может быть, даст полезный совет. Ради Мадины Камалетдинов готов был сегодня обратиться хоть к самому дьяволу. Не получив ответа на стук, он все же потянул дверь на себя, переступил порог и остановился в нерешительности. Старуха с распущенными волосами сидела на нарах в молитвенной позе, на вошедшего не обратила внимания. Камалетдинов невольно прислушался к ее молитве:

— Тенгри мой! Не дай угаснуть светлому лучику нашего рода, не отрывай безгрешную от земной пищи и воды! Духи семи колен предков, духи праведной Бандабики и мудрой Кукхью, помогите моей Мадине! Умолите Всемогущего сохранить ее жизнь, дабы своей чистотой и жертвенностью освещала она ваши могилы! О Аллах, все в твоей власти, ниспосли ей помощь! Я чувствую, как бьется ее сердце, руки мои наливаются жаром, этот жар передается мне от нее...

Камалетдинов кашлянул. Неудобно прерывать молитву, но и просто повернуться и уйти он не мог. Старуха, не поднимая головы, проговорила:

— Не теряй время! Она жива, но ей грозит смертельная опасность. Ищите ее между Тюбой и Тиряклами, выше ручья Тенгрибирде. Там у дороги увидите ольховник... Обращайте внимание на сорок, они стрекочут там, где их что-нибудь беспокоит. Вызывай в своем воображении меня и иди в ту сторону, куда протянута моя рука.

Слегка огорошенный ее словами, Камалетдинов поспешил на улицу.

* * *

Кукбуре, волоча цепь, кинулась в снежную круговерть. Уйдя из аула, в долине ручья Тенгрибирде наткнулась на волчьи следы. Прошла пара — молодая волчица и матерый самец. Кукбуре знает их давно. Когда Матерый лишился прежней подруги, Кукбуре попыталась занять ее место, сцепилась с этой молодой волчицей, но, поняв, что силы неравны, отступила и с тех пор одинока.

Пара шла по другому следу, человеческому. След уже замело снегом, но он был недавний. Не успевший выветриться запах взволновал Кукбуре, напомнил о

далеком времени, когда ее называли глупышкой. Она тогда свободно бегала по двору Хозяина и однажды из любопытства выбралась на улицу. А там набежала на нее какая-то дворняга и загрызла бы, если б не спасла девочка, от которой исходил этот запах. Девочка подняла ее, задрожавшую со страха, на руки, прижала к груди, погладила, стала успокаивать ласковыми словами. Кукбуре в знак благодарности за спасение лизнула ее в шею. Девочка, засмеявшись, сунула ее в подворотню:

— Иди, глупышка, домой и больше на улицу не вылезай!

Кукбуре уже понимала, что окружающие ее живые существа делятся на своих и чужих. Девочка безусловно относилась к своим, к тем, кого Кукбуре призвана была защищать от чужих. И вот теперь по петляющим следам она прибежала к остаткам скирда, где взволновавший ее запах резко усилился. Кукбуре собралась было разворошить солому, откопать источник запаха, но тут увидела неподалеку затаившуюся волчью пару. Она, должно быть, не решилась сразу напасть на прикрытого соломой человека, выжидала, готовясь к кровавому пиршеству.

Молодая волчица, заносчивая и самоуверенная, приблизилась к Кукбуре и села перед ней, всем своим видом говоря: чего ты сюда явилась, это наша добыча! Кукбуре презрительно повела носом: фу, лахудра голодная, и что в тебе нашел Матерый? Затем, подойдя к самцу, попробовала приласкаться к нему. А тот даже не понюхал ее, пренебрег тем, что у нее течка, оскалил зубы. Какое высокомерие! Кукбуре не учла, что от нее пахнет навозом, дворовой живностью и — самое главное — человеком, прикасавшимся к ней. Только что пережитое унижение, одиночество, вызванное отчуждением от стаи, невозможность удовлетворить естественную потребность в продолжении рода — все это, слившись воедино, пробудило в ней звериную ярость. При этом она помнила, что обязана защитить давнюю свою спасительницу, кинулась к разворошенной соломе, но там уже стояла молодая волчица. Кукбуре напряглась, приготовилась к неравной схватке не на жизнь, а на смерть...

* * *

Хусаин, когда его выдвинули в редколлегию колхозной стенгазеты, хотел было воспротивиться, но подумав, что это потом побудит его почаще заглядывать в клуб и он сможет с удовольствием наблюдать за Мадиной, взмахивающей дирижерской палочкой перед хором, дал согласие. Хусаин неплохо рисовал, особенно лошадей. Стены его караулки были обвешаны рисунками, на которых главным образом красовался Саврасый.

Покончив с делами в конюшне, Хусаин вымыл руки с мылом, тщательно осушил их полотенцем и расстелил на специально сколоченном для этого столе лист ватмана. Бумагу ему принес редактор стенгазеты, недавно приехавший в колхоз зоотехник Расуль Юлдашев.

Расуль велел нарисовать три карикатуры. В оставленной им тетради было подробно написано, что и как должен изобразить художник.

Хусаин заточил цветные карандаши и усердно, высунув кончик языка, принялся рисовать.

* * *

Несмотря на слабость и головокружение, Галима пошла на работу. Хотя на ферме могут ее подменить, не позволяет она себе отдохнуть. Есть на это причина:

если ее коровами займется другая доярка, станет ясно, сколько она надаивала на самом деле. Галима — депутат райсовета, ее портрет висит на районной «Доске почета», может быть, присвоили бы ей почетное звание. Падать, так уж с высокой горы, говорят иные люди. Вообще-то чем выше гора, тем падать больней, и расшибиться можно. Однако Галима падать не собиралась, карабкалась вверх, цепляясь, что называется, и руками и зубами, не брезгуя никакими средствами. На то, что на ее пути к славе неожиданно возник Ихсанбай, она закрыла глаза: пусть делает что хочет, только ее, Галиму, не трогает. Но Ихсанбай лишил ее дутых показателей, тем самым дал возможность выдвинуться вперед Мадине. Возненавидела Галима этого уroda, только доказать, что это вовсе не Ишмамат, не может. Ну не объявит же она, что знает, кто он, потому что женщина человека, лишившего ее девичества, ни с кем другим не спутает. Будь у нее другие доказательства, не посмотрела бы на то, что он — отец ее дочери, сейчас же, сию минуту разоблачила бы. Но пока приходится, стиснув зубы, терпеть. Пока она не в силах отбросить калеку-учетчика со своего пути.

Тем не менее эту тиряклинскую соловушку, Мадину, вперед она не пропустит. Для этого достаточно лишить ее трех-четырех самых удоистых коров. И не такие задачки Галима решала. Кто, говорят, смел, тот и съел. Потому Галима и пришла на ферму пораньше. Пока Мадина не вернулась из Таулов, она должна сделать свое дело!

* * *

Ихсанбай, может быть, оттого, что надоедает ему лежать и мучиться бессонницей, встает рано. Это не создает затруднений Раузе, со времен работы в сельсовете она тоже — ранняя пташка. Попив молча чаю, Ихсанбай уходит на ферму. После этого Рауза зазывает в дом Шангарея, второй раз пьет чай с ним, затем, уместив, уговорив пасынка, посылает его с чем-нибудь съестным к Хусаину и сама отправляется в лавку, получившую теперь статус магазина.

Сердечная мука Ихсанбая — Мадина. Все время на уме — она, перед глазами — она. Иногда ее образ сливается с образом Гульбану. Если бы Мадина не была так похожа на мать... Но нет, одно лицо, одна фигура, одна сущность. Попробовал Ихсанбай пригасить мучающий его внутренний огонь, обладая Галимой. Не помогло. Что она, что Рауза... Для не едавшего мяса и шурпа — еда, коль нравится Галима Саяфу — пусть себе пользуется.

Вот ушла Мадина в Таулы, и мир Ихсанбая потускнел, потерял привлекательность. А до этого он шел на работу как на праздник. Ах, душа! Почему она не считается с тем, что тело уродливо, не довольствуется тем, что ей отпущено? Мать, бывало, говорила: человек чувствует себя человеком, когда его цель выше, чем он сам. Но дотянется ли Ихсанбай до своей цели? Его стремление обладать сначала Гульбану, затем Мудиной все время оборачивалось для него бедой, превратило в конце концов в калеку без рода, без племени. И все же он не образумился, кидается в схватки с судьбой, не сулящие никакого успеха...

Выйдя во двор, Ихсанбай насторожился. Если не считать воя ветра, во дворе, казалось, царил странная тишина. По привычке, выработавшейся в пору обитания в пещере, он вслушался в эту тишину.

— Кукбуре!

Ни звука в ответ. Спустившись с крыльца, подошел к конуре. Нет ее! Ушла! Вместе с цепью смылась!

Вернулся в дом.

— Где собака?

— Откуда мне знать? — удивилась Рауза. — Кому охота на привязи сидеть? Сбежала, наверно.

— Куда? Куда сбежала?

— Атак-атак! Собаки не докладывают, куда они убегают.

— Дура!

В сердцах громыхнув дверью, Ихсанбай вновь вышел во двор. Толкнулся в растерянности в дверь бани, где ночевал Шангарей, — не отворилась. Подпер идиот чем-то изнутри. Все же хватает ума, чтобы обезопасить себя на ночь. Вот и он, Ихсанбай, когда во дворе была Кукбуре, чувствовал себя в большей безопасности. Сбежала... Что за чертовое утро выдалось!

Ругая все на свете, дохромал Ихсанбай до фермы. Зашел сначала в коровник. Возле коров Мадины возилась другая доярка. Те, видно, не давались ей, в воздухе висел сплошной мат. Ихсанбай и сам употребляет такие слова, но они ему неприятны, когда исходят из женских уст. Оказалось, матерится Галима. Говорили, что свалил ее сердечный приступ, — значит, все же вышла на работу.

— Поправилась, красавица?

— Если не поправилась, ты, что ли, поправишь?

— Грубишь...

— Церемоний не заслужил!

— Сердишься за тогдашнее... в чулане?..

— Исчезни с моих глаз, хромой иблис!

В голосе Галимы прозвучала такая злость, что по спине Ихсанбая пробежали мурашки. На свою голову бесится Галима! Однако надо быть с ней осторожным, не стоит перегибать палку. Стиснув зубы, Ихсанбай покинул коровник, направился в «красный уголок».

В «красном уголке» никого не было, не считая мыши, преспокойно умывавшейся на столе. Нашла место!

— Кыш!

Мышь исчезла. Ихсанбай плюхнулся на свой стул и увидел стенгазету, вывешенную, должно быть, вчера поздно вечером. Ну-ка, ну-ка... Что за карикатуры? На верхней был изображен отталкивающего вида человек, нацеливший ружье на зверя с обличьем медведя, но с коровьими рогами на голове. Ниже — стишок:

*У медведей тиряклинских
Очень острые рога,
Но Ишмамат не испугался —
Сразил рогатого врага.*

Ихсанбай перевел растерянный взгляд на следующую карикатуру. На ней курица с накинутой на шею петлей привязывает крыльями конец веревки к потолку. На полу, смотря на это, сидит на куче яиц толстая ханум — точь-в-точь Рауза. В «облачко», выведенное из клюва курицы, вписаны как бы ее слова:

*За все яичками плати —
От платьев до конфет.
Повешусь, тетенька, прости,
Нестись уж мочи нет!*

Где-то в верхах ради выполнения планов по закупке сельхозпродукции у населения придумали порядок, по которому в сельских торговых точках часть товаров из числа самых ходовых реализуют только в обмен на куриные яйца. А как быть тем, кто кур не держит? Тут стенгазетчики правы. Но каков Хусайн! Родную мать не пожалел, выставил на посмешище!

Третья карикатура — камешек в огород самого колхоза: трактор, машина и лошадь смеются, уперев «руки» в бока, а коровы, впряженные в плуг, пашут землю. И здесь стишок, признаться, довольно складный, если учесть, что сочинил его местный житель:

*Даем мы мясо, молоко,
И мы же землю пашем
Колхозным на смех лошадям.
Обидно, прямо скажем!*

В самом деле тиряклинцы весной, чтобы вспахать огороды, все еще, как в годы войны, запрягают коров. Ну и наплевать, пусть запрягают, Ихсанбая это не касается. Его, разумеется, вывела из себя карикатура на него самого. Наплел скотникам идиот Шангарей, будто видел, как Ишмамат разделявал медведя с головой, похожей на коровью, и пошли по аулу смешки. Ладно, смешки можно пережить, но карикатура намекает, в чьи руки угодила пропавшая корова Мадины. Вот сволочи, унюхали! Нет у них доказательств, бред недоумка — не доказательство, а все же...

Может, стенгазету на ферме никто еще не видел. И не увидит! Ихсанбай в ярости сорвал ее со стены, сунул, скомкав, в печь, поджег спичкой. Когда она сгорела, вышел во двор, распираемый желанием взгреть Шангарея за его болтовню.

— Ну, мать твою, укорочу я тебе язык! — погрозил он и пошагал обратно в аул.

* * *

Мадина крутится-вертится, подпрыгивает, отклоняется туда-сюда, а окружившие ее мальчишки и девчонки бросают скатанный из коровьей слинявшей шерсти мяч, стараясь попасть в нее. Мадина пока что ловко увертывается от мяча, остается в кругу. Игра в самом разгаре, все горячатся, досадуют, спорят меж собой.

— Дай-ка, я попробую!

— Не попадешь!

— Сейчас увидите, мокроносые, как...

Кидают — не попадают. Мадина быстра, как косуля, сноровиста, как белка. Но увернувшись очередной раз, она вздрогнула. Атак, вовсе не дети вокруг нее собрались, а взрослые: лысый профессор, охранник Бутырской тюрьмы, Ихсанбай, Ишмамат, Галима, Саяф, еще кто-то. Шумно дышат, высунув языки, как собаки. Над головой Мадины пролетел мяч. Ах! Оказывается, это не мяч, а ее сердце. Собравшиеся вокруг люди, издавая дикие крики, перекидывают его через голову Мадины друг другу. Оно живое, видно, как бьется. Мадина пытается поймать его, но не может дотянуться. Ей жарко, она уже вся мокрая от пота, хочется пить.

— Пить!..

Кто-то влил ей в рот чуточку воды. Хорошо! Крикливые, злые люди закружились, как клочья тумана, и исчезли, а Мадина вновь оказалась в кругу детей,

играющих с мячом. Ноги у них в цыпках, а лица ясные, оживленные. Среди них нетерпеливо подпрыгивают Биктимер, Янтимер и... Даут. Даут?!

— Сыночек! — Хотела рвануться к нему — не позволила резкая боль в груди.

Мадина открыла глаза, увидела сквозь пелену слез неясные тени, собравшиеся около нее.

— Мадина! Ты узнаешь меня? Я — Камалетдинов.

— Где я?

— В Таулах, в больнице.

— Мой... ребенок... — Теперь из ее глаз слезы хлынули обильно.

К ней склонилась другая тень.

— Успокойся, успокойся... Тебе нельзя волноваться... — Тень, видимо врач, обернувшись к кому-то, распорядилась: — Укол! Пусть поспит. У нее набухли груди. Попробуйте выдоить молоко. Если не пойдет, принесите ребенка из родильного отделения...

* * *

Когда Мадина очнулась, Камалетдинов отправился домой и рухнул в постель. Видя, в каком состоянии муж, — лицо осунулось, глаза ввалились, — Малика, хотя и чесался у нее язык, ничего по поводу его долгого отсутствия не сказала. Пока чуть ли не весь поднятый Аюпом на ноги район искал Мадину, Малика даже сочувствовала ей: такая молодая, а сколько уж бед на нее свалилось! Просила посвоему Всевышнего сохранить ей жизнь ради ее ребенка. А после того, как Мадина нашла и Аюп при его-то должности две ночи продежурил в больнице, очень хотелось спросить: «Что, Камалетдинов, в сестру милосердия переквалифицировался?» — но придержала язык.

Чтобы дать Аюпу спокойно заснуть, Малика вышла с дочкой на улицу, посто-яла, не зная, куда направиться, и, остановив выбор на доме Талипа Лукмановича, пошагала туда. Пусть дети пообщаются меж собой, а сама она облегчит душу в беседе со словоохотливой Раисой Максимовной...

* * *

Голова горячая, как камни в бане, в ушах стоит шум, тело ноет от усталости, а сна ни в одном глазу. Лежа в постели, Камалетдинов перебирал в памяти события последних двух дней. Знахарка подсказала место верно: Мадину они нашли недалеко от ольховника в основании скирда. Сначала на бугре, с верхушки которого снег был сдут ветром, увидели труп собаки. Она лежала раскинув лапы, будто обняв бугор.

— Собака!

— Нет, волчица!

— Какая тебе волчица, она же с цепью!

— Еще охотником себя называешь! Посмотри на ее морду, на уши!

В ольховнике застрекотали сороки. Охотники, взрывая ногами снег, двинулись туда и обнаружили еще один труп. Тоже волчица...

— Ну и дела!

— Они перегрызли друг дружке горло...

— Надо же, и волки меж собой воют!

От бугра, где лежал первый труп, до места, где лежала вторая волчица, тянулся след, сквозь снег проступали пятна крови. Камалетдинов, вспомнив наказ знахарки, закрыл глаза, представил ее. Старуха сидела, положив руки на колени. Как же так? Она ведь велела идти в ту сторону, куда протянута ее рука. Камалетдинова осенило: Мадина здесь! Зарылась, чтобы спастись от гибели, в остаток скирда. Скирд был поставлен на краю поля, недалеко от дороги...

— Идите сюда! — позвал он охотников. — Переложите труп волчицы в сторону. Разойдите солому. Осторожно! Не тычьте палками!

Увидев окровавленную Мадину, лежавшую без сознания, Камалетдинов и сам едва не лишился чувств. К счастью, выяснилось, что кровь натекла на нее сверху. Охотники на радостях устроили салют, постреляли в воздух. Вскоре, услышав выстрелы, подъехали оказавшиеся неподалеку тиряклинцы. Камалетдинов поднял Мадину, прижал к груди ношу, ставшую самой дорогой в его жизни, понес к вездеходу. Кто-то из тиряклинцев, глянув на труп с цепью, прикрепленной к ошейнику, воскликнул:

— Так это же сука Ишмамата, Кукбуре!

Трупы увезли на саях в аул...

...Не берет сон Камалетдинова, перед глазами — образ лежащей на больничной койке Мадины. В больнице он впервые увидел ее лицо очень близко. Брови, напоминающие вскинутые крылья ласточки, длинные смеженные ресницы, маленькие колечки волос, прилипшие к влажному лбу, две блестящие, как змеиная кожа, косы, лежащие, обогнув изящную шею, на груди... Небольшие аккуратные ушки, соразмерный с лицом нос, прелестные губы будто вырезаны резцом искусного ювелира... До чего же она хороша, божественно хороша!

Аюпу хотелось прикоснуться к ней, ощутить ее тепло, но он ни разу не посмел протянуть руку к ней и тогда, когда дежурившая в палате сиделка отлучалась, — Мадина и без сознания оставалась для него неприкасаемой богиней. У него даже мелькнула мысль: «Как же это у Абдельхата хватило духу жениться на ней?»

Иногда Аюп задремывал, сидя около нее, и память уносила его в далекое теперь время, когда он, осиротев, попал в детдом. Он часто убегал оттуда и однажды угодил в детскую воспитательную колонию. В колонии ему устроили жестокое испытание. Сунули меж пальцев ноги клок газеты и подожгли. «Выдержишь, пока сгорит, не закричишь?» Аюп до крови искусал губы, но не закричал. Теперь он был обречен на муку, схожую с той, с одной лишь разницей: жгучая боль перекинулась в сердце.

Из колонии Аюп тоже сбежал, прожил некоторое время в компании безнадзорной шпаны. Голодали, обовшивели. Давили, положив рубашки на рельсы, скопившихся в швах насекомых камнями. Потом, чтобы вовсе их вывести, забирались на груженные углем железнодорожные платформы, раздевались и ехали стоя, подставив рубашки и штаны ветру. Поезд мчится неизвестно куда, мчатся черные от угольной пыли чертенята, рискуя ради избавления от паразитов жизнью... А нынешнее положение Камалетдинова лучше, легче? Пританцовывать в звании руководителя района подобно цирковой лошади — это счастье? Что-то не радует его новая жизнь, построенная на костях миллионов безвинно погибших людей. Или он должен радоваться, видя полуголодное существование крестьян среди гор возделываемого ими хлеба, видя вот эту соловушку копающейся в навозе? Аюп и сейчас чувствует себя в положении мальчика, ехавшего когда-то на открытой платформе, ежесекундно рискующего полететь в тартарары.

Сколько бы он тогда ни убегал, в конце концов вновь возвращался в детдом. И сначала его помещали в изолятор, чтобы очистить от всякой заразы, набран-

ной в бегах. Он становился пленником, за которым внимательно следили. Сейчас он сыт, обут-одет, занимает высокий пост. Но все равно живет как в изоляторе. За ним, за каждым его шагом следят тысячи глаз. Он не волен в любви, не вправе сказать любимой, что любит ее. Он пленник, поставленный надзирать над другими пленниками системы...

* * *

У обремененной семейными заботами Раузы теперь нет времени часами точить лясы, перемывать чьи-нибудь косточки, остановившись посреди улицы. Но каждый, кто заходит в магазин, перекидывается с ней хотя бы парой слов, сообщает новости, и Рауза по-прежнему в курсе аульной жизни – вплоть до того, что у кого на столе и кто какие нижние штаны носит. Вот пришла в магазин Галима. У нее из-под подола платья выглядывает кружевной край сорочки.

– Никак, Галима, ты в Магнитку съездила?

– Да нет. С чего ты взяла?

– Сорочка твоя... Я такие не продавала.

– Ты не продавала, так других магазинов в округе нет, что ли?

– Есть, но товар все с одной базы получаем.

Галима повернула разговор на другое.

– Мне платьице для моей девчонки нужно.

– Ах-ах, что же сразу не сказала? Вот с синими цветочками, подойдет ей.

– Почем?

– Шестьдесят яичек.

На лице Галимы выступили красные пятна. Куры у нее сроду не водились, все силы отнимает колхозная ферма.

– Были бы яички, так сама бы ела! У меня что – права покупать за деньги нет?

– Чай, сахар – пожалуйста!

– Мне платьице нужно!

– Выкладывай яички и бери!

– С этими яичками ты уж, тетенька, в газету попала!

– В какую газету? С чего я в газету должна попасть? С чужими мужиками тайком не тешилась, без мужа ребенка не родила!

– Астагафирулла, Рауза-апай, ну и язык у тебя! Уж если на то пошло, так я забредшую в мой двор чужую корову не съела!

– Какую корову?

– Бильдяшку Мадины, которую вы с Ишмаматом украли!

– Ах, сука! Что ты мелешь? На покалеченного фронтовика напраслину возводишь!

– Ха, фронтовик! Липовый он фронтовик! Кабы вы порядочными людьми были, не угодили бы оба в «Колючку». У порядочных людей сын карикатуру на свою мать не рисует. Срам!

– Поосторожней открывай рот, девка! Думаешь, люди не знают, что ты плод своего греха в нужник сбросила? И как передовой дояркой стала – знаем! Тебе только под быка лечь осталось!

– И лягу, если захочу! Не твое дело!

Галима ушла, даже не притворив за собой дверь. Рауза, тоже сама не своя, заперла магазин и поспешила домой. Надо было выяснить, что это за газета, о чем толкует народ.

Калитка была открыта, Рауза подумала, что Ишмамат дома. Нет, убрел куда-то. Покрутилась по двору. Вдруг в уголке меж собачьей конурой и поленницей дров бросился ей в глаза череп. Острия рогов отпилены. У коровы Мадины такие были... О Аллах, неужто в самом деле поднял на нее руку Ишмамат? Голову, видать, где-то закопал, бродячие собаки могли откопать ее, а Кукбуре, пропади она пропадом, пока не посадили на цепь, притащила череп сюда...

Мысли Раузы прервал пронзительный крик, скорее даже визг. Такой визг Рауза слышала в детстве, в русской деревне, где однажды побывала с матерью у ее знакомых. Там забивали свинью. Рауза так испугалась, что дома бабушке пришлось исполнить обряд избавления от страха. Сейчас визг доносился из бани. Шангарей, глупый, там ошпарился, что ли?

— Шангарей! — Открыла дверь бани и, увидев, что там происходит, отшатнулась. — Нет! Нет! Нет! Люди, на помощь! — Хотела побежать на улицу, но ноги не слушались, в глазах потемнело, и Рауза, как тогда, когда услышала о смерти Сибагата, упала в обморок.

* * *

У Касима ожеребилась кобыла, которую выбраковали и собирались сдать на мясокомбинат. Касим приобрел ее правдами и неправдами, отдав взамен своего быка. И вот — жеребенок. Хусаин пришел посмотреть на него. Красивый жеребенок. Уши торчком, шея длинная, грудь широкая, ножки точеные, масть — точь-в-точь как у Саврасого.

— Агай, — сказал Хусаин Касиму, — я буду приходить каждый день, а то еще вы не сумеете правильно воспитать его.

— Не так уж велика хитрость — вырастить жеребенка.

— Он не простой жеребенок, агай, он из потомства тулпаров.

— Думаешь?

— Я-то уж в лошадях разбираюсь.

— Ладно, пожелаем ему стать отличным скакуном.

— И-и-и, хороший мой!.. — Поглаживая жеребенка, Хусаин прослезился. Уже второй раз за этот день. Первый раз прослезился, услышав, что Мадину нашли. — Вот вернется Мадина из больницы и тоже придет поласкать его.

— Пусть придет. Мадина лошадей любит.

— И они ее.

— Кто же Мадину не любит?!

— Саврасый очень ее любил...

Хусаин шагал по улице улыбаясь, распахнув от радости полушубок. Хотелось поделиться этой радостью с кем-нибудь. А почему бы ему не заглянуть к матери? Нет ведь у него человека ближе.

Войдя во двор Ишмамата, Хусаин услышал крик: «Люди, на помощь!» Голос матери. Донесся со стороны бани. Решив, что на мать напала собака Ишмамата, Хусаин на бегу подхватил подвернувшуюся под руку палку. Мать лежала в предбаннике. А в бане Ишмамат... насильно Шангарея. Хусаин огрел его палкой по голому задку.

— Подонок! Собачье отродье! Убью!

Тут Рауза очнулась.

— Сынок, не убивай! Сам пропадешь из-за негодяя! Послушайся меня, сынок!

Ишмамат попытался выскочить из бани, но, запутавшись в спущенных штанах, упал.

— Убыр! Я же говорил: он не мой отец! — Шангарей зарыдал. — Раужа-эпшэй*, не оштавлиай меня тут! Вожьми к шебе, Раужа-эпшэй!

Рыданье Шангарея добавило ярости Хусаину.

— Убью мерзавца! Не держи меня, мать! Он не человек — выродок!

Тем временем с необыкновенным для хромого проворством Ишмамат улизнул из бани и заперся в доме. Взяв с собой плачущего Шангарея, разъяренный Хусаин и пришедшая в себя Рауза пошагали к ее прежнему дому.

* * *

По аулу разнеслась весть: Мадина жива, Мирхайдаров с несколькими колхозниками навестили ее в больнице. Мадина сказала, что сразу, как вернется, начнет репетиции с хором. И про коров своих спрашивала.

Весть эта дошла и до Галимы. Ладно, пусть занимается своим хором, а она, Галима, человек дела. Сколько уж сил потратила на ферму и своего там добьется. Вчера из-за внезапного появления Ихсанбая она растерялась, а на этот раз... Только бы не помешал опять кто-нибудь!

Все еще не успокоившаяся после ссоры с Раузой, пришла Галима на ферму затемно. Сердце забилось учащенно, когда подошла к коровам Мадины с ведрами, в которые нацедила аммиачную воду.

Прошлым летом доставили в колхоз по разнарядке цистерну этого удобрения, но для внесения его в почву нужны соответствующие приспособления, а их не было. Чтобы добро не пропало совсем уж зря, Саяф привез на ферму несколько фляг едкой жидкости. Прочитал в газете, что аммиак, если осторожно, в небольших дозах добавлять его в корм животных, повышает их продуктивность. Попробовали сдабривать разбавленным водой химикатом солому, и все шло пока благополучно. Галима же приготовила сильный ядовитый раствор, размешала в нем принесенную из дома кашу.

Услышав позвякивание ведер, несколько коров поднялись. Галима поставила «угощение» перед Пеструшкой и Пятнистой. Их чавканье привлекло внимание Буренушки, она потянулась к соседке, дескать, не поделишься ли со мной, и невзначай задела Галиму. И без того взвинченная доярка схватила вилы, саданула остриями ей под рог. Буренушка взревела, отчаянно замотала головой...

Быстренько ополоснув опустевшие ведра, Галима повесила их сушиться и, пока не подошли другие доярки, ушла из коровника.

* * *

У Ихсанбая была в запасе бутылка водки. Пил мало-помалу всю ночь, погружившись в тяжкие думы. Да, оставаться здесь он больше не может. Сам виноват, надо было жить тихонько, затаившись как мышь, — не получилось. Но свет не сошелся клином на Тиряклах, везде живут люди. В конце концов должно улыбнуться ему счастье. Найти бы мать, а через нее — Сабилу. Сабиля ему не нужна, но она, может быть, родила сына. Вот сын... Куда могла уйти мать?

* Эпшэй (эпсей) — обращение к пожилой женщине, которую почитают как мать.

Скорей всего, в Таулы. Была у нее там знакомая, старуха-знахарка. Там же и дядя Сабилы живет. Значит, надо искать их в Таулах. А как же он сможет жить без Мадины? Уйти с ним она вряд ли согласится. Пригрозить, заставить? Ихсанбай посмотрел на лежавший на столе нож. Если упрется, если не достанется ему, пусть никому не достанется! Уйдет без нее... с сыном... в казахские степи. Или еще дальше. Везде одно солнце, одна луна... А сначала — в Таулы...

Ихсанбай сложил в заплечный мешок кое-что из съестного и самые нужные вещи, взял ружье. Прощай, Тиряклы! Вон Кукбуре сбежала на волю с цепью, а ему лучше улизнуть, пока не надели наручники.

На пустынной улице никто его не увидел, только сам он заметил, что кто-то спешил в сторону фермы. Впрочем, какое ему теперь до этого дело?! Пойти в Таулы по большаку Ихсанбай не рискнул, решил добраться окольными путями и направился в сторону горы Куктау, скрывавшей его в течение двух лет. Кому, говорят, Всевышний даровал жизнь, тому подсказывает и способы существования...

* * *

Раиса Максимовна встретила Малику приветливо.

— Проходите, дорогая, проходите! Как хорошо, что решили навестить нас!

Провела Малику в гостиную.

— Аюп Газизович прилеж отдыхнуть, ну я, чтобы ребенок не мешал ему...

— Конечно, конечно! Нелегкая у него работа.

— И не говорите! — У раздевавшей ребенка Малики будто плотина в переполненной душе прорвалась. — Он ведь, Раиса Максимовна, такой заботливый, внимательный к людям! О тиряклинской доярке слышали?

— О да! Лукман рассказывал. Шутит, наверно, говорит, волки постеснялись съест ее из-за того, что очень красивая... Ну, так что же Аюп Газизович?

— Мало того, что спас, не отходил от нее, пока не очнулась.

— Она, Лукман говорит, одаренная певица. В Москве какое-то время училась.

— Да, училась... Она — жена друга Аюпа Газизовича. Он ей помог поступить учиться...

— Бэй! — Раиса — Рашида-ханум заговорила на местном башкирском диалекте. — Разве она замужем?

— Ребенка уже растит.

— Я этих подробностей не знала... Что ни говори, широкая душа у Аюпа Газизовича... — Раиса-Рашида хлопотала, чтобы угостить гостью чаем, и сменила тему разговора, перейдя на «ты»: — Флорида твоя... Как выросла! Просто невеста!

— А где ваш Абубакир?

— В детской... Такой деловой! Все что-то строит. Давай с Флоридой его познакомим. Ему общения с детьми не хватает.

Симпатичный синеглазый мальчонка, когда Раиса-Рашида предложила ему познакомиться с девочкой, серьезно протянул ей руку, но маленькая гостя его не поняла.

— Mam, а почему она не здороваается?

— Застеснялась. Она ведь невеста, а невесты все застенчивые...

— А разговаривать она умеет?

— Конечно. Вот и ты ее еще немного подучишь.

У Малики язык не повернулся сказать, что ее дочка не разговаривает. А Флорида заинтересовалась игрушками, занялась ими, сев перед мальчиком.

Вернувшись в гостиную, женщины сели почаевничать. Обе принялись жаловаться на занятость домашними делами. Правда, больше жаловалась Малика, а Рашида, вполне довольная своей обеспеченной жизнью с хорошим мужем и любимым ребенком, похвалила Лукмана:

— Он у меня тоже очень положительный! Приютил вот одного калеку. Пристрой, где у нас прачечная была, сейчас пустует, пусть, говорит, там поживет, хоть тем, что по хозяйству будет помогать, на еду себе зарабатывает.

Тут, легок на помине, вошел в дом, скособочась, человек с обезображенным так, что страшно было взглянуть, лицом, сбросил у печи охапку дров и просипел, обращаясь к хозяйке:

— Я скотину напоил, навоз убрал. Вечером отлучусь, не теряйте меня...

Когда он ушел, побледневшая с испугу Малика — не до чая ей стало — сказала:

— Какой жуткий у него голос! И лицо... Где Лукман Талипович его нашел?

— Сам к нему пришел. Война его покалечила...

— Видела я калек, но таких страшилищ...

— Он безвредный. Даже Абубакир его не боится.

— Вы к Абубакиру его подпускаете?

— А почему бы не подпускать? Абубакир станет, как отец, врачом. Пусть видит и хорошее и плохое. Этот калека его сразу полюбил, в случае чего защитит...

— От чего защитит? Разве ему что-нибудь грозит?

— Ну, мало ли что в жизни может случиться.

— Это так... Но я бы свою Флориду чужому человеку не доверила.

— Ах, дорогая моя, ты молода, многого не понимаешь... У тебя, возможно, будет еще ребенок, а у нас с Лукманом... Абубакир — единственная наша надежда. Нам нужен надежный человек, а этот калека будет благодарен и верен нам, ему больше некуда деться...

— Мне пора домой, — поднялась вдруг Малика.

«Бедняжка, рвнует мужа», — подумала Раиса Максимовна, провожая ее.

* * *

Мадина проснулась в хорошем настроении. Подойдя к окну, распустила косы, принялась расчесывать волосы. Погода наладилась, весна разгулялась, на улице так светло, небо такое синее... Вдалеке видна гора Куктау, в той стороне — Тиряклы, Тенгрибирде, Акъелга... Возле самой Акъелги — ее усадьба, там сейчас Магинур-инэй с Газимой пьют утренний чай, Газима, наверно, поит Даута козьим молоком...

У Мадины пропало молоко. Психиатр Лидия Николаевна сказала, что сильный испуг, видимо, подействовал на молочные железы... Ну ладно, Даут уже большой, главное — она жива. Мадина, оказывается, до сих пор не знала истинную цену жизни, теперь каждый день для нее — большой подарок.

Послышались шаги, в палату вошли пожилой лечащий врач и Камалетдинов.

— Ой, не успела волосы прибрать! — смутилась Мадина.

Врач присел на край ее койки, Камалетдинов устроился на стуле.

— Кажется, наша тиряклинская соловушка готова запеть, — сказал врач, улыбувшись.

— Не только запеть, но и полететь!
— Не спеши расправлять крылья, рановато!
— Мне надо домой... Отпустите, пожалуйста!
Врач глянул поверх очков на Камалетдинова:
— Как решим, Аюп Газизович?
— Решать вам... Вообще-то сегодня в Тиряклы пойдет машина с инструкторами райкома...
— Ну, если, девонька, дашь слово не волноваться чересчур, не простужаться...
— Клянусь! Большое вам спасибо!
Вскоре Мадина села в райкомовскую «Победу» и в обществе двух инструкторов помчалась в Тиряклы.

* * *

Проводив Мадину, Камалетдинов подумал, что ей сейчас очень нужна забота близкого человека, — жаль, нет рядом отца. В колготне последних дней Аюп Газизович забыл о деле Хашима. Спихватившись теперь, позвонил Адельгужиной. Ее озабоченный голос насторожил его.

— Насибуллин...
— Что? Что-нибудь с ним случилось?
— С ним-то ничего не случилось. Установлен факт как раз в его пользу. Под именем Ишмухамета Бактымбаева скрывался Ихсанбай Муратов.
— Вот как!
— Но Муратов сбежал из Тиряклов.
— Что говорит Мирхайдаров?
— Мирхайдаров о том, что это Муратов, догадался раньше, чем мы.
— И молчал!
— Партизан... Решил разобраться во всем самолично. Собирал доказательство. А тем временем тамошние горячие головы поместили в стенгазете карикатуру на мнимого Бактымбаева с намеком, что он похитил корову Мадины, и спугнули Муратова.
— Удивили вы меня...
— Я побывала в Тиряклах. Люди там, Аюп Газизович, в общем неплохие живут. Мадину любят, тепло вспоминали ее мать и к Хашиму относятся доброжелательно.
— Хорошо, что вы туда съездили. Ихсанбай Муратов, если это действительно он...
— А иначе зачем бы он скрылся? Это в самом деле опасный человек.
— Что можно вменить ему в вину, раз сам жив и, насколько мне известно, живы его мать и жена?
— А мальчики?
— Мальчики, возможно, утонули по неосторожности.
— А Зарифа? И почему Сабия от него сбежала? Грехов на нем много. Повторяю, он опасен.
— Кому сейчас может угрожать опасность с его стороны?
— Например, Мадине. Она жила по соседству, многое о нем знает, пропали именно ее братишки, и, наконец, Ихсанбай уже второй раз лишил ее семью коровы. Почему? Что-то за этим стоит, что — я пока не смогла понять...

Аюп Газизович позвонил Адельгужиной, чтобы успокоиться, а вместо этого... Он зажал руками голову.

* * *

— Дед Мазай, мне надо сходить в магазин, не посидишь с ребенком? — спросила хозяйка, приоткрыв дверь клетки.

— Конечно, конечно! — отозвался Ихсанбай.

Дедом Мазаем Раиса Максимовна стала называть его вслед за Абубакиром. При первой встрече с ним мальчик, глядя на него безоблачно ясными синими глазами, спросил по-русски:

— Тебя как звать?

Мысли Ихсанбая заветались в поисках ответа. Выручили его запомнившиеся еще в школьные годы стихи о старике, спасавшем зайцев.

— Дед Мазай, — сказал он.

Имя мальчику понравилось и прилипло к Ихсанбаю. Теперь вот и старшие называют его дедом Мазаем.

С Абубакиром Ихсанбай сблизился не сразу. В свободное от хлопот по хозяйству время он стал выстругивать из мягкой древесины игрушки для мальчика. Вырезал фигурку лошади, смастерил маленькую тележку. Передал подарки через Раиду. Это, видимо, вызвало у мальчика интерес к неожиданно появившемуся у них человеку, и он сам потянулся к Ихсанбаю. Даже закапризничал:

— Почему дед Мазай не приходит ко мне? Я хочу поиграть с ним!

И вот Абубакир с Ихсанбаем остались вдвоем. По телу Ихсанбая, когда он взял мальчика на руки, пробежала теплая волна, такое чувство до сих пор никто у него не пробуждал. Это было отцовское чувство. Ихсанбай прижался носом к груди Абубакира. Как вкусно, как волнующе пахнет ребенок!

— Ах, сынок!

Слово это вырвалось неожиданно. Ихсанбай мысленно повторил его: «Сынок! Сыночек!..»

Абубакир тонкими пальчиками притронулся к его лицу.

— Дед Мазай, когда я вырасту, стану доктором.

— Почему... доктором?

— Стану доктором и вылечу твое лицо. Пусть станет гладким и белым.

— Хочешь, чтобы мое лицо стало таким, как у нее?

Ихсанбай указал на белую кошку, которая, сидя напротив них, умывалась. Мальчик понял, что дед Мазай пошутил, звонко засмеялся. Ихсанбай тоже издал сильные звуки, означавшие смех.

Абубакир, уютно устроившись у него на коленях, спросил:

— Дед Мазай, а бабка у тебя есть?

— Бабка? Н-нет... Бабки у меня нет.

— Почему? У деда должна быть бабка. А сынок? Есть у тебя сынок?

— Есть.

— А где он?

— Он-то? Сидит на ветке, кушает конфетки.

И опять Абубакир понял, что дед Мазай шутит, залился смехом. Им было хорошо, весело друг с другом.

— Дед Мазай, ты всегда-всегда будешь жить с нами?

— Нет, всегда-всегда не смогу. Наверно, уеду, детка.

— Куда?

- Далеко... Хочешь поехать со мной далеко-далеко?
- Да.
- Только ты об этом никому не говори, ладно?
- Ладно. А ты, дед Мазай, меня любишь?
- Люблю.
- Очень?
- Да, малыш. Никого еще я так не любил.
- И я тебя люблю. Сильно-пресильно!

* * *

Когда въехали в объятые весенними шумами и теплом Тиряклы, Мадина встрепенулась. Здесь, в мире, по которому соскучилась, где ее любят и ждут, она, наверно, быстрее окрепнет. Вот ее изба. На скворечнике над воротами скворцы ссорятся с воробьями, занявшими их жилье, пока они были в других краях. На картофельном огороде снег уже почти весь сошел, пора подумать, как его вспахать. А вон изба тетушки Фаузии — смотрит маленькими окошками на слепящее солнце. В окне избы самой Мадины засияло еще одно солнышко: изнутри припал к нему Даут, хлопает ладошкой по стеклу, увидел мать. Рядом появились еще две головы. Просияло лицо Магинур, Газима улыбается сдержанней, но видно, что тоже обрадовалась.

Мадина ускорила шаги, сердце гулко застучало у самого горла.

- Даут! Сыночек! Ой каким большим ты стал!
- Старались откормить как барсучонка. — Газима схватилась за самовар. — Он уже отвык от груди, не напоминай ему больше...
- Так ведь он еще маленький!
- Козье молоко ничем не хуже. Вот я кашу на нем сварила... — Отставив самовар, Газима ухватом вытащила из печи чугунок.

Вскоре семья, состоящая из трех женщин и маленького представителя мужского пола, устроилась у расстеленной на нарах скатерти. Старшие женщины пока что не касались болезни Мадины. А она радостно поглядывала на горшки с проклюнувшимися росточками сибирских кедров. В каждом из них — привет от Абдельахата, его любовь, его надежда...

- На работу... повременишь выходить? — Газима, разливая чай, испытующе посмотрела на Мадину.
- Атак, пусть немного наберется сил! — Магинур, если б это было в ее власти, не отпускала бы названую дочь ни на шаг от своего двора.
- Вообще-то, Магинур, среди народа душа расправляет крылья быстрее, — заметила более опытная Газима.

Мадина видит, что благодаря Газиме семья не испытывала нужды. Жизнь была сурова к ней, но, обижая, должно быть, привила и полезные качества — проворство и находчивость.

- Двух твоих коров на ферме пустили на мясо, — опечаленно сообщила Мадине Магинур и вытерла уголком платка выступившие на глаза слезы.
- Почему? Это ведь первотелки!
- Животы у них отчего-то вздулись, что ли...
- Не расстраивайся! — Газима потянулась за чашкой Мадины. — Главное — здоровье... Там, говорят, и Буренушку твою слегка ранили. Кто-то решил напаковать тебе, не иначе. Ты опередила на ферме всех, кому-то это не по нутру. Но не расстраивайся. Пакостник уже наказан тем, что он пакостник...

— Тебе тяжелей было бы услышать это от сторонних людей, — добавила Магинур. — Да, забыла сказать: нашелся череп твоей пропавшей коровы.

— Где?!

— Во дворе Ишмамата. И-и-и, чего только не случилось тут в последние дни! Ишмамат куда-то сбежал. Бедняжка Шангарей живет у Раузы, она вернулась в свой дом...

Как было Мадине усидеть дома после того, как она услышала все это? Собралась, несмотря на возражения своих опекунов, и отправилась на ферму.

В «красном уголке» встретил ее широкой улыбкой Саяф.

— О-о, кого я вижу! Наконец-то вернулась!

— Вернуться-то вернулась... А моих самых удоистых коров... — Мадина отвернулась, чтобы не показывать слезы.

— Я уж и сам сильно расстроился. Сколько твердил, чтобы с аммиаком обращались осторожно!

— Дело не только в аммиаке, Саяф-агай. А с Буренушкой что?

— Да, Буренушка болеет. Тут как раз новое задание по мясу поступило. Придется некоторых коров выбраковать. Не телок же сдавать!

— Буренушку трогать нельзя! Она породистая.

— У нее же один сосок отсох.

— А все равно молока дает не меньше любой другой коровы. К тому же она стельная. Даст и хорошее потомство.

— Я не говорю, что сегодня же ее зарежем. Посмотрим... Мне государство спустило задание, должен выполнить.

Мадина повернулась и ушла. В выгульном загоне к ней тут же потянулись, мыча, коровы ее группы.

— И-и, скотиночки! Я по вам тоже соскучилась! — растроганно приговаривала она, поглаживая своих подопечных. Больно сжалось сердце, когда коснулась к ней Буренушка. Похудела, бедняжка, в левом глазу появилось бельмо...

Раз уж пришла на работу, осталась Мадина на ферме до вечерней дойки. После ее завершения подошла к Галиме.

— Как поживаешь, подружка?

— Да ничего так-то... — отозвалась Галима, суетливо берясь то за вилы, то за лопату. — Трудимся. Нам, чернорабочим, не привыкать. Обидно только, что этот чертов учетчик подсек меня...

— Я тебя понимаю. Вот что: Саяф сказал мне, что собирается выбраковать часть коров, на мясо, говорит, задание пришло. Пусть отберет двух-трех старых, от которых мало проку, из твоей группы, взамен возьмешь моих, самых молочных.

— Отдашь своих лучших... мне?

— Лучших-то, сама знаешь, уже нет. Но и остальные у меня неплохие. Они ведь молодые, прибавят еще надои.

— А как же ты?

— Новых первотелок раздою.

— Легко сказать! Давно ли чуть легких не лишилась...

— Отец мой говорит: снаряд два раза в одно и то же место не попадает. К тому же я опыта набралась. Мне это интересно.

— Что Саяф скажет...

— Думаю, не будет против. — Мадина, улыбнувшись, взяла Галиму под руку. — Пошли, подружка, домой.

— У меня особых угощений нет, но, может, зайдешь ко мне? Посидим, чайку попьем...

Мадина подняла взгляд на красное — даже уши пылали — лицо Галимы, и стало ей жаль подружку. Знает она, знает, кто сгубил ее коров, и все-таки жаль. Не умеет Мадина отвечать злом на зло.

— Как-нибудь в другой раз попьем, — сказала она. — Даут меня ждет, соскучился, еле его от себя оторвала.

Когда Мадина уже повернула к своему двору, из переулка появилась Рауза с узелком в руке.

— И-и, Мадина! Услышала, что ты вернулась, и вот иду к тебе. В больнице навестить не смогла, так дай-ка, сама себе говорю, тут навещу, теплого хлеба отнесу. Теплый хлеб — он очень полезен. И новостей столько набралось! Аж нутро распирают. Кому же я их должна пересказать? Не твоим же бестолковым старухам!

Мадина распахнула калитку, пропустила без умолку тараторившую Раузу вперед.

* * *

Барсынбика поднималась по склону очистившегося от снега горного отрога. Где-то здесь прошлым летом нашла она нужное ей растение, пометила место, привязав к кусту чилиги красную тряпицу, хотела выкопать корень поздней осенью, да не успела. Но и теперь еще не поздно. Поздно будет через неделю-другую, когда вся природа пробудится, зазеленеет. Корень, учила бабушка Кукхью, следует выкопать, пока он не пустил новые ростки, иначе обидится, и обида эта перейдет к выпившему настоей человеку.

Так и не найдя помеченное место, Барсынбика устало опустилась на пригретый весенним солнцем камень. Не ходьба — переживания притомили ее. Переволновалась, призывая нацеленные на Мадину темные силы к себе и гася их. Теперь Мадина в Тиряклах, вернулась к сыну. Однако напряжение в душе Барсынбики не спадает. Предстоит встреча с Ихсанбаем. Тяжелая встреча. Чувствует она, что ищет ее Ихсанбай, ищет в запоздалом раскаянии, жаждет понимания, ведь какая бы ни была, все-таки живая душа. И у нее, Барсынбики, сердце не каменное. Ах, судьба, посылаешь ей испытание за испытанием! Но поддаваться устало-сти она не вправе. Светит ей звездочка, надежда ее — Мадина. Должна Барсынбика встать перед внучкой и сказать: «Я — Барсынбика, твоя родная бабушка». На большую мать* и задачи, и жизненный груз возложены большие. Однако и Ихсанбай — ее дитя. В том, что он стал таким, виновата и она, Барсынбика. К ней приходят люди за советом и помощью, а к кому обратиться ей? Лишь пробуждающаяся природа может ответить на многие ее вопросы, успокоить ее охваченную смятением душу...

Барсынбика поднялась, услышав поскуливанье собаки.

— Карабаш!

Опять послышались поскуливанье, повизгиванье, но самой собаки не было видно. Что она там, сусличью нору, что ли, нашла? Барсынбика пошла вверх на доносившиеся до нее звуки и увидела Карабаша у каменной кладки, пристроенной к гребню горы. Собака, задрав морду, жалобно скулила.

— Что с тобой, Карабаш?

* По-башкирски бабушка — олэсэй (оло эсэй), буквально — большая мать.

Собака издала еще один короткий звук и легла, положив голову на передние лапы.

Барсынбика сдвинула плиту, прикрывавшую каменную кладку, и увидела внутри... скелет. О Аллах, здесь похоронен человек! Но это была не могила, а кашанэ — небольшая усыпальница, скромный мавзолей. Так встарь хоронили своих близких в некоторых башкирских родах.

Судя по положению скелета, тело было положено на спину, со сложенными на груди руками. Оно принадлежало женщине, о чем свидетельствовали длинные седые волосы и серебряные колечки на костяшках пальцев. На шее у нее висел обшитый кожей амулет. Кожа еще не сгнила, значит, хозяйка амулета умерла сравнительно недавно. Барсынбике представилось, что женщина сама в предчувствии смерти пришла сюда и построила себе последний приют, как делали, если верить преданиям, некоторые святые и сильные духом люди.

Барсынбика, встав у кашанэ на колени, сотворила заупокойную молитву. Затем села, прислонившись к каменной кладке, задумалась и немного погодя задремала. И опять ей вспомнился Ихсанбай. Казалось, вот-вот он подойдет к ней. Что ему сказать? Неожиданно то ли возле самого ее уха, то ли в глубине сознания прозвучал голос:

— Грива коня бела, да пыль на ней черна.

«Верно, — подумала Барсынбика, — Ихсанбай — отпрыск благородного рода, да очернил себя тем, что натворил».

А голос — женский голос — продолжал:

— От пыли можно очиститься — дурная слава останется. Ни смывать ее, ни сбегать от нее невозможно.

«Так это же, должно быть, дух лежащей в кашанэ со мной разговаривает, — мелькнуло в голове Барсынбики. — Ах, Ихсанбай, не понял ты мои добрые намерения, не внял моим словам!»

В голосе послышался вздох:

— Не каждый истинную цену золота знает...

«Ты прав, дух, но что мне делать? Я ведь мать!»

— Именем своим дорожи!

«Именем! Нет его у меня. Живя под чужим именем, уж сама забыла, кто я!»

Голос построжал:

— Потерянную славу найдешь на выгоне, сущность свою — в собственном имени!

Всплывали в памяти Барсынбики запомнившиеся когда-то старинные приключения и наставления. Смысл их глубок, но зачастую затуманен временем, и разговор этот, если бы кто-то мог услышать его, показался бы странным, не очень связным. Однако Барсынбика не теряла в нем связующую нить и очнулась несколько успокоенной. Уже в сумерках вернулась она домой и свалилась без сил. Карабаш, хотя и позвала его с собой, остался лежать на горе, возле костей прежней своей хозяйки — Муглифы.

* * *

Неожиданный поворот в ходе следствия добавил Адельгужиной забот. Ихсанбай Муратов скрылся. Где его искать? Если он намерен установить связь с матерью, то должен появиться в Таулах. Однако сыщики, понаблюдав за домом знахарки, его там пока что не заметили. Насчет этого Шакира Хисамовна погово-

рила и с Камалетдиновым. По горло занятый подготовкой к весеннему севу, Аюп Газизович тоже был обеспокоен бегством Ихсанбая. Когда Адельгужина уже собралась выйти из его кабинета, он сказал:

— Хашима надо отпустить домой. Раз дело обернулось таким образом, вряд ли состоится суд над ним. Во всяком случае, если и состоится, вы можете хлопотать освобождение до суда. Понадобится для этого бумага — напишем. Вы считаете, что Мадине угрожает опасность, так пусть отец побудет при ней, побережет.

— Я согласна с вами.

— Шакира Хисамовна... — Камалетдинов поднялся из-за стола, подошел к Адельгужинной, уже взявшейся за ручку двери. — Вот еще о чем я подумал: не следует ли поискать Муратова у главврача Лукмана Талиповича? Жена Ихсанбая жила у него.

— У Лукмана Талиповича? Насколько я знаю, Ихсанбай не любил его племянницу, она даже сбежала от него.

— Если человек не любит жену, это еще не значит, что он откажется от ребенка.

— Какого ребенка?

— Сабиля, когда уехала из Тиряклов, была беременна. Сейчас она в психиатрическом отделении больницы, а в доме Лукмана Талиповича всего один ребенок.

— И это — ее ребенок?

— Перед тем как попасть в больницу, она побывала здесь, у меня, при мне требовала у Лукмана Талиповича вернуть ей ребенка. К сожалению, я тогда не успел разобраться что к чему.

— И вы думаете, что Ихсанбай спустя столько времени мог прийти в поисках ребенка, которого никогда не видел?

— Я сам отец, у меня растет дочка, мне знакомо отцовское чувство.

— Я поняла вас, Аюп Газизович.

...И вот Адельгужина сидит в доме главврача. Жена его оказалась гостеприимной.

— Очень кстати вы пришли, не хае́те нас* — я как раз блинов напекла, — сказала она, приглашая нежданную гостью к чаю.

— Да я на минутку зашла.

В это время около них остановился мальчик с деревянной лошадкой, впряженной в игрушечную тележку.

— О! Какой славный у тебя конь! — будто бы восхитилась Шакира Хисамовна, как делают это взрослые при встрече с ребенком. — И куда же ты собрался ехать?

— Далеко.

— Далеко?

Раиса Максимовна усмехнулась:

— Фантазер!

— И вовсе не фантазер. Только дед Мазай велел никому не говорить.

— Что за дед Мазай? О ком речь, Раиса Максимовна?

— А! Калека один. Отец Абубакира человек добросердечный, приютил его у нас.

* Считается, что человек, пришедший в дом, когда еда на столе, хвалит хозяев, а запоздавший к трапезе — хаёт.

- Он не калека! — возразил мальчик. — Он хороший!
- Господи, кто сказал, что он плохой? Я сказала — калека.
- Он не калека! — рассердился Абубакир и, надув губы, ушел из гостиной.
- Вот дитя! И что он нашел в этом несчастном? Привязался к нему... —

В глазах Раисы Максимовны промелькнула тревога. — Подождите-ка, что он сказал? Уедут далеко?

- Не волнуйтесь, Раиса Максимовна! Что только ребенок не придумает!

— Вы не знаете... — В растерянности хозяйка налила молоко вместо чашки в заварной чайник. — Господи!

— Ну-ну, что вы так всполошились? — Адельгужина пыталась успокоить эту полнотелую, рубенсовского типа женщину, при этом ни одно движение хозяйки не ускользнуло от ее внимания. Спросила, чтобы сменить

тему разговора: — Племянница вашего мужа, Сабиля, ушла куда-нибудь? Что-то не показывается.

- А вы с ней?..

— Да, мы знакомы еще по Тиряклам. Хотела повидаться.

— Ой! Она ведь заболела. — Раиса Максимовна перешла на доверительный шепот. — Из-за того, что мужа потеряла, что ли, переменялась она, помешалась. У Башкирцевой лежит.

- Да что вы! Ладно, забегу туда.

— Не советую. Она никого не узнает, только расстроится. Ей что вы, что я... — Хозяйка опять заволновалась, взяла полотенце, вытерла выступивший на лбу и на шею пот.

— Ну, я пойду, Раиса Максимовна, спасибо за чай! — Адельгужина поднялась из-за стола. — Очень понравился мне ваш мальчик. Такой красивый, смысленный, и душа у него добрая. Так искренне заступился за своего деда Мазая, что мне захотелось взглянуть на этого человека. Чем, интересно, он покорило сердце ребенка?

- Его сейчас нет, предупредил, что отлучится по каким-то своим делам...

* * *

Простившись с Раисой Максимовной, Адельгужина, несмотря на поздний час, решила сходить на Кривую улицу, к знахарке.

В прошлый раз на нее, когда взошла на крыльцо старухи, залаяла собака, на сей раз собаки не было. Шакира Хисамовна приостановилась, услышав голоса, доносившиеся из летней кухни. Через проем открытой двери во двор падал слабый свет, должно быть, там горел очаг. Разговаривали двое.

— Если бы увидела тебя в другом месте, не узнала бы! — Это знакомый Адельгужиной голос старухи.

Другой голос, сиплый, прерывающийся, принадлежал мужчине.

- Пожар, я гляжу, и тебя не пощадил.

— Не я его устроила.

— А кто? Кто в меня выстрелил?

— Кому надо было, тот и выстрелил.

— Лукман?

— Не допрашивай меня, Ихсанбай! Все равно не скажу больше того, что могу сказать.

— И так ясно: Лукман. Он, сволочь, и Сабилю в психушку сунул, и ребенка моего себе забрал. Что молчишь? Считаешь, Абубакир не мой ребенок?

— Никак и ты, наконец, научился выговаривать слова «мой ребенок»?
— Смеешься надо мной? Когда же я должен был научиться? Он у меня — первый.

— А близнецы? Близнецы Гульбану?
— С чего ты взяла, что они мои?
— Все еще хитришь, Ихсанбай. Детям передаются черты отца, своего ребенка можно узнать среди тысяч других.

— А ты все еще бредишь. Приписываешь мне..
— Ладно, я старая уже, положим, ошибаюсь. Что привело тебя ко мне?
— Я пришел к своей матери.
— Наши отношения давно уж не отношения матери и сына.
— Это ты так считаешь. Ты ненавидишь меня.
— Может быть... Но кто, едва не сгорев, вытащил тебя из пылающего дома?

Кто?

— Мать, мне нужна твоя помощь сейчас.
— В чем? Какая помощь?
— Я хочу увезти с собой Абубакира. Я... жить без него не смогу.
— Жить, значит, хочешь. А зачем ты убил Ишмухамета? Разве он не хотел жить?

— Мне надо было вернуться в Тирыяклы.
— Ах, в Тирыяклы! Чтобы опять посягнуть на Мадину? Я тебе тогда, перед пожаром, что сказала? Сказала, кем она тебе приходится, или нет?

В голосе старухи прозвучала такая ярость, что по спине Адельгужиной пробежали мурашки. Голос Ихсанбая:

— Я не поверил... И теперь не верю!
— На-ка вот, посмотри!
— Браслет... С бирюзовым глазком... Такой был у Гульбану. Как он к тебе попал?

— Нашла на полке в этом доме.
— А сюда как?
— Было два одинаковых браслета. На этом с внутренней стороны старинной вязью написано имя моей прабабушки, на втором — бабушки Кукхью. Бабушкин достался мне, от меня — Гульбану. Я завернула браслет в вещи Гульбану перед тем, как потеряла дочку. Ее вырастила Шахарбану. Я отыскала их в Тирыяклах, но не могла открыться: мы с твоим отцом жили под чужими именами. Так распорядилась судьба...

— Я с детства чувствовал, что в нашей семье что-то неладно.
— Думаю, жившая прежде в этом доме Муглифа, светлая душа, была связана с нами родством через прабабушку Бандабику, ушедшую вслед за плененными родичами к калмыкам. Поэтому один браслет оказался здесь. Другой сейчас у Мадины. Если бы Гульбану не была твоей сестрой, может быть, мы не пережили бы такие беды. Будь иначе — разве я стала бы препятствовать твоей женитьбе на ней? Всем хороша была моя Гульбану, моя Кукхьюлу.

— Абубакир похож на нее.
— В этом нет ничего удивительного. А Мадина точь-в-точь такая, какой в молодости была я.

— Ну почему, почему, мать, так сложилась наша жизнь?
— Потому что неправильно живем. Люди, отвечая злом на зло, порождают еще большее зло, забывают заветы предков, натравливают сына на отца, отца на сына... В этом корень и твоей жестокости. Ты убил даже своих сыновей!

- Нет, не я убил близняшек!
 - Я нашла на нашем дворе фуражку и сандалик...
 - Их... загрызла Кукбуре. Наверно, хотели забрать ее щенков...
 - Ах, Ихсанбай! Если даже переложить вину за смерть мальчиков на Кукбуре, на тебе остается кровь Ишмухамета, Зарифы, проклятье Гульбану, которую ты погубил, отняв кормилицу семьи, слезы Мадины, лишившейся матери. Как ты будешь жить с таким грузом на совести? Как будешь смотреть в глаза Абубакира, в глаза Самиры?
 - Самиры? Это еще кто?
 - Горький плод твоей распущенности. Дочь Галимы. И твоя.
 - Моя?
 - Твоя, твоя... Ладно еще Абубакир — дитя желанное, вымоленное у Всевышнего, а Самира, бедняжка, оказалась лишней, никому не нужна.
 - Что ж мне делать, мать? Пойти в милицию с повинной?
 - Сам решай.
 - Может, уйти в горы, взяв с собой Абубакира?
 - Нет! Еще и его погубишь. Если бы тебя устраивало положение беглого, до сих пор жил бы в пещере. Все равно тебя потянет к людям, и ты попадешься с еще большим грузом на совести. Лучше уж повинись сейчас. Сделаешь в жизни хоть одно доброе дело — вернешь Мадине безвинно страдающего отца...
- Адельгужина попятилась, осторожно, не стукнув калиткой, вышла на улицу.

* * *

После ухода Адельгужиной Раиса Максимовна места себе не находила. У нее сразу же, как только увидела неожиданную гостью, зародилось предчувствие опасности. Еще не осознав, чем этот визит грозит, она прикинулась радушной хозяйкой.

Следователя Адельгужину интересует Сабиля — вот в чем заключается опасность. Начнет копать, так может докопаться, чей на самом деле сын Абубакир. И сам мальчик встревожил. Они с Лукманом готовы душу за него отдать, а он...

Скорей бы пришел Лукман! Сколько уж раз она, Раиса Максимовна, уговаривала его уехать отсюда. Знает она о кое-каких делах мужа, за которые по головке не погладят. На Алтае живет ее родня, если, пока не поздно, уедут туда, затеряются как иголки в стогу сена. И там Лукман нашел бы дом не хуже этого. Так нет, прилип к башкирской земле. Рыба ищет где глубже, человек — где лучше. Где живешь счастливо, в безопасности, там и твоя родина. Если бы Раиса не была так привязана к Лукману, уехала бы одна, но не может представить свою жизнь без него. До сих пор любит его, тает в его объятиях.

Наконец, хлопнула входная дверь. Она кинулась навстречу мужу.

— Лукман!

— Что с тобой? — обеспокоился он, глянув на ее посеревшее лицо. — Ты не заболела?

— Лукман, мы должны уехать! Как можно скорей! Мне страшно. Пришла к нам сегодня эта хромая сыщица из милиции, Шакира, интересуется Сабилей. А Абубакир... Он сказал, что уедет далеко, только, говорит, дед Мазай велел никому об этом не говорить. — Раиса Максимовна, по-детски всхлипнув, ткнулась лицом в грудь мужа.

— Дед Мазай... Он в самом деле опасен, очень опасен. Меня только что огорошили новостью: Ихсанбай тогда не сгорел, выжил. На нем — несколько убийств, его ищет милиция. Он может потянуть за собой и меня. Ты права, надо уехать. Завтра же уедем. Придется бросить все, будем живы — наживем еще. Собери лишь самое нужное: документы, деньги, золото, вещи, без которых не обойтись в дороге. Где сейчас этот... Мазай, чем занимается?

— Предупредил, что отлучится, мол, не теряйте...

— Вот и хорошо! Пойду задам лошадям овса, надо подкормить...

Лукман Талипович держал у себя во дворе пару больничных лошадей для собственных нужд, объясняя это тем, что его могут в любое время срочно вызвать к больному в какой-нибудь аул. Для ухода за лошадьми, пригляда за остальным хозяйством и приютил калеку. Поинтересовался, конечно, есть ли у него документы, тот показал сельсоветскую справку*, выданную на имя Ишмухамета Бактымбаева. Оказалось — пригрел на груди змею.

У двери Лукман обернулся к жене:

— Если этот урод зайдет к тебе, разговаривай с ним как обычно, но к ребенку не подпускай, скажи — приболел.

* * *

Башкирцева стояла у открытого окна, наслаждаясь утренней свежестью. На деревьях раскрылись почки, весело перекликались птицы, издали доносился шум вздувшейся реки. Природа пробудилась после долгой зимней спячки. Каждое время года по-своему примечательно: осени присуща светлая грусть, зиме — солидность, лету — спокойствие. А вот весна... Она бурлива, энергична, задорна, — и радуется, пробуждая дремлющие силы, и пугает безудержным буйством.

Лидия Николаевна сейчас на распутье: ее зовут в Ленинград, в институт, который окончила. Послала туда научную работу — высоко оценили. Но она успела полюбить первозданную красоту этого края, свыклась со здешней жизнью, все здесь близко ее сердцу. Как расстаться со всем этим? И песни здешние ей очень нравятся. Лидия Николаевна тихонечко напела мелодию «Зульхизы». Слов она не знает, но мелодия затрагивает самые тонкие струны ее души...

Мысли Лидии Николаевны прервал санитар:

— В двадцатой больная буйствует. Того и гляди дверь вышибет.

— Иду...

У двадцатой палаты стоял еще один санитар, держа наготове шприц. Лидия Николаевна велела открыть дверь.

— Сабия, что случилось?

— Ребенка, моего ребенка украли!

— Постой, Сабия, объясни спокойно, я ничего не понимаю.

Сабия, тяжело дыша, бросала безумный взгляд то на койку, на которой лежала развернутая кофта, то на Лидию Николаевну.

— Я хотела искупать, а он пропал! Его нет! Абубакира моего нет! Что я свекрови скажу? Найдите, найдите моего ребенка!

* В те годы паспорта выдавали только горожанам и жителям районных центров, колхозники их не имели.

Сабиля заметалась по палате, ее халат распахнулся, из набухших грудей сочилось молоко. Лидия Николаевна кивнула санитарам, один из них схватил больную, завел ее руки за спину, другой сделал укол. Обессиленную Сабилю уложили на койку.

— Я найду... Далеко не уйдут... От меня не уйду-у-т! — пообещала она, успокаиваясь.

Лидия Николаевна присела на стул у койки больной, подождала, пока та заснет.

— Игра закончена, Лидия Николаевна, — сказала она самой себе. — Как же с тобой, Сабиля, теперь быть?

* * *

Ихсанбай, переночевав у матери, пошел утром в милицию.

Адельгужину его появление не удивило. Была почти уверена, что придет, что Барсынбика его пришлет. Поразительна сила духа этой старухи.

И вот дверь кабинета приоткрылась, послышался похожий на сипенье прохуdivшейся гармошки голос:

— Можно к вам?

— Входите.

— Вы — Адельгужина?

— Да, Адельгужина.

— Значит, вы ведете дело Хашима Насибуллина?

— Я. Присаживайтесь.

Ихсанбай, кряхтя, опустился на стул, уставился единственным глазом на Шакиру Хисамовну.

— Я пришел сказать, что Хашим не виновен в смерти мальчиков. Их загрызла моя собака.

— А вы...

— Я — Ихсанбай Муратов.

— Стало быть, вы... живы...

— Как видите.

Адельгужина выложила на стол четыре бумаги: заявление в военкомат от имени Ишмухамета, анонимный донос на Хашима, сельсоветский список подростков, отобранных для направления в ФЗО, и заполненный на ферме табель с показателями доярок.

— Это все вашей рукой написано?

— Моей.

— В таком случае напишите еще заявление, что все эти следственные документы написаны вами, и подтвердите, что Хашим Насибуллин не виновен в гибели мальчиков-близнецов.

Время текло медленно. Адельгужина не вызвала охрану, не прерывала старательно писавшего Ихсанбая. Думала о своей профессии, нередко ставившей ее в очень трудное положение. Вот она уже не в первый раз оказалась в точке пересечения жизненных путей многих людей со сломанными судьбами, и ей надо решить, как поступить с одним из них. Перед ней сидит раскаявшийся человек, пришедший с надеждой на помилование. Добить его, отправив в тюрьму? Но он уже наказан жизнью так, как не накажет ни один суд. Абубакир, наверно, похож на отца, но невозможно представить, что этот обезображенный человек когда-то

был таким же, как сын, ангелочком. А ведь был... Сегодня она закроем дело Хашима, он не виновен. И этого отпустит. Пусть начальство решает, как быть с ним дальше, никуда теперь он не денется.

— Я написал, что мне теперь делать?

Адельгужина бегло прочитала заявление.

— Что вам делать — я не знаю. Мне было поручено только дело Хашима Насибуллина. Я доказала его невиновность. До свиданья!

— До свиданья... — Удивленный Ихсанбай поковылял к двери кабинета.

* * *

Башкирцева вдруг почувствовала себя в странной тишине, как после контузии на фронте. Только в голове шумело. Посмотрела в окно, а там густо, крупными хлопьями падал снег. Удивительно! Давно ли она любовалась раскрывшимися почками на деревьях, слушала птичью перекличку?! Не зря, видно, говорят, что у весеннего дня всего пол-ума. А старик, больничный водовоз, как-то сказал, посмеиваясь: «Рановато раскатали губы, радуясь весне, зима еще пять раз заявит в гости, только после этого погода наладится». Вот и заявилась.

При резкой перемене погоды у Лидии Николаевны стесняется дыхание, на душе становится тревожно. Чтобы успокоиться, она вышла в коридор и ускорила шаги, увидев, что дверь двадцатой палаты открыта. Заглянула туда — никого нет. Только «ребенок» Сабилы лежит на полу.

Тут подошла санитарка с ведром.

— Где Муратова?

— Только что здесь была. Я хотела вымыть пол, вижу — спит. Пошла воду сменить. Ах-ах, сбежала!

По тревоге весь медперсонал забегал по отделению в поисках пропавшей больной. Лидия Николаевна позвонила Лукману Талиповичу домой. Трубку там не подняли. И в больнице, выяснилось, главврач не появлялся. Что делать, где искать беглянку? Вспомнились ее слова: «Далеко не уйдут!» Возможно, отправилась в погоню за мнимыми похитителями. Лидия Николаевна вызвала к подъезду санитарную машину и выехала на улицу. Проехали в одну сторону до конца улицы — беглянку не обнаружили. Повернули назад. Перед мостом через реку шофер притормозил: впереди на мост въезжала пароконная повозка. Неожиданно из-под моста выскочила женщина в больничном халате и, обогнав повозку, встала на ее пути. Испуганные ее внезапным появлением лошади шарахнулись в сторону, повозка опрокинулась у самого края моста. Сидевшие в ней люди полетели в бурлящий поток, затем и повозка рухнула туда, утянула за собой лошадей. Донесся отчаянный крик:

— Сыночек!

Пока Лидия Николаевна успела что-либо сообразить, Сабилы — это была она — прыгнула в реку.

— На помощь! — крикнула Лидия Николаевна, выскочив из машины.

Внизу бешеное течение уносило вопящих людей и барахтающихся лошадей. Ребенка прибило к верхушке склоненной к воде черемухи, он схватился за ветку, старался выбраться повыше. Одно неосторожное движение — и он сорвется, бешеный поток поглотит его. Времени раздумывать не было, Лидия Николаевна в яростной решимости спасти ребенка рванулась вниз по крутому береговому склону...

* * *

— Понимаю твое нетерпение, но, может, переждешь немного, вон на улице что творится, — сказала Адельгужина, прощаясь с Хашимом.

— Экая беда после того, что я пережил! — засмеялся Хашим. — Спасибо, Шакира Хисамовна! Если бы мог, полетел бы домой. Теперь уж я от семьи ни на шаг...

— Дочку, видать, очень любишь.

— Ну а как же! И внук у меня... Приезжайте к нам в гости. Вот ведь, оказалось, что мы с вами — родственники. О теще моей, Шахарбану, в ауле вспоминают тепло, светлую память о себе оставила. Теперь вы для нашей семьи будете второй Шахарбану.

— Спасибо, возвеличил ты меня.

— Будем ждать вас, Шакира Хисамовна!

— Счастливого пути, Хашим!

Он торопливо пошел по улице, надеясь остановить на выезде из села какую-нибудь попутку. У моста через реку стояла санитарная машина. Растерянно топтавшийся около нее шофер схватил Хашима за рукав.

— Агай, помоги, докторша наша тонет! Я не умею плавать!

Хашим глянул вниз. Там женщина, приподняв одной рукой ребенка, схватившись другой за ветку, пыталась выбраться на берег. Если отпустит ветку или она сломается...

— Есть у тебя веревка? Или трос?

— Есть.

Хашим, сбросив телогрейку, обвязал себя по поясу одним концом поданной шофером веревки, другой конец кинул ему.

— Держи крепко!

* * *

Ихсанбай, съевшись, брел по улице. Его охватила тоска. Он одинок в этом мире, никому не нужен, даже милиции. Да еще сыплется мокрый снег, подул холодный ветер, пронизывает до костей.

Зашел в магазин, купил бутылку водки и немного соленой кильки на закуску. Когда сидел под навесом пустого, видимо, из-за непогоды базарчика, посасывая из горлышка бутылки, подошел к нему какой-то русский.

— Не угостишь?

Ихсанбай отдал ему недопитую бутылку и остаток закуски.

— Хар-роший ты мужик! Дай тебе Бог... — Русский запнулся, не зная, что пожелать калеке.

Ихсанбай встал и поковылял дальше. Ему страстно захотелось увидеть сына, и ноги будто сами понесли его к дому, где живет похожий на ангелочка мальчик. Пусть там встретят его руганью, пусть хоть избьют, испинают — он зайдет и взглянет на Абубакира. А потом... Потом, будь что будет, он должен побывать у Галимы, увидеть и свою дочку. На что только не пошла мать, Барсынбика, ради продолжения рода! Даже Кукбуре стремилась к тому же, на его, Ихсанбая, глазах, из-под его, можно сказать, носа увела своих щенят со двора. Не-ет, что бы ни говорили, Ихсанбай еще человек. Не лишен человеческих чувств! Сердце у него бьется, голова работает...

Но что это? Дверь Лукманова дома распахнута, внутри никого нет, будто всех ветром выдуло — и его самого, и его толстую жену, и ребенка.

— Абубакир! Сыннок!

Нет ответа. Только настенные часы в тишине тикают. Или не часы, а задержавшаяся щека Ихсанбая? Он кинулся в сарай. И лошадей нет. И ни следа во дворе — все прикрыл свежевывающий снег. Кровь ударила в голову Ихсанбая: «Удрали!»

* * *

Снег, поначалу легкий, падал теперь вперемешку с дождем. Встречный ветер едва не сбивал с ног. Ихсанбай чувствовал, что его стеганка тяжелеет, за шиворот стекали холодные струйки. Кирзовые сапоги тоже намокли, отяжелели. Каждый шаг давался с трудом. Выпитая утром водка уже не прибавляла сил, выветрилась. В голове шумело, в горле пересохло. Хотел было закурить, сунул руку в карман — и там вода, табак и спички намокли.

Ихсанбаю стало страшно. В мае, даже в начале июня при неожиданных похолоданиях, случалось, гибли люди. В сорок третьем году пропали ушедшие из Тирыклов за диким луком женщина с десятилетним сыном. Ихсанбай сам наткнулся на них. Они, мертвые, сидели у кучи хвороста, будто греясь у костра. Окоченели. Неужто и ему, Ихсанбаю, уготована такая участь? Нет, рано еще ему умирать! Он должен еще отыскать Абубакира, а сейчас идет повидать Самиру. Мать назвала ее горьким плодом его распушенности, его греха. Но ребенок ни в чем не виноват. И настолько ли велики его грехи, чтоб он замерз в середине весны? Зарифа сама себя сгубила. Близнецов загрызла Кукбуре.

Кукбуре... Вот тоже неприкаянная душа. Сбежала от людей, с волками не ужилась. То ли стая ее отвергла, то ли сама отвергла стаю...

Ихсанбай потерял представление, сколько уже прошел, понял вдруг, что сошел с дороги, что-то ищет. Ах да, ищет стог. Но стогов не видно. А ему непременно надо разжечь костер, согреться. Направился к дереву с раскидистой кроной. Может, под ним найдет затишок. И опавших веточек под ним много.

Еле передвигая онемевшие ноги, Ихсанбай принялся собирать в кучку ветки, мусор. Неожиданно услышал голос:

— Ты что тут делаешь?

— Костер разжигаю.

— Костер так не разжигают.

— Это ты, Ишмамат?

— Я говорю, костер так не разжигают. И спички у тебя мокрые.

— Но он же горит! Разве не видишь? Уф, мне жарко, Ишмамат!

Ихсанбай начал сбрасывать с себя одежду. Все равно жарко. Костер распылался так, что терпеть около него стало невозможно. Встал бы, отошел в сторонку — ноги не слушаются. А костер уже не один, их много. А тут еще ветер усилился, засвистел в ветвях дерева, и сверху к ногам Ихсанбая упал человеческий череп. Следом посыпались другие кости. Это Ишмамат шутит, он ведь тогда, после выстрела, застрял в кроне дерева. Ихсанбай кинул череп в костер. Пусть сгорит. Но он и сам обьят пламенем. Ничего, потерпит, зато и все его грехи сгорят, огонь очищает, он предстанет перед детьми чистым. Ага, вон как раз Адельгужина идет, надо сказать ей.

— Простите меня, Шакира Хисамовна. Я очистился от грехов. Абубакиру нужен чистый отец.

— Мне вы не нужны. До свиданья! — сказала Адельгужина и исчезла во тьме, вместо нее, будто из пламени, возникла мать.

— Эсэй, вытащи меня отсюда, ведь тогда ты вытащила меня из огня!

— Я ищущую мою Кукхылу, — сказала мать и прошла мимо.

А Кукхылу-то, то есть Гульбану, вот она! Мальчонок грудью кормит. Как ей это идет!

— Гульбану, — сказал Ихсанбай, — я завтра принесу в школу три конфетки, угостишь и мальчиков.

— Дети, родившиеся во время войны, не умеют есть конфеты, — ответила Гульбану.

— Дай мне хоть одного из них в руках подержать!

Голоса своего Ихсанбай и сам не услышал. Снег опять повалил крупными хлопьями, ложился на протянутые руки Ихсанбая, накапливался, не тая, на них. Он уже ничего не слышал и не видел, погрузился в непроглядную тьму.

* * *

Белолобый, сопровождаемый стаей, обходил свои владения. Это только для людей, особенно оказавшихся в пути, такая погода — беда, а для волков — праздник. Пороша, свежевypавший снег создают благоприятные условия для охоты: все обитатели леса оставляют отчетливые следы.

Белолобый унаследовал от своего отца, Бывалого, силу, выносливость, гордость. Хотя и родился в конуре, попав в лес, он вырос среди волков, усвоил их законы и повадки, стал вожаком стаи. Сегодня вместе с матерыми волками и волчицами он вывел на охоту молодняк. Охота удалась: завалили старого лося. Стая сыта, теперь просто забавляется, охотясь на всякую мелочь.

Впереди под одиноким деревом Белолобый заметил темную фигуру. Человек! Только от человека исходит такой запах — отвратительный и опасный. На загравке Белолобого шерсть встала дыбом. Он остановился, присел, и вся стая последовала его примеру. Человек был жив, однако жизнь в нем еле теплилась. Его тело изредка подрагивало. Он не опасен, но этот чуждый дикой природе запах! Полный ненависти, Белолобый приблизился к заклятому врагу. Да, он не опасен, вызывает лишь отвращение и презрение. Белолобый задрал заднюю лапу, выпустил желтую струйку. Ветер отнес брызги на лицо человека. Он не отреагировал на это, не шевельнулся.

Вслед за вожаком проделали то же самое остальные самцы. Волки торжествовали: ты слишком вознесся, человек, оторвался от матери-природы, большего уже не заслуживаешь!

* * *

Сколь быстро погода испортилась, столь быстро и наладилась. Небо прояснилось, солнце, будто извиняясь за отлучку, засияло что есть мочи. Снег сбегал говорливыми ручейками. Всюду проклюнулись зеленые росточки, на пригретых склонах зацвел горичвет. Скворцы с утра до вечера распевали свои песни. Природа опять воспряла, наступила великая пора воспроизводства всего живого.

Барсынбика навела блеск не только в доме, но и во дворе и за воротами. Собрала весь скопившийся за зиму мусор, сожгла. Может быть, она и не будет жить здесь, тянет ее в Тиряклы, но день сегодня особенный: врачаха Башкирцева обещала привести к ней Абубакира, долгожданного, оплаченного столькими страданиями внучонка. Сегодня Абубакира выпишут из больницы. Каждый день Барсынбика навещала его. И Башкирцева, несмотря на свою болезнь, не отходила от него, сама кормила мальчика, выбирая самое вкусное из того, что приносила бабушка.

Между Барсынбикой и Башкирцевой состоялся долгий разговор, хотя одна толком не понимала по-русски, другая по-башкирски. Их слова переводила девушка в белом халате.

— Мне ваш внук стал очень близок, — сказала врачаха.

— Спасибо! — ответила Барсынбика. — Сабия его родила, а ты спасла от смерти, дала вторую жизнь.

— Значит, могу считать себя его второй матерью?

— Можно сказать и так.

— Но если бы не этот человек, Хашим, мы, наверно, не выбрались бы... Ох, не забыть мне, какие были у мальчика глаза в тот момент! Он так хотел жить!

— Поэтому и выздоравливает. Хочет жить.

— Мне, повторяю, он очень дорог, инэй. («Инэй» добавила переводчица.) Я вскоре вернусь в Ленинград. Меня там ждет хорошая работа. Мне хочется взять ребенка с собой. Я бы его вырастила, выучила, помогла стать большим человеком.

— А ты, дочка, как попала в наши края?

— Это длинная история. Моя фамилия — Башкирцева, и лицом я похожа на башкирку. Приехала сюда искать своих близких. Это я только теперь поняла.

— Нашла?

— Нет.

Барсынбика помолчала, отведя взгляд от врачахи.

— За доброе намерение, дочка, спасибо. Но ведь ты, наверно, не хочешь, чтобы и Абубакир, повзрослев, отправился искать своих близких?

— Я этого никому не пожелаю! Я просто боюсь, что здесь ему будет нелегко. Ни отца, ни матери у него теперь нет, а вы уже в годах...

— Я, конечно, внуку только счастья желаю. Но то, что предназначено ему судьбой, никто изменить не может.

— Я вас не понимаю...

— Нельзя отрывать человека от его корней. По нашим обычаям в прежние времена мальчиков воспитывали до семи лет дедушка с бабушкой.

— Значит, вы мне ребенка не отдадите?

— Пока — нет. Приезжай к нам летом, общайся. Когда подрастет, видно будет.

— И за это спасибо!

Барсынбика усмехнулась.

— И когда же ты успела его так полюбить?

— Трудно это объяснить. Может, мне передалась любовь Сабии. Я ее жалела. Каждая женщина мечтает о ребенке. Может, моя мечта совпала с образом Абубакира...

Такой вот между ними состоялся разговор. И самой Барсынбике стала близка Башкирцева. Но увезти ребенка она не позволит. Говорят, то, что не смог дать своим детям, человек отдает внукам. Барсынбика сделает все, чтобы помочь Мадине поставить на ноги Абубакира, а также Самиру.

Взволнованная мыслями об этом, Барсынбика вышла за ворота. И обрадовалась: вон они идут! Башкирцева вела за руку Абубакира, неся в другой руке довольно большой узелок.

— Здравствуйте! — крикнула она еще издалека. Абубакир, оторвавшись от нее, устремился к Барсынбике.

— Олэсэй! Ура! Меня отпустили из больницы!

* * *

В коридоре райкома отзвучали последние шаги. Камалетдинов, вздохнув облегченно, распахнул окно кабинета. Повеяло ароматом цветущей в палисаднике черемухи. Прошлой осенью она казалась засохшей. Аюп Газизович тогда с сожалением подумал, что придется ее срубить, а сейчас старушку не узнать, стоит в белой цветочной кипени.

День сегодня выдался пестрый: и радости были, и огорчения. Район завершил весенний сев. Вместо покойного Лукмана Талиповича приехал новый главврач. Вроде бы толковый, с твердым характером человек. Зашла проститься Башкирцева.

— Я сочла неудобным уехать, не простившись с вами, — сказала Лидия Николаевна.

— А мне и в голову не приходило, что можете уехать не простившись. — Голос Камалетдинова дрогнул, уезжает человек из круга близких ему людей... — Не поминайте лихом, Лидия Николаевна, так и не удалось нам выкроить время, посидеть, поговорить не спеша.

— Что ж поделаешь. Вы человек занятой, и обстоятельства в последнее время такие возникли...

Они замолчали, возможно, тень Лукмана Талиповича встала между ними. Нарушил молчание Аюп Газизович.

— Может, дать вам человека на проводы, если вещей много?

— Да какие у меня вещи... Самое ценное — фотокарточка, которую берегу с тех пор, как себя помню, и книги...

— Интересно... И я храню всю жизнь одну фотокарточку. Я на ней совсем еще маленький. Иногда советуюсь с маленьким Аюпом.

— А я каждый раз, когда отправляюсь в путь, прошу благословения у тех, кто на карточке. — Лидия Николаевна поднялась. — Меня самой на ней нет.

— Когда доедете, сообщите, пожалуйста, как устроились.

— Непременно! Я еще буду появляться здесь, навещать Абубакира. Его бабушка пообещала, что, может быть, отдаст его мне на воспитание, когда он подрастет.

— Посевные дела схлынули, вот выберу время и тоже навещу их.

— Спасибо вам за все! — Лидия Николаевна мягко, по-свойски пожала руку Камалетдинова и ушла.

На краю стола он опять обнаружил ее карандаш в серебряной оправе. У нее, видимо, выработалась привычка вертеть его, разговаривая, в руке, класть иногда на стол. Как она где-нибудь в другом месте не забыла? И вот сейчас, когда Аюп Газизович тоже, немного загрустив, вертел находку в руке, послышался голос:

— Можно войти?

— Ты, инэй?! — удивился Камалетдинов.

— Я, Барсынбика. Если, говорят, гора не идет к Мухамету, Мухамет идет к горе.

— Присаживайся. — Камалетдинов, выйдя из-за стола, усадил старуху в кресло, сам сел напротив. — Я собирался навещать вас, да вот ты опередила. С какой нуждой ко мне?

— Я решила вернуться с Абубакиром в Тиряклы, к внучке моей, Мадине. Хочу вернуться под своим настоящим именем.

— Что ж... Республиканский архив подтвердил, что Дингезхан и Барсынбика Бураншины — реальные личности. Нужные бумаги получены. Остается оформить документы. И для тебя, и для Абубакира.

— Внука, пока жива, буду воспитывать сама. Не совсем еще дряхлая я старуха.

Барсынбика сидела спиной к скудному уже свету, падающему из окна, тень скрадывала морщины на ее обожженном лице — оно казалось моложавым, и в глазах еще было достаточно огня.

— Это ты правильно решила, — согласился Камалетдинов. — Значит, у Мадины тоже появится официальная бабушка. Вот обрадуется!

— И для меня это не меньшая радость. Натосковалась я по ней.

— Я тоже... — сорвалось с языка Камалетдинова. Смутьившись, он встал, закурил, подойдя к окну, папиросу. Установилась неловкая тишина.

— Уж не собрался ли сватов к ней послать? — заговорила Барсынбика, чуть помедлив.

— Послал бы...

— ... да не можешь.

— Почему?

— Во-первых, как говорили встарь, конь ее мужа не вернулся с поля боя без седока.

— Это я понимаю.

— А что не понимаешь?

— Раз сказала «во-первых», должно быть и «во-вторых»...

Камалетдинов, загасив окуроч, опять сел напротив старухи. Барсынбика прямо глянула в его глаза. «Ждешь, наверно, что скажу о разнице в годах. Но это ты и сам знаешь», — подумала она.

— Во-вторых, она внучка Дингезхана, твоего врага.

— Ну, это дело прошлое. Сколько уж воды с тех пор утекло!

— Вода утекает, камни остаются. Остался камень, который ты всю жизнь носил на сердце.

— Мадина ни в чем не повинна.

— Да, на Мадине нет вины. Но... Так же, как Ихсанбай мысленно убил двойняшек Гульбану еще до их рождения, ты всю жизнь ненавидел не только Дингезхана, но и его потомков, хотел их уничтожить. Выкинь Мадину из головы!

— Будь ты, инэй, хоть святой, мне ты не указчица! — вспыллил Камалетдинов. Он вскочил и, не зная, что дальше предпринять, включил свет. Барсынбика, выпрямившись в кресле, смотрела на него не то с укором, не то с состраданием. Аюп Газизович тут же остыл. — Извини, я, кажется, погорячился. Не должен был я начинать этот разговор. Как-то неожиданно вышло.

— Да, сынок, прежде ты должен был подумать о своей дочке. Она нуждается в твоей любви и помощи больше, чем кто-либо другой...

* * *

Малика привыкла к тому, что муж, прежде чем лечь спать, довольно долго читает газеты. Уложив дочку, она глянула в спальню и удивилась: Аюп лежал, уткнувшись лицом в подушку, тяжело дышал.

— Аюп! — В голосе Малики прозвучала тревога. — Что с тобой?

— Я сплю! — Он повернулся лицом к стене. — Выключи свет.

— Что-нибудь на работе случилось?

— Устал я, Малика, не бреди мне душу. Ляг вон рядом с дочкой.

Малика прикусила губу. Она должна держать себя в руках. Жизнь в замужестве кое-чему ее научила, прежде всего сдержанности в словах и поступках. Раньше в ответ на грубость мужа она повернулась бы и ушла, но так мир в семье не поддержишь, надо прилаживаться к его настроению. Подошла, поправила одеяло на нем, подоткнула под спину.

— Сегодня я окна вымыла, открывала, теперь в щели дует, — объяснила она причину своей заботы. — Устаешь, конечно, нелегкая у тебя работа. Спи...

Далее она должна была выключить свет и уйти, но если уйдет, и сегодня останется без ответа мучающий ее вопрос: зачем старуха с Кривой улицы хотела встретиться с Аюпом? Проходит день за днем, а проблема, касающаяся Флориды, не решается. Знахарка ведь тоже не вечна, старая уже...

— Сегодня хоронили какую-то старуху...

Слова жены, сказанные ни с того ни с сего среди ночи, окончательно вывели Аюпа из себя. Он перевернулся на спину.

— Каждый день кого-нибудь хоронят, значит, срок пришел!

— Я подумала — не старуху ли с Кривой улицы. Флорида...

— Ничего с этой старухой не сделается. Завтра получит паспорт, а потом в Тиряклы отправится.

— В Тиряклы? А зачем?

— Ляжет там у порога Мадины и будет охранять ее, как собака!

— Мадины?! — События, происшедшие в последнее время, вроде бы научили Малику ничему не удивляться, но женщина есть женщина, она продолжала допытываться: — Почему... Мадины?

— Оказалось, Мадина — ее внучка, вот почему!

Малика, затеяв этот разговор, все же изменила настроение Аюпа, ему как будто стало легче. Во всяком случае, боль, терзавшая сердце, ослабла. Теперь он мог разговаривать с женой поспокойней. В его безответной любви Малика не виновата. Причина его терзаний не в ней, а в нем самом. Малика тоже красива, но будь она хоть в сто раз красивей, все равно его тянуло бы к Мадине. Сейчас он чувствует себя так, словно оказался в жаркой пустыне, где нет ни глотка воды, чтобы утолить жажду. Вдобавок и работа не доставляет ему удовольствия. В верхах — свара, идет необъявленная война между Маленковым и Хрущевым. Хрущев стал первым секретарем Центрального Комитета партии. В борьбе за власть обе стороны ищут опору в народе. Это, впрочем, идет пока ему на пользу. Крестьянам начали выдавать паспорта. Выпускают на свободу политзаключенных. Должен бы Аюп радоваться: режим в стране смягчается. Но поневоле холодеет сердце от мысли, что в один прекрасный день вернется Абдельхат. Мадина принадлежит ему и только ему.

Разговор с Барсынбикой усилил отчаянье Аюпа. Правда, в конце разговора речь шла уже о Флориде и Малике.

— Твою дочь надо полечить в местах, где родилась ее мать, — сказала старуха.

— Почему? — спросил Аюп. — Флорида — и моя дочь, а я родился и вырос здесь.

Барсынбика не обратила внимания на резкую нотку в голосе Камалетдинова.

— Мне дано видеть то, что не каждый видит, — спокойно продолжала она. — Я вижу высокое дерево возле дома, в котором родилась Малика. Девочку надо попить молочком этого дерева.

— Молочком... дерева?

— Это не простое дерево. Пусть Малика в течение семи дней по семь раз в день поливает его корни принесенной с речки на коромысле водой. Этой водой и своим потом она смоет след черных дел, свершенных там. Пусть раздаст милос-

тыню сиротам и обездоленным, облегчит последние дни воспитавшей ее женщины. Тогда она получит благословение выращившей ее земли, вылечит дочку, и ей можно будет уехать куда пожелает.

Аюпу все это показалось полной чужью. Он решил не пересказывать услышанное от старухи Малике. Но сообщив ей о намерении Барсынбики уехать в Тирыклы, подумал, что знахарка в самом деле обладает необыкновенными способностями, — избавила Флориду от бессонницы, верно подсказала, где искать пропавшую Мадину, — и переменял свое решение. Преодолевал раздражение, спросил, смягчив тон:

— Малика, ты помнишь, какое дерево растет у дома, где ты родилась?

— Зачем тебе это нужно? — удивилась Малика.

— Старуха сказала, что Флориду можно вылечить молочком... этого дерева.

— Правда? Я слышала о кедровом молочке. Значит, оно поможет?

— Да, но для этого надо пожить там.

— Ой, Аюп, а тебя отпустят с твоей работы? Бросил бы ты ее совсем! Там такая природа! Стал бы художником, ты так хорошо рисуешь!

— Ладно, иди ложись. Утро, говорят, вечера мудренее. Завтра сама сходишь к старухе. Я ей не очень-то поверил.

— Аюп!

— Ну, иди... У меня голова гудит, как чугунная. Спокойной ночи.

— И тебе.

Малика ушла. Оставленный ею запах духов понемногу рассеивался. Тело Аюпа стосковалось по близости с женщиной, но и в таком состоянии он не остановил Малику, не смог преодолеть отчужденность от нее. Как же они будут жить дальше? Положим, Малика уедет с дочкой, но как она, не имея специальности, в краю, давно ставшем для нее чужим, воспитает Флориду?

Аюп закрыл глаза, и, как часто это бывает, на явь незаметно наплыл сон. В него из глубин памяти ворвался мчавшийся куда-то железнодорожный состав. На платформе, нагруженной каменным углем, подставив ветру, как флаг, свои штаны, стоял черномазый из-за угольной пыли мальчик. Мальчик сильно рисковал, ему угрожала смертельная опасность, но надо было избавиться от паразитов, а то уже все тело расчесано до крови... Вроде бы это был сам Аюп, в то же время и не он. Мальчик сказал:

— Я тебя понимаю, агай, мы ведь оба сироты...

— Атак, Абдельхат, это ты, что ли?

— Я.

— Куда ты едешь?

— К Мадине. И к сыну.

Аюп не знал, обрадоваться он должен или заплакать.

— Аюп, Аюп! Проснись! — Малика дергала его одеяло.

— Что?.. Что случилось?

— Ты стонал... и к нам кто-то стучится.

— Стучится?

— Да. Открыть дверь?

— Включи свет. Я сам.

Аюп сунул ноги в тапочки, направился к входной двери.

— Кто там?

— Это я, Аюп Газизович, Абдельхат.

— Абдельхат?!

Отяжелевшей рукой Аюп откинул дверной крючок...

* * *

Мадина возвращалась с речки, несла полные ведра на коромысле и, погруженная в свои бесконечные думы, едва не угодила под лошадь. Ладно еще сидевшая в телеге старуха успела натянуть вожжи. Мадина отступила назад.

— Проезжайте, инэй, проезжайте!

Однако старуха сидела, не сводя глаз с Мадины.

— Благодарение небесам, встретила с полными ведрами, — сказала она.

— Я, инэй, не зловредная... — Тут Мадина увидела, что рядом со старухой сидит маленький мальчик, а на задке телеги, за узлами с какими-то вещами, лежит, пережевывая жвачку, круторогая коза. — Куда путь держите? Может, остановитесь, чаю у меня попьете?

Старуха не торопясь сняла с головы черный верхний платок, повязанный для защиты от пыли, встряхнула.

— Я уже на месте, Мадина, доехала, детка...

— Фаузия-инэй! Это ты?!

У Мадины мгновенно пересохло в горле.

— Я. Но мое настоящее имя не Фаузия, а Барсынбика. Я — твоя бабушка, мать твоей матери, моей Кукхылу.

Коромысло соскользнуло с плеча Мадины, ведра ударились донышками о землю, но не опрокинулись. Две пары черных, обрамленных густыми ресницами глаз смотрели вопросительно, испытующе. В одних, изумленных, читалось: «Как же я прежде не догадалась? Таких, похожих на мои, глаз больше ни у кого нет!» В других: «Не на мать, а на меня, на бабушку, больше похожа ты, моя кровиночка!»

Барсынбика зашевелилась первой, сошла с телеги.

— Я гляжу, и ковш у тебя есть. Дай испить твоей воды.

— Как бы горло не простудила. — Мадина протянула Барсынбике полный ковш. — Я из прибрежного родника набрала, холодная.

— Пусть. Сколько я мечтала напиться из здешнего родника!

— И я, олэсэй! И мне дай!

Мадина вздрогнула, услышав голос мальчика. Из его глаз исходило синее сияние. Господи, как он похож на Биктимира с Янтимиром!

Попив с наслаждением, Барсынбика облизнула губы и поднесла ковш ко рту тянувшегося к нему мальчика.

— Испей, сыночек! Бисмиллах-иррахман-иррахим! Дай Аллах тебе пить воду и вкушать пищу на этой земле!

Мадина торопливо подняла коромысло, подцепила ведра.

— Я открою ворота. Заведи лошадь во двор, олэсэй.

— Нет, дочка. Изба моя цела. Не обижайся на меня. Вернусь в свое гнездо, а там, даст Аллах, и дом построим. Дед ваш Дингезхан хозяйство тут поставил, и братик твой Абубакир, надеюсь, будет тут хозяйствовать.

Мадина направилась к простоявшей столько времени без хозяев избе. Сзади закрипели на дорожных камешках колеса, лошадь, почуввав отдых, последовала, пофыркивая, за молодой женщиной с полными ведрами на коромысле.

* * *

Хотя такого рода новости быстро разносятся «мочальным телефоном» по аулу, народ не спешил повидаться с неожиданно вернувшейся Фаузией-Барсынбикой.

Может, ее необычная судьба была тому причиной. Однако вслед за Мадиной вошли в ее избу Хашим и вдруг помолодевшая после его возвращения Газима. Не заставила долго ждать себя и Магинур, пришла с Даутом на руках. Барсынбика всем своим существом потянулась к правнуку.

— Вот ты какой, жеребенок мой! Дай тебе Аллах долгую счастливую жизнь при отце с матерью!

У бездетной Магинур, почувствовавшей, что между ее любимцем и Барсынбикой протягиваются невидимые нити близости, сердце упало. Она ревновала Даута к Газиме, а теперь еще и эта старуха! Но тут к ее пальцам прикоснулась детская ручонка.

— Инэй, можно мне посидеть на твоих коленях?

У растерявшейся Магинур брызнули слезы радости. Она подняла Абубакира, прижала к груди.

— Посиди, дитяtko! Ох, какой же ты хорошенький!

В избе закипела жизнь. Деятельней всех оказалась Газима. Позвав на помощь Хашима, вынесла во двор насленный на нары палас, вытрясла пыль, затем, вернув его на место, растелила скатерть, начала выкладывать привезенные Барсынбикой гостинцы. Во дворе задымил самовар. Между делом Барсынбика подзвала к себе Мадину, вытащила из кармана небольшой кожаный кисет, а из него — золотой браслет с бирюзовым глазком.

— Это тебе, внученька...

Мадина обомлела.

— Ничего не понимаю. Я же его отдала в Москве охраннику тюрьмы ради встречи с Абдельхатом!

Барсынбика осторожно надела браслет на запястье побелевшей внучки.

— Их было два. Два одинаковых. Я совсем недавно обнаружила на полях Корана запись Муглифы, нашей родственницы, об истории этого браслета. Расскажу потом.

— Спасибо! — Мадина, приподняв руку, полюбовалась браслетом. От него при солнечном свете брызнули тысячи лучей. Бирюзовый глазок, казалось, засиял еще ярче. — Это просто чудо, олэсэй!

— Ты сама — чудо, детка. Теперь сходи домой, приоденься, приготовься...

— Приодеться, приготовиться? Зачем?

— Так надо... — Барсынбика, потянув Мадину за руку, посадила ее рядом с собой. — Не только большое горе, но и большая радость требует выдержки. Я нарочно выехала из Таулов пораньше, чтобы предупредить тебя...

Мадина соскользнула с нар, встала перед Барсынбикой на колени.

— Олэсэй, не томи! Неужели?..

— Да, детка, Абдельхат вернулся. Он в Таулах. Камалетдинов распорядился, чтобы его конюх дал мне лошадь, и пообещал привезти Абдельхата сюда на машине, как только освободится от своих срочных дел. Наверно, скоро подъедут.

* * *

Мадина, чувствуя, что все более и более теряет силы, взбежала на возвышенность, откуда видна дорога из Таулов. Там пока было пустынно. Но спустя некоторое время появилась серая «Победа». Чем ближе подъезжал автомобиль, тем сильнее билось сердце Мадины. Ему было уже тесно в грудной клетке, казалось, вот-вот оно вырвется и взвьется жаворонком в синее небо. Абдельхат! Мелоч-

дией, порожденной задумчивым кураем, звучало для Мадины это имя. Но почему машина движется так медленно? Нет, она даже остановилась, не доехав до возвышенности, на которой стояла Мадина. Из машины вышли двое мужчин. Обнялись, и один из них вернулся в машину, другой, вскинув заплечный мешок, пошел к аулу.

— Абдельхат! — закричала Мадина, но не услышала своего голоса. Побежала бы навстречу — ноги не слушались. — Абдельхат!

Готовая притянуть его своим дыханием, Мадина способна была лишь смотреть на приближавшуюся к ней одинокую фигуру.

Непарадные портреты

Записки спичрайтера

(Продолжение. Начало в N 8, 9)

ТОСТ ДЛЯ КНИГИ РЕКОРДОВ ГИННЕССА

Заправский тамада может говорить столько времени, на сколько рассчитано застолье. Само слово «тамада» грузинского происхождения и означает «распорядитель», имеется в виду распорядитель пиршества. Из Грузии искусство тамады перекочевало в другие республики и регионы Кавказа, где обогатилось новыми красками.

В верхнем эшелоне власти советского времени установилась почти традиция, что когда выступали руководители закавказских республик, даже при самых серьезных обстоятельствах, от их речей ожидали искристости тоста.

И надо признать, что они понимали заданную роль и старались не обмануть ожиданий. Если сейчас почитать выступления Шеварднадзе, Алиева, Демирчана на торжествах, посвященных круглым датам в истории СССР, то для полного сходства их с тостами недостает только нескольких слов: «Так выпьем же за...»

Когда на трибуне один за другим оказывались Алиев и Шеварднадзе, два наиболее ярких представителя кавказского ораторского искусства, то между ними разворачивалось очевидное соревнование в красочности речи. И если грузинские составители текстов выступлений превосходили всех кудрявостью льстивых оборотов, то азербайджанская сторона демонстрировала высшее достижение патетики интернационализма.

Когда республики по очереди отмечали свои юбилеи, то и тут была видна соревновательность, особенно перед лицом главного гостя, каким на большинстве торжеств был Брежнев, который долгое время поровну уделял внимание праздникам союзных республик. После перенесенных в середине 70-х годов приступов бо-

лезни Брежнев был не в состоянии успеть на все торжества. Это создавало разномасштабность сходных по сути праздничных мероприятий. Причем такая асимметрия выражалась прежде всего в том, что в отсутствие первого лица союзного государства в большей степени хозяином положения чувствовал себя главный политический деятель той республики, для которой наступала очередь отмечать юбилей.

В присутствии Брежнева считалось недопустимым делать доклады длиннее, чем намечалось его «приветственное слово», которое обычно делалось в формате часового выступления.

Это, конечно, нигде не записывалось, но этика требовала, чтобы количество аплодисментов, которыми прерывалось прослушивание доклада местного начальника, ни в коем случае не превосходило тех восторгов, которые демонстрировали собравшиеся при прослушивании выступления Брежнева.

На торжественных приемах, где на смену докладам приходили тосты, также царил строгий неписаный регламент. В присутствии Брежнева только он сам отвечал на приветственный тост хозяев. Хозяйский же тост, каким бы красивым он ни был, не мог быть утомительным по времени. На него отводилось семь-восемь минут. И вместе с аплодисментами не более трех страниц текста.

Всю эту механику мне пришлось изучить буквально с карандашом и хронометром в руках. Причиной было не праздное любопытство, а рабочая необходимость. На ряде торжеств, особенно посвященных датам образования республик, главный представитель Российской Федерации, а им, естественно, был председатель Совета Министров РСФСР М. С. Соломенцев, оказывался на положении первого по старшинству лица. В этом

Заметки

была дань уважения к России как основе советской федерации. В таком случае при каком-то стечении обстоятельств Соломенцеву могла выпасть обязанность выступить с ответным тостом. Ну а мне, как его помощнику, — написать текст выступления в соответствующих политических параметрах и физическом объеме.

Именно так сложилось при торжествах, посвященных 60-летию образования Азербайджанской ССР. Празднование несколько раз переносили в ожидании приезда Брежнева. В конце концов, тот дал указание праздновать без него, пообещав приехать в другой раз, а главным гостем назначил Соломенцева.

Для Алиева, конечно, было большим разочарованием получить вместо Генерального секретаря ЦК КПСС председателя Совмина РСФСР. Ведь в ходе торжеств легче запудрить мозги грандиозностью свершений и планов, чтобы добиться увеличения капиталоложений, в которых нуждались республики.

Разочарование в одном Алиев решил компенсировать в другом. В отсутствие престарелого и больного Генерального секретаря ЦК КПСС можно было в максимальной степени и для собственного удовольствия проявить себя хозяином положения. Величественные парад, демонстрация, торжественное собрание, митинги на предприятиях, народное гуляние с рослой и статной фигурой Алиева на переднем плане, казалось, создавали максимум условий для самовыражения азербайджанского лидера.

Но это только казалось. Кульминацией же стал заключительный аккорд торжеств, а именно государственный прием в честь гостей и участников празднеств.

В огромном банкетном зале собралось не менее тысячи человек. Часть пространства перед столом с главными гостями была освобождена, как оказалось, для выхода артистов.

Прием начался в семь вечера и закончился около полуночи. По ходу дела я поймал себя на том, что дважды на протяжении застолья захотел есть, потому что по протяженности вечер был соизмерим с рабочим днем.

На угощение было бы грех жаловаться. Здесь было представлено все, чем богата азербайджанская земля и омываю-

щие ее воды Каспия. Мясо молодого барашка с рубиновыми зернами гранатового яблока. Пушистый ханский рис бакинского плова, обильно покрытый золотом ленкоранского шафрана. Осетровая икра сиюминутного посла и свежий, с огня, шашлык из этой самой ценной рыбы на земле. Ко всему этому качественный коньяк. Столь щедрое угощение призвано было привести гостей в самое доброе расположение духа и дать им достаточно силы. Ибо предстояло внимать тосту, который по продолжительности, пышности слога, красоте сценарной аранжировки мог претендовать на увековечение в Книге рекордов Гиннесса.

Естественно, тост Гейдара Алиевича Алиева включал в себя целые разделы: за партию, ее генерального секретаря и ленинский ЦК, за братские республики, за каждую в отдельности, за их руководителей, за нерушимый союз рабочих и крестьян и за каждый из этих классов с прослойкой интеллигенции, за доблестные Вооруженные Силы, за передовую советскую науку, за выдающиеся достижения культуры нашей страны.

Тост был составлен так, что в него вплетались выступления звезд азербайджанской сцены, которые были не просто вставными номерами и не частью концерта, а как бы иллюстрациями отдельных положений речи Алиева. Например, он по ходу тоста говорил о русском народе и в подтверждение добрых чувств просил хор исполнить русскую песню. Так в потоке речи ее украшали своим мастерством и талантом Бейбутов, Магомаев, Бюль-Бюль-оглы.

Каждый фрагмент тоста был подлинным литературным шедевром. Здесь были цитаты из азербайджанской поэзии, произведений Пушкина, Шевченко и Руставели. Были экскурсии в историю, воспоминания, обращения к высказываниям сидевших в зале политических деятелей.

При этом, провозглашая одну за другой развернутые обширные здравицы, Алиев даже не держал в руках никакого текста. Казалось, что он живет тем, что говорит. Просто вроде бы положение хозяина позволило ему высказать наконец то, что копилось годами в его сознании.

По ходу речи Алиева я наблюдал, как сидящий чуть в стороне от него Шевард-

надзе кидал на оратора взгляды, которыми нередко из-за кулис один эстрадный артист сопровождает удачное солирование коллеги. В этом взгляде и признании достоинств, и сарказм по поводу увлеченных специалистом недостатков, и зарок на будущее: дескать, у меня будет лучше!

Под влиянием профессионального любопытства я дважды подходил к сидевшему рядом с Алиевым Соломенцеву. И тут мне раскрылась технология столь протяженного и красочного выступления.

Каждый раз, приглашая кого-либо из артистов принять эстафету здравицы, он опускал глаза к листам лежащего перед ним сценария. Читал текст очередного фрагмента и, как только артист уходил с подиума, продолжал прерванную было речь. Причем делал это артистично, с импровизацией, не оставляя и тени сомнений, будто для выступления ему не нужно никакой подсказки.

Это выступление в целом представляло образец высокого искусства, с точки зрения как замысла, так и исполнения.

Алиев тогда еще не пережил ни личного одиночества, ни тяжелого сердечного недуга, ни временной потери родины. Герой Социалистического Труда, кандидат в члены Политбюро Гейдар Али Рза оглы Алиев был полон сил в свои пятьдесят пять лет. Историк по образованию, хозяин страны по общественному положению, демагог и лицедей по манере общения, он демонстрировал блестящее соеденение ораторского мастерства с авторитетом олицетворяемой им власти.

Думаю, что все эти качества во многом предопределили органическое верховенство Алиева во властных структурах Азербайджана на долгий срок вперед. Даже когда развалился Советский Союз и кончилась власть КПСС, когда Алиев вернулся в Баку после тяжелой болезни, ореол избранника судьбы, сильного и мудрого деятеля помог ему не только вернуть себе Азербайджан, но и предотвратить гражданскую войну, снизить издержки военных неудач.

Однако вернемся к тому государственному приему в честь 60-летия образования Азербайджанской ССР и гостю Алиева, который находится в центре этого рассказа. Около одиннадцати часов ночи, когда речь хозяина пиршества все

больше выходила на финишные обобщения, Соломенцев через офицера охраны пригласил меня подойти к нему, кое о чем посоветоваться. О предмете переживаний догадаться было нетрудно.

— Ты видишь, какую речь закатил Гейдар Алиевич, — шепнул в мою сторону Соломенцев, когда я сел на стул за его спиной, но в дальней от Алиева стороне. — А у нас сколько заготовлено? Три страницы! С другой стороны, если так же обо всем говорить, так мы до утра не разойдемся.

Видимо, Соломенцев уже пришел к определенному выводу, но ему нужно было опереться еще на чье-нибудь мнение или поразмышлять вслух.

Для меня было очевидно, что соревноваться с Алиевым в красноречии и всеохватности тоста было бы бессмысленной затеей. В принципе, Соломенцев мог бы, конечно, и без бумажной шпаргалки произнести застольную речь. Однако импровизация в присутствии руководителей всех союзных республик, Москвы и Ленинграда, многих министров, военачальников несла бы немалый риск, поскольку кого-то можно было бы пропустить, что обернулось бы непременно пересудами. Да и вообще, каждый живет своей традицией, подстраиваясь под чью-то манеру — гиблое дело. Такое мнение я и высказал на нашем своеобразном совете на «поле боя».

— Я тоже так думаю, — принял Соломенцев спасительную точку зрения. — С нашей стороны обо всем будет сказано — о партии, о руководстве, об Азербайджане, о дружбе республик. Только в общем плане. Это даже весомее, чем о каждом из этого по отдельности.

Так и было сделано. Речь Соломенцева никоим образом не соревновалась с выступлением Алиева. Резкий контраст по красочности и особенно продолжительности был воспринят, кажется, с признательностью уставшей публикой.

На следующий день речь Алиева заняла в газетах до двух с половиной полос. Это примерно 50 машинописных страниц. Подобного по продолжительности тоста мне больше услышать не пришлось.

Возможно, Шеварднадзе превзошел бы его на следовавшем за азербайджанским праздником 60-летию Грузии. Мне

тоже довелось быть на том торжестве. Но только там главным гостем был уже слегка поправившийся Брежнев.

Так же проходил торжественный ужин. Гостей пригласили в самое, может быть, живописное место Грузии — ресторан на поднимающейся над Тбилиси горе, той, что чуть повыше пантеона, где погребен Грибоедов.

...В ожидании приема я спустился к мемориалу. Всегда на этом месте комок подступает к горлу, как только взгляд находит слова Нины Чавчавадзе, безутешной вдовы поэта: «Зачем любовь моя пережила тебя?»

Вот уже более полутора веков эта краткая эпитафия передает боль страдающей души, никого не оставляя равнодушным к трагедии двух любящих сердец. Искренность не рассудочна, и гениальность — не ремесло...

Участие Брежнева в праздновании 60-летия Грузинской ССР максимально подняло политический уровень события. Теперь уже о нем должны были трубить все средства информации.

Вместе с тем немощь Генерального секретаря ЦК КПСС налагала на торжества свой болезненный отпечаток. Будто величественный павлин приготовился распустить свой праздничный убор, а какой-то скучный канцелярист склеил ему перья.

Неизвестно, какой протяженности приготовил свой тост Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе. Скорее всего, он был готов пойти на побитие рекорда. Но только врачи жестко ограничили срок участия Брежнева в государственном приеме сорока минутами. В эти минуты должна была уложиться и речь самого Брежнева, и здравницы ансамбля в его адрес, и лихая пляска, и тост хозяина приема Шеварднадзе.

Слова были красивы, но им было тесно в отведенном пространстве. Было заметно потом, как сочувственно прощался с Шеварднадзе в аэропорту азербайджанский партийный руководитель Алиев.

Но было в этой сочувственности и некое торжество. Торжество тамады, сохранившего первенство в художественном соревновании. Хотя и за счет не зависящих от обоих обстоятельств.

В Азербайджане и Грузии в ту пору разворачивались стройки заводов и пло-

тин, расширялись плантации цитрусовых, чая и винограда, шла добыча нефти и марганца, миллионы людей были заняты ежедневным нелегким трудом.

Но, может быть, в час досуга искренние ценители застолья из грузин и азербайджанцев раскрывали местные газеты с отчетами о торжествах, вчитывались в слова тостов и говорили между собой: «А наш-то лучше!»

ЕСЛИ РСФСР ВЫЙДЕТ ИЗ СССР, ЧТО ЖЕ ОСТАНЕТСЯ?

Когда в 1977 году принималась очередная советская Конституция, в адрес конституционной комиссии поступила масса писем. Та часть из них, которая касалась России, была выделена в отдельный сборник, имевший гриф «Для служебного пользования».

Этот российский сборник был под расписку передан мне для изучения как руководителю рабочей группы по подготовке доклада председателя Совета Министров РСФСР о проекте российской Конституции.

Там было, конечно, много достойных внимания предложений. Но в памяти осталось письмо, которое прислал один харьковчанин, обеспокоенный судьбой единого советского государства.

Автор был категоричен. Выражая в принципе согласие с конституционным положением о праве союзных республик на добровольный выход из состава СССР, он вместе с тем требовал записать, что это право не распространяется на Российскую Федерацию.

«Если РСФСР выйдет из состава СССР, — рассуждал гражданин из Харькова, — что же тогда останется от Советского Союза? Ведь распадется вся страна, которая будет не в силах поддерживать связи между несколькими частями, разделенными российским пространством».

В 1977 году, когда в Москву поступило это письмо, и годом позже, когда принималась Конституция Российской Федерации, сама постановка вопроса о выходе РСФСР из СССР и обеспокоенность на сей счет казались абсурдными. К тому времени уже 65 лет существовал Союз Советских Республик, выйти из которого

не пытались не только Россия, но и республика Прибалтики, чье пребывание в СССР было наименее обоснованным.

Однако не прошло и 15 лет, как кажущаяся нелепость оказалась пророческим предвидением. А ирония по поводу абсурда автора одного письма обернулась признанием господства политической слепоты, исключавшей возможность понять, что помпезный фасад в виде широковетвистой Конституции прикрывает не дворец социализма, а его руины.

«ГЕМОРРОИ ТРУДА»

На рубеже двух периодов нашей истории — застоя и перестройки — в состав высшего руководящего органа страны, Политбюро ЦК КПСС, входило до восьми трижды и дважды, еще пять-шесть просто Героев Социалистического Труда и Советского Союза. В первом руководстве страны, сформированном М. С. Горбачевым после XXVII съезда КПСС в 1986 году, в составе тридцати одного руководящего деятеля было пятнадцать единорядов, дважды и трижды Героев. Число членов КПСС тогда достигало восемнадцати миллионов человек. А выступить в защиту своей партии оказалось некому. Все умели голосовать «за» или «против» в зависимости от того, чего хотело начальство. Но проявить ответственность за партию без начальственного слова мало кому оказалось по силам и по душе.

Причины превращения в прах могучей в прошлом силы исследовались и еще долго будут изучаться специалистами разных направлений. Будет найдено много обстоятельств. С моей же стороны хотелось бы обратить внимание только на одно: те, кто руководил страной, мало были пригодны к решению стоявших перед ними задач при Брежневе, и ненамного лучше они были при Горбачеве.

Страной правила не политическая организация многомиллионной компартии, а конгрегация аппаратчиков, умевшая приспособиться к самым неожиданным обстоятельствам, но потерявшая способность к самостоятельным действиям. Это была партия приспособленцев внутри партии энтузиастов, партия номенклатуры внутри массового объеди-

нения двух разных, противоположных друг другу организаций. Право так судить дает мне понимание и собственной принадлежности к сформированному партийным руководством путем тщательной селекции слою партийной номенклатуры.

Такая «химера», где голова не соответствует телу, не могла существовать вечно. Она была обречена, хотя могла продержаться еще какое-то время. Пришедшая у власти «геморрой труда» ускорила ее гибель, ибо трансформировать политическую систему они оказались не в силах, так же, как не способны были преобразиться сами.

ГЛАВНЫЙ ТЕОРЕТИК ПАРТИИ

Молвы о себе как о главном теоретике партии член политбюро и секретарь ЦК КПСС Михаил Андреевич Суслов удостоился в силу случайных обстоятельств. При Сталине, конечно, никаких главных теоретиков не могло и быть. Хотя именно на сталинский период приходились первые идеологические выступления Суслова, особенно с осуждением так называемого югославского ревизионизма. Пришедший к власти после смерти Сталина Хрущев на роль теоретика не претендовал. Вместе с тем в его докладах и были изложены подсказанные секретарем ЦК Отто Вильгельмовичем Куусиненом и собранными им молодыми идеологами Арбатовым, Беляковым, Брутенцом, Красиным, а также разработанные группами спичрайтеров во главе с Федором Бурлацким, Елизаром Кусковым идеи мирного сосуществования, мирного перехода от капитализма к социализму, отмирания государства при социализме и многие другие идейные новации.

Поскольку Хрущев не рвался в теоретики, а говорить на этот счет надо было, главным докладчиком КПСС по теоретическим вопросам постепенно становился Суслов, которому в ЦК КПСС было поручено руководить идеологическим направлением. Одно время чуть было не затмил его Леонид Федорович Ильичев, которого Хрущев за три года до своей отставки назначил еще одним секретарем ЦК, ответственным за идеологию. Но

Ильичев успел только облить грязью наиболее популярных поэтов — Евтушенко, Вознесенского, а заодно с ними и абсолютно просоветского Рождественского, затем художников и скульпторов-авангардистов (Неизвестного — в первую очередь). На этом погромная деятельность Ильичева завершилась, поскольку его сняли вслед за отставкой Хрущева как оголтелого проводника хрущевского субъективизма.

Суслов же изгнания из политбюро избежал, поскольку поддержал антихрущевских заговорщиков во главе с Брежневым. Противники Хрущева были заинтересованы иметь на своей стороне старого идеолога, одного из немногих, работавших при Сталине.

Мне пришлось еще в студенческие годы в начале 50-х читать доклады Суслова, поскольку они изучались в курсе истории партии и по ним строилась пропаганда, направленная против югославского лидера Иосипа Броз Тито. Первое соприкосновение с Сусловым не как с небожителем, а как с вполне конкретным партийным деятелем произошло у меня весной 1965 года, когда готовился доклад Брежнева о 20-летию Победы над Германией.

На какой-то стадии подготовки доклада, после очередной проходки текста уже не в рабочей группе, а в кабинете первого секретаря ЦК КПСС, Леонид Ильич при нас, участниках этой работы, нажал кнопку на телефонном пульте, сказал в трубку:

— Слушай, Миша. Мы тут подготовили текст. Пока я не буду рассылать его по политбюро. Ты его в рабочем порядке посмотри. Тебе его занесут. Потом скажешь мне свое мнение.

На следующий день Михаил Андреевич зашел к нам в рабочую комнату, бывшую этажом выше и его кабинета, и кабинета Брежнева. Поздоровался, сказал две три банальные фразы о значении празднования Дня Победы. Скорее всего, хотел посмотреть, нет ли среди нас кого-нибудь, чья позиция могла вызвать у него сомнения. Таковых не оказалось. В комнате находились лишь помощники Брежнева, они были вне подозрений, меня же по молодости лет и значившейся за мной привязке к МИДу в расчет можно было не брать.

В тот же день при очередной вечерней проходке текста Брежнев сказал, что Михаил Андреевич похвалил проект, никаких замечаний не высказал. И это утверждало Брежнева во мнении, что он может предлагать коллегам по политбюро свое первое крупное выступление после назначения на пост руководителя КПСС.

То, что Михаил Андреевич не высказал никаких замечаний ни нам, рабочей группе, ни Леониду Ильичу, представлялось первоначально естественным, как проявление такта в отношении высшего партийного руководителя. Однако в дальнейшем стало очевидно, что здесь есть и другие обстоятельства.

Летом 1968 года, при нарастании кризиса вокруг Чехословакии, но еще задолго до ввода ряда участников Варшавского договора в эту страну, была создана комиссия политбюро для анализа складывающейся ситуации и выработки предложений. Возглавил ее Суслов. По-видимому, что вошедшие в комиссию руководители КПСС и советского правительства ничего сами анализировать не могли. Поэтому сразу же была создана рабочая группа, которую собирал лично Михаил Андреевич. Эта рабочая единица, как и комиссия, просуществовала недолго. Михаил Андреевич с трудом выносил у себя в кабинете встречи сразу более чем с тремя-четырьмя собеседниками. Но несколько заседаний рабочей группы по Чехословакии состоялось, и в них довелось участвовать и мне, в ту пору консультанту отдела ЦК КПСС по социалистическим странам.

— Времени у нас мало, — начинал Суслов совещание с рабочей группой, — поэтому сразу займемся делом, работать надо засучив рукава.

И Суслов, как бы демонстрируя энергичную рабочую манеру, снимал пиджак, вешал его на спинку кресла, подтягивал длинные рукава рубашки. Эти движения и сопровождающие их слова о малом времени повторялись на всех совещаниях. Собравшиеся поспешно раскрывали блокноты, перебирали листы бумаги, брали в руки карандаши, демонстрируя, что понимают необходимость быстрых действий и готовы выполнять поручения.

— Ну, что нам предстоит? — вопрошал Михаил Андреевич, хотя все счита-

ли, что именно он и собрал их с намерением чем-то озадачить.

Не получив ответа на свой вопрос, Суслов сразу включал в дело своего помощника, к которому обращался кивком головы, не называя, как и всех работников аппарата, ни по фамилии, ни по имени-отчеству:

— Каков у нас план мероприятий?

Зачитывался план. Естественно, его проект был заранее согласован между участниками рабочей группы. Если вдруг возникал у кого-либо вопрос, то тень болезненной гримасы, пробегавшая по лицу Суслова, гасила желание делать новые уточнения.

— Ну, что же? — подытоживал сразу же Суслов. — Всем ясно, что надо делать. Сроки определены. Времени нет. Леонид Ильич уже спрашивал. Я доложил. До свидания, товарищи.

Ссылка на Брежнева была неременной и в начале работы, и при ее завершении. Впрочем, обе эти стадии мало отличались одна от другой. Менялся только вопрос к помощнику: «Ну, что там сделали?»

Если речь заходила о поручении Брежнева, то Михаил Андреевич подробно, сверяясь с записью, излагал, что сказал генеральный секретарь. И это было главным содержанием речи Суслова. Минимум слов от себя.

Случился как-то эпизод, когда вроде бы без собственного суждения по проекту не обойтись, потому что никаких указаний Брежнева не было, но и тут Суслов ограничился ничего не значащими фразами. Хотя обстоятельства требовали иного.

Когда закончились советско-чехословацкие переговоры 2 августа 1968 года в пограничном городе Чиерна-над-Тисой, между Брежневым и Дубчеком было согласовано решение созвать совещание с участием других стран Варшавского договора. Эта международная встреча должна была состояться через двое суток в Братиславе, столице Словакии. Условились также, что советская сторона подготовит проект будущего итогового документа, который был бы построен в виде развернутого заявления. Вечером 2 августа Брежнев дал это поручение, вызвав оказавшихся рядом Блатова, Загладина и Алексан-

дрова-Агентова. Потом секретарь ЦК по связям с компартиями капиталистических стран Борис Николаевич Пономарев дал единственное пояснение по содержанию проекта: «Должен быть большой-большой пузырь». И нарисовал обеими руками в воздухе круг. Написание проекта выделялось то время, которое поезд будет идти от станции Чиерна до Братиславы, — шесть часов.

Утром нам, группе из восьми человек, выделили вагон-салон в брежневском поезде с оборудованным машинописным и стенографическим бюро. Работа началась сразу же. Чтобы окрестные пейзажи не отвлекали своей красотой, мы задернули шторы на окнах. Составив контуры проекта, сразу же стали сообщать диктовать содержание. К середине пути сделали первый вариант. Это был абсолютно сырой, малосодержательный набросок. Вдруг в салон входит Суслов: «Ну, как тут у вас? Давайте посмотрим». Мелькнула мысль, что Михаил Андреевич, ехавший вместе с Брежневым, намерен высказать какие-то мысли по содержанию. Но нет. Посмотрев первый вариант, который пока не содержал ничего, кроме набора банальных фраз, Суслов закончил: «Основа есть, я так и скажу Леониду Ильичу. Продолжайте».

Мы опешили. У главного теоретика не нашлось что сказать по существу. А ведь это был проект, под которым должны были поставить подписи руководители шести стран. Он должен был связывать общими позициями Чехословакию и ее союзников, быть обязательным к выполнению и не оскорбительным для взбудораженного общественного мнения чехов и словаков.

В конце пути, когда проект был передан всем официальным членам советской делегации, опять от Суслова не последовало ничего. Его память цепко держала лишь давно сложившиеся и повторяемые как заклинания постулаты марксизма-ленинизма. Он мог фиксировать их наличие или отсутствие. Искражение, как и забвение набора обязательных догм, вызвало бы его реакцию. Увидеть же мир в новом свете и дать ему адекватную оценку Михаил Андреевич был не в состоянии. Таким, собственно говоря, он и нужен был Брежневу, который мог не опасаться заго-

ворщицких действий, если приходилось на срок отпуска или иной отлучки оставлять «на хозяйстве» Сулова.

...В те годы я жил в Староконоушенном переулке, в доме «сталинской» постройки, куда после брежневского переворота переселили и семью Хрущева. Путь мой на Старую площадь проходил через арбатские переулки, Волхонку. Удостоверение личности работника аппарата ЦК КПСС позволяло проходить через территорию Кремля от Боровицких ворот до Спасских, чтобы потом по улице Куйбышева идти к Ильинским воротам.

Не скажу, чтобы очень часто, но уж в месяц раз, как правило, в моем поле зрения в Кремле или на улице Куйбышева появлялся и останавливался черный лимузин марки «ЗИЛ». Выходили Сулов и молодой уже сопровождающий офицер охраны, который нес коричневую папку с бумагами своего подопечного. Сопровождающий шел в двух шагах позади Сулова. Больше никто из охраны следом не ходил. Вместе с тем видно было, как офицеры «наружки», которые в штатском стояли на всех перекрестках этой главной в брежневские времена магистрали, встречали взглядом и провожали до следующего поста высокопоставленного подопечного.

Сулов шел прямой как штык и вместе с тем отяжеленной годами, шаркающей походкой. Всегда в старомодном длинном пальто в зависимости от сезона: от светло-серого габардинового, летнего, до цвета маренго из плотного драпа с каракулевым воротником, зимнего. Постоянно в головном уборе — шляпе или каракулевой шапке пирожком. Ну, и от осени до весны — в калошах, ставших символом его консерватизма.

Шедшие навстречу люди часто с ним здоровались, даже если не были знакомы лично. Он в таком случае кивал в ответ, едва ли задумываясь, знает встречного или нет. Обогнать его было почему-то неловко, по крайней мере я себе этого не позволял.

При взгляде на Сулова со стороны невольно думалось: почтенный человек, вполне мог бы заниматься каким-нибудь тихим делом, зачем же он остается в руководстве партии, задача которой быть в гуще жизни общества? Впрочем, и сама партия своих задач не выполняла. Кало-

ши сдерживали ее шаг, и вместе со своим «главным теоретиком» партия не могла вылезти из обветшавших от времени идеологических одежд.

ПЕРЕКРЕСТНОЕ НЕДОВЕРИЕ

Мой товарищ и коллега Ф. Ф. Петренко написал книгу, выдержавшую много переизданий, — «Секреты руководства». Один из таких секретов, как явствует из книги, — проверка исполнения принятых решений. Написано там было и о том, как надо организовывать проверку. Это и создание проверочного аппарата, и контрольные записи в рабочих дневниках, требование промежуточных докладов и прочее, и прочее...

Но жизнь богаче любых теорий, разнообразнее всяких рецептов. Тому пример наш с ним общий начальник, секретарь ЦК КПСС по социалистическим странам К. В. Русаков, у которого мой товарищ, а затем я работали какое-то время помощниками.

Моя очередь настала, когда самые главные начальники — Генеральные секретари ЦК — один за другим сменяли друг друга с годичным интервалом: Брежнев, Андропов, Черненко. Мое назначение на должность состоялось при Андропове.

Руководители коммунистической партии тогда были почти все старческого возраста, а Русаков — один из самых старших из них, ему было семьдесят три года.

Видимо, в молодости он обладал прекрасной памятью. И все, что по книге «Секреты руководства» надо записывать в рабочую тетрадь, он держал в голове, точно зная, в какой день и час спросить с подчиненных о выполнении данных им поручений.

Но у него был свой начальник — Генеральный секретарь ЦК КПСС, который тоже контролировал выполнение своих поручений.

Не знаю, как обстояло дело у Генеральных секретарей, но цепкая память Русакова помогала ему всегда точно и в полном объеме доложить о ситуации на вверенном ему участке ответственности.

Возможно, надежная память помогла Русакову, не обладавшему особыми качествами ни аналитика, ни мыслителя, вы-

соко подняться по лестнице партийной иерархии. Однако расчет на память стал подводить его с приближением возраста к ввнутрь цифре 75.

Хорошая память не дала возможности сформировать привычку пользоваться рабочей тетрадью. Но и без записей было уже не обойтись. Русаков стал делать какие-то пометки на листах настольного календаря. Но площадь листков была мала, записи настилались друг на друга, грозя перепутать указания ему самому с поручениями подчиненным.

И тогда Русаков включил в свою работу метод, до которого не мог додуматься ни автор книги «Секреты руководства», ни другие специалисты теории управления. Я бы назвал его методом перекрестной проверки или перекрестного недоверия.

Например, Русаков получал задание подготовить записку для политбюро о состоянии межнациональных отношений в социалистических странах. Он тут же, подчас не вешая телефонную трубку, звонил одному из своих заместителей и поручал это задание. Затем сразу же звонил своему первому заместителю, которому поручал проверить, как быстро заместитель подготовит нужную записку. Сразу же он звонил и мне, чтобы я на всякий случай знал, какие поручения он только что дал двум другим подчиненным.

Естественно, каждый из нас слова секретаря ЦК, что называется, брал на карандаш. И если не хватало рвения у одного, то кто-нибудь из двух других «толкал» выполнение поручения.

Комбинации выполняющих задание и надзирающих за этим могли быть самые различные, и одновременно каждый из подчиненных Русакова оказывался в сложной системе взаимоконтроля. Причем подчиненные Русакова должны были и между собой строить отношения так, чтобы поручения начальства не забыть и доверие друг к другу не потерять.

Используемый Русаковым метод исключал возможность давать задания в присутствии нескольких человек. Поэтому он отказался почти полностью от разного рода совещаний и контакты с подчиненными перевел на телефонную связь,

при которой каждый раз он говорил с человеком один на один.

Допустим, звонит мне, своему помощнику, и говорит: «Мне надо выступить такого-то числа перед избирателями, пожалуйста, подготовьте проект речи за неделю до этого». Вешает трубку.

Ровно через две минуты телефонный звонок. На этот раз слышу голос его первого заместителя О. Б. Рахманина: «Валентин, тут К. В. мне сейчас сказал, что поручил тебе подготовить его выступление, я не знаю, как ты его будешь писать, но не забудь сказать мне, как у тебя пойдет дело».

Еще через несколько минут звонит Г. Х. Шахназаров, заместитель Русакова, примерно с такой же речью: «Слушай, Валь, что-то мне начальник о речи его сказал, я ничего не понял, но ты там, когда разберешься, дай мне знать».

Все. Чувствую, что я не только на крючке, но и на растяжке. Теперь нужно будет показать проект в положенный срок не одному начальнику, а еще и двум его замам, причем не ясно, в какой последовательности. И не дай бог они начнут рвение проявлять, поправки вносить. Тогда никакого срока не хватит.

Давно уже ушел из жизни бывший секретарь ЦК КПСС Константин Викторович Русаков. Еще раньше он оставил свое рабочее кресло. Нет уже и самой КПСС. Я не боюсь обнародовать метод Русакова и потерять таким образом унаследованное от него в моем качестве помощника «ноу-хау» на перекрестное недоверие и взаимную проверку.

Людям помоложе, скорее всего, метод не пригодится, поскольку новую генерацию руководителей учат другим приемам управления, в частности умению пользоваться органоайзером, карманным и настольным ноутбуком, где должна быть графа или кнопка «контроль».

Но если какая-то фирма введет в ноутбук кнопку «контроль за контролем», то это прошу сделать только с моего согласия. Я же на средства, поступившие от реализации этого «ноу-хау», обязуюсь создать специальный фонд для оказания помощи всем потерявшим память начальникам.

Критика и критерии

В продолжение дискуссии

В журнале «Октябрь» (№ 3, 2008) в статье «Фырк: субъективные заметки о современном состоянии поэтической критики» Александр Житенев поставил перед пишущей братией ряд нелицеприятных вопросов и дал ряд столь же нелицеприятных ответов. Желаящие прочесть статью могут обратиться в библиотеки, но сегодня проще зайти в Интернет, обратиться к Журнальному залу (<http://magazines.russ.ru/october/2008/3/zh10.html>) и почитать там.

Согласен почти со всем, что высказал автор. Нет у критики критериев, писатели не выдают новое видение, а расширяют чувственный опыт, и вообще, большинству из них и сказать нечего. Житенев абсолютно прав, говоря, что «актуальность текста — это его способность предлагать варианты решения экзистенциальных проблем современного сознания». Но тут же он выдает желаемое за действительное, говоря, что существует социальный заказ «не на освещение тех или иных фрагментов реальности, а на отсутствующие смыслы». Если такой заказ и существует, то он явно не социальный, а лично-индивидуальный. Этого хотят далеко-далеко не все — вспомним график гиперболы: время интенсивного давно пройдено, идет экстенсивное — вширь пускаем стада, капиталу нужен постоянный жвачный процесс той самой тупой массы — и быстрое воспроизводство травы-литературы как одной из категорий шоу-бизнеса. А то, о чем говорит и мечтает Житенев, требует подготовленной аудитории читателей, их же осталось какие-то доли процента.

Что говорить о читателях, если сами писатели и критики нынче не понимают, что есть литература, а что нет. Так называемый «новый реализм» — это обыкновенная иллюстрация вульгарно понимаемого бихевиоризма — жизнь как реакция

на внешние раздражители, человеку холодно, жарко, украл-выпил-в тюрьму и так далее. У человека в литературе не осталось ментального пространства внутри — он полностью кристаллизовался, его тонкая когда-то оболочка разрослась внутрь, он весь как бильярдный шар среди других костяных шаров, и внешние толчки-импульсы определяют его импульс.

Конечно, рождает литературу такого типа наше время, когда внешнее движение, кинетическая энергия только и определяет результат жизнедеятельности. И писатели как натуры впечатлительные что видят, то и поют. Так что, когда Житенев, верно отметив поверхностные переживания современного лирического героя, уверяет меня, что лейтмотив современной поэзии — жажда сущности, то я не соглашусь. Он просто принял свою жажду сущности в пустыне современной поэзии за ее собственную жажду. Перепутал читателя с автором.

Не согласен и с формой подачи Житеневым своей концепции. Определяя свои мысли в литературный журнал, надо помнить, что его читают не только филологи. Но, думаю, эта наукообразность, отталкивающая не посвященных в сленг, не случайна, — я понял эту неслучайность, дойдя до конца. Там было четко сказано: «Только критик-филолог в состоянии вернуть в оборот представление об “эстетической совести”, об ответственном, обладающем историко-литературной глубиной, критическом тексте, а тем — способствовать выправлению литературной ситуации». И мне стало грустно, потому что в процессе чтения статьи Житенева я живо участвовал в выправлении литературной ситуации, я собрал свои разрозненные, раскиданные по времени моего осознанного литературного бытия мысли в некое подобие концепции, и тут на тебе — не прошел фэйс-контроль. Не

филолог. Значит, буду говорить, стоя возле закрытой двери, вещать таким же отвергнутым. Но теперь придется вступить с филологами в легкую конфронтацию, благо сами мы родом из «физиков» и часто играли против «лириков».

Хотя филологи и не лирики, а нечто промежуточное. Они же ученые, они почти «физики», — изучают тексты, проверяют их алгеброй своего понятийного аппарата, выражаются словами-символами типа «дискурс», «экзистенция». Поэтому мы не станем сильно противостоять: напишем свои соображения на листочке и просунем под дверь — может, пригодятся...

Да, мне нравится сама постановка вопроса Житеневым, вернее диагноз, который он ставит современной критике: в ней нет литературной злости, нет позиции, но есть абсолютизация субъективности. Но...

«Что делать? — вопрошает критик критиков и отвечает: — Гвоздить критиков налево и направо, одновременно утыкая их в филологический язык как единственное возможное эсперанто».

Опять филологический язык как единственно возможный. Но есть ли в этом языке та необходимая для решения поставленной задачи точность?

Прежде чем говорить об этом, хочется отметить те причины плохой критики, что лежат за пределами собственно науки. Критики теряют злость в первую очередь потому, что они сами находятся внутри литературного шоу-бизнеса. И если возникает видимость злости, то это лишь видимость, элемент шоу, содержание которого выхолащено. Если «злой» Топоров пишет, что зачитался книгой про какое-то Метро-2017 (или число от Славниковой?), то понимаешь, что злость его далеко не объективна — либо есть «свои» и «чужие», либо у него нет критериев критики, либо он потерял вкус, как старый-престарый дегустатор.

И второе — чтобы решиться на публичную злость, нужно чувствовать себя способным на объективность, быть отдельным от писателя, независимым от него, быть в стороне и выше, видеть весь пространственно-временной контекст творчества. Я бы перефразировал Ленина: критиком может стать тот, кто овла-

дел всеми литературными знаниями человечества. Это, конечно, максимализм, но примем как образ идеального критика. И еще одно условие — критик не должен дружить с писателем, творчество которого собирается анализировать. И просто иметь личные отношения не должен. Иначе есть в этом что-то от убоя домашней животины — ты ее доил, пас, мыл, называл по имени, и вот — препарировал. Или наоборот, что чаще, — не препарировал и другим не дал. Либо должно быть вот это большевистское — про друга Платона, — на что мало кто способен. Да, и нужно быть готовым к провалу, к собственной неправоте, к собственной уязвимости.

Но продолжаем о качествах создаваемого нами идеального критика. Не дает покоя мысль Житенева в ее развитии. Он как настоящий ученый не надеется на эмпирику в выработке критериев критики: «...Никакой читательский опыт, сколь бы широк он ни был, никакое владение контекстом, как бы далеко оно ни простиралось, не могут быть признаны достаточными».

Бывает, что могут. Чистые эмпирики делают неоценимые вклады в науку. Майкл Фарадей, например, вообще не понимал язык математики. Мгновенно оценивать можно, не теоретизируя, — так баскетболист посылает мяч в кольцо, не просчитывая траекторию на компьютере. На опыте и на таланте (ввожу понятие, требующее определения, но нам, эмпирикам, хватит и общепринятого смысла). Опыт и талант возвращают внутренние критерии, а систематизировать их на бумаге — дело времени, техники и желания это сделать. Обратная задача, кстати, почти не решается, — дайте теорию бесталанному (опять спорный термин), и ничего, кроме шаблонных повторов, не получите.

Еще про опыт и талант. Казалось бы, любой писатель — литературовед наоборот. Он же знает алгоритм, по которому родился его текст. Почему бы по этому алгоритму не попробовать разобрать чужой? И примеры таким попыткам есть — Лев Толстой или Иосиф Бродский, например, — но нет в этих примерах научной регулярности, повторяемости. Писатели ленивы, им свои тексты некогда написать, а тут еще другие читать, да еще вдум-

чиво. Так что будем рассматривать писателей как спонтанных критиков, хотя я бы повязал их критической повинностью — это в первую очередь полезно самим писателям, потому что развивает внутреннего критика-редактора.

Если попытка заставить писателя критиковать кажется непродуктивной (эгоизм как необходимое условие таланта), то заставить критика в качестве практики творить, писать стихи и прозу — это считаю выполнимым и целесообразным (так же как ввести в гуманитарных вузах высшую математику и начала теоретической механики, чтобы гуманитарии поняли, что такое причинно-следственная связь и вообще логика жизни). Прежде чем стать ученым-филологом, надо понять, как пишется художественный текст. Если бы критики пробовали сами писать, они бы давно поняли, почему в «Моцарте и Сальери» так много Сальери и так мало Моцарта и почему Пушкин считал себя Сальери, а Моцартом — другого поэта. Вот вам пример глухого телефона «автор — читатель». Мало ли что мы знаем о моцартианской легкости «нашего всего» — надо еще знать, как эта легкость достигается и как оценивается самим автором. Такая, казалось бы, малость — всего лишь почувствовать себя творцом, а не критиком, — и результаты могут стать противоположными. Вероятно, после творческих проб критики по-иному увидят творчество Булгакова, или Шолохова, или... Ряд можно продолжать.

Понимать, как рождается литература, знать изнутри, значит иметь полное, замкнутое представление о предмете исследования. Часто критические суждения поражают своей наивностью, открывая тщательно скрываемую критиками тайну — а именно ту, что чужой текст для них — черный ящик, внутри которого они никогда не были. К такой наивности я бы отнес житеневское: «Каждого художника следует судить по законам, им самим над собой признанным».

Вспомним классическое: «Я так вижу мир». Однажды я наблюдал, как уличный портретист превратил позирующую ему красивую девушку в уроду (за ее же деньги) и в ответ на возмущение зрителей обиженно сказал: вы ничего не понимаете, я так вижу.

Законы, признанные авторами над собой, видны сразу. Если текст хорош, законы были взяты автором от хороших писателей. Если плох, то «я так вижу мир». Но судить и хороший и плохой текст критик должен по гамбургскому счету, а не по «своей-чужой» или по законам безрыбья. Конечно, мы говорим про идеального критика.

Вообще понятие «закон» физики и лирики понимают несколько по-разному. Даже строгий Житенев, коего я читал с доверием (уровень доверия колебался, но это нормально), ожидая в конце строгих и ясных формулировок эстетических законов, — даже он вдруг показал звериный оскал гуманитария. Вот пример житеневского критического стиля: «Алексей Цветков — едва ли не самый яркий сегодня поэт надрыва. Его око — воспаленное, галлюцинирующее око — способно увидеть лишь истаивание, рассеивание бытия. Сквозь фильтр видения проходит только чувство неостановимо нарастающего катастрофизма. Поэт и бездна вглядываются друг в друга. Учитывая бескомпромиссность раннего творчества Цветкова, едва ли приходится удивляться антагонистическому несопадению с миром его сегодняшнего героя»...

Тут я катарсически рассмеялся. Поэт и бездна — это посильнее даже девушки и смерти. Ну не хотят филологи быть филологами (в смысле как геологи — геологами, биологи — биологами и т. п.). Они хотят сами делать красиво — поэтам можно, а нам почему нет? И в самом деле, определения типа «истаивание бытия» так широки, что накроют цель гарантированно, в отличие от часто неудачных попыток точных филологических формулировок (да и есть ли они, есть ли вообще филологические аксиомы, на которых можно построить теорию текста?). И мы опять видим не критика как исследователя, но очеркиста, пишущего о творческой личности словами красивыми и настолько общими, что поэта можно поменять на художника, хореографа и пр. Здесь нет предмета разговора, и это понятно, — ужас как неохота мелко и подробно, а вот одним широким мазком, да сразу сравнить с бездной...

...Да которая, как обычно, полна звезд. А Ломоносов, кстати, был не только по-

этом и не столько. Он был ученым. Тут мы используем ассоциацию, чтобы перейти к волнующему нас вопросу: кто такие критики? Вернее, кто они есть, но кем должны быть? И что они должны видеть в текстах авторов?

Сегодня критики по преимуществу те самые очеркисты. Писатели о писателях. Я не знаю, чему филологов учат на филфаках, поэтому мои вымыслы о критике и литературоведении относятся не к выпускникам словолубивых вузов, — вполне возможно, все это там проходили и отвергли (или забыли). А говорить хочу прежде всего о предмете критического исследования.

Уже само примененное слово — «исследование» — сразу обнажает все мои еще не раскрытые замыслы. Поэтому не буду таить, скажу банальность: рассматриваю художественный текст как мир, созданный автором-творцом. Исходя из этой логики, рассматриваю творца нашего мира — бога (у каждого своего) — как Автора. Но если наш мир — это Текст, то у него должны быть свои критики. И они есть. Это те, кто исследуют этот Текст-мир, открывают его смыслы, ищут единый Смысл. В принципе, это все люди и вообще все живое, но сузим поиск, ограничимся людьми культуры и науки. Итак, два типа познания — субъективный и объективный, два типа носителей — лирики и физики.

А теперь вернемся к литературному тексту как миру, созданному автором. Вообще эта аналогия очень широка, можно самих писателей разделить на физиков и лириков — прозаиков и поэтов, — а потом и прозаиков и поэтов разделить... Но мы про критиков. Их, в общем, тоже есть два типа, тех, кто исследует обобщенный текст обобщенного автора. Большинство относится к лирикам, или людям, создающим на основе художественного текста художественное произведение. Хороший пример — покойный ныне Александр Касымов, знаменский критик, лауреат премии журнала. Его творчество было ярко выраженным импрессионизмом. Отталкиваясь от текста, он творил свой мир, в котором от объекта ничего не оставалось — он как кусок сахара растворялся в горячей и крепкой касымовской субъективности. Это вопрос понимания текста, вопрос ак-

центуации личности критика, его полусферной ориентации. Вот сейчас в отрывке о Цветкове Житенев продемонстрировал лирический подход, хотя вся статья есть декларация подхода физического. Но в этой статье видно, что Житеневу трудно дышится воздухом логики, но легко плавается в водах лирики.

Вообще мало наук, особенно гуманитарных, которые могли бы похвастаться научным аппаратом, поэтому особенно заметно, когда появляется, например в истории, Лев Гумилев с его теорией пассионарности. Его выводы можно оспаривать, но в любом случае споры эти продуктивны и двигают историю. Точно так же, когда в литературе появляется критик-«физик», он приходит с логическим аппаратом как с молотом, и филология со своими экзистенциальными туманами и псевдосистемностью оказывается беспомощной (это я про таких литературоведов, как инженер Альфред Барков или физик Евгений Федонькин).

Критик-«физик» не станет исследовать текст, в котором нет (или он не видит) скрытого или незамеченного до него смысла. Но это уже другой вопрос. А критики-«лирики» тут как раз к месту, поскольку большинство текстов — неудавшиеся миры, им требуются косметологи, а не исследователи. Исследование, испытание их на стенде «физика» моментально разрушает большинство конструкций.

На самом деле, законы физики не так далеки от законов филологии, литературоведения. Основные понятия теории литературы: тематика, проблематика, идейное содержание; род, жанр; сюжет; композиция; художественный прием. Для сравнения — физическая теория: тематика, проблематика, идейное содержание. Предположим, выбрали гравитационное взаимодействие. Жанр: финитное или инфинитное движение тела в поле. Сюжет: некое тело движется из глубин космоса к Солнцу. Композиция: зависит от скорости, направления движения. Возможны три варианта — падение на Солнце, захват Солнцем и переход на эллиптическую орбиту или огибание Солнца по параболе и уход. Художественный прием: тело — комета, которая непрерывно теряет массу, испаряясь, сила притяжения меняется, что вносит допол-

нительные сложности в определении траектории.

Но в чем тогда отличие физической и лирической теорий? Только в предсказуемости. Физик (критик в смысле исследователя бога), открыв законы божественного текста, в большинстве случаев может предсказать, что написано дальше, — зная импульс кометы и ее местоположение в определенный момент времени, он предскажет с большой точностью, где эта комета будет через сто, тысячу лет. Если бог не приготовит сюрприза.

Этого не может сделать критик — исследователь текста земного автора. Хотя идеальный (назовем его «лапласовским») критик, который знает все написанное человечеством, автором, всю биографию автора, вероятно, сможет делать предсказания, потому что в тексте автора нет ничего беспричинного (сейчас меня ткнут носом в душу или дух, который веет где хочет, в свободу воли, во вдохновение; но меня тыкать бесполезно, человек для меня такая же машина, каковой он был для Просвещения, — имею в виду прежде всего Ламерги). Правда, даже для идеального критика эти причины могут оказаться скрытыми — ведь толчком к рассказу может стать запах, случайно уловленный на улице... С этой точки зрения критик должен быть всеведущ как бог, поэтому дальше мы не станем прибавлять ему могущества.

Возвращаясь к нашим земным авторам, снова привлечем сравнение с миром как текстом. Ученый имеет в своем распоряжении всего лишь свое представление о мире, составленное по явленному нашим пяти или шести чувствам. Мы имеем форму, по которой угадываем содержание, выводим законы, проникаем все глубже, чтобы познать Замысел или узнать, что никакого Замысла нет, — в любом случае, чтобы познать Целое. Так и критик — имея дело с формой, он должен увидеть содержание мира, который создал автор. По тексту он должен понять Послание Автора Читателю (это не пафос, а термины) и рассказать его суть тем читателям, до которых не дошло, и даже автору открыть какие-то его собственные, спрятанные в бессознательном, тайны.

Строго говоря, критик должен изучать не просто Текст или систему Автор—

Текст. Он должен рассматривать систему Автор — Текст — Читатель. Когда мы говорим о законе, по которому должны судить текст, этот закон не ограничивается требованием гамбургского счета. Он распадается на множество частных случаев, по критерию адресованности авторского послания. Тут как в природе — бог (или боги) пишет множество разных текстов, мир как альманах, где есть пустыни, полупустыни, Заполярье, Средиземноморье... Каковы ландшафты и климаты, таковы тексты жизни в этих краях. И в каждом есть оптимальные маршруты. Но эти оптимальные маршруты, будучи помещены, например, из Африки в Заполярье, становятся глупостью, смертью. Что русскому здорово, то немцу оно самое. Это я про типы читателей, как можно догадаться.

Вообще на тему критики можно говорить бесконечно, удаляясь от главного. Надо тормозить, а значит — ближе к науке, дальше от эмоций. Давайте все же про критерии критики.

Есть два главных критерия исследования Послания (не просто текст, но автор—текст—читатель): смысл послания (то самое — есть ли что сказать, или актуальность, новизна), то есть содержание; адекватность выражения (полнота передачи замысла в тексте), то есть форма.

Содержание расскажет нам про ум текста. Форма — про его гармонию (в высшем смысле), условно про красоту.

Женщины бывают четырех основных типов (как и все в нашем фазном мире): некрасивая и глупая, некрасивая и умная, красивая и глупая, красивая и умная. Такими бывают и тексты. Тексты — они как женщины. В этом сравнении есть все...

Мне просто надоело умствовать. Короче, и так все понятно, что делать критикам, даже если они университетов не кончали, а просто умеют читать и писать.

Я не люблю филологию нелюбовью «физика». Имею в виду тот раздел, который отвечает за разбор художественных текстов. Не вижу там науки, но вижу ее зачаточную стадию — между детской игрой и взрослой религией. Отличие этих способов познания мира от науки — в оторванности причины от следствия, точнее в невозможности установить верные связи между следствием и причиной (выб-

рать из множества наблюдаемых одно как причину другого). Отсюда рождаются сказочные персонажи, духи и боги. Отсюда у литературоведов вместо истинных причин написания того или иного текста появляются некие духовные искания и прочие эфемерные понятия, в плохих текстах отыскиваются несуществующие плюсы.

Я не только плохую литературу терпеть не могу. Плохую критику тоже. Но не будем же мы вторые производные вводить, критиковать критиков. Мы с первой производной от жизни, с собственно ли-

тературой никак не разберемся. Хотя чего уж проще — вот хорошая, вот она, она есть, мы знаем ее, она сформировала нас, наши личности, она уже задала критерии, и мы знаем, что такое хорошо, что такое плохо так же основательно, как знаем, что такое боль и что — счастье. Поэтому завершу всю эту гимнастику ума так.

Я не критик — я даже жанров толком не знаю, родов и видов, всяких течений, ямба (представляете?) от хоря не отличаю. Но почему-то сразу отличаю плохое от хорошего. Как так получается? Бог его знает...

Эпоха Сан Саныча

О кинотеатре «Родина» и его первом директоре

Почему его так называли, я не знаю. И теперь уже не могу спросить. Мы действительно, по слову Пушкина, «ленивы и любопытны» и, поглощенные собственными сиюминутными переживаниями, особенно в молодости, не слишком-то интересуемся прошлым наших близких. А когда с возрастом этот интерес пробуждается, то уже некому, оказывается, удовлетворить наше любопытство. Вот и я в свое время не успела выяснить, почему первый директор кинотеатра «Родина» Габрахман Хакимуллович Фаттахутдинов, мой дедушка, остался в памяти знавших его людей под именем Сан Саныча. Так его звали те, с кем вместе работал, а еще чуть ли не половина города.

Известно было: если хочешь в кино, а билетов в кассе уже нет, – иди напрямиком к Сан Санычу. Говорят, что имя закрепилось за ним с юности: мальчишку-подростка, оставшегося сиротой и рано пошедшего работать, старшие по возрасту и служебному положению поначалу называли Сашкой – так было проще, так и осталось и перешло (но уже уважительно – с отчуждением) во времена его директорства. Имя прикипело к человеку, как сам человек – к увлекательному и тогда еще относительно новому искусству кино. А возможно, что дедушка ничего бы мне об этом не рассказал: человек удивительной, редкостной скромности, немногословный, он вообще не любил говорить о себе. Так или иначе, история кинотеатра «Родина» оказалась накрепко спаянной с именем Г. Х. Фаттахутдинова. Поэтому в связи с 55-летним юбилеем кинотеатра и столетием со дня рождения его первого директора предоставим слово тем, кто хорошо его знал. Вначале – слово официальное.

Радмир Марванович Янгиров, киновед:

– Выходец из социальных низов, Фаттахутдинов пятнадцатилетним пришел в кино, которое сделалось призвани-

ем всей его жизни. Прошел все должностные ступени: начинал с расклейки афиш, изготовления рекламных щитов, работы сторожем, потом был помощником кинемеханика, кинемехаником, администратором. В 1934 году, двадцати пяти лет, он был назначен на должность директора самого большого в предвоенной Уфе кинотеатра «Октябрь». Это одноэтажное здание располагалось на том месте, где теперь находится гостиница «Агидель». Кассовый зал кинотеатра был одновременно фасадом здания, разделенного на две части – фойе и сам зрительный зал на 500 мест. Зал был выстроен в подражание театральным: откидные деревянные кресла, подиум перед экраном, карманы лож. Главным преимуществом зала была его высота, что создавало хороший акустический эффект при демонстрации звуковых лент. Но были и недостатки: сконструированный без чердачного перекрытия, зал не мог защитить от помех снаружи; особенно понижалась слышимость, когда по крыше барабанил дождь.

Следует вспомнить, какой подъем переживал в те годы отечественный кинематограф. Кино сделало важнейшей составляющей культурной жизни народа. Звуковое кино быстро вытеснило немые ленты, на которых ожившие тени, движущиеся под аккомпанемент тапера, при всем мастерстве их создателей, не давали полноты отражения жизни на экране.

В том же 1934 году началась демонстрация знаменитого фильма «Чапаев». Героическая эпопея о событиях гражданской войны, впечатляющая достоверность в раскрытии образа народного героя всколыхнула всю страну. Посмотреть «Чапаева» стремились все: закупились билеты для тружеников промышленных предприятий, спешили посетить кинотеатры студенты и школьники, строем приходили в кино и смотрели ленту о боевых традици-

ях Красной Армии бойцы и командиры. На всех сеансах залы были переполнены. Кинотеатр начал работать с предельной интенсивностью, время отдыха сотрудников сократили, а продолжительность рабочего времени увеличили, что дало возможность устроить дополнительный киносеанс.

И как раз во время демонстрации «Чапаева» зимой 1935 года случилось непредвиденное. В зале вдруг громко заговорило московское радио. Зрители напряженно воспринимали происходящее на экране, а из-под самого потолка, заглушая звуковое сопровождение, доносились знакомые голоса дикторов и лилась бравурная музыка. Нарастающее негодование зрительного зала прервал возмущенный голос сидящего в зале крупного партийного чиновника. Указав пальцем на появившегося перед ним директора кинотеатра, он прямо обвинил его во вредительстве. Зал затих, но мощные звуки радиопередачи, словно усиленные невидимой мембраной, продолжали перекрывать властный голос. «Что я пережил в эти несколько минут, не могу передать, – рассказывал мне Фаттахутдинов много лет спустя. – Наверно, меня спасло от ареста и расправы только то обстоятельство, что не наступил еще кошмарный тридцать седьмой. Но после этого случая у меня появилась первая седина».

Ситуацию удалось скоро выправить. Киномеханики, не дожидаясь указаний директора, быстро поднялись на крышу и обнаружили, что выпавшим ночью снегом пригнуло провода радиотрансляции, возник резонирующий эффект. Поскольку городской радиоузел располагался в соседнем здании, то оттуда вскоре подошла квалифицированная помощь, и провода быстро освободили.

В канун Великой Отечественной войны коллектив кинотеатра «Октябрь» успешно организовал рекламную кампанию и провел торжественные мероприятия по случаю выхода на экран историко-художественной ленты «Салават Юлаев». Душой этих инициатив, мотором в осуществлении все новых замыслов по пропаганде лучших произведений отечественного кино был Г. Х. Фаттахутдинов. «Октябрь» стал для него не только местом работы, но еще и домом: там, в небольшом

служебном помещении, он и жил вместе с женой и первенцем сыном. «Веселое это было соседство, – вспоминал он позже. – Рядом с жилищем шумное место – к а с с о в ы й зал. Вход в комнату – через фойе кинотеатра, в котором перед началом каждого вечернего сеанса играет эстрадный оркестр».

Г. Х. Фаттахутдинов

Позже городские власти предоставили комнату в коммунальной квартире. И тут же служебное помещение по инициативе директора было переоборудовано: его расширили за счет пристроя и организовали малый зал – для демонстрации детских фильмов. В годы войны от этого замысла пришлось отказаться: не хватало киномехаников. Однако через много лет эту задумку Фаттахутдинов сумел осуществить в новом кинотеатре «Родина»...

Здесь позволю себе прервать рассказчика, ибо между «Октябрем» и «Родиной» в биографию дедушки встроился любопытный эпизод. Ближе к концу войны Г. Х. Фаттахутдинов, назначенный начальником управления кинофикации южного берега Крыма, переехал с семьей в Ялту (у него начинался туберкулез, и назначение на работу в теплые края оказалось как нельзя более кстати). Первый же восстановленный кинотеатр – существующий и до сих пор – он назвал именем старшего сына. И туда, в кинотеатр «Спартак», в феврале 1945 года пришла госпожа Элеонора Рувельт, поскольку в те дни в Ялте проводилась конференция с участием руководителей трех союзных держав. Супруга американского прези-

дента хотела посмотреть какой-то советский фильм. Нужной картины, кажется, в кинотеатре не оказалось, и общение с важной гостьей ограничилось рукопожатием и коробкой конфет, которую она подарила директору. Однако рассказ о знакомстве дедушки с женой президента США стал одной из наших семейных легенд.

Р. М. Янгиров:

– На моем рабочем столе архивный документ: «В конце мая 1939 г. по заявке “Башкино” проведено инженерно-геологическое исследование Башгеологуправлением под строительство каменного здания пл. 40х50 кв. м. Строительный участок под здание кинотеатра находится в самом центре г. Уфы, на углу улиц Ленина и Чернышевского». Завершается документ лаконичным заключением: «Данную площадку под строительство можно считать пригодной» (Центральный государственный исторический архив РБ, ф. 1250, оп. 2, д. 156). Таково первое документальное свидетельство, определившее начало строительства кинотеатра, который получил название «Родина».

Проведенная в 1939 году перепись населения страны показала, что в столице Башкирской республики насчитывалось 258 тысяч жителей. По существующим в то время правилам, в Уфе должны были работать несколько кинотеатров. По общему их количеству (пять) город вроде бы удовлетворял среднестатистическим требованиям. Но эти кинотеатры вмещали мало зрителей и располагались в открытых в самом начале века, зачастую не приспособленных для кинопоказа помещениях. «Октябрь» был самым большим из них. Так что заявка на строительство нового кинотеатра была решением оправданным. Этого требовала небывалая популярность киноискусства. Однако время реализации замысла – от разработки проекта здания до его открытия – растянулось на многие годы. Главной причиной стало начало Великой Отечественной войны. В годы военного лихолетья это место использовалось под временные зрелищные мероприятия – например, летом там сооружали цирк-шапито, в котором устраивались представления гастролирующих артистов.

Перелом в ходе военных действий оживил намерения городских и республи-

канских властей вернуться к строительству кинотеатра. Но реализацию замысла осложняло отсутствие утвержденного проекта здания. Обратились к самым последним для того времени вариантам и в конце концов остановились на проекте, разработанном для Сталинграда.

В современном Волгограде здание кинотеатра, отстроенного сразу после войны, обращает на себя внимание. Торжественный фронтон с массивными колоннами впечатляет своей монументальностью. Однако сооружение проигрывает от того, что встроено в красную линию улицы и теряется в череде соседних зданий. В Уфе сталинградский проект не был принят полностью, но поспособствовал утверждению замысла о строительстве двухэтажного кинотеатра вместо одноэтажного, предполагавшегося поначалу. И осуществление проекта в Уфе оказалось гораздо более удачным: над цокольным этажом воздвиглось изящное здание, наподобие античных храмов, как бы парящее над соседними домами, к тому же отделенное от них площадью и имеющее все преимущества кругового обзора. Эффект устремленности к небу приумножали голубые кессоны под самой крышей. Кинотеатр «Родина» на долгие десятилетия превратился в одно из самых ярких по замыслу и исполнению архитектурных сооружений города: его изображение было растиражировано в тысячах открыток, почтовых конвертов, украшало каждый альбом или книжное издание о башкирской столице.

Все сочеталось в этом здании: функциональное предназначение и эстетическое начало. На первом этаже, сразу за входными дверями, открывалось торжественно оформленное просторное фойе, по соседству с ним был спроектирован зеленый уголок. Небольшой уютный буфет органично вписался в общую картину интерьера первого этажа. В два зрительных зала, расположенных на втором этаже, вели двухмаршевые лестницы. Наличие двух залов по 350 посадочных мест позволило сократить интервалы между сеансами.

Г. Х. Фатахутдинову было поручено курировать ход строительства «Родины». И здесь его творческий подход к делу позволил внести в проект несколько не пре-

Кинотеатр «Октябрь». 1948 год

дусмотренных первоначально нововведений. В цокольном этаже здания был по его настоянию открыт Зеленый зал, который быстро завоевал популярность у детей и молодежи. Здесь начали демонстрировать детские художественные и мультипликационные ленты; этот же зал оказался единственным в городе постоянно работающим пунктом показа хроникально-документальных и научно-популярных картин.

В новое учреждение культуры сразу после его открытия перешел работать весь коллектив «Октябрь» во главе с директором.

Достоинства нового кинотеатра, открытого в 1953 году, были оценены не только уфимцами. Авторы проекта выдвинули на соискание Государственной премии 3-й степени. Указ был уже опубликован в газетах, однако вмешалось непредвиденное обстоятельство. Никита Сергеевич Хрущев публично выступил с жесткой критикой «архитектурных излишеств», и в докладе вождя кинотеатр «Родина» был упомянут как образец таковых. К тому времени Хрущев еще в Уфе не побывал и, по существу, повторил чьи-то мысли – быть может, завистливого конкурента тех, кто спроектировал одно из лучших зданий Уфы. Но главному эта несправедливая критика помешать не могла: кинотеатр уже открылся, жители города его приняли и полюбили. Он был признан одним из лучших в системе кинофикации страны и стал участником

Выставки достижений народного хозяйства. А Габдрахман Хакимуллович Фаттахудинов на многие годы стал легендарной личностью как организатор культурного обслуживания тысяч и тысяч уфимцев.

В кинотеатре «Родина» умели принять зрителей по-особому тепло; чрезвычайным событием считалось, если случилось прервать сеанс по техническим причинам (пропадал звук или обрывалась во время демонстрации лента). Чистота во всех помещениях, умение в считанные минуты подмести зал перед приходом новых зрителей – все это сделалось кодексом чести для коллектива.

Мне посчастливилось более десяти лет работать и общаться с Фаттахудиновым. Я пришел к нему с предложением организовать кинолекторий. Незадолго до этого я вернулся в Уфу после трехлетнего пребывания в Москве, где учился в аспирантуре МГУ и регулярно посещал Центральный дом кино. Впечатления от приобщения к классике отечественного и мирового кинематографа, от встреч с замечательными кинорежиссерами и актерами захотелось по возможности привнести в культурную жизнь родной Уфы. Фаттахудинов сразу оценил открывающиеся возможности для охвата новых зрителей, а также общественную значимость не использованной прежде формы кинопропаганды. По его инициативе я был представлен начальнику Управления кинофикации В. П. Мосуну, который

обещал всячески поддержать идею кинолектория. Быстро, без проволочек был решен вопрос о месте проведения занятий: для них открылись двери уфимского Дома актера с прекрасно оборудованным залом. Кинолекторий предложили назвать Народным университетом по киноискусству.

Бережно сохраняю скромную афишу, изготовленную в единственном экземпляре, которая провисела в кинотеатре «Родина» всего две недели, приглашая слушателей в Народный университет. Поначалу установили самые скромные цены на входные билеты, но уже после двух мероприятий молва о кинолектории быстро распространилась по Уфе, и свободных мест в зале не оказалось. Подняли до верхней планки (до цены билета на вечерний сеанс) стоимость посещения лекций и творческих встреч, но это не остановило зрителей. Напротив, желающие посещать занятия легко соглашались приобретать абонементы на целый учебный год: цикл занятий в то время предполагал 8 лекций и 4 творческие встречи с мастерами кино с обязательным просмотром нового, еще не увидевшего экран фильма.

Многие встречи превращались в подлинный праздник кино. Зрители с радостью приветствовали всенародных любимцев: Нонну Мордюкову, Николая Крюкова, Георгия Жженова. Особенно запомнился приезд группы фильма «Офицеры»: режиссера В. Рогового, актера Г. Юматова, актрисы А. Покровской. На первой же встрече с уфимскими зрителями они убедились, что фильм принимается восторженно и работе творческой группы обеспечен небывалый успех. Так и случилось: до наших дней, спустя почти сорок лет, картина, воспевающая ратную доблесть, с крылатой фразой одного из персонажей «Есть такая профессия – Родину защищать» не сходит с экранов. Запомнились также беседы с В. Этушем, З. Федоровой, А. Ларионовой, Н. Фатеевой, О. Табаковым.

На первый взгляд, встречи эти проходили без сучка без задоринки. И мало кто знал, какие организационные трудности приходилось преодолевать их главному организатору – директору кинотеатра «Родина». Размещение в гостинице, орга-

низация завтраков, обедов и ужинов – все ложилось на его плечи. Иногда приходилось заниматься и вопросами поддержания физического здоровья московских гостей. Но с каждого занятия кинолектория его слушатели расходились с ощущением праздника – и это было лучшей оценкой его трудов. Популярность кинолектория заставила других директоров кинотеатров, притом не только уфимских, потребовать от руководства Управления кинофикации организовать подобные лектории по всей республике.

К сожалению, даже в Уфе нередко пытались ограничить общение зрителей с фильмами мастеров отечественного кинематографа. Озабочено было этим идеологическое руководство обкома КПСС. Однако препоны эти мы обходили, пользуясь правом первоэкранного показа, и до того, как появлялись строгие предписания положить неугодную ленту на полку, на занятия киноуниверситета удавалось ее показать. Хорошо помню, как в переполненном зале демонстрировались две серии фильма Андрея Тарковского «Андрей Рублев». А в широкий прокат фильм по республике не был выпущен. Такая же судьба постигла фильмы «Солжарис», «Чучело».

Что же выделяло Г. Х. Фаттахутдинова среди его коллег – директоров других кинотеатров? Прежде всего, его особые личностные качества. Это был человек, влюбленный в свою работу и целиком погруженный в нее, расположенный к людям и умело управляющий коллективом, чуткий ко всему новому и перспективному. Не случайно именно он оказался в центре многих памятных событий, связанных со звездными годами отечественного киноискусства. Безусловно, один он во многих своих начинаниях вряд ли преуспел бы. Помогло его умение привлечь по-настоящему влюбленных в кинематограф людей, которые изъявили готовность непосредственно участвовать в реализации поначалу казавшихся фантастическими замыслов и инициатив...

С раннего детства я запомнила рядом с дедушкой невысокую, с копной пышных черных волос, очень энергичную женщину, к которой он то и дело обращался. Я тогда еще не осознавала, что Надежда Александровна – заместитель директора,

Кинотеатр «Родина». Середина 50-х

его правая рука, ближайшая помощница и надежная опора, но чувствовалось, что она важное лицо в кинотеатре и что без нее там ничего не делается. И сегодня, сорок лет спустя, она с удовольствием вспоминает о тех временах и о своем начальнике.

Надежда Александровна Желябова:

– Я проработала с Сан Санычем семнадцать лет. Это был золотой человек, душа-человек. Таких больше нет и не будет. Ко мне он относился как к дочери, не давал никому в обиду. Добр был необычайно. К нему можно было прийти с любой проблемой, любым делом – всегда выслушает и постарается помочь каждому. Была у нас билетер, Фатима-апа Рахматуллина, она болела туберкулезом, – он ей доставал лекарства. И сына ее опекал (*Наиль Исмагиловича Рахматуллина, известного в Уфе художника по свету, много лет проработавшего в театре кукол, – М. Ф.*).

Он был страстным садоводом и, когда наступала весна, все свободное время (хотя его было очень мало) пропадал в саду. Помню, как несколько раз просил: «Наденька, если меня будут спрашивать, скажи что-нибудь – ну, что вызвали в министерство, что ли, в исполком, в райком», – и исчезал: значит, поехал сад поливать. Но это бывало редко. В основном

пропадал на работе сутками – и своих сотрудников часто выдергивал с выходных. Чуть не каждое воскресенье – звонок: «Надя, приходи срочно». Ведь у нас был не один только кинотеатр: у «Родины» были филиалы – Дом просвещения (где теперь Молодежный театр) и Дом актера, кроме того, мы обслуживали еще и пароходы, и воинские части, и детские сады, и пионерские лагеря. Служебная машина без конца разъезжала туда-сюда, перевозила механика и коробки с пленками. Это была адская работа. Бегать приходилось очень много – то в главлит, то в типографию. В самом кинотеатре у нас был огромный архив афиш, альбомов, фотографий из фильмов – мы все это хранили, устраивали постоянные выставки. Когда спустя несколько лет после ухода из «Родины» я зашла туда, то увидела, что весь архив выброшен на свалку, – и мне стало очень больно.

Я потом работала еще в нескольких кинотеатрах, но «Родина» для меня была и осталась главной. Мы были там одной семьей. Никто друг друга не обижал и не подсиживал, склок никаких не было. Сан Саныч знал о том, что делается у меня дома, и на свои дни рождения всегда приглашал. В свое время именно он посоветовал устроить мою дочь на работу в ки-

нопрокат – и она проработала там 35 лет. И дочь дружила с его младшим сыном Эмилем: вместе ходили на каток, в гости...

По поводу рождения Эмиля вспомню еще одну семейную легенду. Весной 1950 года Фаттахутдинов поехал в командировку в Москву, где к тому времени уже учился на первом курсе геофака МГУ его старший сын Спартак. В те годы всеобщего дефицита в столицу, как известно, ездили с кучей всяких поручений от родных и знакомых. И отец попросил сына помочь ему купить детскую коляску: мол, друзья заказали. Спартак возмутился: они что там, в Уфе, с ума посходили – обременять человека такими просьбами? И не дал отцу эту самую коляску купить. А спустя некоторое время вдруг получает из дома телеграмму: «Поздравляем братом». И снова возмутился и пошел на почту выяснять, в чем дело: у меня, мол, есть только сестра, а брата никакого нет, вы все напутали. Но оказалось, все правда: появился на свет его брат Эмиль, а отцу просто было неловко признаться, что они, родители, в таком уже солидном возрасте собираются обзаводиться третьим ребенком. (К сожалению, Эмиль Фаттахутдинов, биолог и одаренный художник, погиб в автокатастрофе, не дожив до сорока).

Но вернемся в кинотеатр «Родина». Чем он был для уфимцев в 50-е – 60-е годы, думаю, объяснять не надо. Средоточием уфимского «Бродвея», исходным и конечным пунктом прогулок по улице Ленина. И мощным центром притяжения. Ведь туда ходили не только смотреть кино: там общались, заводили знакомства, назначали свидания. Перед началом сеанса рассматривали фотографии любимых артистов, которые во множестве висели на стенах. И слушали оркестр, который был гордостью кинотеатра: он в полном составе вслед за директором перешел в «Родину» из «Октября». Почти никого из музыкантов, игравших в «Родине», уже не осталось в живых, но, по счастью, ныне здравствует Евгения Владимировна Иващенко, скрипачка, ветеран оркестра и его руководитель в течение нескольких лет.

Евгения Владимировна Иващенко:

– В 1945 году я пришла в оркестр «Октября», а потом больше двадцати лет работала в «Родине», так что Сан Саныча

знала хорошо. Играли мы в «Октябре» перед тремя сеансами, а в «Родине» – перед шестью: почти весь день работали. Репертуар был огромный: исполняли и классику, и народную музыку – русскую, башкирскую, татарскую, украинскую. Играли и джаз. Многие певцы выступали с нашим оркестром. Помню певицу Каролину Ковальскую. Молодой, начинающий Рим Хасанов тоже у нас пел. К нам даже из филармонии присылали певцов, чтобы они у нас свои часы отработывали.

Когда мне было двадцать семь, Сан Саныч назначил меня руководителем оркестра. Я не хотела, было страшновато – молодая еще, но он настоял. Тут же всех оркестрантов заставил называть меня по имени-отчеству. И три года я в этой должности проработала. Нелегко было, много раз ходила отказываться. Он говорил: «Подожди, скоро найду тебе замену», – а сам лукавил, не искал: я его, видно, в этом качестве устраивала. Наконец пришел мой муж с той же просьбой: он разговаривал с Сан Санычем, а я стояла за дверью кабинета и ждала. Но и мужу он отказал. Пришлось мне пойти на хитрость и родить третьего ребенка – тогда уж ему поневоле пришлось меня от руководства оркестром освободить.

Сан Саныч был очень требовательный человек. При нем в кинотеатре была строгая дисциплина и порядок. Но не только требовал от других – прежде всего сам работал не покладая рук, был чрезвычайно работоспособный и деловой. И очень порядочный. Ему можно было высказать все, что на душе, не боясь, что это обернется против тебя. Бывало, что и спорили по каким-то вопросам, и ругались даже, но никаких последствий это не имело. Помню, повздорила с ним как-то и несколько дней не появлялась в его кабинете. Он меня вызвал и говорит: «Что-то ты ко мне уже неделю не заходишь – в чем дело?» Тут я ему и высказала все свои обиды разом – думала, рассердится. А он только улыбнулся и пошутил: «Ты мне сейчас столько гадостей наговорила, сколько и от жены не услышишь». И снова все вернулось в мирное русло, как раньше.

Надежда Александровна и Евгения Владимировна принадлежат к старшему поколению сотрудников Сан Саныча. А теперь слово младшим – тем, кто пришел

на работу в кинотеатр в конце шестидесятых, сразу после школы.

Николай Никитович Тяпкин, инженер, заслуженный работник культуры БАССР (кинотеатр «Родина»):

– Я познакомился с Сан Санычем, еще учась в 11-м классе: у нас была школа с производственным обучением – тридцать пятая. Учились мы на киномехаников и на практику пришли в кинотеатр «Родина». Теорию нам в школе преподавал технорук кинотеатра Виктор Ильич Аксенов. А в 1966-м я пришел сюда уже на работу.

Сан Саныч в кинотеатре пропадал с утра до ночи. Шустрый был очень. Мы должны были приходиться в восемь часов. Только зайдем в аппаратную, как уже бежит по коридору – в пальто, в шапке – директор: «Здравствуйте, как дела?» – «Все хорошо, Сан Саныч, начинаем проверять аппаратуру», – и он уже бежит вниз смотреть, пришли ли кассиры и контролеры. Убедится, что все на местах, – тогда только идет к себе в кабинет.

Если что не так, накладки какие-нибудь, то пригласит к себе, выслушает и примет решение – бывает, что неприятное для тебя, однако всегда справедливое. Иной раз и накричит сторяча, но потом извинится. Были случаи, когда Мосунов, начальник управления кинофикации, нас всех приглашал к себе – и директора, и технорука, и киномеханика, – чтобы взбучку дать за что-нибудь. И Сан Саныч нас перед начальством защищал, говорил: «Я руководитель предприятия, я отвечаю за все, с меня и спрашивайте».

Помню, как нас в армию провожали. Мы вместе с Мишей Кузьминым уходили. Устроили по этому поводу собрание, Сан Саныч выступил, поблагодарил за работу, напутствовал нас. И после армии мы пришли не куда-нибудь, а снова в «Родиinu». В основном работала здесь молодежь. Я начал в девятнадцать лет, Миша в шестнадцать, Саша Яковлев в восемнадцать – трудовые навыки перед армией все получали в «Родине». Всего киномехаников было у нас восемнадцать человек. А кроме них еще технорук, старший киномеханик и киномеханик по доставке фильмов. У нас ведь было до пятнадцати филиалов. Один киноуниверситет чего стоил: и УВД, и Дворец пионеров, и обком, и райком партии. В аппаратной одновременно находились два

киномеханика. Пока одна часть идет, а идет она десять минут, нужно новую зарядить, и почистить, и угли сменить, и пленку перемотать – только успевай.

Когда в 1966 г. в Англии был чемпионат мира по футболу, Сан Саныч разрешал нам допоздна оставаться в кинотеатре: телевизоров-то еще ни у кого не было. Кончался последний сеанс, а в половине первого начиналась трансляция – мы сидели тут и смотрели.

Благодаря Сан Санычу я и прикипел к «Родине», и другого места работы у меня не было. Я здесь все профессии освоил: и киномеханика, и электрика, и сантехника, что нужно было, то и делал, – и так больше сорока лет.

А в 1974-м, перед тем как уйти на пенсию, Сан Саныч наградил меня за хорошую работу поездкой в Болгарию. Я с благодарностью его вспоминаю, потому что он научил меня нормально работать.

Александр Георгиевич Яковлев, инженер, заслуженный работник культуры РБ (Дом актера):

– Я пришел в «Родиinu» в 1966 году помощником киномеханика, а ушел в 1974-м – сменным инженером.

Тогда был мальчишкой и, быть может, не все понимал, а сейчас, по прошествии стольких лет, уже осмыслив все, думаю: с каким удивительным человеком довелось работать. Это мнение не только мое, но и всех сотрудников Сан Саныча. Ему ничего не надо было рассказывать. Он всю нашу кухню досконально знал, поскольку прошел все ступени, от расклейщика афиш до директора. Знал, что от кого можно требовать. Поэтому ему было легко общаться с людьми. Дверь его кабинета не закрывалась: к нему шли все и со всеми вопросами, он всем был доступен, всех выслушивал, причем никогда не изображал из себя начальника.

Сам был пламенным энтузиастом кино – и команду подобрал подходящую: его заместители – Галина Васильевна Арапова, Надежда Александровна Желябова, технические руководители очень сильные – Виктор Ильич Аксенов и Валентин Иванович Сеснев. Команда была мощная, и каждый был на своем месте. В то время был самый расцвет кино. Люди ломались в кинотеатры, хороших фильмов было множество. И во главе киноте-

атра стояли люди, которые болели этим искусством. Мне очень повезло, что работал с такими людьми, и прежде всего – с Сан Санычем. У меня о нем остались самые добрые и теплые воспоминания.

А теперь слово одному из зрителей, детство и юность которого оказались тесно связаны с «Родиной».

Айрат Акрамович Ахметшин, актер Башкирского государственного театра кукол, народный артист РФ:

– Я из многодетной семьи, и меня еще маленьким приводили в «Родину» старшие братья и сестры: оставляли играть в детской комнате, а сами шли смотреть кино. Сан Саныча я узнал позже, уже в школе, поскольку учился в одном классе с его сыном Эмилем. Раньше ведь были учебные, познавательные программы, фильмы, мы всем классом на них ходили. Ну, а наш класс, естественно, ходил чаще других. Был такой случай: мы отправились в кинотеатр на очередной просмотр. Пошел журнал и вдруг прервался. Мы думали, что сейчас начнется фильм, но вместо этого включается свет, выходит Сан Саныч и говорит: «Ребята, извините, что мы прервали показ фильма, но есть важное правительственное сообщение. Сегодня, 12 апреля 1961 года, в космос полетел Юрий Алексеевич Гагарин». Сам директор кинотеатра посчитал нужным выступить перед нами, школьниками! Для меня и по сей день это событие – полет человека в космос – связано с «Родиной», где я об этом услышал. Ну, мы, конечно, были в восторге, закричали «ура», шапки стали бросать, тут уж было не до фильма.

Сан Саныч был очень хороший человек – мудрый, спокойный, добрый. Он возглавлял родительский комитет нашего класса. Они ведь и жили напротив кинотеатра, на Чернышевского. После школы мы часто с Эмилем к ним заходили, обедали, рвали в саду яблоки – родители-то целый день на работе.

И когда я стал постарше, то в «Родину» бегал постоянно. Там такие очереди выстраивались на улице перед кассой, особенно когда шли фильмы вроде «Трех мушкетеров» или «Великокопной семерки». Изредка, когда трудно было с билетами, я подходил к администратору и говорил, что учусь в одном классе с сыном директора, – «злоупотреблял», каюсь.

В характере первого директора «Родины» настойчивость, инициативность,

любовь к порядку и дисциплине, незаурядные деловые качества сочетались с предельной скромностью, самоотверженностью, интеллигентностью и деликатностью – не всякий руководитель, увы, может похвастать таким сочетанием. Но если подчиненные знали его строгим и добрым одновременно, то к своим родным он был обращен исключительно доброй своей стороной.

Заур Сахибович Исхаков, кандидат технических наук:

– Я рос без отца: его репрессировали до моего рождения. Подростком, еще до армии (что очень важно), я впервые пришел в дом Фаттахутдиновых, своих дальних родственников. Теперь даже не помню степень моего родства с Сан Санычем, но он стал для меня примером во всем: повлиял на мои взгляды, мировосприятие, характер. С первой встречи подкупали его доброта, душевность, отношение к близким, особенно к жене: он старался помочь ей во всех заботах по дому, не гнушался никакой «женской» работы. Когда бы я ни пришел, меня обязательно угощали, пригласили как родного. Могу сказать, что Сан Саныч заменил мне отца. Храню его фотографию, на которой когда-то в юношеском порыве написал: «Дядя Саша – самый лучший человек». Особенно любил приходить к ним, когда он приносил домой списанные уже картины и на домашнем проекторе их прокручивал – для своих. Так что кино для него было занятием круглогодичным. И, конечно, ходил к нему в «Родину» – и один, и с будущей женой Дилярой, которая настолько прониклась любовью к кино, что с тех самых пор начала собирать фотографии мастеров мирового кинематографа и за многие годы собрала огромную, в чем-то даже уникальную коллекцию. Совсем недавно эта коллекция выставлялась для всеобщего обозрения и освещалась прессой – и происходило это именно в «Родине».

Для близких дедушка готов был делать что угодно – «лишь бы им было легче, чем мне». А уж он-то знал цену трудностям. Четырех лет от роду остался без родителей, на попечении бабушки, вместе с младшими братом и сестрой. И всю жизнь о них, младших, заботился. И не только о них, но и обо всей многочисленной родне. Заботился совершенно беско-

рыстно. Он вообще был бессребреником, к материальным благам не стремился. На родине, в Миассе, когда мальчишкой начинал подсобным рабочим в кинотеатре, однажды, копая яму для каких-то хозяйственных нужд, наткнулся на золотую жилу. Побежал к директору, а тот велел ему молчать, иначе, мол, весь кинотеатр разнесут. И он это золото снова закопал и никогда о нем не жалел, вспоминал этот случай с улыбкой. Своей настоящей «золотой жилой» считал любимое дело, которое хоть и забирало силы без остатка, но воздавало собственным ростом, благодарностью и уважением множества людей: зрителей, сотрудников, кинодеятелей...

Крепким здоровьем дедушка похвастаться не мог ни в каком возрасте, но на хвори никогда не жаловался, и лежащим в постели я его не помню. Однажды, уже пожилым, получил перелом ребер, но работать дома и в саду не переставал ни на день. Так и ушел без жалоб, оставаясь опорой для всех окружающих.

Кстати, дедушкой я его никогда не называла. Для меня он был – папа Саша, с самого моего рождения. Потому что выжила я во многом благодаря его заботам (врачи очень сомневались в том, протяну ли хотя бы год). В любое время дня и ночи он бегал в аптеку и по магазинам, доставал лекарства, узнавал, где можно раздобыть грудное молоко (у мамы молока не было, а купить обычное в те годы было большой проблемой). Каждый вечер тащил из служебного буфета домой весы (именно тащил – они были неподъемной тяжести), чтобы проверить, прибавляю ли я в весе, а по утрам возвращал их на место. И носил меня на руках куда чаще, чем мой родной папа, который по молодости побаивался маленьких детей.

До сих пор ощущаю отсвет его доброты и обаяния. Мне, его внучке, авансом обеспечено доброе расположение тех, кто его знал и любил. Когда при упоминании его имени у людей теплеют взгляды и оживляются лица – это дорогого стоит. И дух семьи, который он поддерживал в «Родине», хранят бывшие его сотрудники:

кто давно уже на пенсии, кто работает в других местах – но все в курсе жизненных перипетий своих коллег, встречаются, общаются или, по крайней мере, что-то знают друг о друге.

Никто из троих детей Сан Саныча не пошел по его стопам и профессионально не был связан с кино. Однако старший сын унаследовал любовь к этому искусству. Спартак Габдрахманович в юности увлекся кинолюбительством (у нас дома до сих пор громоздятся коробки с отснятыми им пленками). Позже, став ученым секретарем Башкирского филиала Академии наук, принял самое активное участие в организации в филиале кинолаборатории, на базе которой талантливый оператор Азат Иманаев снял несколько документальных фильмов, в том числе «Янган-Тау» и «Сабантуй». «Сабантуй» занял первое место на Международном конгрессе по антропологии и этнографии в Чикаго. В конце 80-х годов С. Г. Фаттахудинов привлек к сотрудничеству специалистов «Центрнаучфильма» – так возникли фильмы «Сарматское золото» и «Башкирский научный центр», научным консультантом которых он стал. А техническую помощь кинолаборатории БФАН оказывал все тот же Александр Яковлев, который начинал помощником киномеханика в «Родине», у Сан Саныча.

Времена изменились, и кинотеатр, к сожалению, утратил былое значение в жизни уфимцев, несмотря на стремление его теперешнего руководства сохранять и развивать прежние традиции. Хотя даже слухи, что скоро «Родине» придет конец, что ее просто вытеснит только что построенный совсем рядом огромный кинокомплекс. Печально, если это и в самом деле произойдет. Ведь здание, пусть даже суперсовременное и напичканное всяческой аппаратурой, – это еще не все. В «Родине» живет особая аура, созданная многими поколениями, – она не должна бесследно исчезнуть. Это островок городской истории, вместилище благодарной человеческой памяти, – и пусть он сохранится подольше.

С коллегами и родственниками Г. Х. Фаттахудинова (Сан Саныча) беседовала Майя Фаттахудинова, заслуженный деятель искусств РБ.

Найти себя

Памяти художника Владимира Кузнецова

Холодной осенью 2002 года не стало художника Владимира Кузнецова. Самоуглубленный, легкоранимый, он всегда предпочитал келейную тишину мастерской, общение со своими холстами — выставочным тусовкам с надрызными речами дежурных говорунов. Он так и не смог идентифицироваться с новой культурой ни до, ни после перестройки и мог сколь угодно долго «писать в стол», ничуть не заботясь о почестях и творческой известности. Его трудно представить развалившимся в кресле телестудии и вальяжно беседующим с восторженным ведущим о чем-нибудь «изящном», «вечном», «непреодоляющем» и т. д., и т. п.

Творческие взгляды В. Кузнецова сформировались в мятежные шестидесятые, в атмосфере полемики по вопросам искусства, средоточием которой стал у художников уютный старенький домик А. Э. Тюлькина на Волновой, 21. Цветущий яблоневый сад, звуки старенького рояля, стихи Хлебникова и раннего Маяковского, репродукции работ Кандинского и Ларионова, споры о футуризме и воспоминания Тюлькина — и все это до глубокой ночи. Память сохранила лишь осколок былого: «Когда плеснет в стекле луна, вздохнет устало должожитель, и спросит голос из окна: “Эрастыч, чаю не хотите ль?”»

Молодые, горячие, жаждущие радикальных перемен в искусстве, мы всерьез намеревались устроить где-нибудь в Учлище искусств выставку «левых» — с чтением стихов и песенками Вертинского.

Но наступило долгое пасмурное утро, тяжелый смог, окутавший город, перепутал все координаты и, казалось, не оставлял никакой надежды увидеть хоть крохотный лучик солнца. Однако годы застоя, загнавшие многих художников в подвалы кинотеатров и Домов культуры, сопровождались не только молчанием. В

это время в орбиту художнических интересов Кузнецова вовлекаются сочинения Пашуса и живопись А. Канольдта, методы алгебраической лингвистики и множественная точка зрения М.-К. Эшера, философия Ницше и христианский пиетизм. Такое «мозаичное» образование отозвалось в творческой практике самым непредсказуемым образом.

Горизонтальное освоение материала, требующего дискурсивного прочтения и определенной базы знаний, вызывало состояние фрустрации, в которой — и это было заметно окружающим — постоянно находился этот тихий честный человек. Дыхание перехватывало, и все чаще напоминало о себе сердце. То, что объективно вело провинциальных искусствоведов к комизму, для живописцев оборачивалось трагедией (здесь можно видеть точки пересечения психологии творчества В. Кузнецова, Н. Латфуллина, Л. Абузарова и некоторых других художников). Подавляя в себе стойкие комплексы, он стремился компенсировать их изнурительной ночной работой в полусыром подвале. Религиозная и городская тематика, мир примитива, эксперименты с пространственным расположением объекта и доходившая до неистовства работа над фактурой — во всем этом он стремился выразить себя, увидеть то, чего не заметили другие. С живописи он перекочевал на поэзию, и всегда стремился выйти за видимое, уловить связь явлений. В сущности, это были метафизические искания, в немалой мере обусловившие его интерес к религиозной литературе, магии и оккультизму. Эта внутренняя напряженность улавливается и в кузнецовских натюрмортах, и в индустриальных пейзажах, и в композициях новозаветной тематики. Нередко он переворачивал уже готовую работу и писал на оборотной стороне картона другой ее вариант или, не заканчивая, начи-

нал следующий, и т. п. Отсюда и редкое его участие в выставках, этим объясняется и некоторая растерянность искусствоведов, пришедших в мастерскую для отбора работ уже после трагического ухода художника.

Подобного рода «полифонизм» мировосприятия приводил и к неожиданно смелым, подчас парадоксальным результатам. В своих творческих исканиях в плане усвоения поэтики кубизма и экспрессионизма Кузнецов нередко опережал близких к нему живописцев – субъективно даже учителей. Он ориентировался на западноевропейский авангард, что и отличало его работы от неопримитивизма его соотечественников. Постоянное недовольство собой, неуспокоенность на достигнутом явились мощным стимулом творческого роста художника. К сожалению, многие

его работы 70–80-х годов не сохранились или были раздарены далеким от искусства людям.

А время бежало стремительно, и происходящие в стране перемены застали многих художников врасплох. Цениться стало не то, что предполагает вдумчивого зрителя, но то, что «красиво, блин» и не требует ни особых познаний, ни мыслительных усилий. Все это, конечно, сказало в поздних картинах Кузнецова, как осталась в них и горечь неосуществленной мечты. Он по-прежнему работал медленно, по много раз переделывая одну и ту же работу, не торопясь предстать перед взором толпы. А за темным окном не того, другого города завывала взбесившаяся полуночная метель и топали, жевали, улюлюкали биржевые маклеры от искусства. И тогда свеча погасла.

На волне памяти

Речникам Башкирии посвящается

ВВЕДЕНИЕ

Издревле люди возводили свои жилища на берегах рек, озер и морей. Строили деревни, поселки и города. Водоемы служили источниками существования и путями сообщения.

XIX и XX века – период бурного технического развития во всех отраслях человеческой деятельности, в том числе и на водном транспорте. Паровому судоходству в Бельском бассейне в 2008 году исполняется 150 лет.

По статистике, за этот период сменилось четыре трудовых поколения, а через предприятия бассейна прошло около 80 тысяч работающих.

На реках России, и особенно на Волге и ее притоках, не одно столетие тянули лямку бурлаки. С паровых машин началось бурное развитие парового судоходства.

Первое паровое судно в мире под названием «Клермонт» было построено в Нью-Йорке в 1807 году знаменитым механиком Робертом Фултоном.

В России первое такое судно было сконструировано и построено в 1815 году владельцем чугуномеднолитейного завода в Петербурге Карлом Бердом. Корпус судна был деревянным, длиной 18,3 м, шириной 4,6 м и осадкой 0,61 м. Металлическая труба высотой 7,6 м при попутном ветре служила мачтой для парусов. Паровая машина имела мощность 16 л. с. и приводила во вращение два гребных колеса диаметром 2,4 м. В кормовой части судна находились скамьи для пассажиров под навесом из парусины.

3 ноября 1815 года судно вышло в первый рейс из Санкт-Петербурга в Кронштадт. Среди почетных гостей на борту находился русский морской офицер П. И. Рикорд, который описал это путешествие и впервые применил в печати тер-

мин «пароход». С тех пор новое слово прочно закрепилось в русском языке.

В 1820 году первый пароход появился на Волге. Он был построен ярославским помещиком Д. П. Евреиновым, прошел испытание на реке Мологе и затем совершил первый рейс до Астрахани. Пароход получился удачным и эксплуатировался на Волге несколько десятков лет.

В 1843 году в России вступил в силу закон, разрешающий иметь пароходы частным лицам. Это дало мощный толчок к развитию парового и металлического судостроения.

Паровое судоходство на реке Белой началось в 1858 г. В то время в тогдашней Оренбургской губернии железных дорог еще не было, тем более автомобилей и самолетов. Можно представить, какое большое значение для передвижения людей и грузов имел речной транспорт.

НАЧАЛО ПАРОВОГО СУДОХОДСТВА НА НАШИХ РЕКАХ

В 1854 г. река Белая в результате снегообильной зимы неудержимым весенним паводком пробилла себе новое русло в районе г. Уфы. Место старого русла, старицы длиной 12 км, впоследствии стали использовать как место для зимнего отстоя и ремонта судов – Старицкий затон.

Летом 1857 г. специальная комиссия офицеров Казанского корпуса путей сообщения произвела по распоряжению правительства исследование реки Белой на всем протяжении и пришла к выводу о ее пригодности для пароводного сообщения от устья до Стерлитамака. Сведения о водном режиме Белой были переданы пароходным обществам.

11 августа 1858 г. на Белой в районе города Уфы появились с Волги первые

пароходы «Грозный» и «Быстрый», делавшие этот первый рейс более для опыта, чем для торгового оборота. «Грозный» привел с собою семь подчалков и на одном из них взял в обратный путь хлеб.

7 сентября того же года пришел с Волги легкий пароход «Русалка» общества «Самолет», на котором прибыли бывший контр-адмирал С. И. Мофет и состоящий при нем для статистических исследований инженер Котомкин. Цель рейса заключалась в окончательном решении вопроса о возможности парового судоходства на Белой. Русло реки признали вполне пригодным для движения судов.

12 мая 1859 г. пришел в Уфу с Волги пассажирский пароход «Ольга» судоходной компании «Дружина». Пароход благополучно совершил плавание из Уфы вверх по Белой до устья реки Нугуш, что несколько выше Стерлитамака. Затем он ушел обратно вниз, взяв пассажиров в Стерлитамаке и Уфе. За навигацию этого года «Ольга» сделала несколько рейсов, привезла товары в Уфу с Нижегородской ярмарки и пассажиров по пути следования. В этом же году пароход ходил по реке Уфа выше Богородска на 50 верст и убедился, что река достаточно широка и действительно не имеет таких крутых изгибов, карч и подводных камней, как Белая, пригодна для судоходства.

В навигацию 1859 г. по Белой ходил пассажирский пароход «Лебедь», принадлежавший акционерному обществу «Дружина» с Волги. В 1860 г. на реку приходили с Волги пароходы «Аскольд» и «Анна».

В зиму с 1861 на 1862 г. «Волжско-Камская» судоходная компания впервые поставила зимовать в Старицкий затон в Уфе пароход «Стрела» с караваном барж. С тех пор до сегодняшних дней затон ни разу не пустовал.

Интенсивное освоение края началось с открытия железорудных и медных месторождений. Закладывались горные заводы: Саткинский, Миньярский, Усть-Катавский, Златоустовский, Кусинский, Усть-Ивановский, Белорецкий, Катав-Ивановский и другие, вокруг них росли поселки, новые города.

Выплавленный металл по малым рекам во время половодья спускали до Белой, а затем он рекой шел в крупные про-

Практикант В. Худяков на реке Лене

мышленные центры — Самару, Казань, Нижний Новгород и даже в Петербург.

Освоение края сопровождалось развитием земледелия и ростом производства товарного зерна. Крупными пунктами хлебной торговли были: Уфа, Бирск, Топорнино (ныне Кушнаренково), Дюртюли. Ежегодный вывоз зерна водным путем составлял около 12 миллионов пудов (192 тыс. тонн).

Еще в XVI в. добывали поваренную соль по р. Усолке. Позже солеварни открылись в Илецкой Защите и других местах. Развернулась промышленная разработка соли и ее вывоз.

На Белой в конце XIX века действовала 21 пристань, наиболее крупные из них: Уфа, Красный Яр, Александровская, Благовещенский завод, Бирская, Дюртюлинская, Дербешка и др. Около 30 пристаней действовали на притоках реки, в том числе на реке Уфа: Абызовская, Бердяшев перевоз, Крушинская, Урюшевская, Красногородская, Каргинская, Саткинская, Усть-Катавская и др. Груз из других губерний поступал только на три пристани — в Уфе на Сафроновскую и Оренбургскую и на Бирскую. Остальные пристани занимались только отгрузкой. Самой оживленной была Сафроновская при-

стань. С тех пор она действовала без перерыва и вошла в разряд Уфимского порта первой группы.

В начале XX века по Белой и ее притокам курсировало около 60 пароходов различного водоизмещения. Весьма интересны, а порой и оригинальны были названия пароходов: «Уфа», «Бирск», «Елабуга», «Ялта», «Сарапул». Иные пароходы носили мужские имена: «Владимир», «Василий», «Иван», «Михаил», «Сергей», «Поликарп». И только у двух пароходов были женские имена: «Любовь» и «София». Несколько пароходов имели названия «Бурят», «Калмык», «Лезгин», «Татарин» и «Россиянин». Судходное общество «Братья Жирновы» имело довольно мощный пароход, который назывался «Шесть братьев Жирновых». Общество «Мазут» владело пароходом «Инженер-технолог К. П. Цыганов», пароход Кожебаткина носил имя литературного героя «Тарас Бульба».

Кроме Старицкого затона, в бассейне имелись пункты зимовки флота: Ахлыстинский, Кузнецовский, Бирский и Дербешкинский затоны. Самым крупным из них был Старицкий затон.

Как известно, флот не может длительно функционировать без пунктов отстоя и ремонта. Частные судовладельцы, каждый обосновавшись на кусочке береговой территории Старицкого затона в г. Уфе, держали по несколько деревянных домишек и всевозможного рода сараев. В одном из домов разместились мастерские. Специальные мастерские имелись только у «Д. Д. Якимов и наследницы» и «Бр. Каменские и Мешков». Оборудования в них не было, если и были токарные и сверлильные станки, то приводились они в движение вручную. В мастерской «Д. Д. Якимов и наследницы» стояли двигатели «Нобель» мощностью 10 л. с., которые давали ток для освещения и привода для некоторых станков. Во всех остальных мастерских электрического тока не было. Вся работа выполнялась вручную. Освещение — керосиновые лампы. Рабочий день длился 10–11 часов, на судах — 12 часов. Жилой площадью в домах судовладельцев пользовались только капитаны и механики и их помощники. Одиночки спали на общих нарах и даже на слесарных верстаках в мастерских.

Большинство палубной команды, а также кочегары и машинисты на зиму увольнялись.

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЧАСТНОГО ФЛОТА

Исторической страницей деятельности бельских речников является участие в национализации флота. 20 декабря 1917 г. из Москвы от правления пароходства «Бр. Каменские и Н. Мешков» в контору управляющего В. Архангельского Старицкого затона поступила телеграмма следующего содержания: «Деятельность всех остановлена, средств нет, прекратите все ремонты, увольняйте служащих и рабочих, оставьте только караул, объявите, предупредите заводы, грузохозы о сложении ответственности за товар и исправность доставки. Каменские». На этот момент отношения между администрацией фирмы в Старицком затоне и работающими плавсостава и мастерских были и без этого сложными из-за плохих социальных условий, низкого уровня заработной платы и задержки ее выдачи. Ограничивали отпуск материалов для ремонта флота, сворачивали финансовую деятельность, из затона по указанию хозяев пароходства стали вывозить запасы продовольствия.

Как только в Старицком затоне стало известно содержание телеграммы от 20 декабря 1917 г. (управляющий Архангельский несколько дней не оглашал ее), после консультации с Губревкомом было созвано собрание членов «Союза судходных служащих и рабочих», присутствовало 248 человек. Повестка собрания: «О положении дел в пароходстве “Братья Каменские и Н. Мешков” и ознакомление с телеграммой из Москвы». Собрание длилось с 17 до 19 часов. Обсудив телеграмму, общее собрание большинством состава принимает беспрецедентное решение:

1. Передать ведение дел предприятия «Бр. Каменские и Н. Мешков» в руки рабочих и служащих этого предприятия.

2. Образовать Уфимский судходный комитет рабочих и служащих этого пароходства.

3. Известить о переходе в Уфе ведения дел пароходства в руки рабочих и служа-

щих и предложить в других местах тоже брать управление пароходствами в свои руки.

4. Придавая огромное значение делу водного транспорта, ввиду расстройств железных дорог, и думая, что с введением рабочего контроля хозяева предприятий начнут саботировать, просить у центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров немедленно издать декрет о национализации всех водных путей сообщения.

Собрание решило: с 19 часов вечера 28 декабря сего года предприятие «Бр. Каменские и Н. Мешков» переходит в ведение местного Уфимского революционного комитета Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов под управление служащих и рабочих этого предприятия. Собрание избрало Уфимский судоходный комитет, состоящий из 7 отделов: служащих и рабочих, хозяйственно-материального, транспортного, пассажирского движения, буксирного, механического, бухгалтерии, для управления делами предприятия.

Произведенный акт захвата флота и власти водниками в Старицком затоне на Белой произвел впечатление разорвавшейся бомбы. Красноречивее всего об этом говорит телеграмма караванного капитана Ховрина Н. М. в Левшино Каменским: «Большевики овладели умами судослужащих, захватили пароходы, не спросив, сместили меня. Пришлите анкетный лист, дело гибнет. Судите. Ховрин». Еще 13 декабря на общем собрании рабочих и служащих Старицкого затона караванный капитан Ховрин Н. М. был снят с должности как дезорганизатор всех демократических начинаний и связанный с вывозом из затона продовольственных продуктов по указанию руководства фирмы.

29 декабря в Уфимскую контору фирмы явились речники А. Мыльников и Г. Кузнецов, которые, предъявив документы Уфреврома, опечатали все наличные деньги в кассе, бухгалтерские книги и товары на складах.

6 февраля 1918 г. был подписан декрет Совета народных комиссаров «О национализации флота», который узаконил опережающие события бельских речников и Уфимского революционного губернского комитета.

В Уфе Декрет «О национализации торгового флота» принят по телеграфу 9 февраля. Двенадцатого февраля состоялось экстренное заседание членов правления Уфимского районного союза судоходных служащих и рабочих. Обсуждались мероприятия по осуществлению декрета. Декрет единодушно одобрен и принят к исполнению. Решено рекомендовать членов судоходных комитетов для опечатывания контор и складов, документов всех судовладельцев, учета денег в кассах, организации охраны судов во всех затомах Бельского бассейна.

Национализация имущества всех судовладельцев была произведена в сжатые сроки.

26 января 1918 г. в Уфе создан Губернский совет народного хозяйства, в его составе — секция транспорта. Ею руководил М. Д. Ершов. На заседании 28 февраля 1918 г. Губсовнархоз утвердил состав бюро секции водного транспорта, во главе его встал И. Л. Максимов. Бюро сразу же обратилось в Губревком, ссылаясь на постановление ВСНХ об ассигновании для нужд Волжского района, куда входил и Бельский флот, 60 миллионов рублей, с просьбой открыть в губернском казначействе кредит для подготовки судов к навигации. Кредит был открыт.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПЕРЕВОЗОК ГОСУДАРСТВЕННЫМ ФЛОТОМ

После создания государственного предприятия встала задача как можно быстрее и качественнее подготовить флот к навигации 1918 года. Старые хозяева всячески препятствовали этому, а у новых хозяев было плохо с финансами, отсутствовал опыт в управлении, не хватало материалов и т. д. Тем не менее, несмотря на сложности, на волне колоссального вдохновения перемен наш флот был подготовлен к навигации своевременно.

27 апреля 1918 г. на заседании Уфимского городского совета слушался вопрос о готовности флота к навигации. Речники информировали, что к выходу подготовлено 86 судов: 17 пассажирских и 12 буксирных, 40 деревянных и 17 металлических барж. К концу апреля заключено договоров на перевозку 2,5 миллиона пу-

Коллектив пристани «Бирск» в далекие предвоенные годы

дов груза и поступили предложения еще на 5,0 млн. пудов. Флот, хотя и не полностью, но обеспечен топливом (запас нефтепродуктов в Уфе 80 тыс. пудов, в Дербешке — 75 тыс. пудов).

Флот незамедлительно приступил к работе. Одной из главных задач водников была перевозка хлеба. В Уфимской губернии на вывоз было заготовлено 7 миллионов пудов (112 тыс. тонн) зерна. С самых первых рейсов навигации речники начали отправку хлеба в Нижний Новгород в адрес «Волгопрода», который распределял его по голодающим губерниям.

14 мая 1918 г. на заседании губнархоза заведующий секцией транспорта М. Д. Ершов докладывал, что за две недели навигации перевезено до 7 млн. пудов груза. Установлено ежедневное отправление пароходов Уфа — Нижний Новгород, Уфа — Стерлитамак и Уфа — Шакреево. Отправлен караван судов в Пермь с солью. С верховьев рек вывезены все заявленные грузы (до 3 миллионов пудов), главным образом хлеб, лес, чугун, мочало. Из Уфы пассажирскими

пароходами отправлено вниз свыше 10000 пудов груза.

УЧАСТИЕ РЕЧНИКОВ БЕЛЬСКОГО БАССЕЙНА В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Нормальной работе флота помешала начавшаяся гражданская война. 5 июля 1918 г. Уфа была занята чехами. Основная масса национализированного флота Старицкого затона в целях его спасения от захвата белочехами была отправлена в Казань. 5 июля от Сафроновской пристани ушел последний пароход «Зенит» с членами губкома партии и губисполкома. Но там почти весь флот был предательски сдан чехам в августе 1918 г.

На ряде судов было установлено оружие. В частности, на пароходе «Зюйд» дислоцировался отряд Красной Армии под руководством легендарного А. М. Черверева. В течение всей навигации пароход был боевым судном. Он ходил с железным баркасом на буксире, вооруженный и

забронированный. Боевые действия проходили на реках Белая и Кама. Особенно ожесточенные бои шли в селе Дюртюли. В экипаже 28 человек. Капитаном был известный речник Балезин А. М. В район Дюртюлей на помощь «Зюйду» пришел с Камы пароход «Сплавщик», который был сильно обстрелян белогвардейцами при подходе к Дюртюлям и получил многие повреждения корпуса, колес, пробоины в подводной части, потерял управление. Возник пожар, и судно затонуло. Часть экипажа и капитан Агафон Иванович Бызин были убиты.

В разгроме белогвардейцев в Бельском бассейне активное участие принимали волжские пароходы, ставшие легендарными: «Ваня-коммунист», «Волгарь-доброволец», «Коммуна», «Бухара», «Товарищ Маркин» и др. Почти шесть месяцев Уфа была под властью белых. Тюрьмы были забиты до отказа. В тюрьме ждали своей участи активные участники национализации флота: Ф. М. Скурихин, П. Л. Шенгуров, И. Л. Максимов, М. Д. Ершов... Все декреты Советской власти были аннулированы. Банки, предприятия, пароходные компании возвращались бывшим хозяевам.

В декабре красные войска перешли в решительное наступление и 27 декабря овладели узловой станцией Чишмы. 30 декабря 1918 г. Уфа была освобождена от белогвардейцев. Речники перешли к мирному созидательному труду. В Старицкий затон было поставлено на зимовку небывалое количество судов — 78 пароходов, многие из них с Камы и Волги. Ремонт флота предстоял очень тяжелый, так как большинство судов было выведено из строя.

Однако мирный труд был скоро прерван. 11 марта 1919 г. Красная Армия оставила Уфу, и ее занял Колчак. Три месяца Уфа жила под властью Колчака. План освобождения Уфы был разработан М. В. Фрунзе, командующим Южной группой армий Восточного фронта. Основная ставка была сделана на 31-ую и 25-ую (чапаевскую) дивизии. Чапаевцы сосредоточились на левом берегу Белой в районе взорванного железнодорожного моста и у села Красный Яр. В ночь на 8 июня 1919 г. 25 дивизия начала форсирование реки Белой в районе Красного Яра с участием

бельских речников. Темной ночью от берега к берегу, туда и обратно ходили буксирный пароход «Помощник» и грузовой пароход «Потеха». С левого берега на правый были перевезены Иваново-Вознесенский и Пугачевский полки 25-й дивизии со всем вооружением и имуществом. Сколько рейсов сделали, никто не помнит, нигде не записано. Только знают герои, возмужавшие в ту ночь, что всех красноармейцев перевезли они, всем руки подавали. В эту же ночь в районе Оренбургского железнодорожного моста, который был ранее взорван, также была организована переправа полков с левого берега на правый. На этой переправе работал пароход «Львов» с баржами.

К вечеру 9 июня чапаевцы вступили в город. Колчаковцы вынуждены были оставить Уфу. Хотя Уфа была освобождена, но в окрестностях ее и на большей территории Башкирии еще хозяйничали колчаковцы. 14 июня на пристань Уфа прибыли корабли 5 дивизиона Волжской военной флотилии в составе канонерских лодок «Террорист», «Победоносец», «Товарищ Голлин», «Мелководный», «Посланник» и штабного катера «Москва». Прибытие дивизиона канонерок полностью обеспечило завершение Уфимской операции. Ожесточенные бои проходили на реке Уфа на участке от устья до железнодорожного моста. В августе почти вся территория Башкирии была освобождена от белогвардейцев. Отступая, колчаковцы вывели из строя почти весь транспорт — железнодорожный и водный. Взорваны оба железнодорожных моста — Бельский и Уфимский. Из большого числа судов, зимовавших в затоне, в исправном состоянии осталось лишь четыре. Остальные угнаны, брошены в разных местах, взорваны, сожжены.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ФЛОТА И ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕРЕВОЗОК ГРУЗОВ В 1919—1930 гг.

Уходя, белые оставили после себя десятки сожженных, разбитых снарядами и затонувших паровых самоходных и несамоходных судов. С паровых машин были сняты наиболее ответственные детали.

В мастерских Старицкого затона остались нетронутыми 2–3 единицы станков, остальные увезены либо разуконплектованы. Для ремонта флота не было необходимых материалов, не хватало квалифицированных рабочих: котельщиков, токарей, слесарей... Тем не менее, жизнь кипела. В мастерских установили двигатель «Святогор». До этого были типа «Нобель» в 10 л. с. Установлено дополнительное 10 металлообрабатывающих станков. В Уфимских железнодорожных мастерских (в последующем паровозоремонтный завод) и на заводе Гутмана (в последующем завод горного оборудования) отливали детали для паровых машин. Жилья не хватало, рабочие жили на частных квартирах и в соседних деревнях. Управляющим затона в это время был Серебряников, бывший механик парохода «Геркулес». Все мастерские находились в затопляемой зоне и ежегодно паводковыми водами затапливались, работа на этот период в мастерских останавливалась.

Инженеров в мастерских в то время не было. Управление Волжского бассейна оказывало поддержку в разработке документации и периодически командировало в Уфу из Нижнего Новгорода инженеров. На бельских судах были практики-самоучки, талантливые речники. Среди них Деменев Александр Дмитриевич — механик парохода «Ретвизан», Смирнов Иван Сергеевич — механик парохода «Сибиряк».

За 1919–1924 гг. в мастерских было отремонтировано и восстановлено 32 единицы самоходных судов, в том числе пассажирские «Урал» («Г. Тукай»), «Цеквод» («Н. Островский»), буксирный «Товарищ» («Барнаул»), «Приятель» («Ишимбай»), несамоходных — 62 единицы.

В июне 1918 г. было создано Уфимское районное управление водного транспорта. Уфимский рупвод имел два филиала, две конторы: одну — в Стерлитамаке, другую — в Бирске. Структура была громоздкая, с большим штатом работников. Первым руководителем районного управления был Альгрэн М. Ф., его заместителем по технической части Андрей Михайлович Пестов — бывший судовой механик.

К концу навигации 1919 г. в Бельском бассейне ходили уже 30 пароходов и 100 барж и баркасов. Перевезено за навига-

цию 6,5 млн. пудов грузов и 43 тыс. пассажиров. В 1920 г. районное управление открывает регулярную пассажирскую линию Уфа — Нижний Новгород.

В 1922 г. Уфимский рупвод был преобразован в Уфимское агентство Волжского округа водных путей сообщения. Руководителем стал капитан Катков Иван Никанорович. В 1923 г. Уфимское агентство преобразовано в Управление Бельским местным флотом Волжского пароходства. В 1924 г. Управление местным флотом стало называться Уфимское агентство товаропассажирского флота Волжского пароходства, управляющий Катков И. Н.

* * *

6 февраля 1923 г. Старицкому затону за большие заслуги по национализации флота, его ремонту и восстановлению и в связи с 5-й годовщиной Октябрьской революции присвоено имя Октябрьской революции. Отныне Затон стал называться Затонем Октябрьской революции (ЗОР).

Первым пятилетним планом развития народного хозяйства страны (1928–1932 гг.) положено начало реконструкции речного транспорта на базе внедрения новой техники и передовых методов эксплуатации флота. В 1931 г. постановлением Совнаркома образован Народный комиссариат водного транспорта, который стал предметно руководить предприятиями водного транспорта.

Рос завод, увеличивалось число работающих, возник жилищный кризис. Завод срочно построил несколько десятков четырехквартирных полужилок и приступил к строительству жилого поселка, школы, клуба, больницы, детсада, стадиона и яслей. На протяжении длительного времени общее руководство строительством завода осуществлял главный инженер судоремонтного завода Деменев Александр Дмитриевич; непосредственным организатором строительства, особенно жилого сектора, был мастер плотничного цеха Тверяков М. И. Один за другим возводились двухэтажные деревянные дома, столовая, пекарня, магазины, новый клуб.

ПОДГОТОВКА КАДРОВ ДЛЯ ФЛОТА И БЕРЕГА

Развитие перевозок в бассейне, пополнение флота требовали подготовки квалифицированных кадров как для флота, так и для судоремонтных мастерских.

В начале 20-х годов в Затоне открыты курсы повышения квалификации судоводителей и судомехаников. Первыми наставниками, преподавателями курсов были капитаны и механики: Марахтанов А. Д., Хотнюк П. А., А. Кринецкий, Кусиков Н. Е. В народе эти курсы прозвали «Марахтановской академией».

В 1922 году в Кузнецовском затоне речниками была открыта школа ученичества. До этого она непродолжительное время действовала в Старицком затоне. Начальником школы был назначен т. Зуев. Начальником мастерских — Деменев А. Д.

При всех сложностях того момента, школе уделялось достаточное внимание, чтобы она готовила нужные кадры. Кадров все-таки не хватало, особенно для флота.

В 1930 году в Старицком затоне Уфимское агентство товаропассажирского флота открывает фабрично-заводское училище по подготовке судомашинистов парового флота — ФЗУ № 3. В этом же году работники Старицкого затона начали строительство кирпичного здания для училища. Осенью 1932 года начались занятия. Набор — 150 человек, срок обучения 1,5 года.

С октября 1940 года школа перешла в ведение трудовых резервов и была реорганизована в школу ФЗО № 10. Срок обучения сократился до 6 месяцев. В первые месяцы Великой Отечественной войны в школу пришла эвакуированная молодежь. Была принята большая группа девушек и юношей, прибывших из г. Тулы. Все классы школы были переоборудованы в производственные мастерские, обучение было только производственным, готовили слесарей. Занятия проводились круглые сутки, обучалось 700 человек.

В 1943 году школу реорганизовали в ремесленное училище с контингентом 200—250 человек, срок обучения — 2 года. Училище готовило судомашинистов, судомотористов, токарей, столяров,

котельщиков, рулевых. Укрепились кадры мастеров и преподавателей, повысилось качество подготовки специалистов.

Профессионально-техническое училище № 10 (в 80-е годы стало называться ГПТУ № 8) существовало 66 лет и выпустило более 12 тысяч специалистов для флота. На протяжении всего этого периода все должности на флоте в Бельском бассейне как рядового, так и командного состава (капитаны, механики и их помощники) укомплектовывались в основном выпускниками этого училища. Многие выпускники впоследствии продолжили учебу в техникумах, речных командных училищах и институтах, стали крупными специалистами водного транспорта.

ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ «БЕЛЬСКОЕ РЕЧНОЕ ПАРОХОДСТВО»

В 1931 г. образовалось Бельское районное управление речным транспортом Камского государственного речного пароходства.

В 1933 г. Бельское районное управление открывает сквозную транспортную пассажирскую линию Уфа — Москва. С тех пор линия существует до сегодняшних дней, в последние годы как транспортно-туристическая. Первым в Москву ушел пароход «Цеквод» (позже переименованный в «Н. Островский»). На новую линию вышли «Судосоюз», «Жан Жорес», «Г. Тукай», «Никитин», «Чердынь», «Ш. Худайбердин». Оборот рейса 22 суток, протяженность линии 2552 км.

Буксирная группа состояла из пароходов мощностью 120—300 л. с. Самыми мощными по тяговому усилию были «Барнаул», «Гиацинт» и «Второе Баку». Буксиров было мало, а грузов к перевозке предъявлялось много, так что речные трудяги не знали отдыха ни днем ни ночью. В период весеннего половодья на Белую и даже Уфу приходили более мощные камские и волжские суда. Во второй половине навигации, когда на перекатах Белой были малые глубины, часть бельс-

ких судов уходила работать на Каму и Волгу.

В январе 1937 г. Бельское районное управление Камского пароходства было ликвидировано и образовано самостоятельное Бельское речное государственное пароходство. Руководителем пароходства был назначен Ершов М. Д. В состав пароходства вошли 13 пассажирских и 13 буксирных пароходов, несколько десятков барж, 18 пристаней, Судоремонтный завод им. Октябрьской революции, затон Дербешка с судоремонтными мастерскими, другие объекты речного транспортно-го хозяйства.

РАЗВИТИЕ СУДОХОДНЫХ ПУТЕЙ БЕЛЬСКОГО БАССЕЙНА

Для осуществления судоходства нужны нормальные водные пути. До революции 1917 г. существовал Уфимский технический участок Казанского округа Министерства путей сообщения. Участок обслуживал 465 верст по Белой и 376 верст по реке Уфе. В 1910 году глубины на лимитирующих перекатах Белой составляли 60–80 см., на Уфе — 30–40 см. Глубины поддерживались легкими выправительными сооружениями в виде плетней и посадок ивняка для закрепления побочней. В 1912 г. на Белой появился первый земснаряд «Камский-1» производительностью 140 куб. м в час. В то время ставилась задача поддерживать гарантированные глубины 60 см.

Несмотря на развитие судоходства, условия для прохождения судов были исключительно плохими. Выписка из доклада Уфимского рупвода о работе за август 1920 г.: «За август месяц воды на перекатах и плесе Уфа — Пьяный Бор было 56 см, последнее время на Разбойном перекате, около Блазавода состояние воды дошло 42 см, чтобы не остановить совсем движение судов, был принят самый первобытный способ углубления перекатов — это прорытие его лопатами, для чего был послан пароход “Камелия” с двумя командами, которые проработали 28 и 29 августа, и после этой работы воды на перекате стало 53 см. Пассажирские пароходы стали

проходить, а до этого времени они делали пересадку».

В 1920–1922 гг. были исключительно тяжелые условия для судоходства из-за малого объема финансирования этих работ и небывалой засухи. В последующие годы путевское хозяйство стало интенсивно пополняться техническим дноуглубительным флотом. В 1937–1939 годах велись значительные работы по углублению судоходных условий на Белой. Здесь впервые применялся способ выборочного выпрямления с землечерпанием и устройством выправительных сооружений. В эти годы на реке появилось 89 запруд и полузапруд. Благодаря проведенным работам на основной магистральной реке Башкирии гарантийные глубины увеличены вдвое — с 0,6 метра до 1,2 метра. Выпрямлением улучшены 19 перекатов и построено 52 сооружения тяжелого типа фашинной и тюфечной кладки с каменной наброской.

За период с 1958 по 1963 г. работники Бельского технического участка пути разработали и осуществили единый комплекс выправительных и землечерпальных работ на реках Белая и Уфа, что дало возможность обеспечить в навигацию 1963 г. гарантированные глубины: на Верхней Белой — 90 см, Нижней Белой — 180 см, на реке Уфа — 120 см. За прошедшие годы путевцы Бельского бассейна значительно улучшили судоходные условия на сложных Александровских, Камышлинских, Дюртюлинских, Ляпустинских (р. Белая), Князевском, Максимовском (р. Уфа) перекатах, расемафорены Тубинская, Барсуковская, Гусиное горло, Дуванейская волошка на Белой, Варязские и Шакшинские перекаты на Уфе. Все больше на Белой земснарядов: четыре — в 1952 году, тринадцать — в 1970 году. Извлекается более 10 миллионов тонн грунта ежегодно.

В начале пятидесятых годов на реке Уфа в районе поселка Павловка начались изыскательные и подготовительные работы по строительству гидроузла и судоходного шлюза.

К весне 1959 г. работы на основных сооружениях были закончены. Построены водосливная плотина с подпором

воды высотой 33 м, судоходный шлюз длиной 120 м и шириной 15 м. Образовано Павловское водохранилище площадью 118 кв. км.

В июне 1959 г. через камеру шлюза прошли первые караваны судов и плотов.

Началась замена керосинового освещения на знаках остановки на электрическое батарейное, с автоматическим зажиганием и гашением. Уходят в прошлое бакены, их заменяют буи с электрофицированной светоимпульсной аппаратурой. Нет бакенщиков, на смену им пришли бригады обслуживания, оснащенные необходимой техникой и транспортом. Обслуживание судоходной обстановки переведено на бригадный метод, создано 18 бригад, каждая обеспечена самоходным судном. Вместо бакенов выставлены буи. Пять земмашин проекта 23-75 модернизированы, поднята их производительность со 150 до 250 куб. м/час.

В 60–80 годы на реке Белой были установлены гарантированные глубины 2 м 25 см. Здесь неоднократно проводились всесоюзные совещания по обмену опытом содержания водных путей и путевого хозяйства. Белая стала частью единой глубоководной системы Европейской части страны. На реке стали эксплуатироваться суда грузоподъемностью до 5 тыс. тонн и буксиры до 2,0 тыс. л. с. Объемы перевозок грузов Бельским пароходством и пароходством «Волготанкер» достигли свыше 23 миллионов тонн за навигацию.

РЕЧНИКИ БЕЛОЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

22 июня 1941 года в жизнь советских людей вошла война. С первых дней речники Бельского бассейна, как и весь советский народ, встали в ряды защитников родины. Где бы они ни находились, работая на судах Бельского речного пароходства, в Уфимском речном порту и на пристанях бассейна, на судоремонтном заводе, на техническом участке пути и в управлении рабочего снабжения, в рядах Красной Армии, — везде проявляли мужество, героизм и отвагу.

С 1933 г. Бельское речное пароходство осуществляет регулярное пассажирское движение на линии Уфа — Москва. Всю навигацию первого года войны в прифронтовых условиях под Москвой работали бельские пассажирские пароходы: «Советский полярник», «Жан Жорес», «Судосоюз», «Никитин», «Островский», «Чердынь». Рейсы были очень сложными. Канал «Москва — Волга» был закрыт для транзитного плавания. Суда шли по реке Ока, многократно попадая под бомбежку вражеской авиации. С запада вывозили эвакуированных людей, оборудование промышленных предприятий. Обратными рейсами грузили войска, вооружение, боеприпасы, продовольствие для армии. В ночь с 22 на 23 июля 1941 года пароход «Советский полярник» попал под сильную бомбежку в районе шлюза № 1 на юго-западной окраине Москвы, на борту было около 800 женщин и детей. Благодаря умелым действиям экипажа под руководством капитана Марахтанова А. Д. и механика Чернова И. И. жертв избежали.

В июле 1942 года бельские пароходы вывезли в Башкирию через Ярославль большую группу эвакуированных ленинградцев. В 1942–1943 годах закрепленных за каждым пассажирским судном линий не было. Бельские пароходы ходили до Рыбинска, Ярославля, Саратова, Перми, Казани, Сталинграда. Главными оставались военные перевозки: людское пополнение, снаряжение, корпуса мин, бомб, снарядов.

К концу лета 1942 года частыми стали рейсы в Сталинград. Кроме бойцов и боеприпасов, туда отправляли из Башкирии лес для строительства оборонительных сооружений. В одном из рейсов буксирный пароход «Хасан», который буксировал плот в Сталинград, в районе Саратова попал под бомбежку и обстрелы вражеской авиации. Капитан Николай Власович Сандраков распорядился обрубить буксирный трос, освободившись от плота, маневрировал судном, уклоняясь от бомб, пулеметные очереди хлестали рубку и палубу. Обошлось без жертв. После бомбежки плот был пойман и отбуксирован к месту назначения.

Самоотверженно сражались бельские речники, ушедшие на фронт. В годы

войны с предприятий пароходства было призвано несколько сот человек, половина из них не вернулась, погибла, героически защищая нашу Родину. В память о них установлены обелиски на территории судоремонтного завода, Уфимского речного порта, судоремонтных мастерских Бельского района водных путей и сообщений.

РАЗВИТИЕ ПЕРЕВОЗОК НАРОДНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ГРУЗОВ В 1946—1980 ГОДАХ

В первые послевоенные годы в пароходстве резко нарастают темпы объема перевозок грузов и пассажиров. Уже в 1950 г. объем перевозок увеличился более чем в 2 раза по сравнению с 1945 г., в 1960 г. — почти в 8 раз, в 1970 г. перевозки составляли 6217 тыс. тонн, что в 13 раз больше, чем в 1945 г. Создаются все новые и новые грузопотоки, открываются дополнительные пассажирские линии.

Бельские речники одними из первых в стране начали осваивать проводку барж методом толкания вместо традиционного вожения на буксире. Теперь всем работникам плавсостава и берега известно, что метод толкания барж по многим показателям лучше способа буксировки. В этом никого не надо сейчас убеждать, но в начале пятидесятых годов это приходилось доказывать. Инициатор этого метода, начальник пароходства Кибальник Ф. А., только что окончивший академию водного транспорта, организовал применение этого метода, используя некоторый экспериментальный опыт и теоретические разработки, выполненные в годы обучения в академии. Прогрессивный метод был использован в 1952 г. на участке Востречово — Бирск — Уфа. Три рейса сделал теплоход № 12 (капитан Илемов Н. Р.), один рейс — теплоход № 17 (капитан Вершинин А. Д.).

К началу 60-х годов на буксирном флоте стали внедряться надежные автосцепы, а судостроительные заводы стали выпускать буксиры-толкачи, что позволило в широких масштабах применять этот прогрессивный метод, практически в основном перейти на него. Первый толкач привел с московской судовой верфи в 1954 г. Шипанов Е. А.

Одновременно с толканием пароходством разработан новый метод буксировки вниз больших составов барж гибким кильватерным счалом. Впервые этот метод был применен на реке Уфа. Внедрение его позволило повысить производительность работы буксирного флота в несколько раз.

В навигацию 1961 г. на Белую пришло первое скоростное судно на подводных крыльях, теплоход «Ракета-29». Пассажироместимость 64 места, скорость до 70 км/час. Это была техническая революция на речном флоте. Советские конструкторы и судостроители первыми в мире воплотили в инженерную практику подъемную силу крыла самолета на речных судах. Первое судно доверено было капитану Гудз А. В., механику Шадт В. А. В последующие годы поступило еще три «Ракеты»: «Ракета-77», «Ракета-121», «Ракета-125».

С поступлением крылатого флота открылись скоростные, пассажирские линии: Уфа — Бирск, Уфа — Дюртюли, Уфа — Сарапул, Уфа — Н. Челны, Уфа — Нижнекамск, Уфа — Чайковский.

Для работы на Верхней Белой и Уфе в пароходство в 1968 г. стали поступать скоростные глассирующие суда типа «Заря». На первый теплоход «Заря-32» капитаном был назначен Брекоткин А. Г., механиком Родичев А. П. Все речные пассажирские перевозки в Башкирии стали осуществлять в основном судами этого типа.

Так как река Белая по пропускной способности флота в 70-е годы стала входить в единую глубоководную систему Европейской части России, в пароходстве проводится политика приобретения флота с большой мощностью и большой грузоподъемностью.

Исторически сложилось на водном транспорте так, что рабочему классу через профсоюзные комитеты отводилась исключительная роль в управлении производством. С созданием районных управлений водного транспорта (рупводов) параллельно созданы районные профсоюзные комитеты водного транспорта (райкомводы).

Райкомводы, позже переименованные в бассейновые комитеты профсоюза (баскомфлоты), через разветвленную сеть

выборных органов (портовые и заводские комитеты, цехкомы, судкомы) совместно с администрациями осуществляли всю производственную, социальную, культурную, спортивную и другие сферы человеческой деятельности. Особенное внимание профсоюз уделял организации трудового соревнования среди коллективов судов и всех структур береговых подразделений. Профсоюзные собрания с обсуждением многообразия человеческих тем, развитие художественной самодеятельности, работа спортивных секций, стенная печать, лекции и беседы на международные, культурные, искусствоведческие и другие темы — далеко не полный перечень работ профсоюзных комитетов. Культбазой баскомфлота (заведующие Вдовина Н. И., Розе Э. М.) особенно большая работа проводилась в период навигации. Это и понятно. Плавсостав в какой-то степени оторван от берега, занят тяжелой работой. Пароходство постоянно предоставляло баскомфлоту бесплатную агитационный теплоход, на борту которого была киноаппаратура, библиотека, лечебные кабинеты (зубоврачебный, массажный), а также постоянно меняющиеся артисты, художники, писатели, видные деятели культуры и науки из Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Уфы и других городов. Искренне жаль, что все это теперь в прошлом.

Титаническая работа бассейнового комитета профсоюза Бельских речников с 1918 года на протяжении 80 лет проводилась под руководством талантливых организаторов — председателей баскомфлота, коими являлись: Иванов Н. С., Смирнов И. С., Батухтин И. А., Лысов А., Старцев А. Г., Кочетков П. Г., Мосжеров С. Я., Кузьмин Я., Чиглинцев В. П., Пронин В. Ф., Тарасенко И. А., Старочкин В. А., Коряков В. А., Плешаков Ю. И. Сегодня профсоюзную организацию пароходство возглавляет Ханиф Рахмеевич Муратов.

К сожалению, процесс развития предприятия был прерван. В 90-е годы по всей стране разразился экономический кризис. Неизлечимую рану он нанес водному транспорту, который является сезонным и который в прежние времена экономически поддерживался правительством. Показатели работы пароходства пошли по кривой вниз. Появились неплатежи клиенту-

ры. С каждым годом росла дебиторская и кредиторская задолженности. Ухудшалось финансовое состояние, срывались сроки выдачи заработной платы, были и другие негативные явления.

В 1994 году на базе Бельского речного пароходства учредили акционерное общество открытого типа «Бельское речное пароходство» с филиалами: Судоремонтно-судостроительный завод им. Октябрьской революции, Уфимская ремонтно-эксплуатационная база флота, Уфимский речной порт, хозрасчетный ремонтно-строительный участок, отдел материально-технического снабжения, Бассейновый узел связи и радионавигации, совхоз «Водник», пристань Бирск, пристань Ямалы.

На рубеже столетий в аппарате пароходства произошли большие кадровые изменения, на смену старшему поколению пришли новые люди, которые учатся работать в рамках развивающейся рыночной экономики, по новым правилам ведения хозяйствования.

Генеральным директором акционерного общества в 1997 году стал Мингазов Р. Р., до этого длительное время работавший в аппарате Правительства Республики Башкортостан. Одновременно он являлся членом Совета директоров пароходства как представитель от контрольного пакета акций, находящегося в госсобственности у республики. С первых дней работы в ОАО «Башкирское речное пароходство» Раис Рашитович проявил себя как требовательный и настойчивый руководитель. Проанализировал всю структуру акционерного общества, осуществил ряд реорганизационных мер, необходимость которых назрела в связи с экономическим кризисом в стране. Весь плавсостав переведен в штат Управления пароходства. Ликвидирован финансовый отдел и усилена бухгалтерия. По его инициативе и поддержке Правительства республики более 90 тыс. кв. метров ведомственного жилья передано на баланс муниципальной собственности г. Уфы. Указом Президента РБ пароходство на несколько лет освобождено от налога на основные фонды, который прямо-таки душил предприятие. Из года в год наращиваются объемы перевозок грузов. Систематически выплачивается заработная плата работающим. К

сожалению, проблем у пароходства еще очень много, и требуются титанические усилия первого руководителя, его помощников и всего персонала пароходства, чтобы решить их.

Реки Республики Башкортостан текут миллионы лет и, наверняка, никогда не иссякнут. Люди, однажды приспособив их в качестве путей передвижения, открыв по ним судоходство, не могут забросить их, а, наоборот, постоянно будут улучшать судоходные пути и совершенствовать средства для передвижения по ним.

Речники Бельского бассейна почти за полтора столетия парового судоходства героически трудились в невероятно тяжелых условиях, всегда находили поддержку и взаимопонимание в органах власти.

За годы советской власти почти 500 трудящихся пароходства удостоены са-

мых высоких правительственных наград, награждены орденами и медалями.

Присвоено званий: «Почетный работник речного флота РСФСР» — 49; «Почетный работник транспорта России» — 5; «Заслуженный работник транспорта Башкирии» — 37.

Это им, бывшим и нынешним речникам Башкирии, великим труженикам и прекрасной души людям, посвящаю я стихотворные строки, пусть каждый считает их своими:

*Белая — река моя с рождения!
Родина моя! Судьба моя!
Без тебя на краткое мгновение
Не могу и вспомнить я себя!
Ты, как мать, давала людям силу!
Наделила щедростью души!
Речником взрастив, меня просила:
Лучше места не ищи!*

Когда малому худо, тяжко и большому

*Бумага белая! Огонь ли, лед –
Что в ней таится?
Она – судьба ребенка, что вот-вот
Сейчас родится...*

Мустай Карим.

«Семьей и горох молотить». «Семейное согласие всего дороже». «В семье и каша гуще».

Создание семьи и семейная жизнь во все времена и у всех народов являлись и остаются важнейшей формой бытия, продолжения рода, а значит и преумножения народа, укрепления общества и государства. Возможно, глубинное осознание этой простой и в то же время важнейшей истины отразилось в устном творчестве народов множеством преданий, песен, сказок, пословиц и поговорок, прибауток. Башкиры, русские, татары, украинцы, белорусы и другие этнические группы, населяющие нашу республику, и тут, конечно же, не исключение. Вчитайтесь еще раз в поговорки, приведенные выше, и вы убедитесь в жизненной философии, заложенной в них. В целом и русские прибаутки, и башкирские байты и легенды внушают ребенку понятия добра, терпимости, трудолюбия, осознанного мужества. Тем самым народ не только помогает ему сформироваться как личность, но и благословляет молодого человека стать сыном и дочерью своей нации. Я попробую передать хоть приблизительное содержание одной башкирской пословицы-пожелания: «Пусть ты один, но будь стоящим, сегодня ты лишь в руках матери, завтра наполнишь собой дом. Коли красотою ты не обделена, не выставляй ее напоказ, если братом приходишься мне, страх да будет неведом тебе». Надеюсь, читатель все же понял философию пожелания и каждый, пришедший в этот мир человеком, не сможет от нее отказаться.

Считается крепкой та семья, где взаимоотношения и быт основываются на тысячелетних традициях народа, и игнорировать их – большой грех. Если порассуждать даже без глубоких философских обобщений, то главным смыслом жизни человека остается продолжение своего рода.

Так, конечно, мы рассуждаем... Да и большинство людей придерживается того же мнения. Тогда почему же наши дети мечутся между бурливым водоворотом и полымем? Всепожирающий огонь, с одной стороны, опаляет не успевшие укрепить крылья наших птенцов, с другой – бездонный океан, готовый закруглить их, проглотить. Общество же наше порою напоминает бессердечную мачеху, кинувшую на произвол судьбы малышкой, мечущихся между двумя стихиями – двумя опасностями.

Когда же наше государство начало отдаляться от своих детей? Насколько история правдива, после революции, Великой Отечественной войны детские дома функционировали не только в поселках районных центров, а также в крупных селах. Сегодня, когда чиновники и депутаты с похвальной активностью ищут формы и методы воспитания детей-сирот, то и дело слышится хула в адрес тех детдомов. По-моему, это несправедливо и неблагодарно, потому что именно они сохранили для Родины столько жизней и столько талантов ее граждан. Нынешняя, очередная, суета вокруг судьбы детей мне не очень понятна. Более того, она настоятельно подменяется неумной шумихой и бумаготворчеством.

В «Бельских просторах», в крохотной заметке, я как-то предпринимал попытку рассказать о горькой судьбе сотен тысяч детей. Эта кричащая тема, похоже, еще долго не потеряет свою актуальность.

Дело в том, что мы лишаемся способности глядеть правде в глаза. Именно непреодолимое желание пригладить, затушевать, отлакировать и загоняет болезнь вглубь. Мне не хотелось бы вновь повторять известные факты. Позволю только привести некоторые из них, которые необходимы для подтверждения последующих тезисов нашего разговора. Так, за последние пять лет в России от рук своих родителей погибло около тысячи детей. В стране ежегодно армию «гаврошей» пополняют 120 тысяч сирот. Обиднее то, что у 80 процентов из них имеются родители. Чиновники с присущей им изобретательностью зовут этих несчастных «социальными сиротами».

В мае этого года башкирское телевидение в рамках мероприятий Года социальной поддержки детей проводило благотворительный марафон. В начале июня телеканал «Россия» реализовал акцию под названием «Ты не одинок». Но подобные мероприятия, несмотря на очевидную их пользу, так и остаются одномоментными акциями. Они похожи на благодатный, но кратковременный дождь. А судьба детей и семей требует системной, постоянной и настойчивой работы государства и общества. Прежде всего мы должны думать о месте семьи в системе общегосударственных ценностей, сделать семью нежной колыбелью ребенка и прочной крепостью. Это – первое. Во-вторых, устойчивость семьи зависит как от забот государства, так и от гражданской ответственности ее создателей.

Не хочется перегружать память читателей цифрами. Статистика – вещь бесстрастная и бессердечная. Но мы же – люди. Каждому из нас жизнь подарили мать и отец. Любимый человек, пришедший в этот мир, достоин счастья и имеет право зажечь свою собственную звезду. Если мы не научимся ценить детей, то вряд ли сможем поднять и страну.

В последнее время в моду вошел прием детей-сирот в семьи. Это неуклюжее слово «мода» я употребляю осознанно, потому что, по свидетельству печати, в разных регионах России участились случаи возврата приемных детей в прежние места их проживания. Солидные субсидии, выделяемые государством за прием детей в семью, некоторые люди без совес-

ти и чести используют на повышение своего благосостояния. Как только такой корыстолюбивый человек достигает своей цели, ребенок в семье оказывается лишним. Трудно даже как-то определить данное явление. Пряча в карман вместе с денежными купюрами и свою честь, эти люди морально убивают детей, и не удивительно, если они вырастут не гражданами с любовью к своей стране, а мстительными, одичавшими, злобными существами.

Бег времени чрезвычайно ускорился. Мы часто не поспеваем за развитием мышления ребенка, не замечаем его устремлений, сфера его интересов оказывается для нас закрытой. Ребенок отдалается от нас, любящих его людей, замыкается в своем, неведомом нам мирке. Что творится в его душе, что терзает юное сердце, о чем он думает и мечтает, нам остается только гадать, и дай Бог такую полосу отчуждения преодолеть поскорее, без фатальных последствий. Ребенок слишком часто остается один на один с компьютером, телевизор также щедр на негативную информацию. Чересчур много факторов, оказывающих давление на психику ребенка. Агрессивное телевидение, пошлая печать, зарубежные теле- и мультипликационные фильмы, бесконечные криминальные сериалы с мордобоем и морем крови, уличная среда, – наши дети живут в зоне повышенной опасности. Вдобавок, если родители пьянствуют и курят, остаются без работы и средств к существованию, мера беды для ребенка возрастает многократно. Давайте же не оставлять наших детей с глазу на глаз с немилосердной уголовной средой, будем не рядом с ними, а вместе, постараемся понять, разделить их желания, узнать, наконец, их жизнь. Старшие в этом мире живут не для себя, а жизнью своих детей и внуков. Это – трудная и ответственная обязанность, но она естественна именно своей обязанностью.

Как пишет в одной из своих заметок журналистка М. Якупова, жизненная практика доказала, что выросшие без семьи дети накапливают ко взрослой жизни огромный разрушительный потенциал ненависти, обид, комплексов и мстят обществу за свое искалеченное детство. И, как следствие, оказываются неспособными создать свои собственные семьи, мно-

гие из них прожигают затем жизнь в исправительных колониях, тюрьмах. Поэтому реализация принятого в июле 2006 года Закона «О патронатном воспитании в РБ» позволит существенно улучшить государственную защиту прав и законных интересов ребенка, создать систему эффективной организации работы по опеке и попечительству.

По данным специалистов, ныне Россия переживает третью (после гражданской и Великой Отечественной войн) волну социального сиротства. Статистика свидетельствует, почти 50 процентов детского населения страны находится в зоне социального риска.

В 2007 году в Республике Башкортостан насчитывалось около 18 тысяч детей, оставшихся без попечения родителей. В 2006 году выявлено и учтено 3479 таких детей и подростков, из них устроены в семьи граждан 2585: под опеку (попечительство) – 2349, в приемные семьи – 10, на усыновление – 226 детей. Предпочтительной формой устройства данной категории детей стала опека и попечительство.

В последнее время в общественном сознании, как я уже замечал выше, постепенно укрепляется мысль: ребенка-сироту необходимо устраивать не в государственное учреждение (детдом или интернат), как это было раньше, а в семью. Именно семья может поддержать ребенка, помочь преодолеть жизненные препятствия. В Республике Башкортостан проводится политика поддержки семей с детьми, принимаются законы, целевые программы, обеспечивается их бюджетное финансирование. У нас за последние годы создана мощная нормативно-правовая база, направленная на защиту детства в различных областях жизнедеятельности.

Патронатное воспитание предполагает более безболезненную социальную адаптацию детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в полноценных семьях, минимизацию государственных бюджетных средств, сводимых к оплате труда патронатных воспитателей. Юридически ребенок остается воспитанником детского дома, а патронатный воспитатель становится штатным сотрудником.

Мотивы стать патронатными родителями могут быть разные. Но, как бы там

ни было, детям в семье теплее, уютнее и надежнее, поэтому нужно избегать риска их возврата, должно быть осознанное родительство, требуется конкретная программа по реабилитации. А для всего этого должен быть консолидирующий орган сопровождения патронатных семей. Цель одна – защитить детей.

Во всемирно признанной цепочке – семья, общество, государство – все начинается с семьи. Невозможно представить себе дальнейшее поступательное развитие общества без укрепления семьи, ее традиционных ценностей, всесторонней охраны материнства и детства. Спустя ровно десять лет после объявления 1998 года Годом семьи в Башкортостане аналогичное название дано нынешнему 2008 году по всей России.

Мощная социально-ориентированная политика, проводимая многие годы в нашей республике, в очередной раз была подтверждена Указом «Об объявлении 2008 года Годом социальной поддержки семьи в Республике Башкортостан», определившим направление на активизацию социальной поддержки семьи, материнства и детства, охрану здоровья и улучшение демографической ситуации. Неслучайно в конце минувшего года на заседании Президентского Совета Президент Республики Башкортостан М. Г. Рахимов подчеркнул, что «...социальная поддержка семьи, материнства и детства, охрана здоровья всегда будут приоритетными в республике. Деятельность руководства направлена на улучшение условий жизни людей, поэтому логично, что следующий год будет посвящен семье».

Важное условие семейного воспитания – авторитет родителей, их влияние на детей, основанное на уважении к ним, доверии к жизненному опыту старших, словам и поступкам. Наиболее интересные праздники «Шэжере байрамы» с чествованием династий и поколений, внесших значительный вклад в благосостояние республики, прошли, как сообщает печать, в школах Аскинского, Чекамгушевского, Илишевского, Ишимбайского районов, городов Уфы, Сибая и Ишимбая. С особым интересом учащиеся оформляют фотостенды о семье «Загляни в семейный альбом...», «Моя семья – мое богатство», «Родительский дом – начало

начал...», «Семейные увлечения» и многие другие.

А возросшие возможности государства оказывают все большее и благотворное влияние на быт и обустройство людей разных поколений. Вот история одной молодой семьи из Бураевского района.

Младшего, Ильназа, Алсу рожала в Уфе. Тогда же ее имя впервые попало на страницы одной из городских газет. А два года назад молодая семья Суфияровых еще раз стала героем прессы: «Республика Башкортостан» рассказала о ней после того, как ребята благодаря республиканской программе государственной поддержки молодых семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий, решили свой квартирный вопрос.

Когда семье Алсу и Ленара Суфияровых из райцентра Бураево, работникам бюджетной сферы, предложили приобрести, включившись в названную программу, собственное жилье, они раздумывали не долго. Первый взнос в размере десяти процентов от общей стоимости квартиры собирали всей родней.

А сейчас, когда молодые мама и папа получили от государства субсидию на списание части стоимости восьми квадратных метров (именно такая площадь «дарится» семьям—участникам программы в связи с рождением ребенка), стало еще проще – до 2008 года Суфияровы освобождены от уплаты взносов за квартиру.

Государственный комитет Республики Башкортостан по молодежной политике принимает участие в конкурсах Минобразования РФ и Росстроя на право получения финансовой поддержки за счет средств федерального бюджета на реализацию подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей» федеральной целевой программы «Жилище» на 2002–2010 годы уже четвертый раз. В 2003 году Башкортостану впервые было выделено 10 миллионов рублей, в результате чего 179 молодых семей получили безвозмездные субсидии на списание части стоимости приобретенного ими жилья в связи с рождением ребенка. Тогда их размер составил от 8 до 83 тысяч рублей, а самую большую сумму – 209 тысяч – списали супругам Хайбуллиным из Белебея, у которых родилась двойня (напомним, что за одного ре-

бенка государство дарит 8 кв. м, за второго – 12 кв. м, за третьего – 16 кв. м).

В 2004 году такую помощь получили 535, а в 2005-м – уже 762 молодые семьи. Как видим, их количество из года в год значительно увеличивается. Такая возможность появилась после увидевшего свет Указа Президента Башкортостана М. Г. Рахимова о выделении из республиканского бюджета средств на выплату безвозмездных жилищных субсидий: в 2004 году это было 30 миллионов рублей, в 2005-м – 40, а в этом – 60 миллионов рублей, благодаря которым данный вид государственной поддержки получают более 800 молодых семей.

Попадут ли вновь в число таких пар Ленар и Алсу Суфияровы? Пока что они и сами не могут дать определенного ответа на этот вопрос. Жизнь в их семье и так бьет ключом: немало душевных сил отнимает у обоих супругов работа; старший сын Динар, ученик младших классов бураевской гимназии № 2, парень самостоятельный, учится весьма успешно, но без внимания родителей, бабушек и дедушек не остается, да и младший Ильназ, который недавно пошел в детский сад, требует столько заботы! Сам того не зная, как и сотня других таких же малышей, он одним лишь своим появлением на свет ошарашивил маму и папу, плюс пополнил семейный кошелек солидным вложением.

Оказывается, пример одной молодой семьи отражает, по сути, единую устоявшуюся политику поддержки простых людей в нашей республике.

Переход от просто благотворительности к социальным инвестициям на национальном и региональном уровнях, направленный на решение самых актуальных для нашей страны проблем в сфере занятости, образования, жилья, охраны здоровья и среды обитания, борьбы с бедностью, – сегодня является делом чести и репутации для любого предприятия. Тем более для такого успешного, как Учалинский горно-обогатительный комбинат.

– Социальная ответственность бизнеса для нас всегда проявляется во вложениях в человеческий ресурс и в первую очередь выражается в своевременной выплате достойной заработной платы, – рассказывает его генеральный директор Ильяс Ахметович Абдрахманов. – Средняя

зарплата на 1 марта этого года составила 20520 рублей. С 2004 года производительность труда выросла на 79,6 процента, а средняя зарплата – на 77,6 процента. В человеческий фактор мы вкладываем немалые деньги, и об эффективности вложений в персонал говорят сами цифры: если затраты на каждого работника в 2006 году составили 203 тысячи рублей, а производительность труда 1 млн. 618 тыс., то есть рентабельность – 500 тысяч рублей на одного человека, то в прошлом году, вложив в каждого работающего 254 тыс. рублей, добились рентабельности 623 тыс. рублей. Приобретая новую современную технику и оборудование, мы, опять же, создаем условия для наших горняков больше зарабатывать.

Но социальная ответственность бизнеса для многих – это и участие в программах профессиональной подготовки кадров и повышения их квалификации; социальная поддержка работников: льготные кредиты и ссуды, семейные пособия, отдых, лечение и т. д.

– Это тоже очень важно, – продолжает руководитель предприятия. – Возьмем, к примеру, жилищные проблемы сотрудников. В 2006 году введен в эксплуатацию 75-квартирный дом, стоимость – 6726 рублей за кв. м с рассрочкой платежа на 10 лет. Сданы в эксплуатацию 11 домов малоэтажной застройки для семей молодых специалистов. Общая площадь каждого 100–120 кв. м. Стоимость 1 кв. м 10 тыс. рублей. Рассрочка платежа – 20 лет. На будущий год планируется построить еще 54 таких дома. Строится новый 94-квартирный дом, сдача которого планируется на середину 2009 года.

Что касается отдыха, то каждый работник регулярно поправляет свое здоровье в санатории-профилактории комбината. Кроме того, члены коллектива оздоравливаются и в других здравницах: Красноусольске, Янгантау, Зеленой роще, Карагайском бору, на курортах Черного моря.

В целях дополнительной социальной поддержки работниц комбината совместно с профсоюзным комитетом принято специальное решение. Оно полностью входит в русло социальных программ предприятия. В связи с объявлением 2008 года Президентом Российской Федера-

ции Годом семьи и Президентом Республики Башкортостан Годом социальной поддержки семьи принято решение, согласно которому, начиная с 13-й недели беременности и до возникновения права на отпуск по беременности и родам, женщин здесь освобождают от работы с сохранением среднего заработка. Оказывают единовременную материальную помощь в размере 12 тысяч рублей при рождении (усыновлении/удочерении) ребенка. Выплачивают ежемесячную компенсационную выплату в размере 1250 рублей – до трех лет. Женщинам, имеющим детей-первоклассников, начиная с этого года, предоставляют дополнительный оплачиваемый «социальный» отпуск в первый день учебного года и оказывают семье первоклассника единовременную материальную помощь в размере 1,5 тысячи рублей в августе для подготовки ребенка к школе.

Я не зря привел выше в пример судьбу молодой семьи из Бураевского района. Чего скрывать, молодежь, как правило, бывает не готова к семейной жизни. Зачастую семьи создаются вынужденно, без любви. Отсюда – разводы, матери-одиночки, сироты, пьянство в семье. А сколько у нас детских домов! Даже во времена Великой Отечественной войны столько не было. А ведь все дети хотят домой, в семью, к родителям. Председатель Союза женщин Башкортостана Рашида Султанова рассказывала, как она в одном из детских домов предложила детям провести игру под названием «Если бы я был директором детского дома». Вначале все притихли, а потом один мальчик встал и сказал: «Если бы я стал директором детского дома, то сразу же отпустил бы всех домой». Нам сегодня нужны качественная демография, осознанное материнство и долгожданные дети, желанные, счастливые. Ведь национальная безопасность – это прежде всего здоровая семья. Семья, как правило, это отец и мать. У нас в последнее время многие женщины растят детей в одиночку. По исследованиям, чуть ли не каждый второй отец не принимает участия в воспитании своих детей. Получается, что в семье ребенком занимается мать, в детском саду – женщина-воспитатель, в школе – женщина-учитель. Это изначально убивает чувство отцовства. У нас учреждена медаль

«Материнская слава», есть материнский капитал, материнские пособия. А отцы, получается, ни при чем.

И закончить эти заметки хочу несколькими телеграммами, поступившими из разных концов республики в адрес Президента М. Г. Рахимова.

«Здравствуйте, уважаемый наш Президент!

Мы, семья Сагидуллиных, проживаем в с. Тамьян-Таймас Миякинского района. Воспитываем шестерых детей. В 2005 году Бог подарил нам тройню – родились мальчики Дамир, Данир и Данияр. Старшие две дочери сейчас учатся в школе, сыну Ильхаму – два года. Для семьи, в которой воспитывается столько детей, наш дом (всего 40 квадратных метров), скажем мягко, достаточно тесен.

Сегодня мы пользуемся всеми государственными льготами и постоянно ощущаем Вашу заботу, большое спасибо! Но будем очень счастливы, если Вы сможете положительно решить наш жилищный вопрос.

Вы искренне заботитесь о простых людях, поэтому уверены, что не оставите нашу просьбу без внимания.

Миннур Сагидуллина».

«Уважаемый Муртаза Губайдуллович!

Довожу до вашего сведения, что, согласно распоряжению от 28 ноября 2006 года № 13/3-АП, администрацией Миякинского района подобрано социальное жилье для многодетной семьи Сагидуллиных в д. Богданово по ул. Ленина, 23, площадью 80,9 кв. м, стоимостью 200 тысяч рублей. В настоящее время завершается оформление документов.

Глава администрации муниципального района Миякинский район Х. Х. Мушин».

«Я, Тимофеева Розалия Миясаровна, многодетная мать, хочу поблагодарить Вас, Муртаза Губайдулла улы, за то, что только благодаря Вам я и мои семеро детей с июля 2006 года живем в хорошем благоустроенном доме. Низко кланяюсь Вам. Огромное спасибо и дай Вам Бог здоровья, счастья, долголетия! Я перед Вами в долгу. Приложу все силы, чтобы мои дети выросли, стали достойными людьми и не роняли честь перед нашей Республикой Башкортостан.

С благодарностью, семья Тимофеевых, с. Новый Биктяш Бижбулякского района».

«Уважаемый Муртаза Губайдуллович! Спасибо Вам за трехкомнатную квартиру, которую нам дали по акции «Жилье – сиротам». Нас 2 брата и 3 сестры. Депутаты горсовета дали нам мебель. Ул. Дзержинского, 17, кв. 2.

Князевы – Максим, Анна, Павел, Алина, Лидия».

...Отчего-то, возможно под впечатлением излагаемой темы, вспомнился роман Чингиза Айтматова «Тавро Кассандры» – этот шедевр XX века, где философские откровения писателя потрясают, раскрывая драму человеческого вида, генотип нашего вырождения. Неужели, согласно утверждению космического монаха Филофея, в первые недели внутриутробного развития человеческий зародыш способен интуитивно предугадать то, что ожидает его в грядущей жизни, и проявить свое отношение к потенциальной судьбе? Очень надеюсь, что эта гипотеза, рожденная фантазией гениального писателя, все-таки останется только одной из ересей нашего смутного времени».

Неизвестный полководец

Исторический очерк

*Он знает будущее и прошедшее,
и люди из того, что Он ведает,
постигают лишь то,
что Он Сам захотел открыть им.*

Коран

ОКНО В ЕВРОПУ

Расширив владения Московии после взятия Казани и Астрахани на восток и юг, государь и великий князь Иван Грозный приступил к обустройству своей стремительно развивающейся державы. Реформировались законодательство, церковь, институты управления, армия. Вышел Судебник – полная система древних законов, был издан указ о местничестве – табель о рангах, где подробно описывались достоинство, старшинства и роды; предписывалось, кто кому должен подчиняться. Уставлено было, что воевода большого полка должен быть всех знатнее, что начальники передового и сторожевого полка только ему уступают в старейшинстве. Учредили Стоглавый Собор, призванный навести порядок в церковных делах. Были приняты меры для обуздания «суеверия и пустосвятства», запретили без всякой нужды строительство церквей, а «бродягам-тунеядцам» келий в лесах и пустынях, покупку церковным иерархам владений без разрешения государя.

Идеологом преобразований выступил митрополит Макарий, сформулировавший новую доктрину строительства России: «Русское государство не есть только государева вотчина, а известная организация, имеющая в виду обеспечение интересов общества, дело государственное есть дело земское, а не только государево». Состояние наук, образования, инженерного дела, производств нуждалось в преобразованиях в первую очередь. По суще-

ству, необходимо было создать современное отечественное производство техники, оружия, боеприпасов. С этой целью в качестве агента в Москву был приглашен саксонец Шлитт, который ознакомил руководство России с успехами передовых наук и промышленности в Германии. Было решено отправить вместе со Шлиттом в Германию российского посланника, чтобы вывезти оттуда в Москву специалистов во всех областях – в науке, производстве, технике, медицине, типографии, вплоть до языковедов и даже теологов. Император Карл V ответил на предложения Ивана Грозного согласием, но с условием, что направляемые в Россию специалисты не должны впоследствии переправляться в Турцию, вообще не употреблять их способности во вред Немецкой империи. Посланник Москвы получил от императора грамоту с дозволением искать в Германии людей, готовых для выезда в Россию, а Шлитт набрал более ста двадцати человек и готовился с ними к отправке из Любека в Ливонию.

Узнав намерения России, встревожились северные соседи Ливония, Дания и Швеция и начали склонять императора Германии к отмене решения об отправке специалистов в Россию. Чиновники Ливонского ордена в 1554 году написали письмо императору: «Уже Россия так опасна, и благоразумно ли будет умножать силы природного врага нашего сообщением ему искусств и снарядов воинских? Если откроем свободный путь в Москву для ремесленников и художников, то под сим именем устремится туда множество людей, гонимых в Немецкой земле: они будут самыми ревностными слугами царя. Нет сомнения, что он замышляет овладеть Ливонией и Балтийским морем, дабы тем удобнее покорить все окрестные земли: Литву, Польшу, Пруссию, Швецию». В результате император изменил

могла зрениа

свое решение, Шлитта посадили в тюрьму, наш посланник бесследно исчез и только в 1557 году возвратился в Москву один, без денег, а набранные им инженеры разбежались. И только немногие из них, вопреки воле императора Германии и магистра Ливонии, тайно смогли приехать в Россию.

Итак, задолго до Петра Первого Иван Грозный замыслил прорубить «окно в Европу», но для этого предстояло покорить несговорчивую Ливонию. Самые прямые и удобные пути, связывавшие Россию с Европой, проходили через Балтийское побережье, занятое Ливонией. С 1503 года Россия и этот немецкий орден находились в состоянии ни войны, ни мира, довольствуясь только торговыми связями. Ливония проявляла недоброжелательство, заграждая путь в Москву не только специалистам в науке и ратном деле, но вообще всем иностранцам.

Положение требовало вмешательства и тем, что фанатики нового лютеранского исповедания в Дерпте, Ревеле, Риге опустошали древние католические и православные церкви, на что еще отец Ивана Грозного Василий III отвечал: «Я не папа и не император, которые не умеют защищать своих храмов!» Сам Грозный тоже отправил послание ливонским властям, в котором заявил, что не снесет подобных действий. Кроме того, известный европейский торговый город Ганза и ганзейский торговый союз жаловались российскому руководству, что притеснения ливонских городов запрещают купцам ввозить в Россию металлы, доспехи, оружие.

В 1554 году ливонцы уже просили Россию возобновить перемирие на 15 лет. Россия соглашалась – с условием уплаты ежегодной дани по немецкой марке с каждого человека и выплаты недоимки за минувшие 50 лет. Но бургомистры не хотели быть зависимыми от России, на что представитель государя российского А. Ф. Адашев ответил: «Вы свободно и клятвенно обязались платить нам дань: дело решено, если не хотите исполнить обета, то мы найдем способ взять свое».

Поздней осенью 1557 года сорок тысяч воинов стояло на границе. Главным воеводой был царь Шах-Али со своим двором. В командовании также были бояре Глинский, Даниил Романович, Иван

Шереметьев, князя Серебряные, А. Курбский и другие знатные сановники. В войсках кроме россиян и татар было много черемисов, мордвин, пятигорских черкесов. Ждали только приказа государя Ивана Грозного, а государь ждал ливонских послов. Послы, прибыв, объявили, что денег нет. Тогда государь, как пишут историки, пригласил их обедать во дворце и велел подать им только пустые блюда. Послы встали из-за стола и поехали голодные назад, а вслед за ними русские войска 22 января с огнем и мечом вступили в Ливонию.

Князь Д. Ф. Адашев громил Южную Ливонию на пространстве 200 верст, взял города Нейгауз, Киренпе, Мариенбург, Курслав, Ульцен и соединился под Дерптом с главным воеводой Шах-Али, который взял г. Алтентурн. Немцы предприняли попытку контратаки из крепости Дерпт, но их разбили наголову. Еще разгромили немцев близ Везенберга, сожгли предместья Фалькенау, Пиркеля, Конготы и Лаиса. Оставалось 50 верст до Риги, 30 верст до Ревеля, но в конце февраля, взяв пленных и контрибуцию, войска возвратились в Ивангород. Воеводы писали к магистру ливонских немцев, что они могут еще умиловать государя Ивана Грозного смирением, что царь Шах-Али и бояре готовы за них ходатайствовать. Шах-Али, которого одни ливонские историки именуют кровопийцей, другие весьма умеренным, скромным человеком, взялся склонять Ивана Грозного к миру.

Ожидая послов, Иван Грозный велел остановить войну до 24 апреля. Настал Великий пост, но немцы-лютеране, «презирая уставы древней веры», открыли огонь по Ивангороду, где базировались русские войска. В ответ воеводы также открыли огонь по Нарве. Бои за Нарву шли долго, и только 12 мая 1558 года удалось взять эту неприступную крепость. 28 июля войска под командованием П. И. Шуйского овладели крепостью Дерпт (Юрьев) и завладели оставленными там 552 пушками. Орден обратился к Дании и Швеции за помощью. Но шведы, помня поведение ливонцев во время тяжелой войны между Московией и Швецией в 1554–57 годах, когда те предали своих союзников, отказали им в помощи. А Дания претендовала в основном на острова и

побережья и полагала, что при развале ордена и так все получит, не испортив отношения с Московией. Немцы в итоге были вынуждены присягнуть России и получили от Ивана Грозного жалованную грамоту.

Победа в ливонской войне позволила России вырваться из континентальной изоляции. «Московский государь ежедневно увеличивает свое могущество приобретением предметов, которые привозятся в Нарву; ибо сюда привозятся не только товары, но и оружие, до сих пор ему неизвестное, приезжают и сами специалисты, посредством которых он приобретает средства побеждать всех... До сих пор мы могли побеждать его только потому, что он был чужд образованности», – писал уже польский король Сигизмунд-Август английской королеве Елизавете. Нарва становится главными воротами России на Балтике. По велению И. Грозного здесь образуется казенная верфь и строятся корабли. Мастеров и оружейников посылали за рубеж «для присмотра, как на западе льют пушки да строят корабли». На Нарве базировалась российская флотилия из 17-ти кораблей для охраны торговых судов. Так за 130 лет до Петра Великого в России был создан собственный флот.

Всю военную операцию по установлению российского контроля над Балтийским побережьем возглавлял полководец по имени Шах-Али, носивший высокий титул – царь. Немецкие современники – Генинг в газете «Liffendische Churlendische chronica», Бреденбах в «Livonice historiae compendiosa series» и другие – приписывали Шах-Али все жестокости, совершенные россиянами при завоевании Ливонии. В «Chronica der provintz Liffland» говорится об опустошениях, но главный воевода прямо не обвиняется в жестокостях. А рижский бургомистр Франц Ниенштедт даже хвалил Шах-Али и называл его человеком разумным: «Dieser war ein ansehnlicher, grosser Mann von Person und auch verstanding und bescheiden» – «Он был значительной, важной особой, а также разумным и умеренным». Так охарактеризовали главного воеводу русской армии немецкие историки после окончания ливонской войны. К сожалению, в российских источниках сведения об этом

полководце почти отсутствуют или написаны в тенденциозном русле. Только профессор В. В. Вельяминов-Зернов в своем труде по исследованию истории Касимовского ханства зафиксировал сведения из его жизни.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Шах-Али был сыном касимовского царевича Шейх-Аулияра, приходившегося племянником сарайскому хану Ахмату, в царствование которого великий князь Иван III объявил независимость России. Этот род происходил от ордынского хана Тимура Кутлу, прямого потомка Джучи, сына Чингисхана. Тимур Кутлу в свое время был в непримиримой борьбе с Тохтамышем, родоначальником казанской династии правителей.

Сыновья хана Ахмата были последними ханами в Сарая, которые после падения Сарая под ударами крымского хана Менгли-Гирея и касимовского царя Нур-Давлета переехали в Московию и возглавили волости и города. В 1502 году царевич Шейх-Аулияр владел Сурожиком (к северо-западу от Звенигорода) и участвовал в литовском походе. Еще в Сарая он женился на княжне Шаги-салтан, дочери князя Ибрагима Ногайского. В 1505 году у них родился сын Шах-Али. Около 1512 года после смерти касимовского владетельного царевича Джан-Ая Шейх-Аулияр был назначен владетельным государем Касимовского удела, основанного царевичем Касимом в 1445 году (другие названия – Городец Мещерский, Царевичев Городок, Хан-Керман, расположен на берегу Оки на севере Рязанской области). В 1516 году родился сын Джан-Али. В том же году Шейх-Аулияр умер, а Касимовский удел перешел к его сыну Шах-Али, было ему 11 лет. Это послужило крымскому хану поводом для протеста, который хотел отдать этот удел царевичу Сахибу. Союз Крыма и Москвы из-за этого инцидента на время распался.

Территория Касимовского ханства включала несколько уездов. Население было этнически неоднородным, состояло из «можар» (мишар), мордвы и бесермян, а в XVII веке здесь появились русские. В документах XVI века упоминаются также

и «башкирцы». Господствующий слой составляли султаны, сеиты, беки, уланы, мурзы, тарханы, казаки. Наиболее крупные феодальные кланы были общими с Казанским ханством – ширины, барыны, аргыны, кыпчаки. Были известны и джалаиры. Начиная с конца XVI века, царицы и цари ханства начали переходить в христианство. В 1573 году принял крещение девятый хан Саин-Булат, который вместо Ивана Грозного был объявлен царем и великим князем Всея Руси. Последний хан Сеид Бурхан крестился под именем Василий. Отсюда вышли Костровы, Ширинские, Тургеневы. В исторической литературе обычно считается, что это ханство было марionеточным и служило всего лишь буферной территорией между Москвой и Казанью. Но московские великие князья обязаны были платить Касимовскому ханству дань – «выход». Все владельцы Касимова были прямыми потомками Чингисхана и носили законно признанные всеми мировыми правителями титулы царь (хан) или царица (султан). Касимовские цари и царицы в качестве воевод участвовали во всех войнах, которые вели московские государи.

Два царя из Касимова – Арслан и Ураз-Мухаммед – внесены в энциклопедию знаменитых россиян до 1917 года. Но куда более знаменитые цари, сыгравшие несравненно большую роль в средневековой истории России, – Шах-Али, а также Саин-Булат (Симеон Бекбулатович) – не удостоены такой чести. С Касимовским царством связаны имена главных национальных героев России – Дмитрия Михайловича Пожарского и Кузьмы Минина. Мать князя Д. Пожарского – княгиня Беклемишева – происходила из рода мещерских князей Ширинских, породнившихся с потомками царицы Бахмета – выходца из Джучиева улуса. Поэтому во время отражения польской интервенции в 1610 году городок Касимов стал одним из опорных пунктов организации народного ополчения во главе с князем Пожарским и Кузьмой Мининым – выходцем из знаменитого ордынско-кипчакского рода «мин» (Полное собрание русских летописей, т. 25, стр. 249). Как известно, указ о возвращении из ссылки касимовского царя Симеона в 1612 году подписал именно князь Дмитрий Пожарский. В Смут-

ное время один из последних царей Арслан в составе войск Пожарского участвовал в военных действиях против поляков и самозванцев (в Ярославле и Вологде). После завершения Смуты и воцарения Михаила Федоровича Романова Арслан становится владельческим царем касимовским. Он приезжал в Москву, где ему оказывался почетный прием у царя и патриарха; участвовал в придворных церемониях и приемах иностранных послов.

Шах-Али – это принятая позже в исторической литературе форма имени, а подлинное имя его – Шейх-Гали с губно-заднеязычным произношением звука «г», как у казанских татар, башкир и казахов. Этот звук отсутствует у мишар и касимовских татар. Мишаре, говорящие на самом западном диалекте татарского языка и считающие себя «татарами высшего сорта», являются коренными жителями Мещерского края, где было образовано Касимовское ханство. Отсюда изменение второй части имени на *Али*. В русских летописях чаще всего встречается в форме *Шуз-Алей* или просто *Алей*. Шейх-Гали – это имя, обязывающее к свершению великих деяний, поскольку переводится как «патриарх-великий».

ХАН И ПОЛКОВОДЕЦ

В 1518 году умер казанский хан Мухаммед-Амин и на его место Москва, где в то время великим князем был отец Ивана Грозного Василий III, предложила кандидатуру Шах-Али, который никаких прав на казанский престол не имел. Но, несмотря на это обстоятельство, казанцы приняли эту кандидатуру, и в феврале 1519 года в Москву было отправлено посольство для заключения договоров. Шах-Али не мог быть врагом Москвы на казанском престоле, к тому же его юный возраст гарантировал московскому правительству контроль и опеку над ним, и все это делало кандидатуру Шах-Али незаменимой для Москвы. Но по отношению к Крымскому ханству выбор Москвы был вызовом и вероломством. По договоренности, Крым и Москва совместно должны были добить Польшу – крымское войско уже дошло до Кракова, одерживая победы, но Москва не исполнила союзный договор.

Провозглашение Шах-Али ханом Казани состоялось в Москве 1 марта. После этого были заключены следующие договоры между сторонами: 1) о взаимном именовании обоих государей в официальных бумагах «братьями»; 2) Шах-Али дал расписку в том, что он будет охранять интересы русских в Казани и до конца жизни не нарушит этого договора; 3) члены казанского посольства также дали такую клятву. В ответ на возведение Шах-Али на казанский трон крымское посольство в Москве заявило протест. На заявление крымских послов русское правительство дало ответ, что оно предполагало предоставить казанский престол одному из крымских царевичей, но казанцы сами избрали на престол Шах-Али, во избежание еще более нежелательного избрания, например, кого-либо из астраханских царевичей – также непримиримых врагов Крымской династии.

8 марта в сопровождении казанских и русских послов новый хан выехал из Москвы. В апреле состоялась официальная церемония возведения Шах-Али на престол, причем казанцы дали присягу верности как новому хану, так и союзу с Россией. Церемония возведения была один к одному схожа с подобным мероприятием в Касимове. В ханском дворце присутствовали все светские вельможи, религиозные деятели и представители Москвы. После провозглашения сеидом молитвы при всеобщем ликовании четыре человека с четырех сторон подняли Шах-Али и возвели на золоченый трон. Хану тогда было всего 13 лет. Юноша не отличался приятной внешностью, а скорее производил даже впечатление неповоротливого человека. Зато он, как и некоторые другие полководцы (Наполеон, Тамерлан), также не отличавшиеся эффектной внешностью, был одарен другими важными качествами: природным умом, выдержанностью, проницательностью, целеустремленностью, которые помогли ему сделать успешную военную и политическую карьеру. А основательность его ума отмечают все без исключения средневековые авторы – «разумичен был преизлише».

Шах-Али просидел на троне два года, при нем находился посол Ф. А. Карпов,

вмешательство которого во внутренние дела ханства вызвало недовольство казанцев, и они тайно пригласили крымского царевича Сахиб-Гирея – давнего соперника рода Шах-Али. Крымский хан Мухаммед-Гирей обещал казанцам полную независимость, если они возьмут к себе в цари брата его Сахиб-Гирея и соединятся с Тавридою для восстановления древней славы Чингизова потомства. Новый хан прибыл со своим войском внезапно, беспрепятственно вступил в Казань и произвел погром среди приближенных Шах-Али и русских купцов. Вместе с уцелевшей частью своей гвардии Шах-Али вырвался из Казани и отправился в Москву. Спасение бывшего хана автор «Казанского Летописца» приписывает самому Сахибу, который «упросише у казанцев, пощади его, царского ради семени».

Вот как произошло возвращение казанского хана в Москву. Великий князь Василий, узнав о перевороте, «много дней не ел и не пил от печали, плакал об участи Шах-Али и христиан». А когда узнал о спасении Шах-Али, выслал навстречу ему людей с запасом еды и одежды. Шах-Али добирался в Москву в сопровождении рыбаков, питаясь сушеной рыбой, травами и кореньями, терпя голод и лишения. После пересечения границы Московии его путешествие до столицы было уже почти торжественным: везде великокняжеские чиновники ждали царя-изгнанника с приветствиями, а народ, как написано в летописи, – с изъясвлением усердия и любви. При приближении хана к Москве бояре встретили его за посадом и поклонились ему до земли, государь Василий III на лестнице дворца обнялся с ним дружески. Оба плакали. «Хвала всевышнему! – сказал Василий. – Ты жив: сего довольно». Он благодарил Шах-Али именем Отечества за верность, утешал, осыпал дарами. Так завершилось первое ханство Шах-Али, которому в это время было всего 15 лет. Выжил он в своем первом царствовании, можно сказать, благодаря своей принадлежности к древнему царскому роду.

Скорее всего, тоже из-за благородного происхождения, и учитывая величие разума, великий князь Василий III оставил его у себя при дворе. Здесь его видел в 1526 году посол Римского императора барон

Сигизмунд Герберштейн. «Мы увидели государя в поле, он сидел на гордом коне, в богатом терлике, в высокой, осыпанной драгоценными камнями шапке, с золотыми перьями, на бедре висели кинжал и два ножа. Подле него ехали с правой стороны царь казанский Алей, вооруженный луком и стрелами, а с левой стороны князь». Шах-Али участвовал в царской охоте вместе с императорскими послами. Во время охоты ему оказывался особый почет: он ехал рядом с Василием, одновременно с послами спустил собаку на зайцев, на месте стоянки имел отдельный шатер; во время обеда также сидел рядом с Василием.

В 1523 году полководец Шах-Али во главе русских войск совершил свой первый боевой поход и привел к присяге на верность России черемисов (предков современных мари). Во втором походе на Казань в 1524 году он возглавлял сухопутные войска, которые прибыли на место боев на речных судах по Волге. Воинов было свыше ста тысяч. Но суда воеводы И. Палецкого с провизией и оружием в результате нападения на них сторонников Казани черемисов утонули в Волге, предварительно запруженной в узких местах. При прохождении судов черемисы с берегов атаковали корабли с личным составом и орудиями, спуская на них бревна и камни. Суда, увлекаемые стремлением воды, разбивались о камни, погибло множество людей, утонуло снаряжение. Пушки, извлеченные из воды, черемисы впоследствии передали своим союзникам – казанцам. Возглавлял казанские войска уже новый хан Сафа-Гирей, племянник Сахиба, который уехал в Крым за помощью. Это было первое противостояние двух непримиримых соперников за казанский престол. 7 июля Шах-Али предложил предводителю казанских войск мирно удалиться к себе в Крым и не становиться виновником кровопролития. На что Сафа-Гией, уже зная результат нападения черемисов на войска Шах-Али, ответил: «Чья победа, того и царство, сразимся!» В итоге казанцы отразили атаки московитов и ханство осталось за Сафа-Гиреем.

В декабре 1530 года ввиду ожидавшегося переворота в Казани Шах-Али был отправлен в Нижний Новгород, готовый

оттуда ехать в Казань и занять трон. Но на этот раз казанцы, боясь мести с его стороны, предпочли кандидатуру Джан-Али – младшего из братьев. А Шах-Али получил в управление Коширу и Серпухов. Это вызвало недовольство с его стороны, дело дошло до ареста и отправки в ссылку на Белоозеро. Последовали репрессии и против сторонников Шах-Али. Это был самый тяжелый период в его биографии, и возможно, что это могло быть разговором со стороны политических соперников.

Через несколько лет в Казани произошел дворцовый переворот – хана Джан-Али убили, и снова встал вопрос о казанском престоле. Недовольные переворотом сторонники союза с Москвой эмигрировали в Россию. Шах-Али оказался для них единственным кандидатом, и правительство Елены Глинской (матери малолетнего Ивана Грозного) по специальному постановлению боярской думы в декабре 1535 года вернуло его из ссылки. В Москве состоялся официальный прием хана и царицы Фатимы – супруги Шах-Али. Сам Иван принял царя в сенях и ввел к государыне. «Царь Шах-Али! – сказал ему сановник Карпов. – Василий Иоаннович возложил на тебя опалу: Иоанн и Елена простили вину твою». После обсуждения вопросов, связанных с казанским престолом, Шах-Али проводили с честью и дарами. Царица Фатима, встреченная у саней боярами, а в сенях самой Еленой, обедала у нее в палате. Иоанн приветствовал гостью на языке татарском и сидел за особенным столом с вельможами.

Но дальше дело не двинулось: в Москву прибыло посольство из Казани от Сафа-Гирея с новыми договорами. Под давлением Крыма Москва согласилась на кандидатуру Сафа-Гирея, не сумев навязать Казани свой протекторат. По древнему ордынскому обычаю, вдова Джан-Али ногайская княжна Сююмбике должна была выйти замуж за брата убитого мужа со всем своим имуществом. Но она оказалась женой Сафа-Гирея. Шах-Али остался ни с чем и, затаив обиду, вернулся в свой прежний удел – г. Касимов.

В последующие годы он участвовал во многих военных походах по отражению нападений казанских войск. В 1537 году был в штабе армии во Владимире, в 1540-м

действовал на Муромском направлении, в 1541-м был вновь в сборном пункте во Владимире. В 1537–1538 годах казанцы действовали налетами небольших военных отрядов, попеременно появляясь на трех направлениях: первый удар был направлен в центр – на Н. Новгород и Балахну, второй севернее – на Кострому, третий южнее – на Муром.

В 1546 году в беспокойной Казани снова произошел переворот, Сафа-Гирей наконец-то был низложен. Образовалось временное правительство, возглавляемое сеидом Беюрганом. Сторонники союза с Россией отправили в Москву послов для возобновления союзных договоров и по кандидатуре нового хана. Выбор снова пал на Шах-Али. Он прибыл в Казань, но, согласно предварительной договоренности, без своей четырехтысячной гвардии. Это и решило ход дальнейших событий. Сафа-Гирей, поддержанный ногайскими и астраханскими войсками, снова вернулся в Казань. Шах-Али на этот раз занимал трон всего один месяц.

Вскоре скончался хан Сафа-Гирей, вместо него ханство возглавил при регентстве матери его малолетний сын Утемыш-Гирей. Но крымский правящий клан, оставшись без своего предводителя Сафа-Гирея, бежал из Казани. В июне 1551 года сторонники мира с Россией глава духовенства Кул-Шериф, князя Чура Нарыков, Енбарс и Бибарс Растовы в третий раз пригласили Шах-Али в Казань. 16 августа с гарнизоном в 300 человек касимовских татар и 200 русских стрельцов Шах-Али въехал в Казань. Одним из пунктов нового договора с Москвой было условие освобождения русских пленников. Новый хан начал выполнять этот пункт договора сразу же после вступления в должность. Но Казанское ханство считало уже свои последние дни. Горная сторона ханства – а это была половина территории, населенная в основном чувашами, мордвой и черемисами, – должна была отойти Москве вместе с собираемой там данью. Этот пункт договора вызвал особое недовольство казанцев. Шах-Али предложил компромиссный вариант: половину собираемых налогов в горной стороне оставлять в Казани. Он посылал Ивану Грозному свои предложения по урегулированию всех возникающих споров.

В самой Казани шла ожесточенная политическая борьба между сторонниками союза с Россией и сторонниками полной независимости. Эта борьба, в конце концов, завершилась междуособной резней, устроенной в ханском дворце.

Сторонники русского правительства, находившиеся в Свияжске, и прибывшее в Москву посольство из Казани предложили приемлемый для Казани вариант дальнейших отношений. Он позволял сохранить в Казани мусульманскую администрацию с сохранением автономии в финансовом отношении – казной распоряжался наместник, а не центральное правительство. Проект сводился к установлению личной унии между обоими государствами, и внутреннее устройство казанского ханства должно было остаться неприкосновенным. Все сводилось к замене хана наместником, назначившимся из Москвы из числа русских людей.

Проект был одобрен комиссией И. В. Шереметева, А. Ф. Адашева, И. Михайлова и был принят правительством. В Москве было решено вместо хана установить должность наместника, с этой целью в Казань прибыл А. Ф. Адашев. Шах-Али вторично проявил благородную твердость. «Не жалею о престоле, – говорил он Адашеву, – я не мог быть на нем счастлив, самая жизнь моя здесь в опасности. Повинуюсь государю, да не требует только, чтоб я изменил правоверию. Возьмите Казань, но без меня, силою или договором, но не из рук моих». Шах-Али подчинился воле государя и, согласившись с отречением от престола, уехал в Свияжск, вскоре покинула ханский дворец и царица Фатима. Наместником был назначен С. И. Микулинский, а делегация казанцев, состоящая из князей и мулл с огланом Ходай-Кулом во главе, приняла от него присягу в том, что на казанских «добрых людей» распространяются все привилегии русских «добрых людей», т. е. бояр и дворян. Но другая часть казанцев, которую возглавили князь и глава духовенства Кул-Шериф, не согласилась с этим и организовала оборону Казани. Новым ханом стал Ядыгар из Астраханской династии, возможность мирного исхода кризиса была упущена.

Иван Грозный вызвал Шах-Али как опытного воеводу в Москву для участия в

заседаниях боярской думы при обсуждении вопросов, связанных с казанской кампанией. Шах-Али посоветовал идти на Казань поздней осенью или зимой, дождавшись промерзания болотистых мест вокруг Казани. Но Иван Грозный торопился. Хотел ли Шах-Али продлить последние дни Казани, где он так и не стал своим, или тут что-то другое, неизвестно. 5 августа 1552 года русская армия переправилась через Суру и вступила в пределы Казанского ханства, 13 августа достигла Свияжска. Из Свияжска в Казань были отправлены с пленным купцом письма от Шах-Али к хану Ядыгару и главе духовенства Кул-Шерифу с предложением о сдаче. Хан отверг предложение, казанцы были полны решимости отстаивать свою независимость до конца. Но силы сторон были неравны: количество московского войска, в состав которого входили и войска из касимовских татар, возглавляемых Шах-Али и Ак-сеидом, почти в 5 раз превосходило число защитников. Из союзников в поддержку Казани выступило только трехтысячное войско ногайцев. Казанская артиллерия также значительно уступала московской, насчитывавшей 150 орудий. Но главную особенность военной организации у москвитов составляло применение технических новшеств, в том числе подкопов и пороховых мин, и эти военно-технические усовершенствования сыграли решающую роль при взятии хорошо укрепленной Казани. Иван Грозный привлек к осаде Казани инженера-пиротехника, приглашенного из Германии. Он установил в подкопы в общей сложности пятьдесят бочек с взрывчаткой, которые и решили исход штурма неприступной крепости. Результат работы пиротехника настолько впечатлил военное руководство России, что решено было увеличить количество инженеров по оружию за счет приглашенных специалистов из Европы. После взятия Казани Шах-Али находился при Иване Грозном, среди нескольких приближенных вельмож. При общем ликовании он принес государю поздравление, но в сдержанных выражениях, – он кратко сказал: «Буди, государь, здоров, победив супостаты, и на своей вотчине, на Казани вовеки!»

В июле 1553 года он был вызван в Коломну ввиду ожидавшегося нападения

крымских татар. После этого до осени 1557 года безвыездно прожил в Касимове, а в конце года Иван Грозный назначил его главнокомандующим для проведения военной операции против Ливонского ордена, в которой русская армия, возглавляемая полководцем Шах-Али, одержала победу. После успешного завершения этого похода летом 1558 года Шах-Али был приглашен в Москву, и здесь ему был оказан почетный прием как герою победоносной войны. За победу его наградили «Жалованным Золотым». Затем он возвратился в свой Касимов и зажил спокойной жизнью.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

В 1562 году, в возрасте 57 лет, боевой опыт Шах-Али снова был востребован – во главе войск его отправили в Смоленск воевать против поляков. В конце этого года он участвовал в походе, предпринятом самим Иваном Грозным и увенчавшемся взятием Полоцка 15 февраля 1563 года. Взятие Полоцка стало крупнейшим стратегическим успехом Ивана Грозного в войне против Литвы. Решающую роль сыграла русская артиллерия. Ее залпы были настолько сильны, что ядра, перелетая крепостную стену с одной стороны, били изнутри по противоположной. Выстрелы пушек уничтожили пятую часть стен крепости. Был захвачен опорный пункт на реке Западная Двина. Он открывал дорогу на Вильно и защищал с юга российские завоевания в Ливонии. Кроме царя Шах-Али в этом грандиозном в истории средневековой России военном походе принимали участие еще два бывших казанца – цари Александр и Симеон, а также зять Шах-Али царевич Хайбулла. Одним из полководцев был крымский царевич по имени Тохтамыш. В походе полководец Шах-Али воевал бок о бок вместе с сыном своего многолетнего соперника Сафа-Гирея – царем Александром, которому Шах-Али после женитьбы на вдове Сафа-Гирея приходился отчимом. После смерти своего отца Утемыш-Гирей в малолетнем возрасте вместе с матерью, царицей Сююмбике, был переведен в Москву и после крещения под именем Александр по указанию Ивана Грозного воспитывался

в Кремле. За ним был сохранен и царский титул. А царь Симеон, участвовавший в походе, – это и был последний хан Казани Ядыгар, который после падения Казани переехал в Москву, также принял крещение и на царском жаловании устроился в Кремле (умер в 1566 году).

Вместе с государем Шах-Али возвратился в Россию; в 1564 году он стоял в Вязьме, оттуда был переведен в Великие Луки, где провел зиму 1564–65 года. В это время шли бои с литовцами. После этого был демобилизован, вероятно из-за здоровья. По возвращении в Касимов прожил недолго и скончался 20 апреля 1567 года. Он был похоронен в семейной усыпальнице, и здесь же, по всей вероятности, была похоронена легендарная царица Сююмбике, которая жила в ханском дворце и умерла десятью годами раньше.

В отношениях с родными Шах-Али проявлял свои лучшие качества. Он воспитал свою племянницу, казанскую царевну – дочь своего брата Джан-Али, которая была выдана замуж за управляющего городом Юрьевым астраханского царевича Хайбуллу. Кроме нее Шах-Али воспитал еще двух близких родственников – Джан-султан и Маги-султан.

Шах-Али – один из видных воевод эпохи Василия III, Ивана Грозного, и в то же время одна из самых колоритных фигур на казанском престоле, хотя ему пришлось трижды оставить ханский трон и большую часть жизни провести в роли претендента. И основным его соперником был выходец из Крыма хан Сафа-Гирей. Начиная с 1519-го и до 1552 года Казанью, сменяя друг друга, в основном правили ханы Шах-Али и Сафа-Гирей. Оба трижды сидели на ханском троне, на который оба впервые взошли в 13-летнем возрасте. Но при этом второй преуспел больше. В общей сложности Сафа-Гирей владел ханством более 20 лет, а Шах-Али – менее 4-х. Соперничество двух ханов обострилось и тем, что оба претендовали на царицу Сююмбике, которая была выдана за Сафа-Гирея и прожила с ним до его кончины. Военная карьера Шах-Али была намного успешнее, в боевых походах он одержал больше побед и пережил своего соперника почти на 20 лет. В итоге и царица Сююмбике досталась Шах-Али.

Как политик Шах-Али отличался принципиальностью. «Владелец этот был человек жестокий, крутой и кровожадный», – писали историки тех времен. В решительный момент казанской истории он показал стойкость: отказался от престола, но не сдал столицу. Как патриот и полководец он был за Россию, как правоверного мусульманина его волновала и судьба своего народа, и поэтому ему приходилось искать выходы из трудных политических ситуаций. Да и выжить политику и военному во время жестокого правления Ивана Грозного само по себе было уже подвигом, и это удалось тогда далеко не каждому. Так, в 1564 году, боясь репрессий, сбежал в Литву ближайший сподвижник государя князь Курбский. «Ежели ты вспоминаешь об изменниках и чародеях, так ведь таких собак везде казнят...» – писал Грозный беглецу в первом своем послании. Самому Ивану Грозному приходилось также нелегко. «...Если бы Иван IV не держал правление в жестких и суровых руках, то не жил бы так долго; против него постоянно составлялись коварные и предательские заговоры, но он всегда открывал их», – сообщал английский торговый агент своей королеве Елизавете.

Это были времена, известные в истории как опричнина, представлявшая систему чрезвычайных мер военного времени. С их помощью Грозный пытался в условиях войны уничтожить опасность оппозиции, возможные действия которой выявила измена Курбского. В те годы пострадали и многие приближенные государя: полководцы братья Шереметевы, Адашевы, полководец Воротынский, боярин Висковатый, член Избранной рады монах Сильвестр и другие. Но Шах-Али был уверенный в своих силах воевода, в котором всегда нуждалась русская армия, поэтому ему не было нужды ради карьеры или в угоду кому-либо менять свои взгляды, веру. «Я – мусульманин и не хочу восстать на свою веру», – говорил он решительно. Пережив и милость, и гонения со стороны Василия III, не обозлился на государей, в решающий момент для России по просьбе Ивана Грозного возглавил ливонскую военную кампанию. Шах-Али был также убежденным сторонником мирного союза Москвы и Казани. В отличие

от предыдущего главнокомандующего русской армией Мухаммед-Аминя (1500 г.), он, став ханом Казани, не повернул оружие против Москвы.

Но главным условием политического долголетия и неприкосновенности Шах-Али было следующее малоизвестное историческое обстоятельство. Цари и царевичи Касимова, являясь прямыми потомками золотоордынских владетелей из рода Чингисхана, в иерархической лестнице правителей находились выше московских великих князей, которые на протяжении всего существования Касимовского ханства платили дань его правителям. Московские князья, предки которых получали ярлык на княжение у предков касимовских царей, естественно, не могли испытывать к чингизидам ничего, кроме пиетета. Цари Касимова фактически были в роли монархов в Московии. Не вмешиваясь в повседневные управленческие дела и политические интриги князей и государей, они выполняли две основные обязанности царей – восседали на царском троне и, как истинные потомки своего великого предка Чингисхана, возглавляли боевые походы российской армии.

Царя и полководца Шах-Али оценивают среди казанцев как человека, содействовавшего падению Казани, не считавшегося с интересами своего народа. Но здесь не учитывается еще один исторический момент. Казанское ханство являлось только частью империи под названием Великая Татария, зафиксированной в иностранных средневековых исторических документах как *Grande Tartarie*, в которую кроме Казани, Крыма, Ногайской орды, Сибири, Большой Орды входила и Московия, известная в средние века как Московская Татария – *Tartarie Moskovite*. После распада Великой Татарии – Золотой Орды – в постордынском пространстве борьба против центра, Большой Орды, за самостоятельность перешла в борьбу за лидерство между бывшими улусами. Сильнейший из них должен был снова объединить империю и возглавить ее. И в этой ожесточенной борьбе победителем оказалась Московская Татария, возглавляемая царями из Касимова и великими князьями Москвы.

По свидетельству средневековых европейских историков, события, связан-

ные с падением Казанского ханства, были сугубо внутриордынской междоусобицей. Подтверждением может служить следующий документ – хронологическая таблица, датированная 1725 годом, изданная в немецком городе Брауншвейг. В нем отмечено: «*Iohannes Basilowiz, Erzersiel mit deinen tartarn, und brachte an sein Reich Casan und Astracan'*», что переводится как: «Иван Васильевич со своими татарами (выделено авт.) взял в свое царство Казань и Астрахань». Приведенный факт не вписывается в концепцию официально принятой версии средневековой истории России. Но сам Иван Грозный также подтверждает выводы немецких историков. Он после боя, увидев павших защитников крепости, сказал: «Это не христиане, но подобные нам люди». Таким образом, получается, что Казань действительно брали татары Ивана Грозного, разница между противоборствующими сторонами была только в вероисповедании. Как показывает ход событий, Шах-Али, будучи на казанском престоле, пытался урегулировать кризис политическими средствами.

Московия своевременно взяла курс на модернизацию армии, оснащение ее современным боевым оружием, чему в значительной степени способствовали специалисты, вызванные из европейских государств. Поэтому одной из главных причин возвышения Москвы необходимо считать именно этот факт. И для этого, как уже было написано, приходилось с боями прорываться на Балтийское побережье, вести длительные войны, которые в качестве главного воеводы возглавлял царь Московии Шах-Али. Правители остальных татарских государств, в том числе и Казанского ханства, готовились, как старые генералы к прошлым войнам, упоывая только на быструю конницу и лучшую когда-то военную организацию ордынских армий. Поэтому Москва заслуженно возглавила под своим началом обновленную Великую Татарию на тех же территориях под новым названием – Российская Империя. Но на картах, изданных в Европе в XVIII веке (например: 1754 г., *Carte del'Asie*), оба названия империи еще писались одновременно: *Grande Tartarie* и *Emperie Russienne*. Причем первое назва-

ние писалось намного более крупными буквами.

Колоритная и в чем-то харизматическая личность царя и полководца Шах-Али во все времена привлекала внимание историков, литераторов и даже драматургов. Уже было сказано о профессоре В. Вельяминове-Зернове. С. Герберштейн в своей книге «Записки о Московии» уделил ему некоторое внимание. Надо отметить историко-психологический этюд Г. С. Губайдуллина, в свое время конфискованный одним из правителей романовской династии. Есть пьеса «Шах-Гали» османского драматурга Хайдара-Али. Но найдутся ли сегодня режиссеры, способные проникнуться духом тех драматических времен возрождения великой империи?

В городе Касимове и поныне существуют уникальные архитектурные памятники эпохи Шах-Али: мечеть с минаретом, мавзолей и ханская площадь. Мечеть построил еще первый владетель Касим хан в 1467 году, и в ней проходили церемонии возведения на трон всех касимовских царей. Изначально она строилась из крупного кирпича, но в 1702 году по приказу Петра I ее разрушили. В 1768 году по указу Екатерины II мечеть восстановили в один этаж из белого камня на старом основании. Остатки этой древней кладки видны в нижней части ее первого этажа. В 1830 году надстроили второй, на который водрузили золоченую железную луну. Толстая круглая башня-минарет с более узким цилиндрическим переходом и конусообразным верхом была возведена вместе с мечетью вблизи дворца царя Касима в 1467 г. на Татарской горе. Минарет, как все постройки, был сложен из известняковых блоков и является современнымником столицы Золотой Орды – города Сарая. Это единственное действующее здание, сохранившееся с ордынских времен, а от самого Сарая остались только утонувшие в солончаках фундаменты. В минарете имеется винтовая лестница, сложенная из белокаменных блоков, по которой можно подняться на его ходовую площадку, освещаемую маленькими окнами. С этим минаретом очень близкое сходство имеет Малый Столп в Булгаре, что подтверждает тесную связь архитектурной школы Касимова с болгарским искусством пре-

дыдущей эпохи. Эта древняя мечеть с возвышающимся над ней шпилем с «яблоком» и круглым минаретом не похожа на современные мечети с острыми шпилями, а скорее даже напоминает, если не считать полумесяц, православную церковь с колокольней, что доказывает единство исходных корней двух верований.

Ханская площадь замощена камнем, на ней был ханский дворец, ныне уже не существующий. Еще в 1627 году стояли триумфальные ворота, которые, украшенные надписями, оформляли площадь. В ста метрах от мечети находится текие (мавзолей) Шах-Али, построенный им в 1555 году. В нем похоронены, кроме самого хана, все его родственники. Внутри текие было всего 11 надгробных камней. Это здание имеет 8 м в ширину, 14 м в длину, около 5 м в высоту и состоит из двух комнат. В большой комнате были захоронения, в меньшей, служившей прихожей, читали поминальную молитву по религиозным праздникам. Внизу есть подвал, в который проделан отдельный ход с улицы. Под ним есть еще один подвал с подземным ходом. Еще в XIX веке после произведенных здесь реставрационных работ было отмечено: «Сильно пострадали внутри текие гробницы и надгробные камни, и, к сожалению, пострадали не столько от времени, сколько от рук человеческих». При раскопках в советское время археологи-гробокопатели потревожили уже останки самих обитателей мавзолея – выкопали черепа и остатки тканей, часть которых передали в музей Рязани и Касимова. Были ли среди них останки самого Шах-Али, неизвестно.

Мавзолей был реставрирован с точным сохранением прежнего облика: водостоки из белого камня сделаны так же, как это было принято в XVI веке. Его архитектурными элементами являются несколько маленьких арочных проемов окон без наличников и несложный карниз. Над входом в текие в профилированной рамке установлена каменная плита. На ней высечена надпись, которая гласит: «Строитель и собственник этого здания – Шах-Али-хан, сын Шейх-Аулияр-султана, 21 числа месяца Рамазана 962 года (9 августа 1555)». Далее слова из Корана: «Бог, нет Бога кроме Него, Бога живого и Бога сущего. Им не овладевают ни дремота, ни

сон. Ему принадлежит все, что на небесах, и все, что на земле. Кто может быть перед Ним заступником, иначе как с Его разрешения? Он знает будущее и прошедшее, и люди из того, что Он ведает, постигают лишь то, что Он Сам захотел открыть им. Престол Его простирается над небесами и землю, и Ему ничего не стоит оберегать их. Один Он всевышний и великий».

Белокаменное здание мавзолея ограждено столбами с чугунными решетками, вокруг стелется газон с травой и пешеходной тропинкой, спереди и справа проложена асфальтированная дорожка. Невдалеке с левой стороны от входа стоят старые березы, почти над крышей свисают электрические провода, рядом видны неказистые здания, а вдали, на противоположной стороне неспешно текущей Оки раскинулись широкие зеленые луга. Все здесь кажется обыденным, ничто не несет на себе печати мемориального пиетета. Но строгая простота и некоторое запусте-

ние вокруг мавзолея лишь подчеркивают в нашем сознании былое величие человека, оставившего богатое наследие в средневековой истории России.

* * *

Очерк был написан в связи с 500-летием царя Шах-Али в 2005 году и, возможно, был единственным, посвященным этому государственному деятелю, стоявшему у истоков возрождения Российской Империи. И пусть он станет связующей нитью между прошлыми исследованиями и будущими историческими, литературными произведениями, посвященными забытому царю и полководцу, способными возродить воинский дух в нашем народе. Ибо «...нельзя быть без воинского духа: ангелы Божии, небесные силы и те ни на один миг не выпускают из рук своих пламенное оружие...»

Круг чтения

АРМИЯ СТАРАЯ, ПРОБЛЕМЫ ВЕЧНЫЕ

Разговор об армии – всегда полемика. Было ли когда иначе? Может быть, во времена гусар и гренадеров, когда офицеры были сплошь дворяне – белая кость, голубая кровь, а положение солдат попросту не принималось обществом во внимание? Сегодня это болевая точка, стягивающая к себе внимание всех: не только патриотов, неравнодушных к настоящему и будущему России, но и обывателей, чьему благополучию армия угрожает, заявляя свое право на их сыновей. Самым естественным образом нам представляется, что проблема никогда не стояла столь остро, что и возникла-то она лишь при нашей жизни, что раньше все было проще, лучше, правильнее. Многие склонны думать так о Советской Армии, многие – о царской. Чем дальше в прошлое, тем ближе к веку золотому..

Как оно было «по правде» в последнюю четверть XIX века, рассказывает в книге А. И. Деникина «Старая армия. Офицеры», вышедшей недавно в московском издательстве «Айрис-пресс». Это тот самый Деникин, который в 1919 году во главе Добровольческой армии не дошел до Москвы двухсот верст, а то были бы у нас другими страна и история. Кубань, Донбасс, Воронеж, Курск и Орел уже были взяты им. Тылы, однако, подвели, и кончился тот поход бесславно. Антон Иванович эмигрировал в Англию, переменил еще несколько стран, осел в США и стал писателем. Этот период своей жизни и борьбы он описал в «Очерках русской смуты», тоже изданных в этом году – впервые в России в полном объеме. «Старая армия» была написана попозже (1-я часть – в 1929-м, 2-я – в 1931 году) и носит характер рефлексии.

В устройстве царской армии ищет генерал истоки тех процессов, что привели к крушению и армии, и государства. В книге приводятся статистические данные, разъясняются система военного образования, порядок смотров и учений, описываются жизнь казармы и армейского захолустья, юнкерского училища и Академии Генштаба, взаимоотношения офицеров с солдатами, их интеллектуальное развитие. И все это – через личный опыт и настолько без прикрас, что похоже на установление диагноза посредством вскрытия. Прямота автора дала повод его современникам, а особенно старому офицерству, обвинять его, конечно же, в очернительстве. Тенденция, однако. Про армию всегда – или слава, или ничего. Собственно, об этом и есть одна из больших печалей Деникина: общество мало знает и мало интересуется армией. Армия, в свою очередь, мало интересуется общественной жизнью. Именно отсутствие убеждений, воли и характера, говорит Деникин, разбросало офицеров Генерального штаба по всем фронтам гражданской войны, по всем станам.

Кроме бытописания вековой давности, в «Старой армии» легко обнаруживаются вполне злободневные темы, до прозрачной ясности обнажаются слабые места армейского уклада, не изжитые ни со временем, ни с переменой социального строя. Хотите что-то понять про армию? Читайте Деникина! И возможно, его именем пополнится ваш личный список героев. Личность высвечивается неординарная, вызывающая удивление и уважение. Ну, а меня просто поразила такая деталь: приказом от 6 декабря 1905 г., приуроченным к государевым именинам, в ряду других послаблений и улучшений было введено снабжение солдат одеялами и постельным бельем! До той поры они довольствовались соломенными тюфяками.

Как же недавно это было, а смотрится почти средневековым.

НАУЧИ МЕНЯ ПЛОХОМУ

«Я не хочу никуда ехать. Не хочу быть его другом. Я хочу рассказать маме, что у Карла есть нож и что он намерен им воспользоваться. Хочу, но не могу. Тогда он меня точно убьет». Это из новой книги английского романиста Уильяма Сатклиффа «Дурное влияние», вышедшей в издательстве «Фантом Пресс». Про детскую дружбу. Про дикость детства. Дети, они ведь в меньшей мере, чем взрослые, ощущают на себе сдерживающую силу морали и производной от нее цивилизации. Не все усвоено. (Кто-то, впрочем, остается таким вот ребенком – запуганным и готовым страдать других – на всю жизнь).

Не вдаваясь в сравнение художественных достоинств, нельзя не отметить, что «Дурное влияние» чрезвычайно схоже по проблематике с романом Тоби Литта «Песни мертвых детей», вышедшим в том же издательстве. Снова страшно читать. И не ищите в выходных данных указания, для какого школьного возраста эта книга. Она вообще не для детей.

Героям «Дурного влияния» очень не повезло. Но неодинаково. Бен, от лица которого ведется повествование, пережив ужасы мальчишеской дружбы, благодаря вмешательству старшего брата выходит из них с меньшими потерями. Семье просто приходится переехать туда, где их никто не знает. А вот его друг Олли вместе с вожакom Карлом попадут в колонию – они, получается, все-таки совершили то жуткое преступление, которое задумал Карл.

Книгу надо читать взрослым, которые несмотря ни на что должны оберегать от дикости своих подрастающих мальчиков, даже если для этого надо идти против естественного хода вещей, против самой природы, предполагающей соперничество и борьбу за лидерство взрослеющих мужчин. Но рецептов в книге нет. Нет ответа, как побыстрее протаскать своего ребенка через стадию стаи, как помочь ему почувствовать себя членом человеческого обще-

ства. Во всяком случае, родителям Бена это не удалось. А что бы вы сделали, увидев на своем заднем дворе незнакомого мальчишку, размахивающего вашей же включенной бензопилой? А он еще и насмехается над вами. И вы вынуждены говорить ему «пожалуйста» вместо того, чтобы надрать ему уши. Мальчишеский мир – он ведь еще и законспирированный. Взрослым не положено знать, почему содрана кожа на пальцах, почему разбито лицо, что там выносит мальчик из дома, пряча под футболкой... Мальчик всегда найдет, что соврать, чтобы сохранить свои тайны. И эти тайны совсем не похожи на тайную жизнь Тимура и его команды. Да тут даже Мишка Квакин будет белым и пушистым.

Печальнее же всего, что жуткие сюжеты, которые предлагают нам осмыслить современные авторы, рождены, пожалуй, далеко не искрометной фантазией, как у У. Голдинга в «Повелителе мух». Полвека назад он только предположил, какие ужасы могут натворить дети, предоставленные самим себе. Сегодня мы скажем: предугадал. Криминальные истории с участием детей случаются все чаще. В Оренбурге нашли тело четырехлетней девочки с признаками насильственной смерти. Подозревается подросток. В Новосибирске нашли тело пятилетнего мальчика, подозреваются двое подростков. Таких случаев только в России и только в этом году – десятки. Почему? Нет ответа. Версии есть, но неинтересные. В основном говорят о пробелах в воспитании, о «недоработках».

Наверное, ближе всех к истине философы, которые вообще-то от житейских реалий по определению должны быть далеки. Такая удаленность позволяет им видеть больше. Они говорят о наступлении нового средневековья. И не обманывайтесь присутствием вездесущего хайтека. Для умения втыкать вилку в розетку совсем не нужно обладать моральными принципами и развитой культурой. Даже не надо знать, что такое электрический ток. А вот борьба за лидерство и место под солнцем своей актуальности не теряет. Не желая уступить, показать себя слабым, так и не заметишь, как подпадешь под дурное влияние.

Окаянные дни, которых не было

Октябрь 93-го: 15 лет

...Из массивной двери подъезда, вышедшего на площадь Свободной России, выскользнула дама с собачкой. Она презрительно глянула в сторону наших тел, распластанных по склизкому осеннему асфальту, вздернула нос к небу и гордо зашагала в сторону Новоарбатского моста. Мы казались для нее привычными московскими бомжами, которые, конечно же, не стоили ее царственного внимания. Все наши попытки остановить ее она отменяла легким движением кисти... Минут через десять я вновь увидел ее – она, как-то нелепо приседая и подпрыгивая, волокла на поводке хрипящую, сочащуюся кровью болонку. Наконец, она вбежала в подъезд и захлопнула за собой железную дверь с кодовым замком. По стене дома, по парапету моста, по металлолому, сваленному в баррикаду, зацокал пулемет. В этот день, 4 ок-

тября 1993 года, я должен был креститься в пяти минутах ходьбы от нашей баррикады в Церкви Иоанна Предтечи.

Этого дня не осталось в массовом российском сознании. Оно его отвергло, задвинуло в самый дальний укромный угол. Октябрь 93-го? Это когда Ельцин на танке выступал и трое парней спяну полезли под гусеницы? Вот так спрессовались и замаскировались в народной памяти те трагические дни, во время которых наше государство убило более 150 своих граждан, вышедших защищать попорченную властью Конституцию своей страны. А между тем все сегодняшние стенания российской псевдоэлиты по поводу пропажи демократических институтов и либеральных свобод я бы посоветовал соотнести с событиями сентября-октября 1993 года.

новейшая история

КАК ЭТО НАЧАЛОСЬ

Человеческая память весьма избирательна. Мы уже почти не помним ни себя, ни своих переживаний пятнадцатилетней давности. К тому же и помнить то время слишком больно. Страна в начале 90-х была вывернута наизнанку. Вчерашние учителя, инженеры, спортсмены или воспитательницы детского сада под рваный ритм галопирующей инфляции осваивали столь «нужные» нашему обществу профессии лавочников, рэкетиоров, воров. В редкой российской семье не припрятано с тех пор в темном шкафу своего семейного «скелета». Отцы ели кислый виноград, а у детей на устах оскомина. Эта оскомина начинает нас настигать только сейчас – полной апатией населения (трудно назвать народом тот человеческий конгломерат, что проживает сегодня на территории России), отсутствием демократических свобод, экономикой, сидящей на нефтегазовой игле.

К началу 93-го года понимание того, что страна с гиканьем и улюлюканьем валится в небытие, висело в воздухе. За неполные два года великая сверхдержава успела развалиться на суверенные осколки, цены выросли в несколько сот раз, а российская власть все продолжала подливать масла в огонь, разбазаривая и распродавая под видом приватизации за бесценок то, что накапливалось несколькими поколениями ее предшественников. Одной из первых точек разрыва между Верховным Советом и Ельциным стало многократное неутверждение в качестве премьер-министра Егора Гайдара. В апреле 1993 года власть вынесла свою междоусобицу на всенародный референдум, на котором мы должны были выбрать, кто же должен остаться на политической доске – Верховный Совет или Президент. Народ, ответив отрицательно на вопросы о роспуске Верховного Совета или отзыве Президента, тем самым ясно дал понять: договаривайтесь между собой сами.

День двадцать первого сентября мне и моим коллегам-студентам по философскому факультету МГУ запомнился из ряда вон выходящим событием. Одна из любимых нами преподавателей, читав-

шая нам основы государства и права, начала лекцию следующими словами:

— Сегодня, 21 сентября 1993 года, был обнародован указ Президента РФ за №1400, основные положения которого нарушают действующую Конституцию нашей страны. С этой минуты в нашей стране более нет ни государства, ни права. Я не вижу смысла в своей дальнейшей преподавательской деятельности и иду к зданию Верховного Совета. Там сейчас я нужнее.

В тот же день было получено и заключение Конституционного суда Российской Федерации. Суд в полном составе, рассмотрев соответствие Конституции, Основному Закону Российской Федерации, решений и действий Президента, связанных с Указом №1400, а также его обращением к народу вечером 21 сентября, нашел эти решения не соответствующими восьми статьям Конституции. Суд постановил, что это служит основанием для отрешения Президента от должности в соответствии со статьей 121 со значком 6, которая гласила: «Полномочия Президента Российской Федерации не могут быть использованы для роспуска либо приостановления деятельности любых законно избранных органов государственной власти, в противном случае они прекращаются немедленно».

Съезд народных депутатов 24 сентября принял решение о досрочных выборах народных депутатов Российской Федерации и Президента Российской Федерации. На переходный период до марта 1994 года президентская власть по Конституции переходила к вице-президенту Александру Руцкому.

Сегодня подобные конституционные кризисы на постсоветском политическом пространстве мы наблюдаем чуть ли не ежегодно. Но почему-то только в России власть довела ситуацию до массового расстрела своих граждан в самом центре столицы нашего государства. Все дальнейшие события наглядно продемонстрировали, что Ельцин вовсе не собирался искать какой-либо консенсус со своим народом и его избранными представителями. Более того, происшедшее наглядно доказывает, что главный смысл произведенных действий заключался в показательной пор-

ке. Все было реализовано по законам воровского толковища. Необходимо было замазать, повязать на крови этот аморфный субстрат демократической псевдоэлиты.

БАРРИКАДЫ НА СМОЛЕНКЕ

А в это время страна продолжала свой замысловатый танец выживания, в котором существует только один темп – темп сегодняшнего дня. Я жил в пятистах метрах от Белого Дома, и тем не менее, даже до моих окон почти не долетали подробности «белодомовского сидения». Лишь изредка порывом ветра доносилось нечто вроде «Путана, путана, путана... Ночная бабочка, но кто же виноват?..» из «желтого Геббельса» – бронетранспортера канареечного цвета со звуковой установкой, который был специально снаряжен для психологического давления на защитников Белого Дома. Здание Верховного Совета было отключено от электричества и окружено колючкой спирали Бруно, запрещенной к применению международными конвенциями.

Меня же в те времена гораздо больше волновали тексты китайских и индийских философов да бесплодные попытки поиска работы.

Второго октября в моей квартире раздался телефонный звонок. Это редактор одного из московских изданий предложил мне написать статью о происходящем вокруг Белого Дома.

– Беги быстрее на Смоленку, там, говорят, уже баррикады строят. В общем, покрутись там, посмотри, а то у нас сейчас свободных «перьев» нет. Поговори с людьми и сделай небольшую заметочку.

Буквально через пару минут я вышел на Садовое кольцо в районе Смоленского гастронома. По всем восьми полосам автотранспортного движения Смоленской площади праздно фланировали толпы москвичей. У самого здания МИДа действительно высилась баррикада, на которой то и дело возникали все новые и новые ораторы. Сегодня за давностью лет я уже и не вспомню, кто же был тогда среди них. Был ли там Терехов из Союза офицеров, и был ли там Анпилов? Не помню.

Тем более, что в толпе я вскоре увидел знакомое лицо московского литератора и переводчика с польского Игоря Левшина, с которым некогда мы довольно часто встречались у поэта и издателя Руслана Элинина.

– Игорь, может, хоть ты знаешь, что тут происходит?

– Не видишь, народ гуляет? – усмехнулся Игорь. – А милиции это не нравится. Поэтому народ построил баррикады. Милиция несколько раз показывала, что пойдет на штурм, но возвращалась несолоно хлебавши. Теперь народ говорит, что еще два часа погуляет по Садовой площади, а затем аккуратно разберет баррикады и все вернет на место.

Вообще все происходящее своей многолюдностью и незлобивостью очень напоминало нынешние народные гуляния по поводу и без повода. Не хватало только выступлений каких-либо эстрадных див.

Через два часа столь же спонтанно народ принялся разбирать завалы из металлических турникетов, мусорных баков и скамеек. Из разговоров я понял, что в воскресенье, 3 октября, намечается еще одна акция протеста – митинг на Октябрьской площади. На этом и разошлись.

ЛОГИКА ПЕРВОГО ШАГА

Следующим утром я уже стоял в еще более многочисленной толпе, которая собралась на митинг около памятника Ленину на Октябрьской площади. Настроение было вполне миролюбивое, ораторы произносили слова, уже не раз нами всеми слышанные, о преступности существующего режима, о скором вымирании российского народа... Все выглядело вполне рутинным политическим действием.

И вот здесь началось самое интересное. Каким-то «умным» милицейским начальникам вдруг захотелось немедленно пресечь этот разрешенный Моссоветом митинг. Цепи милиции решили потеснить митингующих. Кого-то придавили, на кого-то наступили.

– Ребята, да что же это делается? – прорвался сквозь гул чей-то женский вскрик. И ребята вспомнили, что они все-

таки мужчины, и всей массой многотысячного митинга навалились на милицейскую цепь. Цепь разорвалась...

Затем на пути к Белому Дому подобное происходило еще раза три. Милиция обозначала сопротивление, огревала дубинками и щитами первые ряды демонстрантов и при малейшем нашем движении раступалась. И вот здесь не могу не отметить еще одну закономерность: всех случайно попавших в ряды демонстрантов милиционеров мужчины аккуратно, чтобы не дай Бог ему сгоряча не влетело оплеухи со стороны раззадорившихся стариков и женщины, выводили за рамки движения колонны. И в это же самое время я видел, как внизу под Крымским мостом милиция избивала дубинками отставших демонстрантов. Вот так, сделав один шаг с демонстрантами, я незаметно для себя стал защитником Белого Дома. Милицейские цепи с легкостью раступались перед нами, заманивая нас всех в сторону Белого Дома. И тем не менее, все еще можно было остановить. Да мы и остановились, дойдя до оцепления перед Белым Домом. Никто ведь не собирался бросаться на колючку. Начался очередной митинг. Вдруг со стороны бывшего здания СЭВа, в котором располагались некоторые департаменты московской мэрии — раздали ав-

томатные очереди. В десяти метрах от меня попадали люди, закричали раненые. Это стало последней каплей. Народ просто смял колючку, разбросал заграждения. И далее по инерции после небольшого митинга у балкона Белого Дома произошло взятие здания СЭВа. К этому времени мы уже были разбиты на отряды по 20–25 человек. Нашему отряду довелось производить зачистку гостиницы «Мир», из окон которой тоже велась стрельба по демонстрантам. В номерах мы нашли солдат внутренних войск, которых опять-таки аккуратно вывели за периметр нашего расположения и отпустили. А еще через некоторое время при досмотре этих номеров обнаружили снайперскую винтовку.

«КРАСНО-КОРИЧНЕВЫЕ» СКАЗКИ

Теперь перейду к составу наших отрядов. Уже навязли в зубах все эти причитания по поводу красно-коричневой чумы, которую тогда якобы остановили. Опять же в моем отряде, состоявшем из пятнадцати человек, был всего лишь один коммунист, и тот бывший. Все остальные были беспартийными. Обычные гражд-

данские люди в возрасте от 17 до 80. Сегодня мало кто помнит, что в те дни Зюганов призывал своих партийцев не ходить к Белому Дому. Так что коммунистов в наших отрядах было мало. Более того, среди нас был велик процент тех, кто участвовал в защите БД еще и в августе 1991 года. И это мы тоже считали закономерным: и тогда, и сейчас речь шла о нарушении Конституции нашей страны.

Да, среди защитников Белого Дома было около двадцати «баркашовцев» из РНЕ, тем не менее не они определяли физиономию наших отрядов.

Много сегодня идет разговоров о том, что если бы Ельцин в те дни не подавил жестко наше сопротивление, то по стране стали бы сооружаться виселицы для либералов и демократов. Все это бредни из разряда детских сказок. К четырем часам дня в воскресенье мы уже считали себя победителями. Ничто не мешало нам начать сводить счеты. Кто-нибудь может мне назвать хоть один случай расправы над захваченными нами работниками мэрии или милиции? Что было бы в случае нашей победы? Да ничего кардинального бы не было. Верховный Совет просто бы договорился с Ельциным о распределении функций. Но «договорился» бы, а не устраивал бы расстрелы и виселицы.

И даже рейд к Останкино вовсе не был попыткой наказать кого бы то ни было. Часто это называют штурмом Останкино. Давайте предоставим слово человеку, в компетентности и неангажированности которого усомниться трудно. Я имею в виду Леонида Прошкина, бывшего руководителя следственной группы, которой было поручено расследование этих событий. Впоследствии, когда власть спустила расследование на тормозах, он опубликовал неизвестные страницы уголовного дела № 18/123669-93.

«Телецентр штурмовали 20 человек, вооруженные автоматами и одним гранатометом, а защищали 900 военнослужащих и милиционеров и 24 бронетранспортера... Тут же у пролома на месте дверей в АСК-3 раздался мощный взрыв (по словам многих очевидцев — два одновременных взрыва). Осколками были ранены стоящие рядом люди. Одновременно среди бойцов «Витязя» на первом этаже про-

изошел взрыв неустановленного взрывного устройства, во время которого погиб рядовой Ситников Н. Ю. Этот взрыв был принят за разрыв гранаты, выстреленной из гранатомета со стороны нападавших. Однако следствием с достоверностью установлено, что выстрел вовнутрь здания через главный вход тандемной гранатой кумулятивного действия ПГ-7 ВР из гранатомета, имевшегося у нападавших, не производился».

Вот так началась бойня. После этого «через две-три секунды после взрывов внутри и снаружи АСК-3 из зданий телекомплекса и из других мест, где находились военнослужащие внутренних войск и сотрудники милиции, был открыт шквальный огонь. Стреляли очередями и одиночными выстрелами из снайперских винтовок по вооруженным и невооруженным людям, по боевикам и журналистам, по активным участникам событий и просто зевакам. Стреляли по раненым и по людям, пытавшимся их вынести. Так был убит американский юрист Терри Майкл Дункан, в тот роковой для него час вытаскивавший из-под огня раненых».

Всего у Останкино было убито, по официальным данным, 46 человек. Все они погибли от рук правительственных войск и бойцов спецподразделения «Витязь».

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО

А в это время в рядах защитников баррикад у Белого Дома все еще царил уверенность, что все повторится, как и в августе 91-го, — без кровопролития и без экссессов. Никаких сведений о расстреле у Останкино до нас не дошло, хотя я не сомневаюсь, что руководители «белодомской обороны» об этом были прекрасно осведомлены. И все же не сделали ничего, чтобы как-то подготовить нас к штурму. Арсенал огнестрельного вооружения, находящийся в Верховном Совете, так и остался нетронутым. К нам же от щедрот командования принесли несколько ящиков с «коктейлем Молотова». Этот «коктейль» потом унес жизни нескольких моих товарищей и чуть не стоил жизни мне. Но об этом позже.

Рассвет понедельника, 4 октября, мы встретили с искренней радостью – никто не верил, что штурм Белого Дома возможен при свете обычного будничного дня. Я проснулся у костра около Новоарбатского моста около шести утра. Закурил сигарету, перекинулся парой слов с подарившим мне накануне свою стихотворную книжку «приднестровцем». Потянулся, разминая затекшие ноги, и увидел, как по брошенной на пешеходный тротуар детской гимнастической «змейке» прыгнул БТР, влетел на центр площади и тут же начал обстрел нашей баррикады. С этого момента все остальное время у меня спрессовалось в отдельные фрагменты. Вот мы с пацаненком, которого прозвали «фельдшером», переваливаемся вместе с ящиком «коктейля» за парапет мостовой лестницы. Хватаем по бутылке, поджигаем промасленные тряпицы, швыряем в сторону БТРа. Бутылки, не долетев, разбились об асфальт, разлившись безобидной лужицей. По мраморному парапету застучали пули крупнокалиберного пулемета, в это время на набережной уже показались танки Таманской дивизии, которые выдвигались на заданные огневые позиции. «Фельдшер» юркнул через парапет, я спустился вниз и побежал навстречу танку по набережной, где метрах в тридцати маячил выход из этого каменного мешка.

Затем, когда БТРы ушли в сторону Горбатого моста, мы с мужиками бросились к горящим автобусам, которыми был перегорожен Калининский проспект. Мы помнили, что в этих автобусах ночевала основная часть наших отрядов. В десяти метрах от них нас стали обстреливать из автомата, и мы залегли...

Пятнадцать лет каждую осень мне снятся одни и те же сны, в которых в мои руки попадает автомат Калашникова и я стреляю по этим выродкам.

НИКТО НАС НЕ СЧИТАЛ

«А когда началась настоящая бойня, на моих глазах убили подругу, с которой мы дружили больше десяти лет... Потом я очутилась между раненым в живот мужчиной и спецназовцем с перекошенным от ненависти лицом. Я крикнула ему: “Не

стреляй, он же ранен!” — на что спецназовец мне ответил: “Ранен, но не убит же...” А потом в замызганном, грязном подъезде меня, раненую, все время теряющую сознание, насиловали два омоновца...»

Это не строки воспоминаний о чеченской войне и не литературные фантазии из антиутопий Александра Кабакова. Это предсмертная записка 21-летней москвички Валерии Воронцовой, покончившей с собой летом 1994 года. Я часто ставлю в тупик своих собеседников вопросом, могут ли они назвать первое боестолкновение из истории современной России, в котором в течение нескольких часов только по официальным данным погибло полторы сотни человек (а по неофициальным счет идет на несколько сотен)? Обычно называют Афганистан, штурм Грозного... Никто не помнит правильного ответа – события 3–4 октября 1993 года. И чем больше времени проходит с той ночи, тем легче фабриковать удобоваримые для властей версии.

Тогда, по официальным данным, погибло 147 человек. Эти данные вызывают, мягко сказать, недоверие со стороны участников тех событий. Почему? Приведу пример: в моем отряде, который держал баррикаду на Калининском мосту у здания мэрии, москвичей было лишь процентов 30. А к утру 4 октября их осталось и того меньше, потому что многие ушли ночевать домой. А по официальным данным, среди погибших москвичей было более 60%. Что, омоновцы и снайпера каким-то образом умудрялись вычислять среди нас представителей столицы нашей родины? Нет. Ответ, на мой взгляд, прост – в эти данные попали лишь те, кого могли найти по моргам родственники. Иногородные же просто пополнили списки пропавших без вести, коих в России пруд пруди. Опять же официальные власти утверждают, что в здании Белого Дома погибших не было. А вот Аркадий Баскаев, комендант района Белого Дома, в своем интервью «Известиям» от 9 октября 1993 года в те дни ответил на этот вопрос так: «37 человек было найдено в первый день. На второй день было найдено еще 6 трупов. Правда, видел: ночью с разных точек еще вывозили, но сколько всего погибло, точно не знаю».

Почему я все же решил высказаться по этому поводу? За эти пятнадцать лет, прошедших с того момента, когда я ползал по площади Свободной России, как-то привык уже к умолчанию тех событий. Да, я до сих пор иногда вижу их во сне, но дело все же не в этом. Расстреляв нас тогда, государство освободило нас от обязательств по отношению к нему. Поэтому мы – потенциальные преступники. В 2000 году в омских СМИ прошла информация о том, как некие деревенские мужики, напившись вдрызг, схватили свои дробовики и поехали устанавливать в городе Омске новую власть. Смешно. Особенно если учесть, что их предводитель когда-то был участником тех октябрьских событий. И пока не будет сказано правды о тех днях, мы будем тихо съезжать с катушек. Потому что поделиться этой памятью просто не с кем.

Сегодня, когда я слышу со стороны нынешних либералов стенания о потерянных свободах, мне почему-то вспоминаются их высказывания в те страшные октябрьские дни. «Для меня это был финал детектива. Я наслаждался этим. Я терпеть не мог этих людей, и даже в таком положении никакой жалости у меня к ним совершенно не было», — это комментарий Булата Окуджавы о своих впечатлениях от расстрела Белого Дома. А вот и слова нашей милой Лии Ахеджаковой, сказанные 3 октября 1993-го года по Централь-

ному телевидению: «Что же это за проклятая Конституция? А где наша армия?! Почему она нас не защищает от этой проклятой Конституции?!» Как говорится, вы сами этого хотели! Что же теперь плакать о попрании конституционных прав и сужении личностных свобод? Кстати, одним из первых Ельцина с разгромом Верховного Совета поздравил Джохар Дудаев: «Правительство Чеченской Республики одобряет Ваши действия по подавлению коммунистическо-фашистского мятежа в Москве, имевшего своей целью захватить власть в России и потопить в крови демократию... В этот суровый час, когда решается судьба России, мы еще раз хотим заверить Вас, что мы готовы помочь в любой момент всеми средствами, которыми располагаем». Надо ли говорить, что последующая чеченская бойня стала закономерным следствием. Так российская армия кровью смывала с себя позор братоубийственной войны.

Закончу строчками из того же письма Валерии Воронцовой: «Выйдя из больницы, я не смогла жить в Москве. Не могу видеть этот (мой родной!) город и его жителей. В каждом омоновце я вижу одного из тех двоих. И до сих пор кричу по ночам... Поймите, октябрьская трагедия не кончилась, для некоторых людей она продолжается и будет продолжаться до тех пор, пока виновные не заплатят за содеянное...»

Вековая дуэль с криминалом

Документальный детектив

(Продолжение. Начало в N 8, 9)

Это случилось вскоре после окончания Великой Отечественной войны. Мы ехали в переполненном вагоне пригородного поезда. Каждый коротал время как мог. Старший группы майор Голубь при тусклом свете лампочки читал захваченные из дома газеты. Я, сидя напротив него, думал о предстоящей операции. Остальные – оперативные работники уголовного розыска и отдела борьбы с бандитизмом Артамонов, Ногтев, Селянский, Васильев, – примостившись на жестких скамейках, тихо разговаривали, дремали.

Как-то, еще в начале весны, когда я, только что вернувшись из командировки, сидел над отчетом, объявили сбор у начальника отдела уголовного розыска. Сам подполковник находился у руководства управления.

Экстренность сбора, его задержка, многозначительное молчание заместителей ничего хорошего не предвещали.

И действительно, полученная шифровка извещала о побеге из колонии особо строгого режима известного многим из нас Федорова по кличке «Баркас», имевшего последнюю судимость за разбойное нападение. МВД СССР его розыск поручило нам.

В связи с этим начальник отдела коротко изложил свое решение:

– Запланированные командировки, кроме самых срочных, отменить. Товарищам, – здесь он назвал фамилии своего заместителя и двух начальников отделений, – немедленно сесть за разработку плана мероприятий по взаимодействию с Отделом борьбы с бандитизмом. Остальным сотрудникам – немедленно просмотреть имеющиеся материалы, документы, картотеки по обслуживаемым линиям и зонам; все, что касается «Баркаса», его связей, – докладывать лично мне.

После этого разошлись по кабинетам, каждый по-своему переживая новость.

Мы, рядовые работники уголовного розыска, хорошо знали цену, которая отдавалась за то, чтобы такие, как Федоров, оказывались там, где уже никому не могли причинить вреда. И вдруг по чьей-то халатности преступник оказался на свободе, все нужно начинать сначала... Сколько опять потребуется усилий, пота, а может быть и крови...

К концу дня меня вызвал начальник отделения. Указав на три пухлые папки, лежавшие на краю стола, сказал:

– Вот оперативные материалы, поднятые из архива. Прочитай внимательно каждую строчку. Все, что может дать пользу в розыске, – выпиши. Отдадим составителям плана. Срок – один день, потом доложишь.

Изучение архивных бумаг – занятие не особенно приятное, тем более для молодого сотрудника. Но, взявшись за дело по необходимости, я постепенно увлекся. В этих томах оказалось много интересного. На примере жизни «Баркаса» и его друзей можно было изучать психологию преступного мира, причины, порождающие правонарушения, проследить, с чего начинаются их кривые, нечестные жизненные дороги и чем они кончаются.

детектив · фантастика · приключения

Особенно колоритной фигурой из окружения Федорова, несомненно, был Иван Семенов. Как-то, оказавшись вместе с ним в местах лишения свободы, Семенов приблизил к себе тогда еще совсем «зеленого» «Баркаса» и стал для него примером для подражания. Впоследствии Федоров постоянно поддерживал с ним связь, в их судьбах было много общего.

О личности Семенова можно было составить довольно полное представление, изучив лишь одну из граф его анкеты – «Особые приметы». На кистях и пальцах рук еще неумело вытатуированы чисто биографические данные – «Иван С.», «1922», «Моя родина – Урал». Видимо, на заре своей жизни он еще не знал, что в его будущей профессии не всегда будет желательно иметь такую броскую рекламу о своей личности.

Дальше идут воспоминания о днях бурной молодости: многочисленные изображения головок и имен поклонниц, орел, якорь, кинжал, обвитый змеей, русалка, драконы, львы и другие неизменные атрибуты удали и молодечества.

Как всякий смертный, Иван С., видимо, был знаком и с женским коварством, о чем оставил наглядную память – сердце, пронзенное стрелой и с предупредительной надписью: «Оно разбито, не тронь!»

Отдельные воспоминания, запечатленные навечно, свидетельствовали, что он человек веселого нрава и нередко бывал в очень приятном настроении. А в одно время даже усомнился, хватит ли для его богатой природы только земных благ, о чем повествует почти философский вопрос: «Почему нет водки на Луне?» А на ступнях ног уже совсем игриво: «Вы куда, опять в пивную?»

Всего несколько скупых фраз рассказывают о дальних краях, где пришлось побывать нашему герою: «Привет с Колымы», «Север», «Ангара». О подробностях жизни в этих краях еще короче. На животе: «Опять не наелся». На пальцах ног жалостливое: «Они устали».

Видимо, к этому периоду относятся нотки недовольства своей судьбой и первые раскаяния. На груди – изображения обнаженной женщины, поллитровки и колоды карт, а под ними пояснение: «Вот что нас губит». В другом месте еще одна жалоба – «Нет в жизни счастья». И, конечно, не от хорошей жизни: «Не забуду мать родную», и далее как результат запоздалых угрызений совести: «Помню слова матери».

На срочный запрос о наставнике Федорова пришел ответ о том, что Семенов отбывает очередной срок, к побегу «Баркаса» отношения не имеет. Постепенно шум, который всегда бывает в начале любого крупного дела, стих. И жизнь внешне потекла как обычно – выезжали в командировки, собирались на слушания, совещания, проводили стрельбы, тренировки, другие занятия.

В то же время параллельно этому велась большая, кропотливая работа по плану розыска сбежавшего. Группы сотрудников, усиленные местными работниками, постоянно держали под контролем места, где предполагалось появление преступника. Проводились широкие разведывательные и оперативные мероприятия, вообще делалось все, что положено в таких случаях.

Однако недели шли за неделями, а положительного результата не было. Несколько разрозненных сигналов о появлениях в ожидаемых местах лиц, сходных по внешнему виду с «Баркасом», либо не подтверждались, либо их не удавалось проверить до конца. Видимо, Федоров где-то надежно затаился; розыск заходил в тупик.

Так прошло более двух месяцев.

Состоялся еще один сбор у начальника отдела. На этот раз в узком кругу и очень короткий.

– План намеченных мероприятий практически исчерпан. Но Федоров продолжает гулять на свободе. Не может быть, чтобы он не имел никаких связей. Мы не можем допустить, чтобы «Баркас» преподнес нам какой-нибудь сюрприз, вы ведь знаете, он мастер по части касс и универмагов. Пассивный розыск результатов не дал. Без глубоко продуманной чекистской операции нам не обойтись. Срочно готовьте человека для командировки в Приозерск. Это наиболее вероятное место, где он появится в первую очередь, если уже не появился, не попав в поле зрения нашей опергруппы. Кстати, пока эту группу из района отозвать.

* * *

– Настя, слышала новость – клуб будут открывать, новый избач приехал!
– Что ты говоришь, а не враки это?
– Нет, что ты, Зинка сама видела, как они с председателем сельсовета ходили вокруг клуба, насчет ремонта обговаривали.
– А какой он из себя, небось опять раненый?
– Зинка говорит – молодой, симпатичный.
– Ну, тогда наверняка уже женатый.

Слухи, так взволновавшие молодежь большого села Приозерска, что на северо-востоке республики, подтвердились. Действительно, после большого перерыва с клуба был снят замок, в нем появился новый заведующий.

Петр, как он просто представился, оказался очень энергичным, деловым и к тому же веселым парнем. Быстро перезнакомившись со всеми, за короткое время провел два субботника по наведению порядка в клубе. Затем, съездив в райцентр, привез киномеханика с новой комедией, что для жителей деревни, давно не видевших фильмов, было немаловажным событием.

После этого молодежь каждый вечер собиралась в клубе. Танцевали под баян, на котором мастерски играл Петр. Начал репетировать маленький оркестр, приступили к подготовке художественной самодеятельности. Новый завклубом явно пришелся ко двору.

Операция, о которой знали считанные люди, началась.

С этого дня на стол начальника угрозыска регулярно ложились обстоятельные донесения об обстановке в Приозерске, присланные младшим лейтенантом Ивановым, так удачно вошедшим в роль завклуба:

«...С помощью комсомольского актива в художественную самодеятельность вовлечена племянница разыскиваемого, 17-летняя Наталья Акимова. С ней установлен личный контакт...»

«...В ходе доверительной беседы с Наташей установлено, что в течение последнего месяца ее отец, двоюродный брат Федорова, несколько раз отлучался из дома в ночное время. Не исключена возможность для тайной встречи с дядей-беглецом...»

Эта информация заслуживала самого серьезного внимания. Иванову было приказано активизировать работу в этом направлении. Чтобы не спугнуть преступника, было решено пока других действий не предпринимать.

Спустя некоторое время Наташа сообщила о ночных посещениях их дома дядей, а однажды ей случайно удалось подслушать разговор между ним и его братом Николаем. Иванов был срочно вызван в Уфу для личного доклада.

Ночной разговор, со слов Наташи, кроме чисто жаргонных слов, которые она не поняла, Иванов в своем докладе воспроизвел так:

– Ну, здорово, племянник, ишь ты, как вымахал!

– Здравствуй, дядя!

– Рассказывай, как живешь, небось в ударниках ходишь, большие рубли заколачиваешь?

– Да как сказать, вкалываю, да что-то никакой радости от этого нет. Денег всегда не хватает, тут еще и домашние пилят без конца: «непутевый», «хулиган» – других слов от них и не дождешься.

– Ничего, ты им еще покажешь, кто ты есть. Слышал, что служить собрался?

– Нас ведь не спрашивают, собрался или нет. Вот вызывали, сказали: «Жди повестки».

– Постой, да ты, Коля, вроде бы не рад стать защитником родины?

– А что я там не видел – маршировать с винтовкой и сидеть на баланде? Уехать бы куда-нибудь подальше, пожить по своей воле.

– Любопытно получается. Оказывается, у нас с тобой есть один интерес. Ты когда уезжаешь-то?

– У меня было два дня отгула, завтра вечером надо сматываться.

– А хочешь, я пойду вместо тебя служить, а ты уедешь куда-нибудь в солнечный Ташкент?

– Это как же?

– Положись во всем на меня. Я тебе все потом растолкую. Только смотри, об этом... – и он выразительно прижал палец к губам.

– Ну что ты, дядя, не маленький, соображаю.

Такой поворот событий требовал всестороннего анализа. Он был, на первый взгляд, слишком неожиданным и нереальным.

Трудно было представить себе «Баркаса» в форме красноармейца, а главное – к чему такая рискованная маскировка?

Это было время, когда в пунктах сбора призывников народ собирался довольно разный по возрасту – и безусые еще юноши, и зрелые мужчины, главы семейств, имевшие до этого отсрочку от призыва по разным причинам военного времени.

Так что Федоров, будучи ненамного старше Николая, имея определенное с ним сходство в телосложении и чертах лица, мог, не вызывая особых подозрений, вполне сойти за призывника и отправиться по его документам.

Такой хитроумный план преступника мог быть логически объяснимым, исходя из его теперешнего положения. Он хорошо понимал, что без документов, без надежных связей, обложенный со всех сторон, то есть фактически вне закона, – долго не продержаться. За многие годы жизни в конфликте с Уголовным кодексом Федоров неплохо изучил методы работы милиции, ее возможности. Он наверняка знал, что его ждут на всех крупных железнодорожных станциях, пристанях, в аэропортах, что его фотокарточки с приметам разосланы во все органы внутренних дел страны. Поэтому «Баркас» приложил все усилия, чтобы как можно скорее легализоваться, иметь какое-нибудь прикрытие, принять чужую личину.

С этой точки зрения замысел преступника был довольно изобретателен и дерзок. Ведь если план удастся, его вместе с сотнями других погрузят в воинский эшелон и увезут мимо всех милицейских постов куда-то далеко от Башкирии. А там он найдет способ под чужим именем и в новом облике найти дорогу к желанной свободе.

Акимову Николаю такой вариант также ничем особо не угрожал. При массовом передвижении населения по стране, вызванном послевоенным восстановительным периодом, он мог свободно выехать куда-нибудь в отдаленные края, обзавестись там другими документами. В этих вопросах он, несомненно, получает подробный инструктаж беглого дяди.

Доложив последнее сообщение Иванова и свои соображения по этому поводу руководству управления милиции, начальник отдела уголовного розыска согласовал с ним план дальнейших действий.

Было предусмотрено несколько вариантов – выследить «Баркаса» в момент встречи с Николаем, задержать при подходе к призывному пункту, а в случае неудачи – арест непосредственно на территории сборного пункта.

Вот и Алкино. Это небольшая станция, недалеко от которой в лесу расположены лагеря воинской части, которые знакомы многим, ухившим на Великую Отечественную войну из Башкирии.

Дежурный офицер провел нас в штаб, майор Голубь зашел к командиру части...

Прошло три дня. Согласно разработанному плану, мы, затерявшись в многотысячной массе призывников, солдат, офицеров, подготовились к встрече Федорова. Голубь превратился в штабного писаря и постоянно ходил между штабом и подразделениями с какими-то бумагами. Артамонов стал бравым сержантом, командиром отделения, в котором состоял призывник Акимов. Ногтев, надев форму железнодорожника, целыми днями находился на перроне, обеспечивая наблюдение за проходящими поездами. Я стал шофером старенького грузовика, который обслуживал учебный батальон, где из призывников комплектовали команды. Остальные сотрудники на всякий случай прикрывали подступы к станции и лагерю.

Но матерый преступник был хитер и не появлялся. Акимов прибыл вовремя, со своими документами, постоянно находился под нашим наблюдением, но пока ничего подозрительного не было замечено. Очевидно, они решили осуществить свой план и поменяться ролями в последний момент, воспользовавшись суматохой во время посадки в вагоны и отправки. Но это были только наши предположения. Надо было постоянно быть начеку. Тем более что имелись все основания ожидать от «Баркаса» при задержании вооруженного сопротивления.

Еще через два дня стало известно, что Акимов зачислен в команду, которая должна отправиться ночью. Для нас наступил самый ответственный момент. В ближайшие часы должна была завершиться так долго готовившаяся операция. Успех ее зависел от бдительности и быстроты действий всей нашей группы.

Голубь и Артамонов, используя свои «должности», постоянно находились среди призывников, не теряя из виду Акимова, поведение которого стало беспокойным. Я, поставив машину недалеко от палаток, ремонтировал колесо. Ногтев был на своем посту у состава, поданного под погрузку. Сигнал должен был подать Голубь, который знал «Баркаса» в лицо.

Лагерь жил своей обычной жизнью. Каждый занимался своим делом. Солдаты проводили учения, призванные в армию шумно собирались в дорогу к местам будущей службы. Командиры отделений о чем-то беседовали с ними, что-то разъясняли. Штабной писарь ходил от взвода к взводу, сверяя какие-то списки. Шофер возился у своей полуторки. Всюду – на перроне, на дороге, ведущей к лагерю, и даже около палаток – толпились провожающие родственники: женщины с детьми, молодые парни, девушки.

Было решено, как только Федоров появится в лагере вместо Акимова, вызвать его под предлогом уточнения данных в штаб и там спокойно провести задержание. Однако осторожность преступника заставила нас действовать по другому, менее благоприятному варианту.

Наше напряженное ожидание прекратилось неожиданно, буквально за несколько минут до команды на построение. Вот «писарь» майор Голубь снял фу-

ражку и стал платком вытирать лоб. Это был условный сигнал. Значит, «Баркас» появился. Я, бросив все, побежал к майору. Тот, кого мы ждали, появился среди призывников в компании подвыпивших ребят, ничем не отличаясь от других – в такой же телогрейке, кепке, с мешком за плечами. Пока он ничего не подозревал. Эти минуты упускать было нельзя.

Голубь подошел к нему вплотную и негромко сказал: «Здорово, “Баркас”». Преступник рванулся, но, увидев три пистолетных дула, направленные на него, присмирел. Однако он не хотел так просто сдаваться. «Братцы, выручайте! Видите, что делают!» – крикнул он. Огромная возбужденная толпа, окружавшая нас, насторожилась. Одно неосторожное действие или слово могли свести на нет всю нашу кропотливую работу и привести к самым неожиданным последствиям.

Всегда спокойный и находчивый Артамонов и на этот раз выручил нас. «Товарищи!» – крикнул он своим зычным голосом и в нескольких словах объяснил, что мы, сотрудники МВД, задержали опасного преступника, пробравшегося в их среду. Это подтвердил подошедший офицер, командир учебного батальона. Настроение толпы сразу же изменилось в нашу пользу.

На руках беглеца щелкнули надетые наручники. Мы облегченно вздохнули. Недалеко ушел и Акимов. Операция закончилась...

**НА КОНКУРС
«Мир, в котором ты живёшь»**

*Регина Мурзина,
8 класс, СОШ № 7, п. Приютово*

КОГДА ОЗЕРО ХМУРИТСЯ

Здравствуй, мальчик! Ты наверняка не знаешь меня, ты не мог меня видеть, хоть и сидел около зарослей камыша, где я прятался от туристов, отдохавших на озере Асылыкуль. Ты не отличался своим поведением от других людей, так же кидал в озеро мусор, срывал цветы, разбил о камень стеклянную бутылку, бросал камнями в маленьких птишек. Люди отдыхают на природе... Люди, хозяева планеты Земля! Но уверены ли вы, что человек – настоящий хозяин нашего общего дома?

Как ты чувствуешь себя в своей квартире? Тебе наверняка уютно и тепло, ты находишься в безопасности, дома ты никого и ничего не боишься, тебе хорошо под родным кровом?

А где живем мы – животные? В реке или в лесу, на озере или на лугу, в земле или над ней, мы обитаем везде, но нет у нас такого дома, как у тебя, мальчик, прочного и надежного. Нет у нас такого места, где мы были бы в безопасности, где нам было бы уютно.

Люди все разрушают, все ломают, сметают все на своем пути, даже то, что им не мешает! В наши дни у каждого дикого животного есть своя трагическая история, и я, Старый пеликан, не исключение...

В самом сердце Башкортостана находится прекрасное озеро – Асылыкуль. Это было единственное озеро на Урале, на благословенных берегах которого селились мои родичи – пеликаны. Легенда гласит, что на его месте раньше была гора Асылтау, она давала людям еду, мед, на привольных лугах паслись табуны, в лесу мужчины заготавливали дрова для очага, ребяташки собирали сладкие ягоды.

В тех краях очень много водилось пушного зверья: лисы, белки, куницы. Иногда охотники видели белую куницу, но ни у кого не поднималась рука убить ее. Мудрецы-аксакалы почитали ее как Хозяйку горы и никому не разрешали ее трогать. Но жадному хану – владыке Асылтау захотелось носить шапку из белой куницы, такую, какой ни у кого в целом свете нет. Напрасно предостерегали его мудрые аксакалы, жадность и упрямое желание хана изловить чудесного зверька погубили гору. Страшная гроза расколола Асылтау на мелкие кусочки, могучая

гора провалилась под землю вместе с лесами и лугами, со всеми, для кого она была отчим домом и надежным кровом. А на месте той горы появилось глубокое красивое озеро, названное в честь той горы Асылыкулем.

Асылыкуль издавна называли голубой жемчужиной Башкирии. Ах, какое это было замечательное место! На берегах его росли могучие лиственницы, спасая дно озера от обмеления. Земли вокруг Асылыкуля до сей поры таят в себе сотни загадок прошлых веков, жизни ваших предков – башкурдов.

Со временем люди облюбовали окрестности Асылыкуля, и побережье озера стал все чаще оглашать стук топоров: вырубали лиственный лес – одно из богатств голубой жемчужины.

Каждый летний день был страшным испытанием для озера и его обитателей: воздух наполнялся запахом едкого дыма и громкими криками людей, берега превращались в «лоскутное одеяло», сотканное из пестрого мусора, оставленного туристами, дымящихся кострищ, помятой травы и сиротливых пней. Сначала все это не казалось таким опасным, но потом...

Вырубили все лиственницы, и дно Асылыкуля начало мелеть, браконьеры начали ловить рыбу сетями, а некоторые кидали в воду что-то, и вода поднималась стеной, а тысячи рыб, больших и совсем маленьких, всплывали на поверхность без признаков жизни.

Мы, пеликаны, когда-то вольготно жившие на озере, богатом рыбой, начали голодать. «Горе-охотники» стали стрелять в нас лишь для забавы. Они палили из ружей, пока не истребили всех пеликанов. Страшно стало жить!

Когда-то прекрасная, природа Асылыкуля начала чахнуть и умирать. Все чаще старик-Асылыкуль хмурится, сердится и мрачнеет. Неразумные поступки людей вызывают его гнев. Звери и птицы постепенно покинули берега некогда чудесного озера. Остались на своей родине лишь те, кто не мог уйти, улететь и даже уползти. Я оказался среди них – мое крыло однажды тоже обжег «огненный шар», вылетевший из ружья. Теперь наши соседи – шумные, наглые, злые, неосторожные, невнимательные существа, а имя им ЛЮДИ! А ЛЮДИ ЛИ?!

Осознав свою ужасную ошибку, жители Башкирии создали на территории Асылыкуля национальный парк, теперь берега озера находятся под защитой государства. Но возможно ли приставить к каждому туристу охранника, чтобы следить за порядком на озере? Вот ты, например, мальчуган. Ты не послушался взрослого мужчину, который сделал тебе замечание, ты насорил на берегу озера ему назло, подумав при этом: «Не надо умничать!» И мне жаль тебя, вас, людей. Вы не поняли еще, чем может обернуться это равнодушие.

А ведь ты многое можешь. Я слышал, люди говорят: «Истина глаголет устами младенца!» Я отлично понимаю, что ты, мальчик, не в силах переубедить все человечество, но начни хотя бы с самого себя, подай хороший пример своим одноклассникам, младшим сестрам и братьям, родителям. Совсем скоро, я думаю, кто-то начнет вести себя, как ты. Мне известно, что во всех школах проводят классные часы на тему экологии. Твои слова, поверь мне, не прозвучат впустую, если ты покажешь мое письмо ученикам. Твоя задача – объяснить взрослым людям, что природа гибнет и эта медленная, мучительная смерть будет длиться до тех пор, пока каждый человек не поймет ее неотвратимость, не возьмется за сохранение своего дома! Пожалуйста, пусть они подумают над своим отношением к пока еще ЖИВОЙ природе, иначе конец света, которого вы так боитесь, наступит очень скоро!

Твой земляк – Старый пеликан.

Литература. Культура. Имена.

* * *

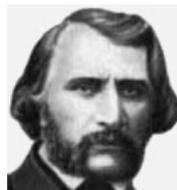
5 ноября 275 лет со дня рождения писателя **Михаила Хераскова** (1733–1807). В драматургии Херасков выступил последователем классицизма. В 1760–1762 гг. издавал журнал «Полезное увеселение», в 1873 г. — «Свободные часы». В 1763–1802 гг. был директором, затем куратором Московского университета. Знаменит как автор эпических поэм: «Плоды наук» (1761), «Чеменский бой» (1771), «Россияда» (1779), «Владимир Возрожденный» (1785), «Царь, или Спасенный Новгород» (1800). Написал 20 пьес, среди которых особенно известны были: трагедии «Пламенная» (1765), «Борислав» (1774) «Освобожденная Москва» (1798); комедии «Безбожник» (1761), «Ненавистник» (1774).

* * *

7 ноября 95 лет со дня рождения французского эссеиста, писателя и драматурга **Альбера Камю** (1913–1960). Участник Движения Сопротивления. Автор повести «Посторонний», романа-притчи «Чума», философской книги «Миф о Сизифе», «Взбунтовавшийся человек». Творчество Камю близко к экзистенциализму. Лауреат Нобелевской премии (1957).

* * *

9 ноября 190 лет со дня рождения писателя **Ивана Тургенева** (1818–1863). Иван Сергеевич автор цикла рассказов «Записки охотника» (1847–1852), социально-психологических романов «Рудин» (1856), «Дворянское гнездо» (1859), «На-

кануне» (1860), «Отцы и дети» (1862), романов «Дым» (1867), «Новь» (1877), повести «Ася» (1858), «Вешние воды» (1872). На склоне жизни создал лирико-философские «Стихотворения в прозе» (1882). Иван Тургенев — выдающийся реалист, мастер психологического анализа и пейзажной живописи, он оказал существенное влияние на развитие русской и мировой литературы.

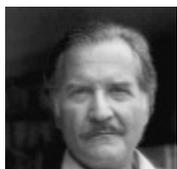
* * *

10 ноября 340 лет со дня рождения французского композитора, органиста и клавесиниста **Франсуа Куперена** (1668–1733). Его творчество — вершина французского клавесинного искусства. Им опубликовано примерно 250 клавесинных пьес разного характера, которым он, как правило, давал программные заголовки: «Тростники», «Бабочки», «Сборщицы винограда», «Жницы», «Испанка», «Кокетливая», «Желание», «Верность» и др. Эти миниатюрные зарисовки отличались удивительной изобретательностью, изяществом и выразительностью. Сочинения Куперена получили огромную популярность не только во Франции, но и за границей. Современники называли его «великий Куперен».

* * *

11 ноября 80 лет со дня рождения мексиканского писателя **Карлоса Фуэнтеса**. Сын дипломата, он вел космополитичес-

кий образ жизни: работал в мексиканском столичном университете, в мексиканском МИД, в ООН, послом Мексики во Франции (1975–1977), много путешествовал по всему

миру. Автор романов «Край безоблачной ясности», «Смерть Артемио Круса», «Голова гидры», «Далекая семья», «Смена кожи», пьес «Все кошки серы», «Косоглазый король».

* * *

12 ноября 175 лет со дня рождения русского композитора, ученого-химика, общественного деятеля **Александра Бородина** (1833–1887). Характерные черты творчества Боро-

дина — народность, национальный характер, монументальность, эпическая мощь, эмоциональное полнокровие, оптимизм, стройность и ясность формы, красочность гармонического языка. Был членом «Могучей кучки». Один из создателей русской классической симфонии, русского классического струнного квартета, мастер вокальной лирики, ввел в романс образы богатырского эпоса, воплотил в них освободительные идеи 60-х гг. XIX века («Спящая княжна», «Песня темного леса»). Также Александр Порфирьевич был автором многих трудов по органической химии.

* * *

19 ноября 480 лет со дня рождения итальянского живописца Возрождения **Паоло Веронезе (наст. имя Кальери)** (1528–1588). Представитель венецианской школы.

Писал праздничные, светские по духу картины, панно, которые отличаются органической связью с архитектурной, композиционной изысканностью серебристого колорита (фрески виллы Барба-

ро-Вольпи в Мазере, ок. 1561; «Брак в Кане», 1563).

* * *

20 ноября 150 лет со дня рождения шведской писательницы **Сельмы Лагерлеф** (1858–1940). Автор неоромантического романа «Сага о Йесте Берлинге», книги для детей «Чудесное путешествие

Нильса Хольгерссона по Швеции», исторической трилогии о дворянской семье Левеншельд, новелл. Лауреат Нобелевской премии (1909).

* * *

20 ноября 85 лет со дня рождения писательницы ЮАР **Надин Гордимер**. Надин пишет на английском языке. Автор сборников антирасистских рассказов «Избранные рассказы», «Наверняка в понедельник», романов «Земля чужестранцев», «Почетный гость», «Живые дни», «Возможности любить», «Конец буржуазного мира», «Дочь Бургера». Лауреат Нобелевской премии (1991).

* * *

22 ноября 95 лет со дня рождения английского композитора, пианиста, дирижера **Бенджамина Бриттена** (1913–1976). Он возродил английский музыкальный театр. В своих

музыкальных произведениях сочетал национальные музыкальные традиции XVII–XVIII веков с современными музыкальными средствами. Автор опер «Питер Граймс», «Альберт Херринг», «Сон в летнюю ночь», камерных опер «Поворот винта», вокально-симфонических сочинений «Военный реквием», «Баллада о героях», «Кантата милосердия» и др.

* * *

23 ноября 100 лет со дня рождения писателя **Николая Носова** (1908–1976).

Известность детскому писателю принесла повесть «Витя Малеев в школе и дома», удостоенная в 1952 году Государственной премии СССР. В 1955 году по повести был снят кинофильм «Два друга». И по сей день огромным успехом у юных читателей пользуется трилогия о Незнайке — «Приключения Незнайки и его друзей», «Незнайка в Солнечном городе», «Незнайка на Луне». По этим сказочным повестям поставлено несколько анимационных фильмов. Перу Николая Николаевича также принадлежат «Повесть о моем друге Игоре», пьесы, множество рассказов.

* * *

24 ноября 295 лет со дня рождения английского писателя **Лоренса Стерна** (1713—1768). Стерн — зачинатель литературы сентиментализма. Автор романов «Жизнь и мнения Тристрама Шэнди», «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» и др. Мастерство литературной пародии, эксперименты с художественной формой, острая наблюдательность и психологизм снискали Стерну широкую популярность.

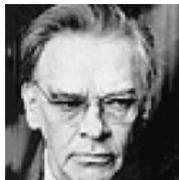
* * *

24 ноября 195 лет со дня рождения поэта, публициста **Николая Огарева** (1813—1877). В 1834—1839 гг. был в ссылке, эмигрировал в 1856 году. Один из руководителей Вольной русской типографии в Лондоне, инициатор и соредaktor газеты «Колокол». Автор романтических стихотворений, поэм («Юмор», «Зимний путь», «Господин»). Поэт умер в Лондоне, в 1966 году его прах

был доставлен в Москву и захоронен на Новодевичьем кладбище.

* * *

24 ноября 105 лет со дня рождения писателя **Степана Злобина** (1903—1965). Первая книга Злобина — сказка для детей «Переполюх» — была напечатана в 1924 году. В 1929 году вышел роман «Салават Юлаев», за роман «Степан Разин» Степан Павлович был удостоен Государственной премии СССР. В годы Отечественной войны сначала был в Московском ополчении, затем назначен военным корреспондентом фронтовых газет. Впечатления этих дней вошли в роман Злобина «Пропавшие без вести». Его последний роман «Утро века» не был завершен.

* * *

29 ноября 110 лет со дня рождения английского литератора и филолога **Клайва Льюиса** (1898—1963). Его основные работы в области истории литературы: Предисловие к «Потерянному раю» и «Английская литература шестнадцатого века» (последняя вошла в многотомную Оксфордскую историю английской литературы). Автор романов «Великое расторжение брака», «За пределы безмолвной планеты», «Мерзейшая мощь», цикла «Хроники Нарнии», а также ряда трудов, посвященных специальным теологическим и философским проблемам.

* * *

30 ноября 95 лет со дня рождения писателя **Виктора Драгунского** (1913—1972). Автор цикла рассказов для детей под общим названием «Денискины рассказы», в которых с необыкновенной точностью сумел передать психологию ребенка, повестей «Он упал на траву», «Сегодня и ежедневно», книг «Он живой и светится», «Расскажите мне про Сингапур».

Подготовила Анна Ливич

Календарь*

*Праздничные и памятные даты Республики Башкортостан
на 2008 год*

НОЯБРЬ

1 ноября – 290 лет со дня основания дер. Кучан Аскинского района (1718).

4 ноября – День народного единства.

5 ноября – 315 лет со дня рождения Ивана Ивановича Неплюева, государственного деятеля, сенатора, первого губернатора Оренбургской губернии в 1744–1758 гг., начальника Оренбургской экспедиции 1742 г. (1693–1773);

40 лет со дня открытия здания Уфимского государственного цирка (1968).

7 ноября – День Октябрьской революции 1917 года;

День воинской славы России. День проведения военного парада на Красной площади в городе Москве в ознаменование двадцать четвертой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (1941).

10 ноября – День милиции;

90 лет Мадхие Ахметзяновне Ахметзяновой, певице, солистке Башкирского государственного театра оперы и балета в 1941–1968 гг., заслуженной артистке РСФСР (1918).

11 ноября – 80 лет со дня рождения Аюпова Рафаэля Мухаметовича, актера, режиссера, преподавателя Уфимского государственного института искусств в 1970–1982 гг., заслуженного деятеля искусств БАССР (1928–1995)

13 ноября – День войск радиационной, химической и биологической защиты.

14 ноября – 130 лет со дня рождения Николая Александровича Крашенинникова, писателя, автора произведений о Башкирии (1878–1941).

115 лет со дня рождения Ивана Ивановича Урядова, живописца, графика, преподавателя Башкирского государственного техникума искусств в 1926–1956 гг., заслу-

женного деятеля искусств БАССР, члена Союза художников СССР (1893–1962).

80 лет со дня рождения Ахмеровой Флюры Давлетхановны, педагога-методиста, краеведа, организатора и председателя Клуба краеведов г. Уфы в 1997 – 2004 гг., отличника народного просвещения РСФСР (1928–2004)

15 ноября – День провозглашения Башкирским областным шуро автономии Башкирии в составе РСФСР (1917).

16 ноября – 70 лет со дня издания Указа БашЦИК о преобразовании рабочего поселка Баймак в город (1938).

17 ноября – 85 лет со дня рождения Спивака Александра Ивановича, горного инженера, ректора Уфимского государственного нефтяного технического университета в 1976–1994 гг., почетного академика АН РБ, РАЕН, доктора технических наук, профессора, почетного нефтяника СССР, заслуженного деятеля науки и техники РСФСР, БАССР (1923–2007)

19 ноября – День ракетных войск и артиллерии.

21 ноября – День работника налоговых органов Российской Федерации.

23 ноября – 105 лет со дня рождения Сагида Рахматовича Алибаева, педагога, министра просвещения БАССР в 1946–1954 гг., кандидата педагогических наук, заслуженного учителя школы РСФСР (1903–1975);

70 лет со дня издания Указа Президиума Верховного Совета БАССР «О переводе башкирской письменности с латинизированного алфавита на алфавит, составленный на основе русской графики» (1938).

24 ноября – 170 лет со дня основания дер. Кудашман Белорецкого района (1838).

27 ноября – 75 лет Дильмухаметовой Анисе Хайретдиновне, актрисе Башкирского государственного академического театра им. М. Гафури в 1954–1989 гг., заслуженной артистке БАСССР (1933)

29 ноября – 130 лет со дня рождения Авксентьева Николая Дмитриевича, политического деятеля, председателя Уфимского государственного совещания и Временного Всероссийского правительства в 1918 г., доктора философии (1878–1943)

30 ноября – День матери.

* * *

В ноябре исполняется:
235 лет назад к войскам Емельяна Пугачева примкнул отряд Салавата Юлаева (1773);

80 лет со времени создания Башкирской ассоциации пролетарских писателей (1928).

* Календарь любезно предоставлен редакции журнала «Бельские просторы» Управлением по делам архивов при Правительстве Республики Башкортостан.